Айк ИКЭМ

Дневник адмирала

Одесса
«Печатный дом»
2006

ББК 84(4Укр-40де-20д 63-444)
УДК 821.161.2'06(470-311.3)
И $\frac{4702640201}{2006}$

Айк ИКЭМ

И 421 Дневник адмирала. — Одесса:
Печатный дом, 2006. – 440 с.: ил.
ISBN 966-389-042-8

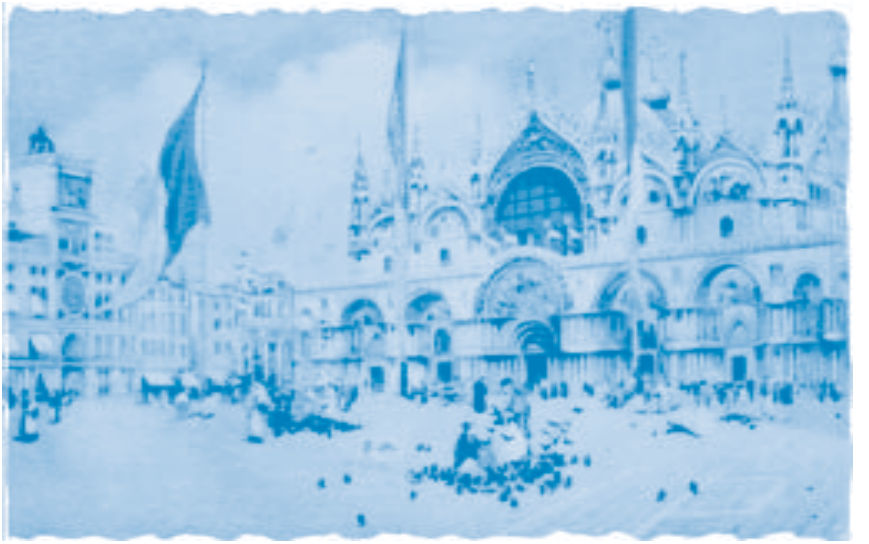
«Дневник адмирала» — вторая книга серии приключенческих романов под общим названием «Встречи в Венеции», повествующих о морских путешествиях в средневековье и настоящем времени. Судьбы венецианских вельмож Джероми Абаджио и Лацио де Калье переплетаются с судьбой Кирилла — историка, реконструирующего корабли прошлого. Происходящие события подталкивают героев к следующей виртуальной встрече, которая помогает им спастись от неминуемой гибели. Как и в первом романе, связь героев в пространстве и времени происходит благодаря их участию в мистериях, а также предсказаниям и видениям, приходящим во снах.

Издательство готовит к публикации третий роман серии — «Новый свет».

В оформлении книги использованы фрагменты картин Иеронима Босха, Питера Брейгеля старшего, архива «Regata delle Antiche Republiche Marinare. Amalfi — Genova — Pisa — Venezia», архива Айк ИКЭМ.

© Айк ИКЭМ. 2006.
© «Печатный дом». 2006.

Вновь багряный закат расплескал капли крови,
Насмерть бьются клинок и кривой ятаган.
Лик усталый Христа призывает к любови,
Нет, твердит Магомет, верен только Коран.



Глава 1.

Откровение

Кирилл приходит в сознание. — В больнице. — Разговор с сеньором Данио. — В маленьком шато. — Неожиданное откровение. — Лацио и Джероми. — Правнук. — Воспоминания друзей. — Архив адмирала.

Кирилл пришел в сознание и открыл глаза. Свет, окружавший его, был нереальным и каким-то блеклым. Он чувствовал, что рядом с ним находятся люди. Приподнявшись на подушке, Кирилл увидел в углу комнаты сидящих мужчин, в одном из которых узнал своего знакомого, сеньора Данио. Мужчины обратили внимание на то, что он очнулся, и подошли. Сеньор Данио, склонившись, взял его руку и ласково промолвил:

— Кирилл, вы очнулись! Это замечательно. С вами все в порядке, не волнуйтесь. У вас был обморок, но, на счастье, в музее расторопный охранник нашел мою визитную карточку и немедленно перезвонил. Пока пришел врач неотложной помощи, я и господин Монтезимолло, находящийся рядом со мной, успели осмотреть вас. Я рад познакомить вас с господином Монтезимолло.

Кирилл кивнул головой.

— Вы находитесь сейчас в его маленькой частной клинике. Он врач-психотерапевт. Осмотрев вас и с разрешения врача местной клиники Святого Марка, он решил забрать вас к себе. Еще раз повторяю — не волнуйтесь, с вами все в порядке.

Кирилл молча откинулся на подушках. Он смутно помнил, что с ним произошло.

— Вы знаете, сеньор Данио, не могу понять, что случилось. Я был в музее, у картины Босха. После этого вышел в коридор и увидел портрет, возле которого у меня стала кружиться голова, и я потерял сознание. Сейчас припоминаю, что сел, и больше ничего не помню. В памяти осталось только то, что человек, изображенный на портрете, мне знаком. Вы не знаете, кто это?

— Знаю. Конечно, знаю, мой дорогой Кирилл. Это венецианский вельможа, адмирал Джероми Абаджио.

Кирилл вздрогнул.

— Я видел этого человека раньше. В своих снах и видениях, причем неоднократно.

— Знаете, мы с господином Монтезимолло в общем-то представляем, что с вами произошло. Пока вы находились в беспамятстве, были сделаны некоторые анализы. Но во время сна, а спали вы больше суток, довольно часто повторяли имя Джероми.

— Неужели?

— Да. И в этом ничего странного нет. Сеньор Монтезимолло как врач-аналитик считает, что вы каким-то образом связаны с этим человеком из далекого средневекового мира. Может быть, вы читали о нем, Кирилл? Возможно, каким-то образом познакомились с его биографией и знаете о его свершениях. Это наложило свой отпечаток — и на ваши видения, и на ваши сны.

— Нет, что вы, сеньор Данио! Этого никогда не было, я не читал о нем. Но несколько лет тому назад он впервые пришел в мои сны, потом это стало случаться все чаще. Другими словами, я только здесь понял, что этот человек венецианец. Здесь, в музее Дожей, я осознал, что он не просто венецианец, а знаменитая личность, адмирал, известный и почитаемый многими поколениями венецианцев.

— Да, Кирилл, о нем и сегодня рассказывают в школах, упоминают те подвиги, которые он совершил. В особенности подвиг во время битвы при Лепанто, там, где мы с вами были совсем недавно!

— Там, где произошло столкновение моей галеры с шебекой турка Селима?

— Да, именно там! Впрочем, отдыхайте, Кирилл. Мы с господином Монтезимолло решили, что сегодня вы еще отдохнете в клинике. Мы рады, что вы пришли в себя и набираетесь сил. Монтезимолло считает, что никаких последствий обморока не будет. А то что произошло — следствие переутомления и сотрясения мозга, полученного вами во время столкновения двух судов. И, конечно, напряженные годы, которые вы прожили, создавая свои суда и путешествуя на них. Господин Монтезимолло не возьмет никаких денег за лечение, ему очень интересно общаться с вами, я много рассказывал ему о вас. Он предлагает завтра с утра отправиться в его маленькое шато, которое находится в предгорье, в 120 километрах отсюда.

— А что такое шато, сеньор Данио?

— Шато, дорогой мой Кирилл, называют во Франции маленькие замки. В честь них вы видите надписи на винах — «Шато де Клер», «Шато Валькирия» и другие.

— Так что, у господина Монтезимолло свой замок?

— Это трудно назвать замком. Но наш друг по линии матери француз, и поэтому он перенес это название на свой небольшой старинный домик, который теперь так и называется «Шато Монтезимолло». Там вы сможете попробовать и то прекрасное вино, которое делает наш доктор.

За все время разговора Кирилла с сеньором Данио господин Монтезимолло стоял молча. Он только однажды протянул руку, прощупал пульс Кирилла, сосчитал его и улыбнулся. Этот черноволосый, небольшого роста человек был немногословен.

Сеньор Данио раскланялся и отошел в сторону от кровати Кирилла. Господин Монтезимолло на превосходном английском языке попросил, чтобы тот удобнее лег на подушки, и, проведя рукой над его лицом, спокойно сказал:

— На счет «три», дорогой Кирилл, вы уснете. Спите спокойно, а завтра утром мы отправимся на интересную прогулку в окрестности Венеции. С этой минуты вы будете выздоравливать и ваше состояние будет улучшаться. Раз, два, три…

Кирилл почувствовал, как стал проваливаться в мягкую перину, которая обняла его со всех сторон, и вскоре заснул. Во сне к нему пришел Джероми. Он увидел его сидящим за красивым резным дубовым столом. Джероми перебирал бумаги, которые лежали перед ним, и внимательно рассматривал записи на пергаментных листах…

Кирилл проснулся около девяти часов. Утро было пасмурным. В комнату вошла женщина, которая принесла его одежду. Через несколько минут после нее вошел сеньор Монтезимолло. Он поздоровался, ласково потрепал его по плечу, помог приподняться.

У Кирилла сильно затекли ноги, но он быстро размялся, сделал гимнастику, умылся и с каким-то облегчением и радостью вышел из комнаты. Только сейчас он заметил, что вдоль стен его обиталища стояло множество медицинских приборов — наверное, пока он спал, его тщательно обследовали…

Они прошли через мост, перешли один канал, затем другой, потом несколько улиц, еще один канал и вышли на площадь Дожей. Площадь сегодня была не такой красивой, как обычно — осеннее солнце никак не могло пробиться сквозь тучи, вода в каналах казалась серой, дома такими же угрюмыми. Впервые, хотя Кирилл не раз бывал в Венеции, ему открылось, что на многих домах — трещины, кое-где осыпается штукатурка… Все это привело его вновь в сумрачное

состояние. Но сеньор Монтезимолло, подметив это, подбадривающе сказал:

— Мне кажется, вы расстроились, увидев пасмурный день, такие же здания, серую воду? Но, думаю, вам будет интересно узнать, что именно сегодня Европа выделила большие средства Венеции — для того, чтобы восстановить ее былую красоту. В ближайшие десять лет будут проведены огромные работы. Небольшие каналы один за другим осушат с помощью временных плотин и под старые здания заведут новые сваи. После этого начнется ремонт фасадов!

Словно услышав слова итальянца, прямо перед ними вынырнул дворец, укрытый специальной сеткой. Сквозь нее проглядывали мостки, на которых трудились рабочие.

Они перешли еще через несколько каналов и вышли к автовокзалу. Авто- и железнодорожный вокзалы Венеции расположены рядом. Тут только Кирилл заметил, что с ним нет вещей. Но сеньор Монтезимолло опередил его и сказал:

— Не волнуйтесь, все ваши вещи уже в машине. Там нас ждет и сеньор Данио.

Повернувшись, он еще раз взглянул на фасады зданий, которые выходили на змеей извивающийся центральный канал. Долго рассматривать их не было времени — в машине ждали.

Они проехали дамбу и стали удаляться от стен старинного города.

Окрестности Венеции не радовали глаз, особенно в такой пасмурный день. Вокруг было пустынно и серо, земля распахана. Время от времени они проезжали виноградники. Листья уже опали, но душистый запах увядшего частично не убранного винограда проникал даже сквозь поднятые стекла машины.

— У вас прекрасно растет виноград?

— Да, несмотря на то что эти места называют гиблыми. Так их называли и в древности. Эта местность — венецианские острова — была заселена случайно. В V веке до нашей эры войска гунна Аттилы изгнали жителей с материковой прибрежной полосы, и они бежали на эти болотистые песчаные острова. На них, в общем-то, и выросла Венеция. И каналы, что вы видите, — они рукотворны. Для того чтобы поднять здания над уровнем моря, чтобы их меньше затапливало во время наводнений весной и осенью, было необходимо насыпать много ила и песка. Его брали прямо под ногами — так появились каналы,

между которыми выросли песчаные островки. Они соединялись между собой деревянными мостками, позже — каменными арками и гранитными мостами.

— Знаете, я уже бывал в подобном месте, оно находится в дельте Дуная.

— Разве оно похоже на Венецию?

— Вы будете удивлены, но эта местность получила свое название от обыкновенной вилки. Городок лежит на трех впадающих в Черное море устьях реки Дунай и называется Вилково. А заселение его началось в средние века, при царице Екатерине. Вы ведь знаете, что у нас есть две религиозные веры — ортодоксальная, старообрядческая, и новая, та, что распространена сегодня. На старообрядцев были большие гонения, и люди бежали, спасаясь, в пустынные земли. Часть ушла в Сибирь, другие — на Дон, третьи — на юг Причерноморья и в дунайские плавни.

Люди, бежавшие в Вилково, точно так же, как и венецианцы, осушали болотистые топи, рыли каналы, строили на островках дома и разбивали сады. Они живут там и по сей день, а поселение это часто называют украинской Венецией.

— Удивительно, Кирилл. Мы ничего об этом не знали.

— Вы правы. Об этом небольшом городке в мире известно не много. Там нет величественных дворцов, как в Венеции, и каналы не облицованы камнем. Но принцип организации жизни, подчинения людей природному круговороту — такой же, как в этих местах. Ведь и Венеция многие века жила тем, что давало море и не слишком гостеприимная земля.

— Уверен, в раннем средневековье Венеция тоже состояла из небольших домиков, построенных безо всякой вычурности и блеска…

Они проехали равнину и стали постепенно подниматься в гору. Позади осталось более 100 километров. Сеньоры Данио и Монтезимолло рассказывали Кириллу историю этого края. История Венеции была интересной — ведь ее прошлое покрыто тайнами, которые хранят старинные здания, мосты и сами каналы. Благодаря этому и зимой, и летом здесь всегда многолюдно. Сами венецианцы гордятся своей историей и популярностью, но это приносит массу неудобств. Часто приходится захлопывать окна и ставни, так как приезжие громко поют, веселятся и мешают отдыхать жителям. Венецианское правительство не раз пыталось издать законы, запрещающие шум и массо-

вые гуляния по ночам. Но это оказалось невозможным потому, что приезжие приносят городу огромную прибыль. Каждый квадратный сантиметр венецианских мостовых оплачен гостями со всего мира…

Вскоре они свернули с центральной дороги, и между двух холмов въехали в небольшую деревушку. Сеньор Монтезимолло втиснул машину между кустарниками вечнозеленого можжевельника и въехал в маленький, практически не мощеный дворик.

— Вот это и есть мой замок, смотрите!

Перед Кириллом возникло двухэтажное здание, которое было выстроено из очень мощных каменных глыб. Только второй этаж был оштукатурен. Нижний составляли крупные камни, между которыми зеленел мох и небольшие кустики. Площадка перед домом была покрыта вечнозеленым ковром. Все вокруг увивали цепкие ростки плюща. Окна второго этажа были стрельчатые, убранные массивными литыми решетками.

Кирилл увидел, что сбоку дома высится небольшая открытая башенка. Этот дом нельзя было назвать ни дворцом, ни крепостью, но это и вправду был небольшой замок — очень красивый, органично сливающийся с пейзажем, окружавшим его.

Выйдя из машины, он услышал шум воды, только сейчас заметив, что всего в нескольких метрах от входных дверей протекает узенькая речушка. Кирилл подошел ближе и увидел, что она очень мелкая, вода едва покрывала камни. В прозрачном потоке кружились желтые и красные листья, небольшие сучья и ветки…

«Словно пестрая праздничная лента», — подумал он.

Сеньор Монтезимолло открыл двери, и они вошли в дом. Внутри он был оштукатурен, большой зал украшал невиданных размеров камин.

Кирилл побывал в разных странах, но никогда не видел таких огромных каминов. Его бока были выложены из больших, грубо обтесанных валунов. Центральная балка была деревянной — она перекрывала две боковые стены и держала на себе свод, через который уходил дым. Пространство перед камином также было вымощено грубым, но хорошо пригнанным камнем. Рядом стояли кресла-качалки. Так же как и вся утварь в доме, они были очень древними.

— Ну что, Кирилл, вам нравится? — спросил сеньор Монтезимолло.

— Здесь прекрасно. Это удивительное здание. Оно очень старое?

— Да, это здание построено в XVII веке, с тех пор в нем было

несколько пожаров, его несколько раз восстанавливали. Я производил тут лишь небольшой косметический ремонт, и принадлежит это шато мне последние двадцать пять лет.

Не распаковывая вещи, хозяин принес поленья, разложил их и поджег. Огонь быстро охватил сухую древесину, поленья стали потрескивать. В комнате потеплело. Кирилл посмотрел за окно. Короткий осенний день близился к закату, и причудливые языки пламени стали отражаться на стенах зала. Сеньоры Данио и Монтезимолло оставили его одного. Он расположился в кресле-качалке, стал рассматривать затейливые отблески пламени и вскоре задремал.

Сеньор Данио разбудил его через некоторое время и пригласил к столу. Кирилл поблагодарил радушных хозяев за то, что они позволяют ему нежиться и ничего не делать. На это сеньор Монтезимолло с пафосом произнес:

— Вы наш гость, Кирилл. И нам с сеньором Данио интересно послушать вашу историю. Поэтому нам хотелось, чтобы вы отдохнули, а мы готовы внимательно слушать вас в этот тихий вечерний час.

На столе возле горящих свечей стояло блюдо с особенным салатом. Сеньор Данио пояснил, что это французский рецепт семьи Монтезимолло и привезен он с далекого острова Бель-Иль, а его ингредиентами являются апельсины, малина, мандарины, помидоры и различная зелень. Кирилл был удивлен, но с удовольствием согласился попробовать. Салат был очень вкусным и совершенно не походил на все то, что ему приходилось когда-либо пробовать до этого.

— Да, вы правы, сеньор Монтезимолло, это удивительно, это просто произведение искусства: так совместить овощи и фрукты.

— Знаете, Кирилл, этому рецепту не одно столетие, это средневековый рецепт, он появился в те времена, когда в Европу попали и апельсины, и помидоры. Вы же хорошо знаете, что это не коренные европейские растения. Тогда их стали привозить в Нормандию, Бретонь — далекий северо-запад Франции.

— Я бывал там, сеньор Монтезимолло, и очень люблю эти места — Брест, Кемпер. Мне приходилось участвовать в нескольких прекрасных праздниках, которые проводил маленький рыбацкий порт Дуарнене…

— О, вы бывали на международных морских фестивалях, Кирилл?

— Да, я бывал там со своим судном и очень люблю суровую землю и прекрасных людей, живущих на ней.

— Так вот, чтобы вам стало еще более интересно, хочу добавить, что мой род по материнской линии ведет свое начало из средневековья и что жили они в том самом Кемпере, о котором вы сейчас упомянули!

Сеньор Монтезимолло приподнял салфетку, и Кирилл увидел, что на подносе разложены большие куски неизвестной ему рыбы. Установив над углями решетку прямо в камине, он стал ее жарить. В помещение, наполненное запахами апельсинов и мандаринов, ворвался йодистый аромат моря…

Вечер был замечательным, но главной его изюминкой стал рассказ Кирилла о своей работе, о том, как на протяжении последних пяти лет он занимался воссозданием и реконструкцией различных судов. О том, что первым судном была античная диера «Афина», а вторым — прекрасная венецианская галера «Джинестра», которая сейчас находится в греческом порту Мессалон-Геон и ремонтируется после аварии, произошедшей в Коринфском заливе. Именно на том самом месте, где в XVI столетии бились средневековые мусульманские и христианские флоты.

Он не утаил от своих новых друзей проблем, которые возникли с «Афиной», о разладе между ним и его друзьями, рассказал о сложности строительства галеры, о том, с каким трудом ему удалось найти средства на проект, о Рихарде, том самом немце, который помог ему найти средства, и о господине Вернере, о своих друзьях в Голландии, о том, как его измучили личные неурядицы и он до сих пор переживает, что из его жизни ушла женщина, которую он любил…

Рассказал он и о путешествии, которое они совершили в этом году, пройдя Черное и Мраморное моря, обогнув Пелопоннес, попав в очень неприятную ситуацию в Албании, когда корабль был прижат к берегу, а затем долго оставался в югославском порту. Рассказал и о том, как произошло то роковое столкновение…

Его внимательно слушали, и наконец сеньор Монтезимолло произнес:

— Знаете, Кирилл, у меня нет никаких сомнений, что ваша проблема, которая имела место в музее, состоит именно в переутомлении от колоссальной нагрузки, которая легла на ваши плечи в последние годы. Я не вижу ничего страшного и не считаю, что будут какие-либо последствия. Но вам нужен длительный отдых.

Кирилл, с удовольствием пробуя рыбу, ненадолго замолчал, а затем обратился к сеньору Монтезимолло:

— То, что я вам рассказал, связано с материальным миром, с тем миром, в котором мы с вами живем. Но за последние два с половиной года со мной происходили совершенно непонятные, ирреальные вещи, то, что можно определить как вмешательство высших сил. Мне постоянно казалось, и кажется сейчас, что кто-то вел меня на встречу с адмиралом Абаджио, тем самым Джероми Абаджио, который ранее приходил ко мне во снах, пытаясь помочь, отговорить от чего-то, изменить предначертанное.

И знаете, за эти годы я встречался еще с несколькими людьми, которые подталкивали меня к этой встрече. У меня было знакомство с предсказательницей в Бресте, затем в горах Румынии я встречался с румынской колдуньей, после этого у меня были удивительные видения в Брюгге, а затем у себя дома, во время строительства галеры, я познакомился с женщиной, которая создала модель будущего судна и предсказала многое из того, что ждало впереди. Согласитесь, все это странно, а для меня вообще сложно и непонятно. Порой кажется, что моя психика выйдет из повиновения, что я нахожусь на краю чего-то и за этой чертой можно оказаться в ряду людей, лишившихся разума…

— Не волнуйтесь, Кирилл, я думаю, что смогу вам помочь, — произнес Монтезимолло. — Мы с сеньором Данио примерно догадывались о том, что с вами происходит. Мы, конечно, не предполагали, что столько проблем обрушилось на вас в последние годы. Совершенно ясно, что вы удручены, — с одной стороны, испуганы — с другой. Но я могу предложить вам гипнотический сеанс. Тогда в состоянии гипноза вы расскажете мне и сеньору Данио о том, что на самом деле происходит с вашей психикой. И, возможно, именно тогда откроются те нити, которые ведут вас в глубокое прошлое.

Мы попытаемся понять, почему именно вас провидение выбрало тем, кому доверено реконструировать древнейшие суда, а через них — проходить в далекое и мало известное для нас время: античность, позднее в средневековье. Ведь вы как историк прекрасно понимаете, что мы слишком мало знаем о том времени. Мы судим о жизни не по рукописям и книгам, а по археологическим раскопкам. Мы находим черепок и пытаемся по нему узнать, каковы были его хозяева. Или же находим остатки храма, его фундамент и по ним судим о религии, которая сопутствовала нашим предкам…

Но ведь все это не обязательно было именно так, как мы себе сейчас представляем. Поэтому те эксперименты, которые проводите

вы и еще ряд групп, наиболее интересны для психоанализа. Ведь вы и ваши друзья попадаете в ситуации, которыми жил человек в те далекие годы. То, что вы испытываете, и является мерилом происходившего тогда и может рассказать гораздо больше, чем находки, сделанные археологами.

Кирилл задумался. С одной стороны, ему хотелось узнать побольше из прошлого, с другой — его волновало: что станет с его психикой, не сломает ли сеанс гипноза ее окончательно?

— Я и сеньор Данио не настаиваем, это мое предложение как психоаналитика. Если вы захотите, мы проведем такой сеанс в любое время. Подумайте, решите, а сейчас давайте насладимся букетом этого прекрасного вина. Я делал его сам из винограда, растущего на гнилых лагунах Венеции.

***

Джероми с трудом поднялся из-за стола, ноги плохо слушались его. Много дней после битвы при Лепанто он находился между жизнью и смертью. За ним ухаживали, но преклонный возраст и тяжелое ранение, которое он получил, мучили его тело и душу. Встав, он вначале хотел позвать слугу, но потом передумал. Накинул на плечи холщовый плащ, завязал его и стал медленно спускаться по лестнице на первый этаж. Он постарался выйти из дома так, чтобы никто не услышал скрипа двери.

На улице властвовала зима. Венецианская зима хоть и короткая, но сумрачная и холодная. Над уснувшими каналами витал туман, слабый ветерок клочьями разрывал его и сносил в сторону прикрытых окон. Над городом плыл запах сжигаемой в печах древесины. Было прохладно, и луна едва пробивалась сквозь обрывки тумана, освещая узкие улочки и перекинутые через каналы мосты. Опираясь на палку и прихрамывая, Джероми медленно брел вдоль каналов. После Лепанто это был, пожалуй, первый случай, когда он вышел на улицу без сопровождения. Повернув, он перешел через мост и углубился в лабиринт неосвещенных улиц. Подойдя к площади Дожей, Джероми увидел, что в центре горит с десяток фонарей, отбрасывая тени на причудливые колонны собора Святого Марка.

«Фонари ищут землю, фонари ищут землю, — закружилось у него в голове… — Как интересно: с небес на нас смотрит луна, а здесь — землю слабо освещают ее посланцы — фонари… Впрочем, — подумал Джероми, — какая же Европа все-таки темная!

Такой известный всему миру город как Венеция, а все освещение — какой-то десяток фонарей на центральной площади. Да еще несколько — возле здания таможни…».

Джероми вспомнились яркие, залитые фонарным светом улицы далеких восточных городов. Когда-то очень давно ему пришлось побывать за тысячи и тысячи миль отсюда, в стране, которая так полюбилась ему, — в далеком и сказочном Китае. Джероми вспомнил, как в этой прекрасной стране проводились праздники фонарей. Их были мириады на всех улицах, они свисали на протянутых шнурах над зданиями, висели над реками и каналами. Красивые, изготовленные из пергамента и промасленной бумаги, они несли в себе маленькие светильники, которые заполнялись маслом. Фонари и фонарики отбрасывали свет, выхватывая из темноты небольшие причудливые здания, чистые мощеные и аккуратно подметенные улицы…

Джероми постоял в центре площади. Ему было тяжело долго ходить. Отдышавшись, он пошел дальше. За зданием Дворца свернул вглубь и двинулся к адмиралтейству. Неподалеку от адмиралтейства находился небольшой дом, в котором жил его друг Лацио де Калье, отпрыск знаменитого венецианского рода. Не так давно Лацио стал прадедом, и это настолько взволновало старика, что он почти не бывал у Джероми, все время проводя с малышом. Джероми подошел к небольшому зданию, чья резная дубовая дверь была плотно прикрыта. Он постучал, но ему никто не открыл. Он постучал сильнее. Внутри послышался шорох. В двери открылось небольшое деревянное окошечко, в котором он увидел часть лица слуги.

— Кто там? Кто так поздно? — спросил взволнованный голос.

— Передай своему господину, что пришел Джероми Абаджио.

— Господи, это вы, сеньор Абаджио?

— Да, я, разве ты не видишь?

Дверь отворилась. Слуга узнал Абаджио и низко поклонился ему.

— Проходите, проходите, вы уже выздоровели, какое счастье! — он провел его в зал и помог сесть в небольшое кресло.

— Сейчас, сейчас я доложу…

Через мгновение он вернулся, помог Джероми встать, и они пошли внутрь дома. Джероми был удивлен — слуга повел его не на мужскую половину, а на женскую. Они прошли несколько коридоров, подошли к небольшой двери, которая была неплотно прикрыта. Джероми вошел. В тусклом свете свечей он увидел Лацио, сидевшего возле кроватки, которая была подвешена к потолку. Лацио качал ее и что-то

бормотал себе под нос. Джероми подошел ближе и, заглянув в колыбель, увидел малыша. Тот блаженно спал, его розовые щеки были такими большими, что Джероми заулыбался.

— Здравствуй, старик! Боже, какой крепыш, вот этого я совершенно не ожидал!

— Да, ты прав, мой друг Джероми. У меня создается впечатление, что этот малыш вырастет отменным воином.

Лацио привстал и обнял Джероми.

— Я рад, что ты пришел, хотя и поздняя ночь. Я не ожидал, что ты можешь самостоятельно передвигаться на столь далекое расстояние, — он обнял Джероми еще сильнее. — Прости меня, мой друг Джероми, но я настолько увлечен своим правнуком, что редко бываю у тебя.

— О, Лацио, я все понимаю!

Джероми увлек Лацио за собой, и они вышли из комнаты. Туда молча, проскользнув мимо мужчин, вошла женщина. Воротник платья полностью закрывал ее лицо.

— Кто это, де Калье?

— Это жена моего внука, ей всего восемнадцать лет. Она страшно боится меня и все время плачет, когда видит возле ребенка.

— Ну, старик, это совершенно неудивительно, посмотри на себя — на свои израненные руки, на свое морщинистое в шрамах лицо, седые клочья волос… Конечно, она боится тебя и уж, наверное, считает не святым, а порождением дьявола. Бедная девочка! Если бы я был на ее месте, сам бы боялся подпускать такого «черта» к кроватке младенца!

— Согласен. Но ты знаешь, ребенок засыпает, только когда я рядом с ним. Когда же рядом кто-нибудь другой — он не хочет спать, нервничает, злится и зовет меня.

Слуга подал Лацио плащ. Он накинул его на плечи и вместе с Джероми вышел из дома. Лацио поддерживал друга под руку, чтобы ему было легче идти. Каналы и узкие мостовые не были освещены, но друзья прекрасно знали свой город. Они вышли на набережную, где в лунном свете громадами высились боевые галеры. Те две, на которых они бились во время баталии при Лепанто, были разобраны, так как после сражения не представляли никакой ценности. Здесь же стояли суда, не так сильно пострадавшие во время битвы. На некоторых из них, на корме, тускло мерцали фонари, освещая надстройки, большинство которых были украшены прекрасными резными фигурами. Дже-

роми и Лацио прошли к Арсеналу — высокому и очень крепкому зданию, внутри которого Венецианская Республика хранила часть своего боевого запаса. Внутри Арсенала хранилось как холодное оружие, так и небольшие пушки, ружья, пистолеты. Все это выдавалось на корабли во время подготовки к военным походам. Джероми и Лацио остановились. Двери Арсенала были закрыты, однако через маленькое окошечко проникал мерцающий свет. Неожиданно дверь заскрипела, на пороге появился стражник.

— Что вам нужно, господа, этой поздней ночью?

— Простите, сеньор стражник, мы не хотели беспокоить вас. Я Лацио де Калье, а рядом со мной адмирал Джероми Абаджио…

— О, господин адмирал, вы ли это? — воскликнул стражник. — Я рад, что ваше здоровье поправляется, о вас говорит вся Венеция. Какое счастье, что вы уже на ногах!

— Спасибо, спасибо вам, — учтиво поклонился Джероми.

Они постояли еще некоторое время, однако туман, садившийся все ниже и ниже, приносил с собой прохладу, и скоро Джероми почувствовал, что озяб. Повернувшись, они направились вдоль набережной ко Дворцу Дожей. Пройдя его, вскоре оказались возле дома адмирала. Джероми открыл дверь и как можно тише прошествовал на второй этаж, в свою комнату. Не поднимая слуг, сам разжег камин, а затем и свечи в старинных серебряных подсвечниках. В комнате стало светлее. Резной стол, возле которого расположились друзья, был завален огромным количеством бумаг и пергаментов.

— Что я вижу, Джероми? Я никогда не знал, что у тебя такое количество пергаментов… Неужели все это писал ты? Я вижу здесь даже рисунки.

— Да, друг мой Лацио. В наших с тобой странствиях я часто делал заметки, но старался не показывать их никому, потому что не знал, пригодятся ли они когда-нибудь. Ты же помнишь мою любимую босховскую доску?

— О, да! Ту самую, которую много-много лет назад ты купил во Фландрии, в доме старого стражника.

— Да, именно там. Она прошла со мной всю жизнь. Посмотри, я недавно заказал ей новый оклад.

Джероми протянул руку и открыл две створки небольшого шкафа, который представлял собой прямоугольник, достаточно глубокий для того, чтобы в его боковины вставлялись ящики. С картины Босха на Лацио взглянули странные и диковинные человечки. В мерцании свечей

они вновь задвигались, как и много лет тому назад.

— Закрой, пожалуйста, Джероми. Ты же знаешь, я не люблю эту картину, она наводит на меня тоску и грустные размышления. А где же старый оклад, в котором она была? Помнится, он был без створок.

— Именно в нем, дорогой мой друг, я и прятал свои записи, копившиеся годами. Записи, чертежи, небольшие рисунки. Каждую из ячеек, в которой накапливались пергаменты, я потом плотно закупоривал — так, чтобы в нее не могла попасть влага. И так — год за годом, путешествие за путешествием, сражение за сражением.

— Что же вдруг подействовало на тебя, что ты решил разобрать свой старый клад?

— Ты знаешь, я долго думал. Жить и мне, и тебе осталось совсем немного. Мы побывали в разных странах, местах, воевали, были пленными, теряли близких, друзей… И мне захотелось создать дневник, описание всего того, что с нами произошло. Может быть, со временем это поможет молодым познать те далекие страны, куда волею рока мы попадали.

Лацио протянул руку и взял со стола несколько пергаментов.

— Странные рисунки… Где это?

— Знаешь, на этих рисунках изображены и описаны не только те страны и народы, где мы с тобой бывали. Здесь еще мои видения — видения будущего. Ты помнишь, я рассказывал тебе о том, что ко мне часто в сновидениях приходил мой далекий потомок Кирилл.

— Да, помню. Ты даже видел, будто этот человек помог тебе отразить турок во время сражения при Лепанто.

— Это так. Я и сейчас, особенно в последнее время, считаю, что только он сквозь пространство и время оказался там и прикрыл собой наш тыл.

— Эх, Джероми, Джероми. Видимо, все же тяжким было твое ранение, если ты утверждаешь такие противоестественные вещи. Не гневи Господа — ты остался жив, забудь об этом! Все это видения. Ты, адмирал, сам спас наш флот. И здесь не нужно никаких сверхъестественных объяснений.

— Я и не настаиваю, дорогой Лацио, чтобы ты верил мне. Но сам я видел это будущее, видел своих потомков. И ты знаешь, мне не раз приходилось после этих сновидений зарисовывать то, что я увидел.

Джероми приподнял несколько пергаментов и показал другу портрет человека, которого он видел в далеком будущем.

Лацио внимательно рассматривал молодого человека.

— Да, как странно он пострижен. И какая интересная на нем рубаха. Неужели ты все это видел, Джероми?

— Да, мой друг.

Свеча замигала и потухла. Джероми подошел к окну и раздвинул тяжелую штору. Небо над Венецией начинало сереть. Близился рассвет.

— Ночь прошла, — сказал Лацио. — Мне пора домой. Мой правнук встает рано, и я хочу с ним поиграть. Ты знаешь, он уже начал понемногу ходить. Я думаю, что весной впервые выйду с ним на улицу, а может быть, поведу на галеры.

— Иди, иди Лацио. Я рад, что у тебя есть твой маленький Джакомо.

— Спасибо, мой друг.

Джероми провел Лацио, помог ему надеть плащ и плотно прикрыл за ним дверь. Он вернулся в свою комнату, присел на стул и стал рассматривать рисунки. Несколько поленьев в камине догорали, в комнате было тепло. Потрескивая, огонь вскоре потух.

Джероми почудилось, что он перенесся на много веков вперед и оказался в старинном доме. Недалеко от него в кресле полулежал молодой человек, которого он так хорошо знал. Рядом с ним сидел неизвестный ему мужчина, а над ним стоял третий, держа в руках странный предмет. Это был хрустальный шар, покачивавшийся на золотой цепочке. Человек отсчитывал такт. Кирилл полудремал, но глаза его были открыты.

— Раз, два, три, четыре… Вы засыпаете, спите, ваш ум будет легким, вы многое вспомните, многое увидите…

Джероми больше не слышал, о чем говорил склонившийся над Кириллом человек. Он почувствовал, что сам засыпает…

Глава 2.

Сеанс гипноза

Сеанс гипноза. — Встреча с друзьями. — Завершение ремонта «Джинестры». — Стамбул. — Карта адмирала Реиса. — Экспедиция Селима. — Просьба Кирилла.

Кирилл проснулся на большой кровати, которая стояла возле угасшего, но еще очень теплого камина. Он удивился: вчера заснул в кресле-качалке, а сейчас лежит на прекрасной постели. Подсознательно он понял, что в доме никого нет. Поднялся и вышел на кухню. Там нашел записку: сеньоры Данио и Монтезимолло уехали в Венецию. Они оставляли его до вечера одного, предоставив самому себе. Он сделал зарядку, потянулся, открыл холодильник и увидел приготовленные сэндвичи. На столе в вазе стояли хвойные ветки и чуть пожелтевшие листья клена. Этот прекрасный натюрморт хорошо гармонировал со стенами из мощных неотесанных камней. Кириллу очень нравился этот дом. Он вышел на крыльцо и подошел к небольшому обрыву, внизу которого извивалась узкая речка. За ночь вода поднялась, и по ней с верховьев быстро спускались пожелтевшие листья. Так хорошо видимые вчера камни сегодня были почти полностью покрыты водоворотом воды и листьев.

Кирилл не знал, что подтолкнуло его, но, сняв обувь, он вошел в ледяной ручей, отчего перехватило дух. Сделав несколько шагов, он погрузился в воду, истошным криком оповестив окрестности. Пробыв в воде всего несколько секунд, Кирилл выскочил, словно вытолкнутый пружиной, на берег. Ледяная вода обжигала кожу. Он вбежал в дом, оставляя мокрые следы на полу, и поднялся на второй этаж в ванную. Включив горячую воду, которая обожгла его, он почувствовал нахлынувшую радость, а контрастный душ доставил наслаждение. Вытеревшись, Кирилл вернулся в кухню.

Сегодня с утра он все делал машинально. Открыв бар, достал бутылку рома, налил себе полный стакан до краев, взял несколько сэндвичей, вернулся в зал, разжег камин и, выдохнув, почти не отрываясь выпил обжигающую жидкость. Ром разлился по телу, и буквально через несколько минут Кирилл задремал. Ему ничего не снилось, и о том, что сон, длительный и легкий, закончился, он понял только по

шороху в кухне и разговору вошедших людей.

Кирилл открыл глаза, посмотрел в окно и был просто поражен. За окном догорали последние лучи солнца. Он проспал целый день.

В комнату вошли сеньоры Данио и Монтезимолло.

— Ну, как вы отдохнули, Кирилл? — спросил сеньор Данио.

— Прекрасно, спасибо вам большое. Вы знаете, я проспал почти целый день. Мне было так легко — утром я окунулся в ручье, а потом стал под горячую воду. Этот контрастный душ смыл с меня усталость. Я чувствую себя выздоровевшим и посвежевшим.

— Это прекрасно. Ну что, вы думали над моим предложением? — спросил сеньор Монтезимолло.

— Я даже не успел поразмышлять о вашем предложении, но сейчас отвечу прямо — я готов.

— Вот и прекрасно. Сейчас проведем сеанс, а после этого хорошо поужинаем. Мы привезли моллюски, и я приготовлю их по специальному рецепту. Вам, уверяю, понравится. Располагайтесь поуютнее в кресле-качалке, а я проведу сеанс гипноза.

Кирилл удобно устроился, сеньор Данио присел возле него. Сеньор Монтезимолло вновь разжег камин, приглушил свет, подошел к нему и сказал:

— Дорогой Кирилл, сейчас я начну считать, а вы смотрите на тот предмет, который будет у меня в руке.

На золотой цепочке раскачивался средних размеров хрустальный шар. Сеньор Монтезимолло начал считать:

— Раз, два, три, четыре… Сейчас вы уснете, Кирилл, глубоким сном.

Кирилл в третий раз за неполные сутки заснул. Он не знал, сколько времени прошло, но очнулся от того, что услышал слова сеньора Монтезимолло:

— Просыпайтесь, Кирилл, просыпайтесь!

Очнувшись, он почувствовал, что его тело занемело. Он вытянул и размял руки, потом ноги, поудобнее сел. Сеньор Данио и сеньор Монтезимолло внимательно рассматривали его.

— Что вы смотрите, сеньоры, на меня так внимательно? Неужели вы узнали обо мне нечто такое, что привело вас в неописуемый ужас?

— Нет, что вы, Кирилл, никакого ужаса нет. Да и не узнали мы практически ничего, все самое интересное осталось где-то далеко. Мы узнали лишь то, что психически вы очень здоровый и крепкий чело-

век, что на вашу долю выпало много приключений, много разочарований, но вы сильны и бодры духом.

— И что же, никакой связи между мной и адмиралом Джероми Абаджио не существует?

— Нет, что вы, я этого не говорил. Вы сейчас отдохните, я приготовлю ужин, мы сядем и после этого поговорим.

Кирилл и сеньор Данио помогли накрыть стол. Хозяин откупорил вино и подал ужин.

— Ну, что, господин Монтезимолло, что вы можете мне сказать? Меня съедает любопытство, что же такого я рассказал вам во время сна?

— Вы знаете, Кирилл, все-таки самое интересное, наверное, не то, что вы нам рассказали, а то, что еще не рассказали… То, о чем мы с сеньором Данио можем только догадываться. Повторяю вам еще раз: вы абсолютно здоровы, тот обморок, что произошел с вами, связан с физическим переутомлением, а не с нервным истощением — в этом я абсолютно уверен. И сегодня как врач могу сказать — вам ничего не угрожает. Вам нужен отдых, после которого вы сможете работать с таким же рвением, как и раньше. Во сне мы спрашивали вас об адмирале Абаджио. Вы многое нам рассказали. Честно говоря, никто из сегодняшних венецианцев даже не знает того, что известно вам. Но вот откуда вы знаете об этом — остается загадкой. Я могу лишь только предположить, что адмирал Абаджио — ваш очень далекий предок. Как из поколения в поколение передались вам его черты, мне сказать сложно.

— Я не понимаю вас, сеньор Монтезимолло, что значит «из поколения в поколение передались его черты»?

— Кирилл, мы специально ездили сегодня в Венецию, в библиотеку дворца Дожей, и там нашли несколько портретов адмирала, помимо того, который вы видели на стене, — там он изображен седовласым стариком. Мы же нашли несколько графических рисунков, где он молодой, крепкий и сильный воин. Посмотрите!

Кирилл посмотрел на рисунки. Нельзя было не заметить сходство между ним и человеком, изображенным на них.

— Это фотокопии рисунков, поэтому вы можете оставить их себе. Нельзя сказать, что вы похожи как родные братья, но между вами существует неуловимое сходство, особенно нижняя часть лица, взгляните: волевой подбородок адмирала — и ваш, губы, окончание носа.

Хотя у адмирала нос с горбинкой, а у вас совсем ровный.

— Да, это очень интересно. Теперь, наверное, многое становится понятным. И то, где я бывал, и то, почему эти люди каждый раз говорили о какой-то встрече, которая меня ждет.

— Вы имеете в виду тех предсказателей, с которыми вы сталкивались в Брюгге и там, далеко, в Бресте?

— Да, именно их. И еще Талию в горах Румынии, и Лидию, которая еще дома предсказывала мне удивительную встречу.

— Кирилл, нам удалось выяснить, что каким-то образом вы действовали под влиянием силы рока — там, в этой битве при Лепанто. Каким-то образом вы связаны с адмиралом, и встреча ваша произошла именно там.

— Но вы же знаете, что меньше месяца тому назад ни в какой битве я участвовать не мог. Я был на месте сражения, там, где произошла эта печальная и трагическая случайность, где столкнулась моя галера и шебека турка Селима…

— Да-да, именно в этот момент, Кирилл, произошла какая-то ирреальная связь с адмиралом. Именно на том месте, где была битва, там, где сошлись христианские и мусульманские флоты. Но большего, к сожалению, я не смог узнать во время гипнотического сеанса. Хотя уверен, что встречи с этим человеком у вас еще продолжатся.

— Вы знаете, сеньор Монтезимолло, мне страшно. Я боюсь за свою психику, боюсь, что потеряю рассудок!

— Нет-нет, ни в коем случае! У вас не раздвоение личности, не бойтесь этого, не бойтесь того человека, который приходит к вам во снах. Ваша генетическая память связана с ним, и поэтому никакой угрозы для вашей жизни или психики не существует.

— Но послушайте, кто-то же ведет меня к этим встречам? Какая-то или чья-то воля…

— И об этом не волнуйтесь. Она не нарушит течение событий вашей жизни, просто так угодно Господу.

— А что, сеньор Монтезимолло, раньше вы уже сталкивались с подобными ситуациями?

— Я лично нет, но неоднократно читал об этом в психиатрической литературе. Ничего страшного с вами не произойдет, не бойтесь.

— Но я не совершу какие-то поступки, которые могут отразиться на всей моей дальнейшей жизни?

— Нет, все будет нормально. Вам нужен только отдых. Мы с

сеньором Данио считаем, что вам нужно отправиться обратно на галеру, посмотреть, как идет ремонт, а после этого вернуться домой. И отдохнуть хорошенько полгода, а в следующем году…

— А в следующем году, — поддержал сеньор Данио, — мы ждем вас, Кирилл, здесь. Вас ждет Венеция, вас будут принимать богатейшие фамилии этого города, потому что то судно, с точностью построенное, как венецианская галера, привлечет внимание тысяч и тысяч людей. А мы сделаем все, чтобы представить его здесь Венеции. Вы будете героем, поверьте мне, Кирилл.

— Но вы знаете, сеньор Данио, меня ждут в Германии, я обещал господину Вернеру, что приведу судно туда.

— Кирилл, не волнуйтесь. Вам решать, куда вы пойдете, но для этого отдохните вначале, спишитесь с господином Вернером, договоритесь с ним, а после этого примете решение. Мы ждем вас.

В дальнейшем они больше не возвращались к теме галеры, походов в Венецию и разговаривали только об истории этого удивительного города, одного из красивейших и экзотических городов мира.

Разговор затянулся далеко за полночь, и Кирилл смог уснуть только под утро. Проспав всего несколько часов, он не чувствовал себя уставшим, потому что до этого спал более суток.

Утром они вернулись обратно в Венецию. Кирилл собрал свои вещи. До поезда, который шел из Венеции в Афины, оставалось всего несколько часов. Сеньор Монтезимолло вернулся к своей работе, а сеньор Данио проводил его на вокзал. Они пожали друг другу руки.

— Вы знаете, Кирилл, я очень рад, что познакомился с вами, это большая удача для меня и большая честь.

— И я, сеньор Данио. Я очень рад, что познакомился с Венецией, побывал вновь во дворце Дожей. Знаете, вновь обрел себя, обрел те знания, которых мне недоставало. Ведь раньше я не знал, кто тот человек, что приходит ко мне во снах. Теперь меня это больше не пугает, и я рад буду видеть его снова и снова в той виртуальной жизни, которая происходит со мной помимо обычных реалий. Прощайте, я буду вам писать. И первое же письмо пошлю из Мессалон-Геона, где ремонтируется «Джинестра».

Они еще раз пожали друг другу руки. Кирилл сел в поезд, который гудком попрощался с венецианским вокзалом.

***

Дорога через Европу длилась более полутора суток. Поезд очень

часто останавливался. Они пересекли границу вначале со Словенией, вслед с Хорватией, потом с Сербией и Македонией. Бывшая Югославия была поделена на восемь частей, в каждой из которых присутствовали свои таможня, полиция, граница. Поезд обходили новорожденные власти. И та дорога, которую раньше от Венеции до Афин можно было проехать менее чем за сутки, теперь длилась гораздо дольше.

Кирилл не доехал до Афин, он сошел ранее и пересел на небольшой автобус, который привез его в Мессалон-Геон. Он быстро нашел в маленьком городке судоверфь и, подойдя к ее воротам, уже издалека увидел устремившиеся ввысь мачты «Джинестры». На верфи было тихо и уютно. Летний шумный период прошел, работ сейчас было немного, и поэтому очень скоро он пробрался между стоящими на стапелях катерами и лодками и подошел к «Джинестре».

Галера прочно обосновалась возле пирса. Никого ни рядом с ней, ни на самой «Джинестре» не было видно. Кирилл окликнул, но никто не ответил. Он перелез через поручень и стал ходить по палубе. Практически все повреждения были устранены. Балки, треснувшие после столкновения с шебекой Селима, заменены; заменена была и часть борта, и небольшой кусок палубы. Работы были сделаны очень качественно. Кирилл заметил это сразу. Он подошел к световому люку и крикнул вниз:

— Олег! Здесь есть кто-нибудь?

Только сейчас он заметил, что по трапу стал подниматься его товарищ. Они обнялись.

— Молодцы, какие вы молодцы! Какая прекрасная работа!

— Да нет, Кирилл, это не мы, это греки. Они большие мастера. Недаром же в глубокой древности и средневековье их считали прекрасными мореходами и отличными мастерами-корабельщиками. Работы закончены, осталась только покраска. Но дни стоят пасмурные, поэтому мы откладываем ее.

— Как у вас с продуктами?

— Все нормально. Селим звонит из Турции хозяину судоверфи чуть ли не каждый день. Он перевел деньги, и нам ежедневно привозят горячие обеды. Он также оплатил все работы, произведенные на судоверфи. Хозяин верфи сказал, что галера может стоять здесь сколько угодно, и за стоянку он не берет ничего, потому что причал этот пустующий и до начала летнего периода сюда никто не будет швартоваться.

— В эти дни, наверное, холодно?

— Да нет, мы не включаем отопление, хотя хозяин судоверфи принес нам специальные, работающие от электричества, калориферы. Нужды в них нет, очень тепло. Днем мы приводим все в порядок, протираем палубы, осматриваем корпус корабля. Кое-где нужно подшпаклевать, кое-где подкрасить… Ты сам понимаешь — корабль уже почти год на воде и поэтому в мелких ремонтных работах он нуждается каждый день. Парусину мы сложили очень аккуратно, она лежит в верхней носовой надстройке, постоянно проветривается.

— Это здорово! Вам огромный привет из Италии, из Венеции, от сеньора Данио. Он передал вам гостинцы.

Кирилл стал вынимать из своего большого рюкзака бутылки с хорошим итальянским вином, сыр, ветчину.

— Ну, этим ты нас не удивишь. Вот разве что вино… Греческое очень терпкое, хотя и вкусное.

Они спустились вниз, там их ждал Виктор. Он был занят, руки его были перепачканы краской. Увидев Кирилла, он не смог протянуть ему руку, но по-отечески чмокнул в щеку.

— Ну, молодец, что приехал. Надолго ли?

— Побуду несколько дней и отправлюсь домой. Нужно отдохнуть и принимать серьезное решение.

— С чем же оно связано?

— Как и в этом году, мы получили приглашение на будущий год принять участие во всех летних мероприятиях, которые пройдут в Венеции. Вы же помните наш договор с господином Вернером? Нам нужно быть также в Германии. Как можем мы успеть все это за один год? Точнее, за один летний сезон?

— Да, ты прав. Это невозможно.

— Поэтому нужно звонить, а может быть, придется ехать в Германию и решать, что лучше для «Джинестры», что важнее. Поэтому долго я пробыть не смогу.

— Но ты уверен, что поедешь домой? Мы же знаем тебя. Ты, наверное, захочешь, в первую очередь, поехать в Стамбул…

— Да, без этого не обойтись. Я хочу увидеться с Селимом и очень о многом с ним поговорить. Особенно об этой странной аварии, которая произошла между нашими судами. Я был у психоаналитика в Венеции…

— О, до чего дошло! Так что, ты болен?

— Нет, я не болен, просто он воздействовал на меня гипнозом и рассказал много интересного, того, что я сам о себе не знал. Того, что

связывает меня со средневековым прошлым, с теми видениями, которые приходили ко мне и о которых я вам рассказывал.

— Но ты-то здоров?

— Абсолютно здоров, просто по чьей-то воле, а может, и воле Всевышнего, мне дано то, что не дано другим людям. Я часто вижу прошлое, я связан каким-то образом с удивительным человеком — адмиралом Джероми Абаджио, человеком, который возглавлял боевую галеру во время битвы христианских и мусульманских флотов.

— Именно там, при Лепанто, где мы были в этом году, совсем недалеко отсюда? — спросил Виктор.

— Да, да, именно там. Я видел портрет этого человека в Венеции, во дворце Дожей...

Они приготовили скромный ужин, и беседа продолжилась. Кирилл рассказывал своим друзьям о Венеции, а они — о том, как проходил ремонт корабля...

Утро выдалось пасмурным, как и предыдущий день. Кирилл пошел в офис, где его радушно встретил хозяин судоверфи. Он много знал о кораблях, но восхищен был «Джинестрой» и не скрывал этого. Сказал, что с удовольствием поможет им, к тому же все счета, которые он выставляет в Стамбул господину Селиму, всегда оплачиваются с молниеносной быстротой.

День прошел быстро. Кирилл готовился к своему отъезду в Стамбул. Из офиса позвонил в Афины и узнал, что каждый день с пригородного автовокзала идет автобус, который соединяет две столицы. Движется он долго, почти 22 часа, но зато сообщение это дешевое и очень занятное, так как автобусный маршрут проходит по всему побережью Греции, через Салоники, а затем по побережью Мраморного моря в столицу Турции.

Договорившись поддерживать связь и отправив письмо, как он обещал, в адрес сеньора Данио в Венецию, Кирилл поднял легкий, почти опустевший рюкзак, в котором, кроме его личных вещей, было всего несколько сувениров из прекрасного города на каналах. Пожал руки своим друзьям и, сев в машину хозяина судоверфи, отправился на пригородный автовокзал Мессалон-Геона. Через три часа он был в Афинах. И с того же самого вокзала, даже не побывав в центре города, уехал в Турцию.

Дорога была интересной. И хотя дни стояли пасмурные, Эгейское море, по побережью которого двигался автобус, постоянно привлекало его внимание. Оно было спокойным и, хотя его цвет не был

таким ярким, как в летние дни, но и сейчас бирюза гладкой поверхности притягивала к себе внимание.

На границе Кирилл заплатил положенные десять долларов за турецкую визу и к середине следующего дня прибыл в Стамбул.

С судоверфи ему не удалось дозвониться до Селима и он оставил сообщение на автоответчике. Кирилл хорошо знал город, и решил, если не найдет Селима, взять такси и поехать в университет. Там он попытается переночевать. Однако, к своему удивлению, выйдя на привокзальную площадь, увидел сухощавую фигуру историка. Селим также заметил его и быстро пошел навстречу. Они обнялись как старые добрые друзья.

— Ты прекрасно выглядишь, Кирилл.

— И ты, Селим, тоже.

— Ну что, хочу начать нашу беседу с извинений.

— Ну что ты, большое спасибо тебе, Селим, за деньги и за ту помощь, которую ты оказываешь нашим ребятам.

— Это пустяк, здесь нет ничего удивительного. Это наша вина, мы нанесли тебе и твоему делу ущерб и поэтому готовы оказать всяческое содействие, чтобы сгладить свою вину. Едем ко мне домой. Ты ведь еще так и не был у меня дома, мы встречались с тобой то в университете, то на шебеке — той самой памятной шебеке, которая протаранила твою «Джинестру».

Дорога пролегла узкими стамбульскими улочками. Они проехали центр города и углубились в новые районы.

— Ты живешь в многоэтажке, Селим?

— О нет, что ты! Я живу в собственном доме, хотя его нельзя назвать моим собственным — это дом моих предков. Он старинный, ему более двухсот лет, хотя многое в нем перестраивалось и изменялось. Знаешь, я не говорил тебе, но я потомок знатного турецкого рода, у меня много братьев и сестер, много родственников. Но все они живут в других городах Турции или в других районах Стамбула. Сейчас я живу один.

— Селим, я не спрашивал тебя: ты женат?

— Нет, я не женат, хотя собираюсь. У меня есть подруга, с которой мы скоро поженимся.

— А раньше ты был женат?

— Нет, еще никогда. По нашим законам, это большая редкость, чтобы мусульманин женился дважды или трижды.

— А по нашим, христианским, ничего удивительного в этом нет. Впрочем, это сегодня. Раньше разводы тоже были запрещены. Были времена в христианском мире, когда разрешение на развод мог дать только король или царь.

— Да, знаю, я читал об этом. Но скажи мне, как «Джинестра»?

— Прекрасно, работы закончены, осталось только покрасить. Однако сейчас сыро, и поэтому ребята решили отложить эту работу.

— А что, они так и будут жить на судне?

— По всей вероятности, да. Может быть, весной мы сменим их: кто-то уедет домой, а один или двое приедут, чтобы смотреть за судном и готовить его к походу.

— Какое ты принял решение? Будешь участвовать в следующем году в празднованиях в Венеции или все же попытаешься идти каналами в Германию, где тебя так ждут?

— Ты знаешь, я до сих пор не могу принять решение и уже дома буду созваниваться с моими немецкими друзьями и решать, что делать в дальнейшем.

Машина затормозила возле высокого белого забора. Он был так высок, что дом за ним не был виден. Селим вышел, открыл ворота и въехал на внутреннюю лужайку. Перед ними открылся большой дом с выбеленными стенами, высокими окнами и резными входными дверями, к которым вели несколько ступенек.

Селим открыл парадную дверь и сказал:

— Заходи! Чувствуй себя как дома. У меня здесь часто бывают студенты, поэтому в прихожей и центральном зале всегда кавардак — много книг, много всяких документов, бумаг — не обращай на это внимание.

Они вошли в зал. В доме было тепло и очень уютно. Полы застилали прекрасные ковры, на стенах висели портреты. Пока Селим ушел на кухню, Кирилл начал их рассматривать. Перед ним была чета каких-то высокопоставленных чиновников турецкого государства. Очевидно, самый старый портрет был написан несколько сот лет тому назад. Селим вернулся.

— Скажи: это что, твои родственники?

— Да, это мои предки. Среди них есть и царедворцы, и адмиралы, и богатые негоцианты.

— Да неужели?

— Да, история моего рода очень длинна. Она тянется в далекое

средневековье. По крайней мере, по книгам и записям я знаю свой род с 1200-х годов.

— Но это же более 800 лет?

— Да, это больше восьми столетий.

— Как интересно. А кто вот этот мужчина, изображенный на портрете с такой мощной саблей?

— Это мой очень далекий предок, адмирал Реис.

— Чем же он прославился?

— Он прославился тем, что был создателем одного из самых точных атласов Средиземного моря — в свое, разумеется, время. Он также составил лоцию Индийского океана и описал многие города, известные в те времена. Он осуществил путешествия в очень дальние страны — к Малаккскому проливу, бывал в Китае, на Филиппинских островах, был в Африке, избороздил все Средиземное море, принял участие более чем в 50 битвах, как морских, так и сухопутных.

— Вот это да! Не удивительно теперь, почему ты так любишь море.

— Это естественно, потому что страсть к путешествиям у меня в крови, видимо, так же, как и у тебя, Кирилл?

— О да, Селим. В Венеции я узнал такое, что до сих пор будоражит мое воображение.

Селим ушел на кухню и вернулся с подносом, на котором уютно расположились чашечки с крепко заваренным кофе. Он поставил на стол второй поднос — с бутербродами, и пригласил Кирилла поесть. Они долго сидели и разговаривали. Во время разговора Кирилл рассказал ему о том, что узнал в Италии. Селим был потрясен.

— Ну и ну! Так что же, мы с тобой потомки таких давних средневековых родов?

— Да ты-то точно, а вот я вряд ли. Мне кажется, что это избирательность моей фантазии. Возможно, я слишком много начитался о том периоде времени, может, вообразил что-то не так. А может, виной всему странные встречи с предсказателями, которые подталкивали меня ко всему этому. По крайней мере, если быть откровенным, я не чувствую себя потомком этого удивительного человека — адмирала Джероми Абаджио. Скорее, это какое-то виртуальное соединение, виртуальная связь с человеком, который жил очень давно. Знаешь, так бывает, как считают психоаналитики. И как рассказывал мне сеньор Монтезимолло, такое переселение душ известно в практике психотерапии в тысячах случаев, в сотнях — оно описано. Един-

ственное, в чем он заверил меня, — ничего страшного и ничего плохого в этих видениях нет.

— Ну и замечательно. Я, Кирилл, должен уехать, у меня вечером встреча со студентами, нужно дать им задание. На втором этаже я покажу тебе комнату, где ты будешь жить. Ты можешь жить у меня столько, сколько хочешь.

— Послушай, Селим, а что будет на той встрече со студентами, куда ты собираешься?

— Знаешь, через неделю я собираюсь в одну экспедицию и поэтому сегодня должен встретиться со своими молодыми коллегами и переговорить с ними. Будет решаться вопрос, когда мы будем уезжать, какие продукты и снаряжение нам понадобятся.

— Это секрет, куда вы поедете?

— Нет, конечно, не секрет. Мы собираемся ехать в восточную часть Турции, к горе Арарат.

— Неужели? Гора Арарат, библейская гора?

— Да-да, именно туда, Кирилл. Там еще в 80-е годы были найдены окаменелости, которые привлекают внимание многих специалистов из разных стран мира. Вот я и хотел бы посмотреть их. Хотя сканирование, радиоуглеродный анализ и все прочее уже было сделано учеными из Соединенных Штатов Америки. Но у меня есть свои предположения.

— Что это за окаменелости, Селим?

— Считают, что это останки Ноева ковчега.

— Ноева ковчега?

— Да. Разве ты не слышал об этом?

— Нет, никогда. Это для меня открытие.

— В общем-то, ничего удивительного и нет, потому что много ученых считают, что все это просто выдумка. Но в то же время есть ряд ученых, которые уверены, что Ноев ковчег существовал, как и остальные библейские герои.

— Послушай, Селим, возьми меня на эту встречу, мне очень интересно.

— Что ж, никаких проблем. Ты не устал с дороги?

— Да нет, я за эти дни отоспался так, что готов участвовать с тобой во всех походах, когда бы они ни происходили — хоть днем, хоть ночью.

— Тогда поехали. Я рад буду познакомить тебя со своими студентами.

В машине Кирилл вновь вспомнил об адмирале Реисе, далеком предке Селима.

— Послушай, Селим, а архивы адмирала сохранились?

— Частично да, но большая часть еще не открыта. Знаешь, мой далекий предок был учителем многих поколений мореходов. Его книги переписывались, позднее — переиздавались. Они были очень точны, а лоции весьма верны. Существуют даже фрагменты карт, где обозначена Антарктида, на тот момент еще неизвестная.

— Неужели?

— Да.

— И никто не знал, откуда у него такие познания? Где и от кого он узнал о существовании далекого континента? А когда жил твой предок?

— Он жил с середины XIV до середины XV столетия.

— Что, сто лет, так долго?

— Не сто, чуть меньше, девяносто три. И даже существует предание, что умер не своей смертью, а был обезглавлен по приказанию султана.

— За что?

— Вроде бы, он проиграл морскую битву.

— В таком-то возрасте участвовать в морском сражении?

— Такова легенда. Хотя я думаю, что адмирал умер своей смертью, в преклонном возрасте. Он был очень уважаемым человеком в Османской империи.

— Скажи, так сохранилась именно та карта, где обозначена Антарктида? Может, есть карты, где обозначены и другие материки?

— Существуют только фрагменты. Считается, что Реис знал о существовании и Америки, и Австралии, и Антарктиды. Но в точности доказать сегодня это невозможно. Время от времени в библиотеке Дворца султана находятся отдельные фрагменты его лоций. Но это уже не те лоции, что были переданы им султану, а те, что были переписаны и перерисованы гораздо позже. Поэтому и нельзя сегодня с полной достоверностью сказать, что именно перу адмирала Реиса принадлежала та или иная карта.

— Скажи, Селим, а есть еще надежда найти какие-то бумаги из архива адмирала?

— Да, безусловно. Недавно университетской библиотеке был передан частный архив, в котором, я очень надеюсь, будут открыты несколько новых дневников моего предка. К сожалению, архив этот

хранился не надлежащим образом. Тонкие пергаменты и бумаги отсырели и слиплись. Поэтому предстоит кропотливая работа, чтобы их разобрать. Над ними работают несколько библиотекарей и преподавателей университета. Но я верю в то, что часть дневников все же будет открыта и мы больше узнаем об адмирале Реисе.

Они остановились у небольшого, но очень старинного здания.

— Вот, рад показать тебе один из корпусов нашего исторического факультета. Здесь несколько небольших аудиторий, где проводятся практические занятия. Здесь я преподаю. Сегодня нас ждут мои студенты из разных стран мира, с которыми я хочу осуществить поездку в район горы Арарат.

Селим с Кириллом вошли в здание. На первом этаже их ждали шесть человек. Увидев их, Кирилл был удивлен. С первого взгляда было понятно, что эти люди представляют разные страны. Селим приостановился и сказал:

— Я хочу познакомить вас с историком, человеком, о котором я вам рассказывал. Это Кирилл, тот самый корабел, который реконструирует суда прошлого и совершает на них путешествия в соответствии со старинными лоциями. Знакомьтесь.

Кирилл подошел и стал пожимать своим новым знакомым руки. Те представлялись и называли страны, из которых они приехали. Был среди них кореец, приехавший из Южной Кореи, господин Ким. Был чернокожий американец, представлявший Пенсильванский университет, звали его Джек. Был здесь ливанец Фарид и трое турок, среди которых находилась одна женщина: Мунтаха, Алибей и Васил. Все расселись за круглым столом, и Селим начал с того, что университет выделяет автобус и на следующей неделе они могут осуществить заветную поездку. Для того чтобы отправиться на Арарат, им потребуется снаряжение, теплые вещи, продукты и рюкзаки.

На небольшом импровизированном собрании решено было закупить продукты. Старшим был назначен Алибей. Остальные согласились помочь ему. Селим должен был заняться подготовкой снаряжения, взять напрокат рюкзаки, спальники, веревки, кошки и другое имущество. Он никогда не был там, хотя знал, что американской миссией совместно с турецким представительством недалеко от окаменелости был оснащен небольшой базовый лагерь, откуда велись исследования. Далее полученные образцы отправлялись в Пенсильванский университет в США, а также в другие страны мира, где выполнялись

анализы по изучению материала, из которого был создан предполагаемый древний корабль.

Кирилл не вступал в беседу, но ему нравилось, как по-деловому, четко и точно Селим распределил задачи для своих друзей. Собрание продлилось не более часа, Селим пообещал своим друзьям, что еще на этой неделе они встретятся вновь и Кирилл расскажет им о тех маршрутах и о тех плаваниях, в которых он участвовал.

Более всех работами Кирилла интересовался ливанец Фарид. Ему было интересно. Заинтриговав Кирилла, он сказал на прощание:

— Я принесу на нашу следующую встречу несколько фотографий древнего судна, которое мы строим в Ливане. Мы хотим совершить плавание маршрутами древних финикийских и карфагенских мореходов. Я думаю, вам это будет интересно, Кирилл.

— Да, конечно.

— Судно почти готово. Оно маленькое, но очень вместительное. Когда встретимся, мы поговорим на эту тему более подробно.

Они пожали друг другу руки и отправились в обратный путь. Вечерний Стамбул был освещен мириадами огней. Множество машин заполняли всю проезжую часть, по тротуарам двигались пешеходы. Стамбул нравился Кириллу — это был целеустремленный город, город молодежи, в котором перемешалось прошлое и настоящее. Потратив гораздо больше времени, чем днем, они добрались, наконец-то, до дома Селима. Кирилл чувствовал себя уставшим — сказывался суточный переезд из Греции. Поднявшись на второй этаж, Селим показал ему комнату и предложил расположиться и отдохнуть. Сам же он решил еще поработать в кабинете.

Кирилл разделся, умылся, но перед тем, как лечь, спустился в зал. Его привлекал портрет адмирала Реиса. Спустившись, он зажег небольшой ночник, в свете которого адмирал не был таким грозным воином, как до этого представлялся Кириллу. Он смотрел на него с какой-то усталостью. Кирилл почувствовал, а точнее, ему показалось, что рядом с адмиралом Реисом появился Джероми. Он вздрогнул. Боже, возможно ли это! Опять видения…

Кирилл зажег больше света. Джероми исчез с полотна, а адмирал Реис стал более жестко смотреть на него. Кирилл присел на диван и неожиданно для себя принял решение. Он поднялся и пошел в кабинет к Селиму.

— Селим, можно войти?

— Конечно, проходи, я думал, ты давно уже спишь.

— Нет, я еще раз спускался вниз, еще раз смотрел на портрет твоего предка. Опять меня посетило видение — я увидел Джероми Абаджио. Странно, не правда ли?

— Ну что ж здесь странного? Ты думаешь о нем все время. К тому же сегодня я рассказал тебе то, чего ты не знал. Ты заинтересовался архивом, вспомнил опять своего предка, вспомнил о том, что он также был известным флотоводцем и путешественником — вот и соединилось все это в твоей голове, поэтому ты и увидел их рядом. Не вижу здесь ничего странного.

— Послушай, Селим, но пришел я не за этим.

— Что же ты хочешь?

— Ты знаешь, ко мне часто приходят молниеносные решения. Я прошу тебя: возьми меня на гору, в экспедицию. Я хочу увидеть окаменелость, хочу увидеть Арарат.

— Что ты, Кирилл, возможно ли это? Ты же собирался домой, тебе нужно принимать решение, что делать с судном в следующем году, и вдруг ты все откладываешь?

— Время еще есть, впереди почти семь месяцев. Я успею принять решение. К тому же до момента нашего отъезда я напишу несколько писем в Германию, а также напишу письмо сеньору Данио в Венецию. Пока мы будем в экспедиции, и в Италии, и в Германии мои друзья подумают, какой правильный сделать выбор, чтобы корабль был представлен европейскому сообществу с наиболее выгодной стороны. Я подчинюсь решению либо немецких друзей, либо венецианских. Поэтому, если я уеду с тобой, ничего страшного не будет.

— Кирилл, но экспедиция продлится более двух недель. Тебя не задержит это?

— Ты знаешь, дома у меня только родители. Они привыкли к моему долгому отсутствию, больше меня никто не ждет. Поэтому, пробуду я здесь на несколько недель больше или меньше, это не повлияет на мою работу. К тому же именно здесь я смогу собрать материалы для моей книги, которую давно пишу.

— Ты пишешь книгу?

— Да. Это большая книга, и рассказывает она о тех судах, точнее о копиях, реконструкциях и моделях тех судов, с которыми я сталкивался во время своих плаваний.

— Кирилл, но это же нескончаемая книга!

— Да, сколько лет я буду жить — столько буду заниматься своими экспедициями, столько лет будет писаться эта книга. Время от времени я буду частями издавать ее, потому что, на счастье, морская история еще не умерла. Она существует, и мы сталкиваемся с ней каждый день.

— Ну что ж, если ты хочешь ехать с нами, автобус может взять десять человек. Нас сейчас семеро, ты будешь восьмым, водитель девятым. Место есть, я не вижу ничего, что не позволило бы тебе путешествовать с нами. Единственное, я должен дать запрос в Министерство иностранных дел, потому что та часть Турции, куда мы поедем, не совсем безопасна, она входит в Курдистан и живут там преимущественно курды. Ты же знаешь, в Турции есть проблемы, потому что курдский терроризм известен по всему миру.

— Хорошо, запроси министерство.

— Иди отдыхать и оставь мне в зале на столе свой паспорт. Завтра я уеду очень рано, чтобы заняться вопросами подготовки экспедиции. Ты же можешь погулять, на столе будут лежать запасные ключи. Продуктов в холодильнике достаточно. Ты же любишь Стамбул, знаешь его?

— О, да. Я люблю Стамбул, я знаю автобусы, которые идут в город, и с удовольствием проведу это время в музеях, во Дворце султанов, схожу в Софиевский собор и очень хочу посетить подземное водохранилище, созданное во времена Византии.

— Что ж, я очень рад, хотя и удивлен твоему решению. Все, что ни делается, делается к лучшему.

— Что, и у вас, мусульман, существует такая поговорка? Ведь это наша, христианская.

— Я думаю, мой дорогой Кирилл, что такая поговорка есть у всех народов и будет существовать во все времена…

Кирилл протянул Селиму руку, тот крепко пожал ее, и он отправился отдыхать.

Глава 3.

Секретное поручение

Воспоминания Джероми. — Секретное поручение. — План Джероми. — Генуэзская колония в Александрии. — Отплытие. — Неожиданное пленение. — Адмирал Али Паша Реис.

Ранним утром Джероми услышал, как в дверь постучали. Слуга проводил в его комнату молодого человека, который сказал, что ему поручено быть писарем у адмирала и записать все, что он пожелает надиктовать. Молодой писарь был прислан из канцелярии Дожей, куда Джероми обратился несколько дней тому назад с целью привести свои дневники в порядок и представить Сенату подробный доклад. После этого часть дневников будет засекречена, что-то обнародуют в виде книги «История путешествий Джероми Абаджио и Лацио де Калье», которую перепишут в десятках экземпляров.

Молодой человек принес с собой объемистую папку прекрасной бумаги, чернильный прибор, десяток перьев и специальный нож для их заточки. Джероми приказал слуге принести стол.

Небольшой, но очень удобный стол с ящиками был установлен возле окна, за ним на жестком деревянном табурете примостился писарь. Пачки бумаг и пергаментов на столе хозяина были рассортированы в одном ему известном порядке. Джероми медленно начал диктовать, углубившись в воспоминания, когда ему и его другу Лацио пришлось пережить ряд событий, коренным образом изменивших всю их жизнь...

Вот уже месяц, день за днем, с первыми лучами солнца приходил писарь к дому Джероми. Подчас они засиживались до поздней ночи и заканчивали свою работу при свечах. Джероми торопил. Он чувствовал, что здоровье его, и без того слабое от пережитых событий после битвы при Лепанто, стало быстро ухудшаться. И хотя раны, полученные во время сражения, давно затянулись, он часто испытывал в груди острую боль, а по ночам просыпался от нехватки воздуха. Джероми понимал: его сердце работает плохо — он хотел закончить работу до рокового момента, когда произойдет неизбежное.

Время от времени к нему заходил Лацио. Тогда он отправлял писаря и они обсуждали сделанные записи вместе. Иногда Лацио кор-

ректировал его или напоминал о тех событиях, которые Джероми упустил. Вот и сегодня они разместились за большим столом и вели беседу о том далеком времени, когда в Генуе получили секретное задание отправиться в Египет. А было это так...

***

Джероми преподавал в навигацкой школе, и лучшие молодые вельможи знатных генуэзских фамилий были его учениками. Он рассказывал им о направлении сторон света, ветрах, течениях, о том, как правильно пользоваться компасом, прокладывать маршрут, использовать звезды и другие ориентиры для направления кораблей в море. Его слушатели были заинтересованы, ведь им вскоре предстояло стать помощниками навигаторов и вести галеры, как военные, так и торговые, в разные уголки Средиземноморья.

И хотя за прошедшие годы Генуя потеряла свои ранее добытые привилегии в Средиземноморье и фактически стала сюзереном возвысившегося Милана, все же без ее мореходов ни одни крупные торговые операции были невозможны. В мореходах, хорошо подготовленных, грамотных и умелых, нуждалась не только Генуя, но и Венеция, Португалия, Испания. И поэтому первый же выпуск навигацкой школы, где Джероми в течение года прочел курс лекций, был с радостью принят на новые суда.

В отличие от Абаджио, Лацио больше времени проводил на судоверфи, где ему было поручено контролировать строительство полакров и торговых галер. В один из осенних дней в класс, где занимались ученики Джероми, постучал посыльный из канцелярии генуэзского Дожа.

— Сеньор Абаджио, вас срочно вызывают к Дожу. Оставьте все дела. Вначале вы встретитесь с господином Бади, а позже и с самим Дожем.

— Что произошло?

— Я ничего не знаю. Прочтите, это записка для вас.

Джероми узнал почерк сеньора Бади. Тот писал: «Дорогой Джероми! Генуя срочно нуждается в вашей помощи. Приходите немедленно в канцелярию, я вас жду».

Джероми извинился перед учениками и, повинуясь посыльному, быстро оделся и вышел вслед за ним. У подъезда школы их ждала запря-

женная карета, которая доставила его к канцелярии Дожей. Сеньор Бади был взволнован. Он приветствовал его и увлек в один из кабинетов.

— Дорогой мой Абаджио! Генуя благодарна вам за ту огромную работу, которую вы проводите, но настал момент вам отправиться в дорогу.

— Неужели вы заказали новое судно и мне придется участвовать в его перегоне из какой-нибудь северной страны?

— Нет, мой друг, все гораздо серьезнее. Ваш путь теперь не на север, а на юг.

— На юг? Куда именно, на Сицилию, Мальту?

— Нет, в Египет.

— В Египет? Но он же в руках османов!

— Да, он в руках османов. Но даже после захвата Египта и падения Державы мамелюков у нас оставалась в Каире большая торговая фактория. Вы разве не знали об этом?

— Я знал, что еще в этом году из Египта пришло несколько караванов с грузом.

— Вы правы, Джероми. Но помимо грузов, фактория хранила в себе бесценные книги, рукописи и другие сокровища, которые не имеют ничего общего с деньгами и товаром. Сейчас все это под угрозой уничтожения. Новые хозяева Египта официально требуют незамедлительного вывода колонии, они не состоят сегодня в военных действиях с Генуей, но если в течение месяца торговая и какая-либо другая деятельность генуэзцев в Египте не будет прекращена, колония будет уничтожена, а люди истреблены.

— Как же их спасти?

— Это очень сложная задача, и Дож хочет возложить ее на вас.

— На меня? Но чем я лучше других навигаторов? Пошлите три-четыре крупные галеры, они снимут людей и все ценное и привезут в Геную.

— Это невозможно. Весь юг Средиземного моря патрулирует султанский флот. Как только они увидят военные галеры, то конфликт неизбежен.

— Но как же они хотят, чтобы мы спасли колонию?

— В том-то и дело, они не хотят, чтобы мы забрали ее. Они хотят дождаться того момента, когда истечет срок ультиматума, и потом забрать все силой. У нас есть сведения о том, что турок интересуют не

сами кварталы, построенные генуэзцами, не те оставшиеся торговые ценности, и не люди. Их интересуют те самые накопленные архивы, хранящиеся в тайниках колонии. Они считают, что там есть сведения о походах к новому континенту.

— Вы имеете в виду, к тому континенту, который описали Колумб и Америго Веспуччи?

— Да. Османы надеются в скором будущем захватить все земли Северо-Западной Африки и затем начать планомерное движение к новому континенту, чтобы охватить всю известную землю щупальцами своей жестокой религии.

— Я не думаю, сеньор Бади, что Османская империя настолько сильна, чтобы ей это вскоре удалось.

— Мы тоже так не считаем, но они очень стремятся получить те сведения, которые хранятся в генуэзской колонии.

— А что, там действительно есть какие-то ценные документы?

— Это тайна, к которой даже я не имею ключа.

В дверь постучали. Вошел посыльный, доложив сеньору Бади, что Дож ждет их в зале. Они вошли в большой зал, и Джероми сразу же встретился с колючим взглядом того самого человека, который не так давно испытывал его и Лацио, отправляя за ними в море целый караван военных судов. Тогда он и не скрывал того, что желает им поражения. Сегодня же это был совсем другой человек. С первых слов было понятно, что он лукавит и его добродушие напускное.

— Дорогой мой сеньор Абаджио! Мы знаем вас как человека ловкого, опытного и смелого. Сеньор Бади объяснил вам, какая предстоит задача — нам нужно спасти колонию, вывезти людей и, самое главное, сохранить для Генуи те ценнейшие бумаги, которые спрятаны в тайниках. Там уже все готово для эвакуации. Вы должны придумать, каким образом можно будет обмануть флот султана и вернуть людей и груз на родину.

— Сеньор Дож, я не могу сразу дать ответ, как это сделать. Я должен подумать, посоветоваться с сеньором де Калье и думаю, что завтра к вечеру мы предложим вам план действий.

— Поторопитесь, сеньор Абаджио, Генуя нуждается в ваших услугах. О затратах не думайте, вам будет оказана любая помощь.

— Вот этого нам и не нужно. Чем меньше людей будет знать о том, что происходит, тем лучше. Могу вам сразу сказать, что нам по-

требуется помощь навигатора Сальгадо. Насколько я знаю, он недавно вернулся из похода. Пусть его вызовут. Это верный сын Республики, и на него можно положиться. Я абсолютно уверен, что с его помощью нам удастся осуществить то, что вы от нас требуете.

Джероми поклонился и, не дождавшись ответа, вышел из зала. Уже на лестнице его догнал сеньор Бади.

— Вы молодец, Джероми. Этот лукавый старик всегда мыслит в двух, а то и в трех направлениях. Поезжайте домой, найдите сеньора де Калье, переговорите с ним. Завтра, перед тем как идти к Дожу, мы встретимся с вами и решим, что нам предпринять.

Джероми поспешил к другу. Лацио отдыхал. День был очень тяжелым — на воду спускалась новая торговая галера. Неправильные расчеты привели к тому, что во время спуска один из тросов оборвался, судно резко накренилось и ударилось носовой частью о воду. Лацио и строители сильно перенервничали. На счастье, никаких повреждений корабль не испытал.

— Прости, Лацио, что я беспокою тебя, но нам нужно обговорить одну важную проблему.

— Джероми, я очень устал. Какая важная проблема может быть после такого безумного дня, который преследовал меня? Может быть, завтра с утра?

— Нет, мой друг, завтра с утра будет поздно. Мы получили секретную задачу от самого Дожа.

— Не долго он дал нам отдохнуть. И года не прошло…

— Что поделаешь! Видимо, ему не хватает своих доверенных людей, раз он обращается к таким, как мы.

— Ты намекаешь на то, что мы люди, не знающие родины?

— Да, именно на это, мой друг Лацио.

— Но стоит, наверное, винить самих себя. Причем уж тут Дож Генуи?

— Согласен с тобой, даже поправлю тебя: не самих нас, а меня, за мое безрассудство и глупость.

— Как здоровье Изабеллы?

— Неплохо, ты знаешь, неплохо. Она находится на постоянном попечении лекаря, поправилась, у нее хороший здоровый румянец, она уже реже плачет, речь ее стала более осмысленной. Я надеюсь, что еще год-полтора и она полностью восстановит свои силы. Будем наде-

яться, что к ней вернется ее прежняя легкость и тогда мы сможем обвенчаться.

— Ну что ж, это здорово. Ну говори, какое же задание поручает нам Дож Генуи?

— Ты слышал о том, что в Египте существует генуэзская колония?

— Нет, я никогда об этом не знал, да и зачем? Эта тема для меня неинтересна.

— Так вот знай: колонии этой более 150 лет. Но сейчас, после того, как османы захватили Египет, они хотят колонию разрушить. Торговые операции уже практически прекращены. Там живет всего лишь несколько десятков человек. В тайниках хранятся важные для Генуи документы, книги и бумаги. Есть, наверное, и немного дорогостоящего товара, такого как пряности, шелка, возможно, золото или драгоценные камни.

— Но нам-то что от этого?

— А нам с тобой, дорогой мой Лацио, придется туда направиться и помочь спасти колонию.

— А почему нам? Разве в Генуе мало хороших мореходов? Какая проблема — пусть снарядят несколько галер и снимут людей.

— Все так, да не так. Сделать официально это невозможно. Побережье Египта контролирует флот османов, он многочисленный, и задача стоит — не пропустить никого, кто бы мог снять людей и драгоценный груз.

— Как же это сделаем мы?

— В этом и вопрос. Думай, Лацио, думай.

Они совещались и только поздней ночью нашли решение.

На следующий день к обеду Джероми и Лацио прибыли в канцелярию Дожа. Там их ждали сеньор Бади и сеньор Сальгадо. Джероми с нескрываемым чувством обнял навигатора:

— Я не видел вас больше года. Вы хорошо выглядите! Где побывали?

— Я вновь плавал во Фландрию, — ответил Сальгадо.

— Да неужели вы опять обогнули всю Европу?

— Да, такова уж моя судьба. На счастье, погоды были хорошие. Вам привет от генуэзцев, проживающих в Брюгге.

— Как там молодой сеньор Лючио?

— Вы знаете, он женился. И я подозреваю, что скоро у него появится наследник.

— Прекрасно!

— Ну что ж, сеньоры, у вас есть какой-то план? Сеньор Сальгадо уже в курсе, что нам предстоит.

— Мы обдумывали создавшееся положение вместе с Лацио до глубокой ночи. И вот что мы считаем необходимым сделать. В первую очередь, в Египте должно стать известно, что собирается несколько боевых галер, лучших галер генуэзского флота, прийти в Египет, чтобы забрать колонистов. Поведут эти галеры известные туркам Лацио де Калье и Джероми Абаджио. Именно они прибудут туда для выполнения поручения Дожа. На самом же деле, несколькими днями раньше, под покровом осенних ночей, на полакре туда придет сеньор Сальгадо. В условленном месте, которое будет оговорено заранее, его должно ждать всего два человека из колонистов с тремя-четырьмя ящиками самого ценного, что необходимо Генуе. Вы говорили, что это бумага, возможно — золото, драгоценные камни. Я повторяю: всего три-четыре ящика. На шлюпке эти двое смельчаков должны будут подойти к полакру, погрузиться и немедленно уйти, но не сразу на Геную, а вдоль африканского побережья в сторону Мальты. Только обогнув Мальту, они должны изменить курс и идти на Сардинию, затем — Корсику, и уже потом — в Геную. Колония же вместе с людьми должна оставаться на месте. В ней все должно происходить так, как и за несколько дней до этого. Когда придем мы, тогда должны грузиться колонисты.

— Но турки не выпустят вас!

— Турок интересует груз, а не люди. Они остановят наши галеры, полностью обыщут их, может быть, одну из галер захватят, но не найдут ничего. Они вынуждены будут отпустить нас, так как Турция и Генуя в настоящее время не находятся между собой в состоянии войны. Или же мы станем рабами на галерах. Но что поделаешь, зато сама поставленная перед нами миссия будет выполнена. Вы понимаете, о чем я говорю, сеньор Бади?

— Да, Джероми, я понимаю.

— А вы, сеньор Сальгадо?

— Задача очень сложная, но я выполню ее.

— Самое главное определиться с местом, где произойдет встре-

ча. И еще: как колонисты узнают о том, что задумано?

— Завтра будет отправлено судно. Это небольшая торговая галера, которая пойдет в сторону Константинополя. Ее капитан должен будет обязательно попасться на глаза султанскому флоту. Лучше всего, если они войдут в контакт с мусульманами и убедят их в том, что идут в Константинополь с поручением от какого-либо генуэзского торгового дома. Растворившись в ночи, судно это должно изменить курс и под всеми парусами двигаться к египетским берегам.

Если ему удастся подойти на необходимую близость, чтобы высадить шлюпку и одного гребца, они должны это сделать. Гребец этот, назовем его лазутчиком, должен быть смугл, как египтянин, говорить прекрасно на арабском языке, одет он должен быть, как простой рыбак и иметь с собой только то, что может иметь рыбак, вышедший на рыбную ловлю. Подойдя к берегу, он должен затеряться и под любым предлогом проникнуть в генуэзские кварталы. Вы найдете такого человека, сеньор Бади?

— Я буду думать, но мне кажется, что на примете есть такой лазутчик. Это настоящий египтянин, который давно состоит на службе в Генуе и выполнял не раз самые щекотливые поручения.

— Так вот он и должен сообщить то, как будут действовать сеньор Сальгадо, а затем и мы. У него должен быть какой-то предмет, который убедил бы начальника колонии в том, что все, о чем он говорит, это правда.

— Мы подумаем и об этом. Это очень ценная информация. Но как сеньор Сальгадо будет знать, удалось ли добраться нашему поверенному или нет?

— В условленном месте на берегу, в ночь прихода полакра, должны быть расположены два огня, красный и белый, на небольшом расстоянии друг от друга. Если на полакре заметят эти огни, они должны вывесить на корме своего судна белый фонарь. Тогда колонисты будут знать, что могут отправляться на своей шлюпке к борту судна.

— А если наш лазутчик будет схвачен и османы под пытками выведают у него сведения о том, что назначена встреча и в условленное место придет небольшое торговое судно? Что тогда?

— Тогда сеньор Сальгадо и его экипаж попадут в руки неверных.

— Не очень приятную картину вы рисуете нам, дорогой Джеро-

ми. Но что ж, будем надеяться, что наш лазутчик сумеет пробраться в генуэзский квартал.

— И помните, сеньор Бади, он должен сделать все, чтобы груз, который собираются отправить в Геную, был не очень большим, а шлюпка, на которой колонисты пойдут к борту полакра, была легкой и маневренной. Сейчас осень, мы не знаем, какая будет погода и какие ветра у побережья Африки.

Сеньор Бади оставил навигатора и друзей и сам отправился к Дожу, чтобы рассказать о задуманном друзьями плане. Он вернулся через полчаса и пригласил всех в общий зал.

Дож был немногословен.

— Ну что ж, господа, попытайтесь. Мне нравится ваш план. Завтра же мы отошлем торговую галеру, чтобы она походила перед носом у турецкого флота в районе Крита. Повезет — через неделю-полторы наш поверенный будет в колонии. Но как точно мы будем знать, когда навигатору Сальгадо прибыть к берегу и какова точка встречи?

Джероми развернул карту, принесенную им с собою.

— Вот посмотрите. Я хорошо знаю это побережье. Здесь небольшой мыс, за которым удобно укрыться. И бухта. Она мелководна, и в ней никогда не бывает высокой волны. От кварталов, где расположена генуэзская колония, до бухты — четыре часа пешего хода. В глубине бухты сохранилась бывшая рыбачья деревня. Она разрушена много лет тому назад при мамелюках. И я не думаю, что сейчас в ней кто-либо живет. За несколько ходок под покровом ночи удастся перенести туда то, что колонисты хотят переправить в Геную.

— Ну что ж, план хороший. А что будет, сеньор Абаджио, если турки не захотят выпускать вас и вашего друга на галерах обратно в море вместе с колонистами?

— Я не думаю, что произойдет что-либо ужасное. Они обыщут наши галеры и, не обнаружив ничего ценного, вынуждены будут нас отпустить.

— А ежели нет?

— А если нет, сеньор Дож, то мы станем рабами на мусульманских галерах. Но цель будет достигнута. Самое главное, чтобы наибольшее количество людей узнало о том, что я и сеньор де Калье отправляемся в Египет. А вот о том, чем займется сеньор Сальгадо, не должен знать никто.

Друзья вышли из зала. Джероми распрощался с ними и направился домой. Вот уже два дня он не был в своем доме, где его ждала Изабелла, посылая всеми возможными и невозможными путями весточки о себе. На стук открыл слуга. Джероми быстро взбежал на второй этаж и прошел в женскую половину. Изабелла сидела перед окном. Рядом стояла служанка, расчесывая ей волосы.

— Здравствуй, моя милая, моя дорогая Изабелла! Ты ждала меня?

— Здравствуй, Джероми. Я соскучилась и очень ждала тебя.

Лицо Изабеллы было бледным. И хотя общее состояние ее здоровья улучшилось, она все же оставалась глубоко больным человеком. Временами приходящая к ней депрессия настолько изматывала молодую женщину, что у нее случались обмороки. Для того чтобы хоть как-то скрасить ее одиночество в то время, когда он был на службе, Джероми нанял двух служанок, одна из которых умела играть на лютне. Был в доме также слуга, который работал и как садовник, и как уличный клоун. Игра на лютне, небольшие представления, которые давали слуги, на какое-то время отвлекали Изабеллу от ее тягостных дум. Джероми также пытался доставить ей немного удовольствия, время от времени скрывая в потаенных углах комнаты игрушки, засахаренные фрукты, записки. Когда Изабелла их находила, ее настроение улучшалось. Она улыбалась и вспоминала возлюбленного.

Они провели вечер вместе. Джероми долго не мог сказать, что он вынужден покинуть ее на какое-то время. Он не мог также сказать ей ничего о времени: пройдет ли это месяц или долгие годы. Только под конец ужина он рассказал Изабелле о том, что с секретной миссией направляется в одну из далеких стран, где должен выполнить задание Сената и Дожа, после чего вернется домой. Чтобы Изабелла ни в чем не нуждалась, он оставляет ей большую сумму денег, полученную авансом за его труды. А также от правительства Генуи к дому Изабеллы будет приставлен стражник и еще двое слуг. Она ни в чем не будет нуждаться. По возможности он будет посылать ей весточки из тех мест, где будет бывать.

Молодая женщина с мужеством восприняла известие. Джероми поднялся, приблизился к ней, ласково обнял.

— Я буду писать тебе. Я очень люблю тебя, ты единственный светоч в моей жизни. Не волнуйся, мы будем вместе. Но сейчас я должен уехать. Ты же знаешь, у нас с тобой и у нашего друга Лацио нет

родины. Нам дали приют здесь, в Генуе, и я обязан его отрабатывать.

Изабелла тихо заплакала. Джероми прижал ее к себе и нежно поцеловал. Он проводил ее в спальню, уложил, как маленького ребенка, в постель, укрыл и сидел возле нее до тех пор, пока она не заснула. После этого пошел на мужскую половину и собрал свои вещи. В ближайшие дни ему редко придется бывать дома, потому что нужно готовить отплытие кораблей. Новые экипажи, новые люди, новые помощники. Жаль, что с ними не будет навигатора Сальгадо, но у того задание еще более сложное, чем у самого Джероми.

Утром он вновь вернулся на женскую половину. Изабелла сидела возле окна. Он так и не понял, спала ли она этой ночью, или же после его ухода вернулась в зал.

— Ты спала, Изабелла?

— О да, Джероми. Скажи мне единственное: когда же ты уходишь в море?

— Это произойдет через несколько недель. Не волнуйся, хотя и редко, но я буду бывать дома. И каждый день слуги будут приносить тебе от меня известия. Вместе с ними будешь отправлять все свои пожелания. Поэтому хоть и не вместе, но мы будем рядом. При первой же возможности, когда уйдем в море и где-то окажется генуэзское судно или небольшая фактория, я отправлю тебе весточку. Не волнуйся, ты ни в чем не будешь нуждаться.

Он поцеловал Изабеллу и, не дожидаясь всплеска эмоций с ее стороны, повернулся и вышел. Слезы навернулись Джероми на глаза. Он вновь покидал любимую женщину, так и не совершив того, о чем говорил ей очень часто. Они до сих пор не были обвенчаны, не стали мужем и женой. После возвращения в Геную это было невозможно из-за состояния здоровья Изабеллы, сейчас — из-за того, что он вновь уходил в море. Но по возвращении он сделает это непременно.

Джероми решил про себя заказать у известного ювелира кольцо, которое оставит Изабелле и которое станет залогом его верности и любви. Внизу Джероми ждал экипаж и вскоре он прибыл на верфь. Как бы невзначай попросив кучера проехать по всей территории гавани, через приоткрытое окошко он стал наблюдать за судами, стоящими в ней.

Совершенно неприметно стояла небольшая торговая галера. На ней не было видно никаких приготовлений. Но Джероми знал: именно

это судно через несколько часов покинет генуэзский порт и поплывет к берегам Крита. Он надеялся, что именно там генуэзцы встретятся с флотом султана. Хотя торговое судно было маленьким, оно было украшено резьбой, окрашено в красно-белые тона, мачты и реи были выполнены из новой древесины.

Вскоре экипаж подвез его к большой боевой галере. Она не имела отделки, была невзрачна и громоздилась над причалом своими тяжеловесными бортами. Джероми поднялся в каюту. На палубе его встретил помощник, которому он передал письменные полномочия. Прочтя их, тот поклонился и произнес:

— Сеньор навигатор, мы рады приветствовать вас на борту!

— Я назначаю общий сбор через два часа, а сейчас проводите меня в каюту.

Каюта навигатора располагалась в корме таким образом, что несколько ее окошек выходили как в корму, так и на боковые стороны галеры. Проводив помощника, Джероми закрыл двери и прильнул к окошку. Он видел, как торговая галера подняла флаги, означавшие отход. Не укрылось от него и то, что в последний момент по трапу поднялся закутанный в черный плащ монах. Джероми догадался, что под этой личиной скрывался лазутчик, отправлявшийся в Египет.

— Здорово, молодцы. Теперь все в порту будут знать, что небольшая торговая галера с посланием от генуэзского Дожа пойдет в Стамбул.

Два больших бота вывели торговую галеру на середину залива. Матросы подняли реи и распустили паруса. Судно, подталкиваемое легким ветром, стало набирать ход. Джероми перекрестил его и затем перекрестился сам.

— Господи, помоги им!

Во второй половине дня состоялся совет, на котором Джероми громко, так, чтобы слышали все матросы, а по возможности и те, кто находился на борту и возле судна, рассказал о том, что они будут плыть с ответственным поручением от Сената и Дожа в Египет, чтобы забрать колонистов и груз. Он надеялся, что среди тех, кто сейчас находился здесь, будет человек, который передаст эту новость такому же лазутчику, какого они отправили в Египет.

Сейчас нужно было сделать так, чтобы дезинформация побыстрее дошла до ушей тех, кто должен был знать об их походе. Осмотрев

судно, Джероми остался доволен. Это была большая и очень крепкая галера. Он знал, что она не ходкая, но объемы ее трюмов позволяли погрузить людей и снаряжение. Отдав необходимые приказания, он сошел по трапу на берег и двинулся в сторону другой, подобной его, галеры, где командовал Лацио. Де Калье в точности выполнил все договоренности, которые были между ним и Джероми, и точь-в-точь повторил все, что и он сделал на своем судне.

Джероми, подойдя к причалу, окликнул помощника и приказал ему позвать сеньора навигатора. Лацио вышел на трап, затем спустился к нему, они пожали друг другу руки и удалились от причала вглубь порта.

— Ну, как все прошло?

— Пока все хорошо, мой друг Лацио. Будем надеяться, что тот, кому нужно знать, уже знает о том, что мы собираемся в Египет.

— А где полакр, на котором уйдет в море Сальгадо?

— Я его еще не видел, возможно, он находится в одном из затонов. Но нам сейчас нельзя ни говорить, ни даже думать об этом. Все решится положительно только в том случае, если тайна будет сохранена.

Дни, проведенные в порту, были посвящены комплектованию гребцов. Джероми не хотел брать рабов и заключенных. Он также не хотел, чтобы на его галерах были мусульмане. Поэтому был объявлен набор, по которому они вскоре набрали вольных людей и хорошо им заплатили. Они несколько раз выходили в море, где тренировали слаженность экипажа в гребле. Был погружен продуктовый запас, порох, ядра. Носовые части галеры украсили крупные орудия. По бортам она была вооружена небольшими пищалями. Холодное оружие было взято с учетом всех членов экипажа, матросов и гребцов. Джероми старался все это делать открыто, с учетом того, чтобы об этом становилось известно в городе.

Приготовления к плаванию шли с большой помпезностью. Корабли, а точнее их мачты, увенчались красивыми, шитыми золотом флагами. Только однажды, в ночь перед уходом, им удалось встретиться с навигатором Сальгадо. У него тоже все было готово. Они еще раз обсудили весь план, пожали друг другу руки и разошлись.

Навигатор Сальгадо набрал свой экипаж из матросов, с которыми ходил в дальние походы. Все они знали, что идут на Мальту, что

возьмут необходимый груз и дальше поплывут к берегам Испании. Только за Мальтой Сальгадо объявит матросам о том, что они будут делать на самом деле...

В последний раз Джероми побывал дома, где Изабелла с радостью встретила его. Поздно ночью в двери постучались. Он понял, что это посыльный и что внизу его ждет экипаж, чтобы отправиться в порт.

Джероми обнял молодую женщину, поцеловал ее, отдал последние распоряжения слугам и служанкам, спустился вниз, так и не позволив Изабелле выйти из ее комнаты. Выйдя на крыльцо он плотно притворил дверь. Его сердце сжималось от тоски и боли, но долг обязывал как можно скорее уйти в море...

Один из помощников Джероми начал отсчет. Он стоял недалеко от мачты и громко произносил:

— И-и-и-раз, и-и-и-раз, и-и-и-раз...

Весла медленно входили в воду, затем гребцы налегали изо всех сил, проводя их по поверхности воды и резко поднимая вверх. Все это повторялось с методичной четкостью, и через несколько часов, идущие друг за другом, они покинули Генуэзский залив. Сразу же после этого Джероми приказал поставить паруса. Ему обязательно было нужно, чтобы гребцы были в хорошей физической форме. Он не знал, что предстоит им впереди, не знал и того, где в настоящее время находился навигатор Сальгадо. День застал их недалеко от острова Корсика. Джероми прекрасно знал эти места и ориентировался так, как будто бы впереди него была не тонкая полоска далеко лежащего острова, а хорошо, отчетливо видимые ориентиры.

Ночь и следующий день прошли спокойно. Джероми рассчитал все так, чтобы быть у берегов Африки на пятый день плавания. Хотя погоды были холодными и часто им приходилось двигаться в рассветном тумане, волнение было легким и галеры шли ходко и быстро. На подходе к египетскому порту их остановили галеры султанского флота. Небольшая юркая шлюпка подошла к борту галеры Джероми. Навигатор турецкого военного корабля приглашал его к себе для переговоров. Джероми спустился в шлюпку и вскоре предстал перед османом. Тот прекрасно владел итальянским, им не нужен был переводчик.

— Куда вы направляетесь? — спросил турок, представившись Али-пашой. Он был небольшого роста, его правую щеку пересекал

сабельный шрам. Было ясно, что этот человек побывал не в одном сражении.

— Мы идем, сеньор Али-паша, в Александрию, за людьми из нашей колонии. Ваш султан запретил нам торговать на территории Египта, и мы должны забрать своих людей.

— Ответ исчерпывающий. Я знаю о том, что ваш генуэзский квартал должен быть закрыт. Торговцы и лазутчики, которые шпионят там против нашей империи, должны чем быстрее, тем лучше покинуть землю Египта.

Джероми не стал вступать с ним в пререкания, понимая, что это ничего не даст.

— Позвольте нам выполнить наш долг как можно быстрее!

— Ну что ж, навигатор, идите. Мы проследуем за вами до самого Александрийского порта. Я надеюсь, что ваши единоверцы уже готовы к эвакуации. Но не думайте, что им будет позволено увезти что-то ценное с нашей земли!

— Мы и не надеемся на это. В наши цели входит лишь забрать людей и то личное имущество, которое им принадлежит.

Джероми вернулся на свою галеру, на ней подняли паруса и, сопровождаемые турецкими судами, они двинулись на вход в египетский порт.

Александрия, город-порт, некогда богатейшая на всем Средиземноморье, сейчас была на грани вымирания. Торговые операции были прекращены, огромные склады, в которых хранились товары из Африки и Европы, уходившие в азиатские порты через Красное море, пустовали. Запустение было видно во всем. Выбитые окна, открытые двери, грязные, давно не видевшие метлы улицы… В порту было много нищих. И кроме них, их встречали воины во главе с турецким офицером. Джероми не было указано, где пришвартовать свои суда. Он стал там, где ему было удобно. Точнее, там, где было ближе всего к генуэзскому кварталу.

Офицер, встретивший его на трапе, довел до сведения, что они будут досматривать каждого человека и все те ящики и мешки, которые будут нести с собой генуэзцы.

Матросам с кораблей Джероми и Лацио было запрещено сходить на берег. Только сам Джероми мог выйти и направиться в сопровождении турецкого офицера к кварталам генуэзской колонии. Гену-

эзский квартал из добротно построенных зданий был окружен турецкими воинами. Джероми понимал, что если Сальгадо удалось принять на борт шлюпку, людей и документы, то это было чудом.

Они постучали в ворота. С той стороны приоткрылось окошко, и молодой генуэзец спросил, кто это.

— Я Джероми Абаджио, посланник генуэзского Дожа, на двух галерах прибыл, чтобы забрать колонистов и их личные вещи. Вы готовы?

— Входите, сеньор Абаджио. Мы ждали вас.

Джероми вошел. Молодой человек пожал ему руку.

— Я рад, что вы прибыли. Я очень рад Вы знаете, нам…

Джероми прервал его, прикрыв рот ладонью.

— Помолчите. Все будет сказано позже.

Они вошли в здание, где в большом зале находились мужчины и женщины. Многие из них были бледны, дети плакали.

— Успокойтесь, — громко сказал Джероми. — Собирайте свои вещи. Завтра утром мы будем грузиться на корабли.

Джероми обратился к встретившему его генуэзцу:

— Где посланник, почему я не вижу его?

— Он тяжело болен. Я сейчас провожу вас.

Они вышли на улицу и прошли к небольшому дому, находящемуся в нескольких десятках метров от глухой ограды.

Посланник лежал на кровати. Это был пожилой седой мужчина, глаза его были чуть прикрыты.

— Сеньор Пьетро, сеньор Пьетро, прибыли из Генуи…

Пьетро открыл глаза.

— Кто вы?

— Я Джероми Абаджио, прибыл за вами на двух боевых галерах. Завтра утром нужно осуществить погрузку людей и самого ценного и уходить в море.

Пьетро приподнял руку и произнес:

— Мы не знаем, удалось ли двоим генуэзцам бежать вместе с архивом, у нас нет вестей. Один из провожавших их был убит в стычке с турками, другой пропал.

— Я думаю, сеньор Пьетро, что если бы ваши люди были схвачены и не добрались до судна навигатора Сальгадо, то и вы, и колонисты давно были бы распяты на крестах.

— Будем надеяться, что это правда. Мы передали весь архив

колонии, самые ценные документы, все в ящиках, обитых медью. Я верю и надеюсь, что они попадут в Геную.

— Крепитесь, сеньор Пьетро. Я иду готовить галеру, а вы отдайте распоряжение, чтобы с рассветом все отправлялись в порт.

Ночь прошла беспокойно. На причале дежурили турки, освещая все вокруг светом факелов. Было ясно, что они боятся, чтобы на генуэзские корабли не было передано что-то ценное. Утром шестьдесят два колониста, среди которых были женщины и дети, вместе со своими вещами поднялись на борт галер.

Джероми взволновало, что турки не досматривали вещи. Это говорило о том, что впереди их ждут неприятности. Ровно в полдень турецкий офицер, подошедший к трапу, знаком указал, что галеры могут уходить в море. Гребцы взялись за работу. До этого момента все шло, как и задумал Джероми. Но что-то беспокоило его.

Обогнув невысокий мыс, корабли устремились в море. Только сейчас Джероми увидел, что с другой стороны мыса, окружая их полумесяцем, движется двенадцать боевых судов султанского флота. Бежать было невозможно. И он отдал распоряжение опустить паруса. Его примеру последовали на галере Лацио. Османы окружили генуэзские галеры, вскоре к борту подошла шлюпка.

— Вас требует на борт галеры Али-паша!

Джероми увидел, что вторая шлюпка направилась к галере Лацио. Было ясно, что дела их обстоят плохо. Поднявшись на борт, он увидел того самого османа, который встречал их на подходе к Александрии.

— У нас есть сведения, сеньоры Джероми и Лацио, что вы все-таки вывозите на своих судах то, что было запрещено нами.

— Но ведь нас досматривали таможенные офицеры, господин Али-паша. С наших галер никто не выходил, что же мы можем увозить ценного?

— Вот это мы и проверим. Отдайте распоряжение, чтобы нам никто не мешал, иначе мы потопим ваши суда.

— Позвольте нам вернуться на наши галеры.

— Нет, вы останетесь здесь. Пишите записки своим помощникам.

Джероми и Лацио написали приказы подчиняться мусульманам.

Обыск шел несколько часов, во время которых Джероми и Ла-

цио стояли на палубе не разговаривая между собой. Они боялись, что, кроме них, кто-то еще может знать итальянский, и тогда они выдадут свои планы.

Обыск ни к чему не привел. На галерах было найдено только то, что разрешалось к вывозу. Али-паша на шлюпке отправлялся несколько раз на флагманскую галеру османов и возвращался назад. После третьей поездки он вернулся и объявил Джероми и Лацио о том, что они должны предстать перед командующим флотом адмиралом Реисом. Джероми и Лацио повиновались. На большой, прекрасно оформленной скульптурами галере их ждал адмирал.

— Здравствуйте, сеньоры, — произнес он. — Я рад видеть вас на борту своей галеры.

— Адмирал, почему нас задерживают? На наших судах нет ничего, что было бы запрещено к вывозу султаном. Мы вывозим только людей, их ценные вещи, немного золота… Все остальное остается.

— Что остальное, друзья мои? Что вы имеете в виду под «остальным»? — лукаво улыбнувшись, спросил адмирал.

— Мы имеем в виду сами здания и те товары, которые находились на складах в генуэзской колонии.

— Здания? Посмотрите туда, — адмирал вывел их на палубу и обратил внимание на далекие очертания Александрии. Над тем местом, где был генуэзский квартал, поднимался черный дым.

— Султан приказал стереть с лица земли все то, что принадлежало вам. Но меня интересует, где тот архив — карты, лоции, документы — все то, что собиралось генуэзской колонией более столетия. Где все это?

— Мы ничего об этом не знаем, сеньор адмирал. И просим, чтобы вы отпустили нас и наши галеры.

— Я думаю, что вы провели меня, сеньоры. Я не знаю еще, в чем подвох, но хочу показать вам одно письмо. — Адмирал Реис протянул Джероми пергамент. Не читая его, он взглянул на подпись. Подписано оно было кардиналом Глиани. Джероми вздрогнул: господи, опять этот ненасытный кардинал! Письмо было писано на имя султана Османской империи. В нем кардинал Глиани предупреждал о том, что готовится специальная операция по выводу колонии и документов из Александрии.

— Что вы скажете на это?

— А что сказать вам, адмирал Реис? Это наш давний враг и

противник. Этот человек оклеветал нас, вы же видите, что с нами нет тех ценностей, о которых он здесь пишет!

Адмирал Реис замолчал.

— Вы обманываете меня, сеньоры, я знаю, что вы обманываете меня, и наказание вам будет таковым: я отпущу галеры в Геную — Османская империя не состоит сегодня в войне с вашей Республикой. Но вы вдвоем останетесь у меня пленниками. Мы идем в Константинополь, и там будет принято решение, что с вами делать далее.

Адмирал Реис вызвал помощника.

— Отведите их вниз, в каюту для арестантов. Пусть их хорошо кормят, но закуют в цепи. Я боюсь, как бы они не сбежали.

— А что делать, сеньор адмирал, с галерами генуэзцев? — спросил Али.

— Отпустите их, пусть идут. А сами отдайте распоряжение флоту двигаться в Константинополь.

Джероми и Лацио спустились вниз. Судовой палач надел им на руки цепи и заковал. Когда за ними захлопнулся люк, они оказались в полной темноте. Галера, слегка покачиваясь, стала набирать ход.

— Ну вот, Лацио, задание, которое ставил перед нами Дож, выполнено. А вот что будет с нами — загадка. А сейчас давай спать. Последний месяц был очень тяжелым…

Они легли спиной друг к другу, и Джероми быстро уснул.

Ночью ему приснился его далекий потомок, который стоял во дворце Дожей возле большого портрета. Вначале Джероми не мог разобрать, кто на портрете — он видел только убеленного сединами старика. Но затем, неожиданно для себя, понял: это был он, Джероми Абаджио...

Ему стало тяжело дышать. Он резко приподнялся и осознал, что проснулся, и наяву находится в плену у мусульман.

Глава 4. **Часть первая.**

Ноев ковчег

Библейская история. — Священная гора. — Окаменелость. — Решение Кирилла.

Дни перед экспедицией пролетели молниеносно. Он почти не видел Селима. Тот занимался подготовкой к поездке, а Кирилл каждое утро уезжал в центр города. Он побывал в любимых и памятных для себя местах. Часто выходил на набережную, откуда открывался прекрасный вид на Принцевы острова, лежащие недалеко от азиатского берега.

В один из прошедших дней состоялась встреча, на которую пришли студенты, учившиеся у Селима, но их было не шестеро, а гораздо больше. Всех интересовало то, чем занимался Кирилл. Зная, что не все одинаково владеют английским языком, Селим решил переводить своим друзьям на турецкий. Кирилл много рассказывал, и встреча затянулась до глубокой ночи.

Он рассказал им о плавании на копии древнегреческой диеры, о ее удивительной истории, которая длилась несколько лет. Рассказал он и о строительстве «Джинестры», и о том, какой маршрут они совершили в уходящем году. Было много вопросов, и в конце ребята дружно благодарили его за интересную и поучительную историю.

Когда они с Селимом уже собирались уходить, к ним подошел ливанец Фарид. Он прекрасно владел английским и попросил Кирилла задержаться еще на несколько минут.

— Я обещал вам в прошлый раз показать ту лодку, которую мы строим в Ливане. — Фарид достал несколько фотографий. На них были запечатлены этапы строительства: вначале закладка и киль, позже появившиеся ребра-шпангоуты, далее — обшивка. Воображение нарисовало Кириллу небольшую, но полногрудую, с очень высоко поднятым носом и кормой лодку.

— Красиво, очень красиво. Когда же вы думаете завершить строительство, Фарид?

— Я думаю, что пока мы будем в экспедиции, основные работы по корпусу будут закончены. Мои друзья работают каждый день, им

помогают много любителей, людей, которые с интересом относятся к древнейшей истории Финикии — страны, которая находилась на территории современного Ливана.

— Это очень интересно. Я думаю, что в дороге мы с вами еще не раз будем говорить на эту тему.

Они расстались. Выезд экспедиции был назначен на вторник — девять часов утра. Им предстояла нелегкая дорога, почти две тысячи километров, в предгорья Арарата.

— Селим, когда ты расскажешь мне побольше о ковчеге?

— Будет время, в дороге не придется скучать. Ты знаешь, я решил взять не одного, а двух водителей, потому что расстояние очень большое. К тому же в Курдистане лучше быть всегда начеку.

Поздней ночью они добрались домой и начали собирать и упаковывать вещи. Селим запасся видео- и фотопленкой. Кроме этого, у него был новый цифровой фотоаппарат.

— Будет ли он работать там, в холоде, не знаю. Но здесь я его уже испытывал. Фотографии просто изумительные. С ним очень легко управляться. На, попробуй.

Кирилл нацелился и сфотографировал портрет адмирала Реиса.

— Тебя так и тянет к этому портрету. Я сделаю тебе небольшую копию и подарю на память.

— Ты же знаешь, меня тянет ко всему средневековому, к тому времени, где противостояли великие державы христианского мира и Османской империи. Если бы в те времена османы победили, — и в битве при Лепанто, и в сражении под Веной, — может быть, сегодня Турция занимала бы всю территорию Европы.

— Может быть или нет, какая разница, Кирилл? Подумай сам: сегодня Европа объединена. Я уверен, в ближайшие годы и Турция войдет в ее состав. Посмотри, сколько турок живет в Европе! И не забывай, работают они на самых тяжелых работах. Именно после Второй мировой войны, когда молодые немцы, бывшие солдаты вермахта находились на работах в России и восстанавливали то, что разрушили, именно турки помогли Германии отстроиться, поднять из руин разгромленные города, восстановить дороги, открыть производства. Именно турки опускались в шахты и добывали для Германии уголь и руду.

— Я согласен с тобой, знаю об этом, а также знаю, что ваш на-

род очень трудолюбив. Поэтому не удивительно, если в скором времени Турция войдет в состав европейского содружества. Но вам для этого придется еще много поработать. Ты же сам знаешь, Селим, Стамбул и Анкара — это не вся Турция. Есть в Турции очень бедные районы.

— Да, ты прав. И через такие районы мы с тобой поедем. Там практически ничего не растет, это плоскогорье. Там не соберешь хороших урожаев, люди живут бедно, перебиваются. Но вскоре, я уверен, и там благодаря новым технологиям землеустройства удастся выращивать высокие урожаи. А страна наша, как ты сам сказал, и народ ее — очень трудолюбивы. Будем надеяться, что нам удастся превозмочь все трудности. Так, как мы это делаем со времен нашего национального героя Ататюрка.

Через день все собрались во дворе университета. Их ждал небольшой микроавтобус. Вещи были быстро погружены, и члены экспедиции, одетые по-походному, расположились в микроавтобусе. Два водителя заняли свои места впереди и, миновав шумный город, они проехали через прекрасный современный мост, перекинутый над Босфором.

Азиатская сторона Стамбула встретила их рабочими окраинами. Здесь было расположено много разных производств, трубы выпускали кольца дыма, которые образовывали смог, быстро садящийся на небольшие старенькие здания.

К удивлению Кирилла, дороги Турции были хорошими. Их нельзя было сравнить с европейскими автобанами, но покрытие было гладким, ровным, и автобус, однажды разогнавшись до 100 километров в час, практически не сбавляя скорости ехал от одного населенного пункта до другого.

Кирилл расположился рядом с Селимом, потому что ему хотелось побольше узнать о том месте, куда они едут. Кирилл привлек внимание Селима:

— Знаешь, Селим, из всей истории о ковчеге я знаю только то, что написано в Библии. И представь, хорошо это помню: «…и сделай его так: длина ковчега 300 локтей, ширина его 50 локтей, а высота его 30 локтей. Сделай отверстие в ковчеге и в локоть сведи его вверху, а дверь ковчега сделай сбоку его, устрой в нем нижнее, второе и третье жилье. И войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих…».

— Ты прав, это написано в Библии. Если учесть то, что в те времена локтем называлась мера длины, равнявшаяся приблизительно полуметру, стало быть, корабль или ларец, как его еще называют, который должен был построить Ной, имел в длину 150 метров, в ширину 25, и 15-метровую высоту.

— Да, это очень большое судно, особенно если учесть, что строили его несколько тысячелетий назад.

— Согласен с тобой, хотя это судно и очень большое, но, как ты сам понимаешь, вместить всех животных, о которых идет речь, и людей — оно не могло.

— Там в описании есть слова: «Введи также в ковчег из всякого скота, из всех гадов, из всех животных и от каждой плоти по паре, чтобы они остались с тобою в живых; мужеского пола и женского пусть они будут».

— А может быть, в те времена не было так много животных в тех местах, откуда пришел Ной? Он же не собирал их по всей планете?

— Может быть, Кирилл. Об этом уже писали, рассматривая библейский миф, многие ученые. Но не это главное. Главное то, что еще две тысячи лет тому назад, на переломе древней и новой эры, существовало поверье о Ноевом ковчеге, подтверждаемое настоящими учеными своего времени. Прославленный в античности историк Иосиф Флавий около двух тысяч лет тому назад писал: «Одну часть корабля Ноя можно обнаружить и сегодня в Армении, там люди выбирают смолу для изготовления амулетов. Армяне называют это место причалом, где ковчег остался лежать навеки, и показывают сохранившиеся до сегодняшних дней его части». Тогда же, в первом веке нашей эры, Николай из Дамаска в «Хрониках мира» упоминает о горе Баллес в Армении.

Он писал: «На вершине этой горы остановился один человек, приплывший в ковчеге, обломки которого сохранились там на долгое время». Если приблизиться к средневековью, то о ковчеге упоминал в своем путешествии Марко Поло. Он писал: «На вершине высокой горы покоится Ноев ковчег, покрытый вечными снегами». Ему же вторил немец Адам Альяри в XVI столетии: «Армяне и персы считают, что на упомянутой горе все еще находятся обломки ковчега, которые с течением времени стали твердыми и прочными, как камень».

В XVIII веке один пастух рассказывал, что в поисках заблудившихся овец он поднялся на склон Арарата и увидел там большую скалу. Когда он подошел ближе, то разглядел, что это не часть горы, а остов громадного корабля, частично скрытого подо льдом и снегом. Есть сведения, что куски древесины ковчега хранились в армянском монастыре Святого Иакова. Но монастырь был полностью разрушен землетрясением 1840 года.

Сообщение турецких властей о находке на Арарате мощных коричневых, потемневших от времени балок, составлявших нечто вроде скелета гигантского судна, появились в печати в 1883 году. Позднее одна американская газета писала, что местные жители хорошо знают обломки корабля, но боятся к ним подходить, так как однажды видели страшное привидение, выглядывавшее из окна в борту.

— Как интересно, Селим. Поверь мне, я столько лет занимаюсь исследованиями в области мореплавания, но никогда даже не задумывался, что могли сохраниться останки Ноева ковчега! Мне кажется, что это больше миф и вымысел, чем правда.

— Миф и вымысел, Кирилл, это тогда, когда его повторяют одни и те же источники. Но когда мы получаем данные из разных источников, от разных людей и разных путешественников, и они подтверждаются от раза к разу, — то это, поверь мне, уже не миф и не легенда. Я не спорю с тобой о том, как мог попасть туда этот корабль, это не мне решать и не тебе. Но то, что на горе Арарат, согласно и в соответствии с Библией есть нечто, бывшее ранее кораблем, или как еще его можно назвать — ковчегом, то есть ящиком, это представляется мне неоспоримым фактом.

Селим открыл свою сумку и достал несколько листов с записями.

— Я хочу прочесть тебе еще несколько выдержек, которые, возможно, разубедят тебя, и ты не будешь так пессимистично настроен. «В 1916 году лейтенант российского воздушного флота по фамилии Расковицкий, — Селим с трудом прочитал его фамилию, — ...и его спутники видели с аэроплана на склоне горы что-то похожее на корабль. Оно находилось в горном озере».

По словам лейтенанта, корабль казался таким длинным, как целый квартал домов вдоль улицы, и его легко можно было сравнить с огромным линкором. Шла война. Летчик поначалу решил, что немцы

тайно испытывают в озере новую модель подводной лодки, но затем рассмотрел предмет поближе и убедился, что перед ним лишь полусгнивший остов какого-то огромного судна, вмерзший в лед. Лейтенанта поразили большие ворота возле кормы.

Экспедиция, посланная затем по приказу из Петербурга, добралась до останков ковчега и даже обмерила их. В отчете говорилось, что все сооружение покрыто массой, похожей на воск или смолу. А материал, из которого изготовлен корабль, принадлежал к семейству кипарисовых. К сожалению, все документы пропали в вихре военных и революционных событий…

— Это и не удивительно, Селим. Пропали не только документы о ковчеге, Россия в те годы потеряла множество ценных вещей. Пропало множество книг, целые библиотеки сгинули в никуда… Но мне, безусловно, очень интересно то, что объект исследовался российской экспедицией. Возможно, если дать запрос в архивы, может быть, еще и удастся найти какие-то дополнительные данные?

— После экспедиции, когда ты будешь дома, я буду просить тебя, чтобы ты по возможности написал несколько писем в ваши военные архивы.

— Я с удовольствием это сделаю для тебя, Селим.

— Хочу добавить, что пропавшие документы лишь подтверждают то, что, возможно, такой поиск проводился. Пилотов в то время, как ты знаешь, было совсем немного. И хотя лейтенанта с этой странной русской фамилией не смогли найти в военных архивах, однако один из ваших эмигрантов, который воевал во время гражданской войны и потом оказался в Нью-Йорке, вспоминал о другом летчике, который рассказывал ему, что Ноев ковчег он видел собственными глазами и находится он не в озере, а между обеими вершинами Арарата, в седловине.

Этот же офицер сообщал, что после полета на гору действительно поднимался специальный батальон. Солдаты крестились и горячо молились, когда увидели ковчег и поняли, что это такое. По свидетельствам этого же автора, экспедиция выяснила, что внутренние помещения судна разделены на отсеки, а на дощатом полу виднелись следы ржавчины от железных прутьев — возможно, от клеток с животными или от специальных скоб, скреплявших корпус огромного судна.

— Как интересно, Селим. А что значит «в седловине»? Разве Арарат — это не одна гора?

— Нет, Арарат состоит из двух как будто бы сросшихся у основания гор. Это два конуса потухшего много тысячелетий тому назад вулкана. Их называют Большой и Малый Арараты. Высшая точка Большого находится на отметке 5160 метров над уровнем моря. Малый Арарат гораздо меньше. Он достигает высоты без малого 4000. Вулканы-близнецы богаты ледниками. Район, где они находятся, входит в состав нашего государства. Но, как я говорил уже тебе, в этих районах неспокойно, так как основное население, проживающее там, — это курды. Да и граница совершенно рядом. Здесь как в треугольнике сходятся границы Армении, Турции и Ирана.

Микроавтобус притормозил. Его обогнала полицейская машина, и блюстители порядка указали водителям, что нужно остановиться. Они были недалеко от Анкары, и поэтому ни водителей, ни Селима не удивило то, что полиция остановила их. Полицейские проверили документы на машину, водительские удостоверения и все документы пассажиров. Они долго рассматривали разрешение, которое получил Селим для Кирилла, позволяющее ему поездку в горный район Курдистана. Потом с кем-то созванивались, ждали подтверждения и только через час отпустили путников.

Селим решил не заезжать в Анкару, а объехать город, чтобы не терять время. Поэтому Кирилл не имел возможности побывать в столице Турции. На ночь они остановились в небольшом отеле рядом с дорогой. В его ресторанчике было безлюдно, и хозяин с большой неохотой сварил им кофе. Есть пришлось те запасы, которые были взяты в дорогу. Но это не расстроило путешественников.

Утром с криком первых петухов они покинули негостеприимную гостиницу и тронулись в дальнейшую дорогу. Кирилл неоднократно обращался к Селиму с просьбой продолжить интересный рассказ, который тот начал прошлым днем.

Дорога была пустынна. Они ехали по плоскогорью. То небольшое количество зелени, трав, кустарников и малочисленных деревьев, которые могли бы радовать глаз, уже сбросили свою листву, травы пожухли, кусты опали. Поздняя осень в Турции однообразна и уныла, как и в любой другой стране.

— Ну что ж, Селим, времени предостаточно, расскажи мне, по-

жалуйста, еще о том, какие исследования проводились в районе Арарата?

— Между Первой и Второй мировыми войнами — никаких. А вот во время Второй мировой войны над Араратом проходил воздушный мост, который был налажен для поставок продовольствия между СССР и США. Советская авиабаза находилась в Ереване, американская — в Тунисе. В 1943 году два американских пилота заметили на одном из склонов Арарата нечто, напоминавшее корабль.

Когда война уже была завершена, в 1949 году с военного американского самолета, который вел патрулирование турецкой границы, был вновь замечен и сфотографирован этот объект. Точнее, не один объект, а даже два. Один покоился в толще ледника, другой — на поверхности горы. Вначале было предположено, что это обломки разбившихся турецких самолетов, но правительство Турции отрицало такую возможность. Как и в предыдущее время, всем этим фотографиям и докладным запискам ход не давался.

По всей вероятности, они и сейчас находятся где-то в архивах Центрального разведывательного управления. Через четыре года после этого американский нефтяник Джордж Грин, пролетая над Араратом, с высоты 30 метров сделал шесть четких снимков большого корабля, наполовину ушедшего в горные породы. А два года спустя французский инженер Фернан Наварра извлек из льда Г-образный брус и несколько досок, как ему показалось, обшивки бывшего корабля. Позднее исследователь привез еще ряд фрагментов судна. Радиоуглеродный анализ в одной из лабораторий показал возраст находки — 1400 лет.

Другая же лаборатория показала совсем другой результат. Образцу, который они исследовали, было около 5 тысяч лет, то есть он был ровесником египетских пирамид. Нечто похожее на окаменелый ковчег было найдено в нескольких десятках километров от Арарата, в горах Акиаила в 1959 году. Турецкий пилот предъявил фотографию участка грунта, окаймленного земляным валом.

При желании на снимке можно увидеть отпечаток то ли исполинской широкодонной барки, то ли ее копию, которая получилась после того, как древесина окаменела и на нее наложился слой земли и камней, нанесенный за тысячелетия. Навряд ли там существует деревянная основа.

Скорее всего, древесины уже не существует, а есть окаменелость. В конце 1960 года несколько экипажей самолетов ВВС США вновь видели на горе диковинное образование в пятнах искусственного характера. В том же году во время патрульных облетов горы летчиками турецкой армии вновь были сфотографированы симметричные очертания горных рельефов.

Фотографиями заинтересовались гражданские лица. И, в первую очередь, редактор американского журнала «Лайф». В сентябре этого года он поместил снимок и репортаж о том, что примерно в 20 милях от вершины Большого Арарата найдены останки библейского Ноева ковчега. Они находились на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Длина находки, в соответствии с фотографией, составляла почти 165 метров.

— Очень интересно. Просто безумно интересно, Селим. Еще раз удивляюсь, почему я об этом никогда не слышал и ничего не знал.

— Это не страшно, Кирилл. Знать все просто невозможно. К тому же большинство сведений, которые были собраны, не предавались широкой огласке. Вот поэтому сейчас мы и едем на гору, чтобы своими глазами увидеть, что сохранилось от древнего корабля. К тому, что я рассказал тебе, можно только добавить, что мир широко узнал о том, что происходит на горе Арарат только благодаря одному человеку, американскому ученому Рону Уайду, который много лет добивался разрешения турецкого правительства обследовать объект. Разрешение это было получено в 1974 году.

Уайд обследовал прилегающую к судну местность и рядом с окаменелостью нашел валуны, в которых были просверлены отверстия. Именно так выглядели в незапамятные времена якоря средиземноморских судов. А возвышение, имевшее форму корабля, как оказалось, имело в своем составе повышенное количество углерода. Уайд предположил, что это следы ископаемой древесины.

Понимая, что одному ему не удастся правильно оценить находку, он подключил к своим исследованиям специалистов из разных областей науки. Была разработана схема находки. На нее нанесли предполагаемые шпангоуты, переборки, возможные палубы и другие элементы.

— Скажи, Селим, что — выполненные исследования и скани-

рования позволили определить, какова была форма ковчега? Он и вправду похож на ящик? Ведь ковчег — это же ящик, а я вижу на фотографиях, которые находятся у тебя, что окаменелость больше похожа на баржу или плоскодонное большое судно.

— Есть здесь, Кирилл, разночтения. Но ты же знаешь, что в Библии ковчег, или ящик, создается Ноем. Но легенда о потопе гораздо более ранняя. Я думаю, что в Библейские сказания она пришла из Вавилона, а в Вавилон попала из Ассирии, туда ее трансформировали еще более ранние народы, такие как шумеры. Ведь у шумеров есть герой Утнапиштим, человек, которому бог Энлиль поручил создать корабль — прислушайся, корабль, а не ящик из Библии, — на котором следует спасти часть людей, мастеровых и животных от надвигающегося потопа.

— Так ты считаешь, что это не Ноев ковчег, а корабль Утнапиштима?

— Сложно сказать, Кирилл. Я хочу более подробно изучить эту находку. И, как ты сам понимаешь, очень странно, что такое колоссальное разночтение существует между радиоуглеродными анализами древесины, которая в разное время привозилась с места расположения окаменелости. Самое главное то, что с 1974 года раскопки и исследования нашим правительством были запрещены из-за напряженных политических коллизий, которые время от времени возникали между Турцией и Ираном, Турцией и Советским Союзом. Поэтому район был закрыт.

Ты же знаешь, с каким трудом мне удалось добиться разрешения для тебя на эту поездку… А плюс еще волнения, которые постоянно происходят с курдским населением. Однако, кроме визуальных исследований, за прошлые годы было сделано несколько снимков из космоса, на которых различимы контуры объекта. Они, как и фотографии, сделанные во время аэрофотосъемки, очень четко выделяли на гористой местности объект, который напоминал вытянутое судно.

— Знаешь, судя по большинству снимков, которые появлялись в печати, араратский корабль не похож на библейский сундук. Но вот что он из себя представлял, мы можем сегодня только предполагать.

Кирилл задумался. Селим спрятал документы. Автобус медлен-

но взбирался на небольшую возвышенность. Впереди шел караван машин. Справа от дороги появился указатель, на котором арабской вязью было написано название городов и километраж, остававшийся до них.

— Селим, я не знаю арабского. Скажи, что написано на указателе?

— Первое — это Эрзерум, древнейший город. Нам осталось до него каких-нибудь 20-30 километров.

— Да, я знаю об этом городе из истории. Ведь в Эрзеруме начинается один из основных притоков, наполняющих реку Евфрат.

В Эрзеруме начинает свое движение река Карасу, которая вместе с другой рекой, под названием Мурад, и является истоком будущей величайшей реки Азии.

— Евфрат несет свои воды через горы и холмы, выходя позже на плоскогорье и далее, в долину, в ту самую плодородную долину, которая в древности называлась Междуречьем или Месопотамией.

Поднявшись на гору, водитель остановил микроавтобус. Все вышли и стали рассматривать каньон, внизу которого тонкой извивающейся змейкой протекала река Карасу. В этот период года, осенью, она была не такой полноводной, во многих местах виднелись выходящие на поверхность камни и небольшие скалы.

— Знаешь, здесь, в Эрзеруме, сходилось два торговых маршрута, даже больше, чем два. Самым интересным был маршрут, который вел сюда от берегов Черного моря и далее вниз по долинам, в которых протекают Карасу и Евфрат. Здесь, в Эрзеруме, соединялись торговые маршруты, которые позволяли через Малую Азию доставлять грузы из Черного моря в Персидский залив и назад.

Постояв некоторое время на возвышенности, они вновь собрались возле автобуса. Когда Кирилл готов был уже войти в двери, что-то остановило его и он обернулся. Река, как и ранее, несла свои воды в далекий Персидский залив. Ее берега были невысокими, и вдоль них проходили хорошо утоптанные столетиями тропы. Кирилл присмотрелся. С правой стороны, в ста метрах от них, двигался пастух. Он гнал впереди себя отару овец. Сзади на небольшой лошади ехал мальчик.

На какое-то мгновение ему показалось, что он увидел за мальчиком еще группу всадников. Впереди них на высоком красивом коне в пышном тюрбане и ярком халате ехал турецкий вельможа. За ним — несколько стражей, а после — Кирилл зажмурился: ему показалось, что за стражниками он увидел Джероми и Лацио в уже виденных им ранее кожаных плащах, с широкополыми шляпами на головах. Оба спутника прикрыли свои лица тонкими черными парчовыми шарфами.

Кирилл от неожиданности моргнул, и видение исчезло. Так же, как и ранее, пастух подгонял овец, которые двигались вдоль реки. Он потер глаза. Из автобуса выглянул Селим.

— Что с тобой? Тебе стало плохо на высокогорье?

— Нет-нет, все нормально, просто очередное видение.

Селим рассмеялся.

— Что же ты видел на этот раз?

— Если я скажу тебе, то явно обзовешь меня сумасшедшим…

— Не обзову, я знаю, что у тебя причуды с психикой. Что же ты видел?

— Ты знаешь, мне показалось, что я видел своих друзей, моего далекого предка и его друга. Но вот что удивительно — они были в компании, как ты думаешь, кого?

— Не знаю, Кирилл. Не знаю, наверное, или ангела, или дьявола.

— Нет, мой друг, они были в компании с твоим предком, адмиралом Реисом.

Селим стал смеяться и даже захлопал в ладоши.

— Садись, Кирилл, скорее в машину. Надо поскорее добираться до Эрзерума. Невдалеке от него мы передохнем, чтобы утром достичь горы.

Кирилл забрался в автобус и очень скоро задремал. Он не боялся больше видений, они не пугали и не волновали его. Для него это была теперь игра, которую предоставляла ему судьба. Подумаешь, он и Селим, а в прошлом — Джероми, Лацио и адмирал Реис. Возможно ли это? Нет, конечно. Просто игра воображения, и ничего страшного и ужасного в этом нет. Бояться абсолютно нечего.

До Эрзерума они так более и не говорили — ни об Арарате, ни о Ноевом ковчеге, ни о средневековых скитаниях их предков. Древний город встретил друзей ярко освещенными улицами, хорошо одетые

люди сидели на небольших террасах в ресторанчиках, ели и отдыхали после рабочего дня.

— Все-таки в городах у вас, Селим, цивилизация. А вот когда ехали по дороге, эти маленькие небольшие деревушки, они такие бедные… И посмотри, как люди одеты там и здесь?

— Ничего удивительного, мой друг. Такова Турция — и богатство, и бедность.

— Ты знаешь, Селим, я встречался в Стамбуле с молодыми людьми, студентами университета. Нет, не с твоими учениками — с ними все понятно. С более молодыми, первокурсниками, которые только пришли на учебу. Их совершенно невозможно отличить от европейцев — те же повадки, те же замашки. Они более американизированы, чем даже европейские подростки. А здесь патриархальная глубина. Просто диву даешься, как это возможно.

— Понимаешь, Кирилл, Турция — развивающаяся страна и она полна парадоксов и совершенно непонятных, на первый взгляд, вещей. Но ничего ужасного в этом нет. Когда-нибудь и здесь, в глубине Малой Азии, появятся и бензиновые трактора, и богатые красивые дома, и люди будут одеваться совершенно по-другому. Все это придет. Ты же знаешь, наш народ — народ тружеников, который всегда много работал. А трудом добывается все.

— Я согласен с тобой, Селим.

Они остановились на небольшой площади на окраине Эрзерума, где находилась небольшая гостиница, в которой заранее было оговорено их место ночлега. Расположившись в своих комнатах, Селим позвал Кирилла и еще нескольких ребят в небольшой ресторанчик, где было уютно, играла протяжная восточная музыка, на стенах висели медные подносы, испещренные мелкой вязью. Практически не разговаривая, друзья поели, поблагодарили хозяина и вернулись в гостиницу. Восход солнца застал их в дороге. До намеченной цели — горы Арарат — оставалось чуть больше двухсот километров.

— Я говорил тебе вчера, что Эрзерум связывал Черноморские берега с Персидским заливом. Но я хочу, чтобы ты знал, что Эрзерум был не только точкой пересечения торговых маршрутов с юга на север, но и точкой пересечения их же с запада на восток. Из Константинополя во времена Османской империи шел торговый путь, который

через Анкару, Эрзерум уходил дальше и дальше на восток и доходил до границ с Китаем. Эрзерум входил в одну из ветвей так называемого Шелкового пути. Ты знал об этом?

— Нет. Для меня мало интересен Шелковый путь по суше. Но я очень много читал и изучал тот Шелковый путь, который назывался морским Шелковым путем…

— Да, согласен, для тебя это было более интересно, потому что Шелковый морской путь шел из Персидского залива, из Ормуза вокруг Индии и Индостана, и приходил в Китай.

Селим прервал рассказ и привлек внимание Кирилла, показав ему, что с рассветом вдали появились пики гор.

— Смотри, смотри, Кирилл — ты видишь, вот, справа более высокая? Это и есть Большой Арарат. И левее, чуть ниже от него — Малый. А вот еще горы, левее: это знаменитые Ченгеры, горы, возле которых произошло несколько битв во времена Османской империи. Вот еще несколько безымянных, вон туда смотри, левее… А за этими горами уже граница, там Армения.

Автобус притормозил. Дорогу ему перекрыл шлагбаум с жандармами. Впереди был город Каракез — именно там они должны были получить все разрешения на въезд в зону, где находился Ноев ковчег.

На выдачу разрешений, а точнее, подтверждений, ушло несколько часов. После этого экспедиция еще несколько часов продолжала двигаться к небольшому городку Догу-Баязит. Горы просматривались как на ладони. Кирилл заметил, что и Большой, и Малый Арарат покрыты ледниками.

Во второй половине дня они наконец-то подъехали к небольшой смотровой площадке. Возле нее из железных гофрированных листов был собран ангар. Селим попросил оставаться всех в автобусе, сам вышел и постучал в дверь. Ему долго не открывали. Затем появился старый турок-сторож, которому он объяснил цель прибытия. Сторож знал об экспедиции, и поэтому вскоре пропустил их внутрь, а к вечеру невдалеке от железного ангара они разбили свой лагерь.

Останки ковчега им так и не удалось рассмотреть, потому что быстро смеркалось. Первое визуальное наблюдение было оставлено до утра. После трех дней путешествия Кирилл быстро уснул. Рядом с

ним на походной койке спал Селим, третьим в их палатке был ливанец Фарид.

Перед сном Кирилл вспомнил дорогу и особенно террасу над рекой Карасу, где он так неожиданно для себя увидел Джероми.

Глава 5.

Город Константина

Константинополь. — Встреча с отцом. — Предложение адмирала Реиса. — Аудиенция у султана. — И вновь секретная миссия. — По пути в генуэзскую Кафу.

Находясь в полной темноте, Джероми и Лацио не знали, день ли сейчас, или ночь. Они могли только догадываться, что наступило утро следующего дня. Заскрипел люк, и в его просвете показался помощник адмирала Реиса Али-паша. Он опустил лестницу, по которой ловко в камеру соскользнул палач. Для них это было неожиданностью — неужели их решили казнить, так и не довезя до Константинополя? Палач расковал руки обоих пленников, и Али-паша приказал им подняться наверх.

Над палубой слышался монотонный речитатив, отсчитывающий такт гребков. Али проводил их в носовую часть галеры, где им была предоставлена вода, мылящаяся глина и бритвы. Друзья привели себя в порядок, после чего в соседнем помещении им предоставили завтрак. Джероми обратился к Али:

— Что произошло, почему вдруг нам оказывается такая милость?

— Адмирал Реис хочет поговорить с вами вновь. Мы направляемся в Константинополь, и до прихода туда он хотел бы выяснить некоторые детали вашего похода из Генуи в Александрию.

Джероми под столом сжал руку Лацио. Это был условный сигнал, согласно которому они должны были молчать и ни о чем, даже под пытками, не говорить османскому адмиралу.

Реис принял их в своей каюте. Джероми был поражен множеству книг, стоящих на полках, и карт, свернутых в портоланы и хранившихся в специальных ячейках большого стенного шкафа.

— Что, удивлены? Вы же, европейцы, считаете нас, мусульман, дикарями. А вам и невдомек, что знаем мы очень многое, да и плаваем на наших судах гораздо дальше, чем вы. Вы, генуэзцы, вообще заперли себя Средиземным морем. Португальцы и испанцы пошли куда далее…

— Да, но это именно мы, генуэзцы, обучили их тому, что они знают сегодня о навигации и кораблестроении.

— Согласен. Ваш соотечественник Колумб открыл Новый Свет. К сожалению, он так до своей смерти и не знал об этом…

— Вы правы, адмирал. Туда раз за разом уходят все новые экспедиции.

— Я не хочу возвращаться к инциденту, который произошел у нас перед этим. Я не спал сегодняшнюю ночь и размышлял над тем, как вы, сеньоры, смогли меня провести? И, кажется, понял, соединив воедино несколько фактов. В первую очередь то, что слугами султана были убиты два генуэзца всего неделю тому назад на побережье, недалеко от Александрии. Я, кажется, понял: было еще одно судно, которое пришло раньше вас, о котором не знал кардинал Глиани. Ну что, это так?

Джероми и Лацио промолчали.

— Не бойтесь признаться. Я абсолютно уверен, что если у вас и был сообщник, то он уже в Генуе. Так что план удался. Мне не зря рассказывали о вас как о самых известных мистификаторах Средиземноморья, о том, как раз за разом вы нападали на пиратские суда, как проникали в Черное море, как разгромили пиратское гнездо на острове Ахилла. Вы хорошие моряки, сеньоры, и большие хитрецы. Это радует. Ну что ж, будете отвечать или нет?

— Как вам угодно, адмирал. Сейчас, как я понимаю, уже нет нужды скрывать то, что произошло на самом деле. Мы разработали с сеньором де Калье этот план, и к вашим берегам подходило не одно, а два судна. Первое доставило информацию о том, когда придет второе и заберет людей и ценные документы.

— Да, все так, как я и думал. Вы здорово обвели меня вокруг пальца. А жаль. Мне очень нужны были эти документы. Вы ведь не знаете обо мне ничего, сеньоры.

— Почему же, адмирал Реис? В Генуе тоже очень хорошо поставлена секретная работа.

— Вы, наверное, намекаете на вашего отца, Клаудио Абаджио, который является теперь представителем Венецианской Республики в Константинополе?

— Мой отец никогда не предавал свою Родину. Он честен и верен своему долгу.

— Я не умаляю его достоинств, это известный человек. Я неплохо его знаю. Но во время путешествия его депеш из Константино-

поля в Венецию случались разные происшествия… Кое-что попадало в папскую канцелярию, какие-то сведения доходили и до Генуи.

— Вы правы, сеньор адмирал. Мы знаем о вас немного, но знаем, что вы — главный картограф Османской империи, многие, очень многие годы плавали в Индийском океане и собирали по крупицам сведения, чтобы составить свою известную Лоцию, по которой вот уже не один год преподают в навигацких школах империи.

— Да, вы правы. Теперь же я занят составлением Лоции Черного, Мраморного и Средиземного морей. И далее хотел бы расширить свои познания и открыть будущим мореходам знания о вновь открытых в конце прошлого столетия землях — далеко на западе. Я абсолютно уверен, что в эти земли можно попасть, если плыть на восток.

— Так вы поддерживаете идею шарообразности Земли?

— Зачем же мне поддерживать ее, ведь это и так понятно. Только ваши недалекие схоласты могли придумать такую глупость, что Земля плоская. Ваша религия вообще слишком консервативна и очень плохо относится к науке. Когда-нибудь это подведет ее — люди перестанут верить.

— А ваша, адмирал Реис?

— Наша вера и наша религия очень молоды, они не так консервативны. У нас есть замечательные математики, геометры, писатели, поэты. Но вам не нужно об этом знать. Придет время, когда Европа будет принадлежать Османской империи. Тогда все и поймете — и нашу религию, которую будете исповедовать, и наши культурные ценности.

— Никогда! Запомните, адмирал — этого не будет никогда!

— Прервем наш спор, он не приведет ни к чему. Завтра мы будем в Константинополе. Там я отпущу вас с условием, что вы не покинете город. Вы сможете встретиться с вашим отцом, а позже я вновь вызову вас к себе. Помните, сеньоры, вы мои пленники и должны дать мне слово о том, что не будете бежать. Вы готовы?

Лацио и Джероми переглянулись. Это был неожиданный поворот событий, но сейчас им предлагалась свобода. Свобода за то, что они не будут нарушать условий договора.

— Ну, что ж, я отвечу за сеньора Джероми. Я, Лацио де Калье, и сеньор Джероми Абаджио обещаем вам, адмирал Реис, что не будем делать попыток бежать из Константинополя до того момента, пока

вы не получите за нас выкуп или не решите отпустить восвояси добровольно.

— О выкупе речь не идет, сеньор де Калье. Вашим выкупом станет небольшая услуга, которую, я надеюсь, вы окажете мне.

— О чем идет речь? — спросил Джероми.

— Сейчас рано об этом говорить. Завтра я отдам вас на поруки вашему отцу. Через неделю мы встретимся вновь. После этого я представлю вас султану.

— Нас, пленников, — султану?!

— Это произойдет в том случае, если вы дадите свое согласие на сотрудничество со мной. А теперь идите. Вам будет предоставлена в носовой части небольшая каюта. Но повторяю: держите свое слово!

Лацио и Джероми поднялись и вышли. Они недоумевали — что послужило поводом такой перемены адмирала по отношению к ним?

Быстро пройдя при попутном ветре Мраморное море, галеры адмирала Реиса вошли в бухту Золотой Рог. Там их встречали знатные вельможи, узнавшие о прибытии флота от посланника на быстроходной лодке, которая еще днем отбыла под стены города.

Джероми и Лацио оставались на галере. Через несколько часов на небольших носилках, расцвеченных венецианскими красками, носильщики принесли пожилого человека. Когда носилки поставили на землю возле галеры, балдахин приподнялся, и Джероми, стоя возле борта, узнал очень постаревшего и осунувшегося отца. Он бросился по трапу вниз и обнял его. Последний раз с отцом они виделись восемь лет тому назад, задолго до трагических событий, которые произошли с ним и Изабеллой в Венеции.

— Сынок, ты ли это? Ты так возмужал!

— Да, отец. Много лет прошло, как я вас не видел. А вы выглядите больным и уставшим…

— Да, годы берут свое, к тому же я живу вдалеке от родины. Но что поделать — это приказ Сената и Дожа.

За Джероми вниз спустился и Лацио. Старый Абаджио узнал его и привлек в свои объятия.

— И ты здесь, Лацио…

— А где же я буду, дорогой сеньор Клаудио. Где ваш сын, там и я.

Они помогли старику взобраться на носилки и пошли по обе стороны от них.

Клаудио Абаджио жил в небольшом, сохранившемся со времен Византийской империи доме, недалеко от бухты. На первом этаже располагалась контора, в которой писари вели дела, связанные с торговыми операциями между Венецией и Османской империей. Время от времени торговля прерывалась войнами, запретами Римского Папы на торговлю с неверными, такими же запретами султана на торговлю с Венецианской Республикой и другими христианскими государствами, однако, замерев на год или чуть более, по окончании войн она возобновлялась вновь.

В этом не было ничего удивительного: Европа нуждалась в товарах, которые шли через Османскую империю из далекой Индии и Китая. Да и там, далеко на востоке, с радостью принимали то, что изготавливали ремесленники-европейцы, и отправляли в дальние страны для продажи.

Когда османский султанат запретил генуэзцам плавание в Черном море и Кафа, колония в Крыму, перешла из рук генуэзцев к османам, было решено просить у султана разрешение сохранить небольшое торговое представительство в самом Константинополе. Оно было получено, и туда же из Кафы перебрался старый Клаудио и ряд его верных помощников.

— Для меня было совершенной неожиданностью узнать от адмирала Реиса о том, что он пленил вас. По правде сказать тебе, сынок, я уже не надеялся увидеть тебя. Возможно, только потом, на небесах. И вот сегодня, когда я сидел и заполнял отчеты, пришел посыльный и сказал, что на галере адмирала находишься ты и сеньор де Калье. Что адмирал даровал вам свободу, но запретил уезжать из Константинополя. Это так?

— Да, отец, это так. Мы выполняли секретное поручение для Генуэзской Республики и были захвачены адмиралом Реисом. Вечером мы расскажем тебе поподробнее, но с одним условием: не сообщать ничего в Венецию.

— Я знаю, что для нашей родины вы теперь враги, поэтому обещаю ничего не писать в канцелярию Дожа.

Слуги провели Клаудио и молодых людей в их комнаты, которые наскоро были обставлены для вновь прибывших. Окна обеих комнат выходили в маленький двор, внутри которого росли прекрасные розы. Внутренняя аркада соединяла все жилые помещения первого этажа.

— Какой красивый дом, отец!

— Да, это очень старинная постройка. Он был построен больше столетия назад, в те прекрасные времена, когда Византия была сильным и могущественным государством. Но ты же знаешь, как все переменилось после взятия Константинополя султаном Мухамедом II…

— Конечно, отец, знаю.

— Не в укор будь сказано вам, молодые люди, но в том, что Мухамеду удалось захватить этот прекрасный город, большую роль сыграли именно генуэзцы.

— Да, это позорное пятно в истории христианства, но что поделаешь, отец, такова уж была в те времена политика. Тогда считалось, что падение Византии лучше, чем борьба с турками.

— И чего же добились генуэзцы? Они потеряли все, что имели в Черном море, а теперь султан запретил им иметь колонии даже в Египте. Если бы тогда они объединились с венецианцами, все могло бы быть совсем по-другому. Но они предали… Предали и византийскую армию, и ту горстку венецианцев, которая стояла на защите этого тысячелетнего города.

— Да, отец, согласен с тобой — это грустная история. Но таковы реалии. И сегодня Генуя платит по счетам за то, что было совершено много лет тому назад.

Поздним вечером Джероми и Лацио сели ужинать вместе с отцом и до глубокой ночи в подробностях рассказывали обо всем том, что произошло с ними со времени бегства из Венеции.

Дни потянулись однообразно, они практически не выходили из дома, Джероми старался больше времени проводить с отцом. Лацио читал книги из библиотеки, которая была собрана старым Клаудио. Один раз в несколько дней Абаджио-старший готовил доклад для венецианского Сената и отправлял гонца. Все необходимые формальности соблюдались в точности, какую установила имперская таможня. Документ изымался из рук Клаудио, вычитывался в здании таможни и только затем его получал посыльный, который увозил его в далекую Венецию. Иногда посыльные добирались по три-четыре месяца. Им приходилось преодолевать границы между враждовавшими государствами, иногда они добирались морем, сменив три-четыре судна.

Джероми никогда не спрашивал отца, о чем он пишет в Венецию, но он понимал, что это были доклады о происходившем в Константи-

нополе. Очевидно, как думал Джероми, отец пользовался специальным шифром, потому что совершенно невинные письма о делах при дворце султана несли в себе засекреченную информацию о том, что происходило на самом деле и, в первую очередь, о тех караванах и войсках, которые проходили через Константинополь, о тех флотах, которые формировались в двух портах этого огромного полуразрушенного города. Старший Абаджио сильно рисковал.

Как и много лет тому назад, когда Джероми впервые побывал здесь, над столицей Византийской империи витал дух запустения. И хотя султанские дворцы поднялись как звезды на небе, украсив центральную часть города, кое-где еще виднелись разрушенные здания со следами пожарищ тех времен, когда город был атакован и разрушен войсками Мухамеда II.

Более чем через неделю адмирал Реис прислал посыльного и пригласил их к себе. Он жил очень скромно, в небольшом доме, как оказалось, совсем недалеко от дома Клаудио Абаджио. На прощание Клаудио пожал молодым людям руки и сказал:

— Адмирал жесткий и очень волевой человек. Но он честен и порядочен. И поверьте мне, он большой ученый. Его карты и описания берегов настолько точны и правдоподобны, что если он предложит вам участвовать в какой-то экспедиции, не отказывайтесь. Это великий человек, вы многому научитесь у него. И постарайтесь сдержать свое слово. Наградой вам будет почет, уважение и, самое главное, - свобода.

Молодые люди предстали перед Реисом. Он был одет по-домашнему, в шитый золотом халат, и его голову не сжимал такой привычный тюрбан. Длинные черные волосы легли на плечи, острый подбородок упирался в высокий воротник. Глаза адмирала не были такими колючими, как тогда, когда он пленил их и обязал находиться невдалеке от Константинополя.

Он подошел к молодым людям, поприветствовал их — они вежливо склонили головы — и пригласил к небольшому дивану, полукругом стоящему возле небольшой жаровни, которая разносила тепло и приторный аромат по всему залу. На стенах было много картин, изображавших баталии, что несколько удивило и озадачило Джероми.

— Адмирал, ведь ваша религия запрещает изображать людей. Вас не накажут за множество картин в этом зале?

— Это трофеи. А за трофеи у нас еще никто никого не наказывал.

Джероми был удивлен большим количеством различных предметов, которые хранились в этой комнате. Здесь было и боевое оружие, и уже упомянутые ранее картины, книги, свитки. Он увидел между ними даже папирусы и множество других безделиц.

— Я люблю эту комнату. Здесь каждый предмет напоминает мне о тех далеких путешествиях, в которых я принимал участие. Здесь и войны, и победы, и поражения. Но оставим все это. Я хочу поговорить с вами, и вызвал для того, чтобы предложить участвовать со мной в одной экспедиции.

— Вы, мусульманин — нам, христианам? Заклятым врагам предложить участвовать в экспедиции? Что же это означает?

— Это означает только то, что по воле султана я должен отправиться в долгую дорогу в Индийском океане и прибыть в далекий от нас Китай.

— Но зачем, адмирал Реис?

— Вы находитесь в моей власти, и поэтому я не буду скрывать от вас, что если вы не согласитесь пойти со мной в экспедицию, вы будете оставаться в Стамбуле. Но если я уйду один, вы будете оставаться до моего возвращения в кандалах. Ежели вы пойдете со мной, то станете моими помощниками. На все время плавания, после окончания которого я дарую вам, как человек, захвативший в плен, свободу. И вы сможете отбыть с первым же кораблем в Геную.

— Какова же цель вашего плавания, адмирал?

— Вы дальновидный политик, Джероми Абаджио и, как ваш отец, обладаете острым умом. От вас не скрылось то, что главная цель похода не сам Китай.

— Я это понял сразу, сеньор адмирал. Потому что, если бы вам нужно было идти в Китай, вам не нужны были бы христиане-помощники.

— Согласен. А цель похода такова: вы знаете, что несколько десятков лет тому назад португальские мореходы открыли дорогу из Западной Европы к берегам Индии.

— Да, мы знаем об этом.

— Вы также прекрасно знаете, что за эти годы в Африке, на Мадагаскаре, на побережье Аравийского полуострова, на острове Су-

матра, на западном и восточном побережье Индии и в Китае были основаны португальские колонии, которые каждый день разрастаются и укрепляются мощными крепостями. Вам известно это?

— Да, конечно, это известно.

— Португалия, проложив дорогу к берегам Индии, перехватила у Османской империи часть ее торговых маршрутов. Теперь не все, что принадлежало нам ранее, нам принадлежит. Часть товаров морем уходят в Европу.

— Я не думаю, сеньор адмирал, что Османская империя сильно страдает от этого.

— Нет, мы не страдаем, но мы хотим, чтобы блокада христианских стран продолжалась.

— Какую блокаду вы имеете в виду?

— Блокада, которая бы не позволяла товарам из Индии и Китая попадать напрямую в Европу.

— И что же вы хотите, адмирал Реис?

— Будет подготовлено судно, которое станет копией корабля Средиземноморья, христианского корабля. Это будет или неф, или большой торговый корабль. На этом судне я хочу пройти португальские колонии в Индии и Китае и видеть своими глазами, какую опасность они представляют для нашей великой империи. Если колонии сильны, то это одно. Если же они слабы, то это другое. Я хочу, по указу султана, удостовериться в том, каковы объемы товаров, поступающих в Индию и следующих оттуда назад. Если эти объемы велики, то султан будет принимать меры против зарождающегося владычества в Индийском океане. Если же колонии эти являются не опасными для нас, все останется, как и прежде.

— Из вашего разговора, адмирал Реис, мы понимаем, что вы предлагаете нам предать наш христианский мир и стать на сторону мусульман.

— Какой христианский мир я предлагаю вам предать, сеньоры Абаджио и де Калье? Разве Генуя и Португалия состоят между собой в политическом и экономическом союзе? Ведь это же Португалия отняла у вас возможность торговать на западном африканском побережье. Да и Папской буллой вам запрещено соревноваться с ней в экспансии на новом континенте… Там Папа разрешил быть только испанцам, а португальцам отдал все, что находится на западе. А где же

вы, Генуэзская Республика, Венецианская Республика? Те, кто владычествовал на морях и океанах еще каких-нибудь 50 лет тому назад?

О вас забыли, вам оставили болото — так испокон века называют Средиземное море, и вы, как лягушки, сидите на одной стороне болота и квакаете? Раньше вы сидели по всему берегу, но вот пришли мы, османы, и изгнали вас отовсюду. Ваши торговые фактории закрыты, колонии разрушены. Обещаю вам, что не пройдет и ста лет, как от величия и могущества Венеции и Генуи не останется ничего. А мы будем наращивать силы, и наступит момент, когда две ваши республики, как это уже и бывало в истории, захотят сотрудничества и союза именно с нами, а не с Португалией или Испанией.

Подумайте над тем, что я говорю. К тому же вы никаким образом не подорвете интересы своих республик — ни бывшей родины, ни настоящей. Вам закрыта дорога в Индийский океан, а посему думайте, думайте и еще раз думайте. Я разрешаю вам, сеньоры, посоветоваться с Клаудио Абаджио. Я очень уважаю этого человека и знаю уже много лет. Я думаю, он подскажет вам, как принять правильное решение.

Я жду ваш ответ через два дня. Если вы дадите свое согласие, то очень скоро мы отплывем на судне в Кафу, оттуда на северное побережье Черного моря, где с караваном спустимся в Персидский Османский залив. Там я буду просить вас о помощи расчертить и оказать содействие в строительстве торгового корабля, похожего на средиземноморские суда. Экипаж, который будет набран, будет состоять не из мусульман. Мусульманином буду я и еще несколько моих помощников. Вам будет предоставлена роль переводчиков там, где мы будем подходить к португальским колониям. Вам не придется ни от кого прятаться. Вы будете теми самыми генуэзцами, какие вы и есть. Я же буду наблюдать все, не выходя на берег. Если вы предадите меня, то ваш отец, Джероми, будет казнен. Это крайние меры, но я хочу, чтобы вы знали об этом.

У вас есть выбор, сеньоры. Вы можете участвовать со мной в экспедиции или отправиться в темницу.

— Нам понятны ваши цели, адмирал Реис, и мы благодарны, что вы не кривили душой. Позвольте нам с Лацио подумать, мы дадим ответ послезавтра. Мы понимаем, что заложником в отношениях между нами станет мой отец. Мы также понимаем, что слава наших

республик постепенно закатилась — слишком сильный противник оказался перед ними, а остальная часть христианской Европы не оказала нам нужную поддержку.

— Вы умный человек, Джероми. Вы понимаете прекрасно, что каждый в этой игре борется сам за себя. У Португалии свои интересы, у Испании — свои, а у вас — свои. Но вы ближе всех к нам, и за Византийской империей может пасть и Италия, с теми государствами и республиками, которые находятся на ее территории. Помните об этом, когда будете принимать решение.

Аудиенция была завершена. На прощание адмирал протянул Лацио небольшой мешочек с деньгами.

— Что это?

— Это деньги. Я хотел бы, чтобы вы хорошо оделись.

— А вы уверены, адмирал Реис, что мы примем ваше предложение? Зачем нам хорошая одежда, если мы отправимся в темницу?

— Я думаю, что вы не просто примете мое предложение — вы сделаете правильный выбор. Ведь вы оба искатели приключений, на самом-то деле… И кроме того, Генуя не является вашей родиной, вы не предадите ее интересов, участвуя со мной в этом секретном походе.

Лацио и Джероми вернулись в дом, подробно рассказав Клаудио о беседе, которая произошла у них с адмиралом. Старый Абаджио долго думал, а потом произнес:

— Я считаю, что вам следует подчиниться воле адмирала. Это возможность, в конце-то концов, стать свободными. Но если вы примете другое решение, не волнуйтесь за меня — я уже очень стар, мои дни и так сочтены, да и какая разница — провести их здесь, в этом доме, или в тюрьме. Принимайте решение. Адмирал Реис прав в одном: вы оба искатели приключений, таковыми вас сделала судьба и воля Господа.

Они проговорили всю ночь. Наутро, не дожидаясь следующего дня, Джероми послал Реису письмо, в котором сообщил, что он и Лацио де Калье дают согласие участвовать в задуманном им путешествии.

Реис ответил, что благодарен им и рад, что они сделали правильный выбор. Он просил их купить самые лучшие одежды, потому что через несколько дней должен был состояться прием, на котором он хотел представить их султану.

Ближайшие дни были посвящены подготовке к поездке. Старый

Абаджио пригласил портного, который пошил праздничные, нарядные, а также походные одежды для двух молодых людей. В Арсенале он приобрел для них оружие и кольчуги.

Джероми и Лацио давно уже не брали в руки острых клинков. И понимая, что с ними всякое может произойти в дальней дороге, начали тренироваться, вспоминая военные навыки. Выпад, удар, укол, опять выпад… В небольшом садике внутри дома была установлена мишень, в которую они раз за разом стреляли из луков, арбалетов и тяжелых мушкетов. Дом содрогался от выстрелов. Но Клаудио Абаджио не обращал на это внимание, понимая, что воинская выправка и подготовка очень пригодятся сыну и его другу в предстоящей экспедиции. В один из холодных зимних дней Клаудио Абаджио, Джероми и Лацио были приглашены на аудиенцию к султану Сулейману Великолепному.

Во дворце было многолюдно. Визири и вельможи различных рангов толпились в ожидании выхода султана. Золоченые двери, находящиеся в глубине зала, приоткрылись, и на пороге появился окруженный свитой высокий человек с острым лицом сероватого цвета. Его нос был невероятных размеров, острый, он загибался над пышными усами, как клюв неведомой птицы. В чем было великолепие этого человека, Джероми и Абаджио не знали, но явно кличку «Великолепный» он получил не за красоту своего лица и тела. Скорее всего, за то, что одержал много побед, во время которых были захвачены огромные территории Армении, Курдистана, Месопотамии, Сирии, Палестины, Египта. Сулейман разрушил Египетское государство мамелюков и создал на его месте Египетский султанат. Ему принадлежали огромные территории от границ Дуная до Красного моря и Персидского залива.

Начался прием. Визири поочередно подходили к высокому трону, припадая на колени, кланялись и докладывали султану о том, что происходило во вверенных им областях. Выслушав их, султан отдавал распоряжения, которые записывали несколько рядом сидящих на корточках писарей. Лицо его не выражало ни волнения, ни удовольствия, ни радости. Такие приемы, как узнал ранее Джероми, проводились один раз в три месяца. Тогда вельможи, которым подчинялись местные царьки и князья, сохранившие власть в отдаленных частях империи, докладывали Сулейману о всем, что происходило: о восстаниях простых людей, о голоде, об урожае, о разливе рек, о довольствии,

которое получала армия. Султан узнавал о том, что происходило на границах. После таких приемов принимались решения об увеличении армии в той или иной части огромной империи, создании новых фортов, нападении на другие государства.

Клаудио Абаджио и его молодые спутники были последними в длинной свите представлявшихся султану людей.

Прошло более трех часов, прежде чем адмирал Реис низко склонился перед Сулейманом и представил Джероми и Лацио. Говорил он очень тихо, очевидно, опасаясь того, что о планах его экспедиции станет известно тем, кто сможет вынести их из этого зала и донести до европейских государств. Именно для этого с величайшей предосторожностью Джероми и Лацио были одеты в камзолы и брюки, которые носили в далекой фламандской земле. Волосы их были подстрижены и зачесаны так, как это делали северяне. Смуглый цвет лиц не мог вызвать ни у кого сомнения, потому что адмирал Реис, представляя их, сказал, что последние пять лет двое этих фламандцев путешествовали по Азии. Не называя их имен, адмирал Реис подал султану прошение, в котором он настоятельно убеждал его отпустить двух христиан вместе с ним в готовящееся плавание.

Султан прочел записку и, понимая опасения адмирала Реиса, кивнул головой. На этом аудиенция закончилась. Ни одним словом Сулейман Великолепный не обратился к молодым людям. Старика Абаджио он вообще не удостоил своим вниманием. Джероми в сопровождении Лацио и адмирала Реиса вышел из тронного зала.

— И это все, адмирал?

— Да, это все. На сегодня этого вполне достаточно. Вы получили разрешение направиться вместе со мной и теперь становитесь частью предпринимаемого плана. В ближайшие дни мы отправляемся в Кафу. Туда идет большой караван, будьте готовы к завтрашнему вечеру.

Джероми, вернувшись в дом к отцу, долго разговаривал с ним. За прошедший месяц ему предстояло новое расставание. Совсем недавно он расстался с Изабеллой, а теперь — с больным и постаревшим отцом. Он попросил при первой же возможности сообщить в Геную о том, что он и Лацио живы и находятся в плену, а также отправить весточку Изабелле.

Они помолились вместе, и старик, обняв сына, пожелал ему уда-

чи. Следующий день пролетел в хлопотах: два больших сундука, в которых было уложено оружие, вещи, необходимые бумаги для изготовления чертежей судна, измерительные и навигационные приборы, которые им удалось купить здесь, в Константинополе, были спущены на первый этаж. Здесь же сгрудились личные вещи и оружие венецианцев. Старый Абаджио, сидя возле небольшого камина, грелся и осматривал молодых людей.

— Ну вот вам и пора в дорогу. Я обещаю тебе, сынок дожить до того момента, когда ты вернешься из плавания. Будьте осторожны. Реис мудрый человек, он прославился во всем арабском мире как дальновидный политик и бесстрашный воин. Прислушивайтесь к нему, и я уверен, что через год-полтора вы вернетесь сюда, в Константинополь, а уж отсюда сможете уехать назад, в Геную. Я доверяю адмиралу, его слова будут выполнены.

Слуга открыл двери, и на пороге появились слуги адмирала Реиса. Они забрали большие кованые сундуки и понесли их к повозке. Джероми в последний раз обнял отца.

— Береги себя, отец. Постарайся дождаться меня.

Старик Абаджио обнял Лацио и просил его присмотреть за сыном. Дверь осталась открытой, Лацио и Джероми сели на вторую повозку, и кавалькада медленно потянулась к бухте, где покачивался на волнах большой турецкий корабль, забиравший их, адмирала Реиса и его экипаж в далекую Кафу.

— Смотри, Джероми, адмирал обставляет все таким образом, чтобы никто не догадался, куда он направляется. Всем известно, что в Кафе он будет управлять делами по поручению султана. На самом же деле долго мы там не задержимся.

— Мне нравится адмирал, Лацио. Реис такой же предприимчивый и хитрый человек, как и мы с тобой. Он знает, как вести свои дела так, чтобы сбить противника со следа.

— Кто может быть его противником, Лацио?

— В Константинополе, как и в Генуе, и в Венеции, достаточно продажных людей. И поверь мне — нужная информация здесь хорошо покупается и хорошо продается. Нам уже удалось один раз обвести адмирала Реиса вокруг пальца. Он не хочет, чтобы с ним это проделал еще кто-то. Поэтому и склонил нас на свою сторону, отрядив в долгосрочное путешествие.

Вышедший к вечеру из бухты корабль, поймав попутный ветер, стал медленно подниматься по Босфору в Черное море. Берега пролива не были освещены, но опытный навигатор провел судно так, что уже с рассветом они вышли в Черное море. Погода была холодной и очень ветреной. Большие паруса сменили на малые, боясь, что порывы штормового ветра могут перевернуть корабль.

Стоя на палубе, Джероми наблюдал за тем, как бежит вдоль бортов белая пена. По ней он легко умел определять скорость судна. Если они будут двигаться так же быстро, то уже через два дня прибудут к берегам Крыма.

Неожиданно ему вспомнился его далекий потомок. Он как будто увидел его в большой красивой комнате. Там было много таких вещей, которых Джероми никогда не видел. Молодой мужчина перебирал на столе разложенные бумаги. Джероми не мог заглянуть в них, но понял, что бумаги эти совсем не соответствуют облику комнаты, в которой они находились. Очевидно, это какие-то старинные архивы. Над головой сидящего он увидел портрет. Джероми вздрогнул — видение, такое яркое, стало меркнуть. Но в последний момент он успел ясно заметить, что с портрета на него смотрит постаревший адмирал Реис…

Глава 6. **Часть вторая.**

Ноев ковчег

Священная гора. — Окаменелость. — Работа лаборатории. — На воздушном шаре. — Догадка Кирилла.

Ночь прошла тревожно. Дважды их будил наряд жандармерии, проверявший документы. Селима заставили опросить всех участников экспедиции, и те должны были записать в специальные карточки группу крови. Кирилла это удивило.

— Зачем? — спросил он друга.

— Район очень неспокойный. Если что произойдет, власти должны будут оповестить больницу для того, чтобы было готово все необходимое для операции.

— А что может произойти, Селим, на пустынных, совершенно никем не посещаемых предгорьях Арарата?

— Не скажи — рядом проходят границы. Время от времени, как сообщает пресса, здесь бывают и перебежчики, и даже могут прятаться вооруженные повстанцы.

— О каких повстанцах идет речь?

— И о курдах, и об иорданцах, и о чеченцах. Ты же знаешь, как неспокойно у вас на Кавказе. Некоторые из них пробираются сюда, чтобы отсидеться в горах, на границе Турции и Ирана, а затем вернуться и продолжать свое черное дело.

С особенной тщательностью полицейские осматривали паспорт Кирилла и разрешение, выданное в Стамбуле. Но каждый раз, натянуто улыбаясь, вежливо возвращали ему документы и уходили. Заснуть им удалось только к пяти часам утра, после того, как военный джип с четырьмя вооруженными людьми скрылся в темноте.

Рассвет наступил к шести. Селим разбудил Кирилла и, не говоря ни слова, они вышли из палатки. Солнце медленно восходило над горами, освещая окаменелость, расположившуюся в сотне метров внизу от них. Над странным сооружением, созданным самой природой, летел туман. Все это придавало происходящему загадочность. На крыльцо ангара вышел сторож. Он низко поклонился Селиму, расстелил свой коврик лицом на восток, опустился на колени и стал молиться. Селим

не последовал его примеру, это было неудивительно. Кирилл знал, что тот атеист.

Они медленно спустились с холма в низину, где находилась скрытая дымкой окаменелость. И хотя длина ее была всего 160 метров, обход этого необычного памятника занял несколько часов. Солнце уже полностью взошло над горами, когда Кирилл и Селим поднялись вновь на возвышенность, где располагался их лагерь.

Студенты давно проснулись. Они разбирали привезенную аппаратуру и готовили завтрак. Селим вежливо поздоровался, повторил его приветствие на турецком и Кирилл. Ребята заулыбались. Они близко познакомились в дороге, и теперь он не представлял для них никакого страха, и относились они к нему точно так же, как и к своим сверстникам.

Техника могла ожить только после того, как заработает дизель-генератор. Однако в тот момент, когда они ехали на гору, везти с собой бензин не представлялось возможным, так как автобус был полностью загружен. Сейчас Селим направил водителей назад, в Догу-Баязит, чтобы заправить все имеющиеся емкости — бензина требовалось много. Селим намеревался подключить к электростанции ряд приборов, которые могли бы осуществить как сканирование, так и работы более сложные, такие как взятие проб грунта — для этого у них имелась миниатюрная буровая установка, которая могла производить работы как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскостях. Нужно было еще подсоединить компьютеры, установить спутниковую антенну, войти в систему Интернет, чтобы получаемые результаты сбрасывать сражу же на университетский сервер, а дубликаты оставлять на записываемых дисках.

Программа исследований представляла собой проведение комплексных работ по изучению находки. Как рассказывал во время дороги Селим, работы эти были особенно важны, так как никогда в комплексе не проводились. Кирилл узнал, что они везли с собой не только геологическое оборудование, но и специальные лазерные теодолиты, которые с большой точностью помогли бы нанести на карты расположение находки, а также небольшой, но самый настоящий воздушный шар.

Кирилл был поражен тому, с какой скрупулезностью собиралась экспедиция.

— Какой ты молодец, Селим! Сколько труда, сколько работы по подготовке…

— Спасибо за добрые слова, но готовились мы не один день, к тому же университет имеет прекрасную базу.

— А кто полетит на шаре?

— Тот, кто будет самым смелым, — заулыбался Селим.

— Ты знаешь, я никогда не летал, мне бы очень хотелось это сделать.

— У нас есть штатный пилот, это Фарид. Помогает ему Ким. Они прекрасно справляются не только с шаром, но и с той цифровой аппаратурой, которая даст возможность сделать четкую и очень точную съемку объекта с высоты 50 метров.

День побежал за днем. Вставая с рассветом, они быстро завтракали, спускались к окаменелости и начинали производить работы. Двое студентов при помощи мини-буровой через каждые десять метров по периметру всего объекта сверлили в твердой породе небольшие шурфы, из которых доставался грунт и укладывался в специальные металлические колбы, которые заполняли, в свою очередь, деревянные ящики. За пять дней исследований таких ящиков набралось более сорока. Но это была только первая часть работы. Вторая заключалась в том, чтобы провести точно такие же исследования в горизонтальных плоскостях. То есть высверлить и взять пробы породы в тех местах, где, как предполагал Селим, могли находиться деревянные части судна.

К вечеру все уставали настолько, что не могли вести какие-либо беседы. Быстрый ужин и — сон. Утром все начиналось вновь.

Селим и еще один его помощник проводили геодезические исследования. Кириллу досталось помогать тем, кто скрупулезно, метр за метром, с различных позиций фотографировал объект. Фотографии вводились в компьютер, сразу же обрабатывались и склеивались одной длинной полосой. Поэтому, не прекращая работ, постепенно можно было осматривать все то, что они сняли. И на пятый день на экране появились очертания всего объекта.

Селим собрал совещание. Коллеги по экспедиции внимательно слушали его доклад. Как считал историк, первая часть их работ завершена. Проб грунта взято такое количество, что они с трудом поместятся в микроавтобус. Надо отправлять собранные материалы в Стамбул. Автобус ранее чем через неделю назад не вернется. У них же есть

еще ряд работ, которые необходимо выполнить. Самая важная — это съемка с воздушного шара. Но осень и холодные ветреные погоды пока не позволяют сделать это. Поэтому, по предложению Селима, будет продолжено исследование на самом объекте. Они будут брать пробы грунта на внутренней поверхности окаменелости. А как только удастся — запустят шар.

Все согласились с его предложением. Селим отдельно обратился к Кириллу:

— Кирилл, мы знаем, что ты собирался домой. Потом выказал желание участвовать с нами в экспедиции. Но, как ты видишь, наши работы затягиваются. К тому же, если будет набран такой же большой объем материала за ближайшие 5-6 дней, то вернувшийся автобус увезет и его в Стамбул. Нам же придется добираться своим ходом. Что ты скажешь на это?

— Ты знаешь, я счастлив, что попал в эту экспедицию. Для меня это новый загадочный мир, который только сейчас открылся моему воображению. Я не вижу ничего страшного в том, если еще неделю проведу вместе с вами, и буду только благодарен судьбе, если это произойдет.

— Ну, а добираться?

— Неужели мы не доберемся до Стамбула? По трассе я видел много машин, идущих в сторону столицы Анкары — туда доберемся автостопом.

Селим засмеялся:

— Что ты, что ты, каким автостопом? Экспедиция полностью оплатит все расходы по нормальному передвижению по Турции. К тому же, у нас автостоп, Кирилл, не принят.

Рассмеялись и все студенты. Кирилл несколько смутился.

— Ну что ж, не автостопом, так не автостопом… Железная-то дорога идет через Турцию?

— Да, это не проблема, мы доберемся. Но посмотрим, какие успехи у нас будут после исследований на внутренней части находки.

Рано утром автобус с пробами ушел в Стамбул. Он низко сидел на грунтовой дороге и, казалось, вот-вот зацепит днищем за ее неровности. Но опытные водители повели его по ухабам так аккуратно, словно везли они не камни, а коронованных особ.

К вечеру заходящее солнце озарило горы ярко-красным сияни-

ем. Селим и Кирилл стояли рядом и восхищались свечением Большого и Малого Арарата.

— Боюсь я, Кирилл, что хороших погод не будет. Посмотри, какое красное солнце!

— Я не согласен с тобой. Знаешь, мой дедушка, потомственный моряк, всегда говаривал одну очень интересную поговорку. Хочешь, я скажу тебе ее?

— Хочу!

Кирилл задумался, затем перевел ее на английский и сказал:

— Солнце красно поутру — моряку не по нутру, солнце красно с вечера — моряку бояться нечего.

— Интересно, так что же, ты считаешь, что завтра погода будет хорошей?

— Ты знаешь, та поговорка для моря, для моряков. Мы же с тобой в горах. Но посмотрим. Я бы на всякий случай подготовил все для подъема шара. Мне кажется, что завтра в первой половине дня будет устойчивая солнечная погода без всякой облачности.

Поздно вечером они распаковали шар. Это был не совсем тот воздухоплавательный шар, на котором современные пилоты отправляются в плавание по Пятому океану. Это был совсем небольшой, специально изготовленный шар, накачивающийся баллоном, в котором хранился гелий. Его подъемной силы хватало только для подъема одного человека и фотоаппаратуры. Сам он крепился к специальной лебедке, которая стальными костылями накрепко прибивалась в грунт. От нее тянулся 60-метровый стальной трос, который должен был удерживать шар и корзину над окаменелостью. В днище корзины были изготовлены специальные крепления, куда устанавливалась фотоаппаратура.

— Ну что, Кирилл, нравится тебе наш шарик? Хочешь полетать?

— Конечно, хочу. Но справлюсь ли я с заданием?

— Если не справишься, тогда пусть лучше летит Ким.

Кирилл задумался. С одной стороны, он волновался, что неправильно может выполнить фотосъемку. С другой, ему безумно хотелось увидеть объект с высоты птичьего полета.

— Ты знаешь, Селим, я, наверное, решусь. Если вы будете не против, я поднимусь на шаре и сделаю съемку.

— Посмотрим, какова будет погода утром. К тому же для того,

чтобы правильно снять объект, фотографировать его придется несколько раз. И я думаю, что если, как ты обещал, в первой половине дня будет хорошая безветренная погода, то нам придется поднимать и опускать шар несколько раз.

Они разошлись по своим спальным местам, и Кирилл долго не мог заснуть. Наутро ему могла представиться совершенно уникальная возможность увидеть Ноев ковчег с высоты птичьего полета. Конечно, он будет не таким, каким увидели его голуби, которых выпускал Ной для того, чтобы они искали землю. Но все же воображение сможет дорисовать то, что они не видят, находясь вблизи груды камней.

Это был первый случай, когда Селим утром не будил его, — Кирилл проснулся сам. Начинало светать. Он вышел на улицу, быстро умылся и решил приготовить на всех завтрак. Открывая консервы с говяжьим беконом и нарезая хлеб, он почувствовал, что в палатке столовой кто-то находится. Обернувшись, он увидел сторожа, который внимательно рассматривал его. Кирилл испугался. Но старик, что-то пробормотав про себя, повернулся и ушел.

«Наверное, сказал, что я нехристь, — подумал Кирилл. — Но ничего страшного!».

Соорудив два полных подноса с бутербродами и заварив крепчайший кофе, он разбудил друзей. Еще не открыв глаза, Селим спросил его:

— Ну что, ветер есть?

— Нет, погода идеальная, идем скорее.

Солнце быстро поднималось над горами. Они подключили баллон с гелием к специальному спускному клапану и закачали его внутрь шара. Удивительное зрелище! Вытянутая в кишку ткань неожиданно стала оживать, приподнимаясь горбами над землей. Затем она превратилась в какого-то странного динозавра, после этого — в слона, а позже шаром поднялась над землей. Еще несколько мгновений, — и тот потянул корзину вверх, но прочный стальной трос удержал ее от того, чтобы шар взмыл ввысь. Селим поколдовал над фотоаппаратом и установил его в необходимое положение.

— Будь осторожен, Кирилл, не зацепи фотоаппарат ногами. Вот это пульт, ты должен снимать объект равномерно, через каждые десять секунд. Мы привязываем к корзине еще две длинные веревочные

оттяжки и будем постепенно подтягивать тебя от носа к корме ковчега. Старайся снимать так, чтобы вначале у тебя кадр за кадром входила максимально правая часть объекта, потом мы потянем тебя назад, и ты от кормы в нос снимешь левую.

Кирилл волновался. Он попробовал еще на земле пульт, сделал несколько снимков травы, понял, что все работает великолепно. Прочно оперся спиной о стенку кабины и скомандовал: «Вперед!». Ким и Фарид стали отпускать трос, и шар, наполненный гелием, легко потянул корзину с воздухоплавателем ввысь.

Неописуемая красота предстала перед глазами Кирилла. Горы и ледовые шапки, покрывавшие их, отблескивали мириадами разноцветных огней. Воздух был холодный, и, вдыхая, Кирилл чувствовал, как он обжигает легкие. Но красота и прозрачность придавали всему сказочность, и казалось, что он перенесся на совершенно неизведанную и никем не видимую ранее планету.

Легкий толчок вернул его к действительности. Корзина поднялась над окаменелостью на высоту чуть более 50 метров. Он посмотрел за борт. Внизу маленькими точками виднелись друзья. Сработало переговорное устройство.

— Ну что, как добрался?

— Великолепно! Ты знаешь, у меня такое впечатление, что я нахожусь в другом измерении или на другой планете.

— Да ладно тебе, мечтатель, нет времени. Погода может испортиться. Начинаем работать.

Кирилл еще раз окинул взглядом удивительно красивый пейзаж и приступил к фотографированию. Он так долго и напряженно стоял в корзине, склонившись над фотоаппаратом, что когда съемка окаменелости была закончена — а сделал он около ста снимков, — то не мог разогнуться.

Положив пульт на пол, он двумя руками ухватился за борта корзины и попросил, чтобы его опустили. Когда корзина оказалась внизу, друзья помогли ему выйти. Кирилл только сейчас почувствовал, что окоченел. Ему на плечи набросили теплое одеяло, и кто-то из ребят поднес стаканчик, до краев наполненный огненной турецкой водкой. Кирилл, выпив, начал приходить в себя. От напряжения у него дрожали колени, и только с помощью Селима он смог сделать несколько шагов.

— Я никогда не думал, что это будет так восхитительно и так сложно!

Пока они говорили, в фотоаппарате был заменен диск и следующим в воздух поднялся Ким. Кирилл не заметил, как пролетело время, когда он побывал «на орбите», — так они в шутку окрестили 50-метровую высоту над окаменелостью.

Когда Кима опустили вниз, он вышел, пошатываясь, растирая от холода руки и лицо, и так же, как Кирилл, с удовольствием выпил.

Погода начала портиться к обеду. Но четверо участников экспедиции, включая Селима, поднимались над окаменелостью. Было снято более тысячи изображений Ноева ковчега с различных ракурсов. Усталый, но очень довольный, Кирилл помог приготовить обед и после обеда, сам не ожидая от себя такого, выпил с удовольствием еще сто граммов водки и лег спать. Друзья его оказались более крепкими и весь остаток дня, а затем и всю ночь колдовали над компьютерами, обрабатывая полученные снимки.

Кириллу приснилось, что он летит над безбрежным морским пространством, а внизу под ним — красивый, с высоко поднятыми кормой и носом корабль движется по воле волн. Только одно его окошко приоткрыто. В нем он увидел бородатого старика, который выпускал из клетки голубя. Голубь воспарил ввысь, подлетел к Кириллу, заглянул ему в глаза и, взмахнув крыльями, спикировал к воде.

Сон Кирилла был настолько ярким, что когда он проснулся, ему даже не хотелось открывать глаза. Заставив себя приподняться над кроватью, он увидел, что в палатке никого нет.

— Проспал… Боже, сколько же часов я спал? Я уснул вчера после обеда, а сейчас?

Кирилл взглянул на часы — было десять часов утра. Он проспал почти пятнадцать часов, и это его взволновало. Одевшись, он вышел из палатки и подошел к краю плато. Увидел, как внизу, внутри окаменелости, работают Селим и его студенты. Кирилл вернулся в палатку и подошел к столу, на котором стояли компьютеры. За ночь из тысячи изображений фотомозаики его друзьями была собрана единая картина объекта. Он внимательно стал рассматривать ее и неожиданно обнаружил то, о чем исподволь думал все эти дни. Загадка была в том, что Кириллу все время казалось, что он уже видел подобные очертания,

только настоящего судна. Но где и когда, он не мог вспомнить. И только сейчас понял, что то, что он видит, в деталях и в точности напоминает ему судно, которое он видел несколько лет тому назад, побывав в Долине фараонов невдалеке от пирамиды Хеопса. От неожиданности Кирилл даже присел. Потом резко вскочил на ноги и сломя голову побежал вниз, к работающему Селиму.

— Селим, Селим! Послушай, я понял, я знаю, что я вижу, я понял! Наконец-то я понял, что это!

Селим опешил. Перестав работать, он оглянулся на бегущего к нему Кирилла.

— Что с тобой, не переспал ли ты, друг мой?

— Нет, послушай. Я, кажется, знаю, что это не просто окаменелость или Ноев ковчег, я знаю, что это мне напоминает.

Они присели на большой камень.

— Ну, рассказывай, кораблестроитель.

— Понимаешь, несколько лет тому назад я побывал в музее, в котором хранится собранная ладья фараона Хеопса. Она была открыта возле его пирамиды в Гизе в 60-х годах XX столетия. Так вот: формой она очень четко напоминает тот объект, внутри которого мы сейчас находимся. Так же, как и здесь, ладья фараона имеет тонкий заостренный нос, расширяется в середине, максимальной же ширины судно достигает в своей последней трети. Далее очертания плавно скругляются к корме — таковы же очертания и Ноева ковчега. Сейчас я внимательно рассмотрел то, что вы сделали за ночь, вырисовав его на компьютере.

— Интересно, это очень интересно. А что же с размерениями?

— Понимаешь, удивительно то, что если пропорционально начать увеличивать ладью фараона — а ее длина порядка 43 метров, — то она почти в точности совпадет с Ноевым ковчегом, с тем объектом, на котором мы сейчас находимся!

— Не может быть!

— Да, точно, я проверил это. Пойдем скорее к компьютеру, я покажу тебе это!

Они поднялись на плато и стали пропорционально уменьшать и увеличивать с помощью компьютера объект, в соответствии с тем, что предположил Кирилл. Кирилл достал из своего рюкзака небольшую книгу, которую написал несколько лет тому назад. Там был помещен

чертеж находки возле пирамиды Хеопса. Они отсканировали его, ввели в компьютер и, наложив на очертания ковчега, стали увеличивать и уменьшать. Ладья фараона практически точно копировала то, что они увидели в горах Арарата…

— Ты знаешь, я не знаю, что кого копирует: одно судно или другое. Скорее уж, ладья фараона сделана по каким-то далеким, не дошедшим до нас образцам. А может быть, именно Ноев ковчег строился по образцу тех лодий, которые создавались как погребальные для фараонов.

— Но между Месопотамией и Египтом несколько тысяч километров. Как эти техники могли передаваться людьми, которые никогда не видели друг друга?

— Знаешь, Селим, у меня есть теория, по которой и Междуречье, и Египет, и долина Инда с ее известной цивилизацией Хараппы и Мохенджо-Даро были заселены людьми, не являвшимися коренными жителями. Я думаю, что их земля находилась где-то в Индийском океане или на берегах Аравийского полуострова, или на острове Сокотра. Там была прародина всей цивилизации, и оттуда в силу какого-то глобального катаклизма люди вынуждены были уходить. Но не был тот конфликт скоротечным и быстрым, как потоп. Потому что они успели построить суда, успели покинуть свою родину — я думаю, что длилось это не менее 500 лет — уйти и найти себе пристанище в новых землях.

— Ну, это фантастика, друг мой! Разве это возможно? Ничего не свидетельствует в истории об этом…

— Не скажи, Селим! Свидетельствует, именно свидетельствует — умение этих людей, в первую очередь, строить большие суда и оснащать их, во вторую, строить оросительные системы и выращивать большие урожаи, что делалось и на Ниле, и в Междуречье в районе дельты Тигра и Евфрата, и на Инде. Умение пользоваться колесом, гончарным кругом…

— Ты знаешь, именно в те далекие времена, в конце IV — начале III тысячелетия, люди умели строить именно большие суда с высоко поднятыми носом и кормой. Что удивительно — ничего подобного в более позднее время неизвестно! Неизвестны ни изображения, ни описания, ни модели столь совершенных судов, как ладья фараона Хеопса, а она ведь состоит из более чем тысячи деталей! И

уверяю тебя, что Ковчег как судно тоже состоял из нескольких тысяч элементов. Суда сходной конструкции появляются только в первом тысячелетии нашей эры! В Карфагене, а затем в Риме. А между ними и древнейшими кораблями египтян, шумеров и жителей реки Инда — тысячелетия!

— Знаешь, Селим, в Лувре экспонируется уникальный обсидиановый нож, на рукояти которого изображена морская битва: сражающиеся суда, различные по типу и архитектуре. Одни имеют лунообразный профиль и явно созданы для плавания на реке, другие — морскую форму, то есть высоко поднятые нос и корму, и в точности соответствуют изображениям на шумерских и индских печатях. Похожи эти суда и на погребальную ладью фараона — ее оконечности тоже высоко подняты, хотя уже не столь функциональны, а служат скорее украшением.

Но ведь прототип-то, возможно, и впрямь преодолевал океаны? Нож был обнаружен в Египте, в поселении Джебель-эль-Арак, его изготовление относят к концу IV — началу III тысячелетия до нашей эры.

Подобные же суда на печатях городов долины Инда. Тамошним жителям и вовсе не были нужны суда для морских походов. Однако печати хранят изображения судов с высоко поднятыми носами и кормами, и сходство их с шумерскими и ладьей фараона несомненно!

Хотя, как ты и говорил, между ними ряд прошедших веков. Вот я и считаю, что в те далекие времена существовала связь между Египтом, Междуречьем, Индом. И связь эта осуществлялась через древнейшую родину этих людей, возможно, через остров Сокотру. Ведь ты же сам зачитывал мне легенду о том, что древнейший Ной у шумеров, которого звали Утнапиштим, жил на острове Блаженных в океане. Туда к нему приходил герой шумерского эпоса Гильгамеш, который искал возможность вечной жизни. Страна эта звалась Дильмун.

— Да, я знаю об этом и зачитывал тебе, но ты же знаешь, что сегодня ученые отождествляют с Дильмуном остров Бахрейн?

— Конечно, знаю. Но что найдено там, что соответствовало бы прародине шумеров, а может быть, не только шумеров, но и египтян, жителей долины Инда?

— Там найдены кладбища.

— Да, кладбища, но никаких следов ни кораблестроения, ни оросительных систем, ни дорог…

— Всему этому люди могли научиться, уже прийдя в новые земли.

— Могли, но что-то должно было стать толчком. Подумай сам!

— Возможно, таинственный народ, который дал толчок к развитию цивилизаций в трех величайших реках, обладал большими знаниями, чем представляется нам сегодня. Возможно, они имели астрономические и математические познания, позволившие им предвидеть катастрофу?

— И начать переселение с животными, семенами, саженцами растений на плодородные земли в долинах великих рек?

— Возможно, часть их погибла, но возможно, что часть добралась к новым землям, где помогла жившим на них людям осваивать природу, окружавшую их. Спасшиеся вполне могли начать освоение новых краев, дав толчок развитию самых ранних цивилизаций земли.

— Я почти согласен с тобой, Кирилл. Потому что один из моих любимых исследователей, историк Эрнест Энан писал, что Египет никогда не был юным, да и первопоселенцев в Междуречье трудно назвать дикарями. Ведь именно они дали человечеству оросительные системы, гончарный круг, колесо, клинопись, одомашнили скот, окультурили плоды и овощи. Но научились ли они всему на новых землях или принесли это откуда-то — остается открытым вопросом.

— Ты знаешь, после того, что я увидел здесь, и сопоставил с тем, что я видел ранее, мне кажется, Селим, что если будут продолжены исследования, то будет найден не один, а еще ряд ковчегов, точнее, не ковчегов, а судов, которые привезли первопоселенцев на новые земли. Но загадкой так и останется, как оказался здесь этот корабль на 2000-метровой высоте?

— Где же ты считаешь, Кирилл, нужно искать еще суда?

— Я абсолютно уверен, что поиск нужно вести в Красном море, в дельте Инда и в среднем течении Евфрата.

— И вправду интересная теория, я никогда не задумывался об этом. Может быть, придет время, и тебе удастся найти прародину древнейших цивилизаций…

— Это мечта. Мечта, которая сегодня, к сожалению, ничем не подкреплена. Но, возвращаясь к тому месту, где мы сейчас находимся с тобой, Селим, могу тебе сказать: я думаю, что виною того, что произошло, то есть того, что вот этот корабль, ковчег, оказался здесь, было влияние или Луны на нашу Землю, или какого-то другого боль-

шого небесного тела, которое вошло в его атмосферу, точнее, даже не в атмосферу, а пролетело где-то совсем недалеко от нас, и вслед за этим произошло возмущение всей водяной поверхности на нашей планете. Вода на какое-то время поднялась и сместилась.

— Я слышал об этой гипотезе, Кирилл. Я слышал, что ученые предполагают, что Луна временно могла под воздействием какого-то другого тела изменить свою орбиту, приблизиться к Земле и притянуть воду, вздыбив ее на несколько километров в одной части планеты и оголив другую.

— Сейчас это не доказуемо. Ни ты, ни я — мы не сможем доказать этого. В программу наших исследований входит лишь то, что мы хотим удостовериться: является ли виденное нами каким-то катаклизмом природы или же все-таки под этими складками из камня и грунта когда-то находился древний объект...

Все последующие дни до прихода автобуса из Стамбула были посвящены сбору проб грунта с внутренней поверхности окаменелости, и за эти дни пробы заполнили еще 24 ящика.

Упаковывая аппаратуру и готовясь к возвращению, Селим объявил своим коллегам о том, что назад им придется добираться железной дорогой.

Пришел автобус. Они загрузили все снаряжение, оставив себе для последней ночевки всего одну палатку. Селим вызвал из городка в долине две машины, которые должны были отвезти их на железнодорожный вокзал.

Тяжелый физический труд и размышления о прародине древних цивилизаций настолько отвлекли Кирилла от его собственных проектов, что он на какое-то время забыл и о «Джинестре», и о далеком предке.

Глава 7.

План адмирала Реиса

На службе у султана. — Генуэзская Кафа. — Трабзон. — Путешествие к Евфрату. — Река вечности.

На третий день плавания Джероми заметил очертания берега. Это был Крым, или как называли его в давние времена, Таврида. Когда-то он бывал здесь несколько раз, когда его отец служил префектом в генуэзской крепости Кафа. Было это очень давно. После нападения на генуэзские колонии в Крыму и захвата их турками какое-то время султан разрешал генуэзским купцам плавать в Черном море. Колония, находившаяся в Кафе, была малочисленной, но продолжала существовать и в первые десятилетия после падения владений на побережье Крыма.

К обеду стали отчетливо видны полуразрушенные стены некогда славной генуэзской крепости. Джероми помнил здесь каждую башню, узкие улочки, ряды мастерских, прилепившихся друг к другу недалеко от гавани. Множество товаров попадало сюда из южных стран Европы и отправлялось далее, в Московское царство. Джероми вновь вспомнил свою мать, которую он так и не узнал. Знал он лишь то, что была она русской княжной. Отец редко вспоминал свою молодость, и даже сейчас, когда они пробыли столько дней вместе, он не рассказал, как познакомился с княжной, как вынужден был вернуться в Венецию, как она последовала за ним. Старший Абаджио никогда не женился после смерти матери Джероми. Он жил очень уединенно, и Джероми не знал, были ли после матери у него женщины.

После разгрома Кафы последняя миссия венецианских купцов перебралась в Стамбул, бывший Константинополь. Кафа опустела. Османы прекратили торговлю с Московским царством. Они вели постоянную борьбу на многих направлениях и, как справедливо считал султан, прекращение торговых отношений должно было ослабить те государства, которые они хотели вскоре покорить. Так было с Молдавским княжеством, а до этого с такой сильной и крепкой державой как Византия.

Корабль стал на якорь. От небольшого причала отошла весель-

ная шлюпка, быстро приблизившаяся к борту парусника. Адмирал Реис вышел на палубу и приветствовал вельможу, прибывшего его встречать.

— Мы рады вашему прибытию, адмирал. Вам приготовлены покои, и комендант крепости ждет дальнейших указаний.

— Я буду просить вас выделить комнаты для моих людей — отдельно для христиан и для мусульман. Прошу не чинить препятствия христианам, если они захотят осмотреть бывшую генуэзскую крепость и место разрушенных часовни и собора. Когда-то здесь служил отец вот этого молодого вельможи, сеньор Клаудио Абаджио…

— Сеньор Абаджио? Да, мне рассказывали о нем, он долгое время был префектом в Татарии, слыл очень дальновидным политиком и прекрасным торговцем.

— Вы правы. Но главная заслуга этого человека в составлении замечательной лоции Черного моря, которая вошла и в мои труды.

— О, адмирал Реис! Ваш многотомный труд находится у нас в специальном помещении. Многие моряки пользуются им перед началом плавания.

— Благодарю вас, это радует меня.

— Ну, что ж, прошу вас в город.

Джероми не узнавал улицы древней Кафы. Запустение чувствовалось во всем.

— Ты знаешь, Лацио, что я хочу тебе сказать? Турки думают, что они поставят на колени, прервав торговые отношения, те страны, которые хотят подчинить. Но посмотри на Кафу — когда-то цветущий город представляет из себя жалкое зрелище, населения почти не осталось, торговля не ведется, ремесленники бежали. Я вижу здесь только воинов гарнизона и думаю, что запустение приходит не только к тем, кому объявляют торговую блокаду, но и к тем, кто ее объявляет.

Адмирал Реис, следуя впереди Джероми и Лацио, услышав, о чем они говорили, резко повернулся.

— Что вы понимаете в военной политике, сеньор Абаджио? Османской империи в данное время не нужна колония в Кафе. Ни генуэзская, ни венецианская, ни какая-либо другая. Наши планы стратегические, и связаны они с порабощением и подчинением воле Аллаха новых земель, а не с развитием торговли между Востоком и Западом.

— Не побоюсь вас перебить, адмирал Реис, но я думаю, что имен-

но торговля позволяет развивать отношения между странами и выгодно экономически влиять на то, что происходит внутри этих стран. Вы хотите поработить народы, но надолго ли это? Вы ученый человек, много знаете, о многом читали. Как долго держались империи, созданные мечом и огнем?

— Долго, мой друг, долго! Не одно поколение.

— Но потом они разрушались, их сметали с лица земли, и о них никто более не вспоминал.

— Я опять не согласен с вами, Абаджио. О Римской империи знают, помнят и будут помнить вечно. Мы, те, кто правит империей османитов, хотим того же. И нет цели более важной, чем эта.

Джероми уклонился от дальнейшего спора и последовал за адмиралом Реисом. Они расположились в комнатах запущенного дома. Адмиралу были выделены просторные большие залы, остальные же члены экипажа приютились в маленьких комнатах. Вечером Реис собрал весь свой экипаж. Вместе их было 34 человека. Они мало знали друг друга, так как во время перехода из Стамбула в Кафу им было запрещено общаться между собой.

— Немногие из вас знают конечную цель готовящейся экспедиции, — сказал адмирал. — Но это и неважно. Главное: нам предстоит дальний путь, и задача каждого выполнять неукоснительно то, что я буду требовать. Вы знаете, что в руках наших воинов там, в Константинополе, остались ваши близкие родственники — жены, отцы, матери, дети. Малейшее неподчинение, попытка к бегству или поднятие мятежа окончится тем, что они будут казнены после того, как при дворце султана узнают, что экспедиция не достигла своей цели. Помните об этом. Я не советую вам бежать, не советую предпринимать какие-то шаги к тому, чтобы усложнить мою задачу. Моими помощниками в этом плавании будут двое христиан — венецианцы, состоящие сегодня на службе Генуи, сеньоры Джероми Абаджио и Лацио де Калье. Я выбрал их и надеюсь, что они помогут в исполнении моей задачи. Сеньоры де Калье и Абаджио распределят все действующие роли на судне, которое для нашего плавания будет построено в Персидском заливе.

Собравшиеся в зале люди молча восприняли то, что было сказано Реисом.

— Я больше не буду задерживать вас, идите. Завтра вы, Абад-

жио, составите список всего экипажа. А вы, сеньор Лацио, определите, кто из этих людей больше всего склонен к управлению кораблем, кто знает и разбирается в парусных командах, кто же — хорош во время боя.

Присутствующие в зале начали расходиться. Остались только Джероми и Лацио.

— Почему вы не уходите?

— У меня есть к вам вопрос, сеньор адмирал. Зачем мы прибыли в Кафу?

— И это спрашиваете вы, человек, неоднократно обманывавший своих врагов? Вскоре вы все поймете.

На следующее утро один из членов экипажа постучался в двери комнаты Лацио и Джероми и сообщил, что адмирал Реис ждет их у себя.

Джероми и Лацио вошли. Напротив них стоял турок, положив руку на кресло, которое было повернуто к окну. Джероми интуитивно почувствовал, что в кресле кто-то сидит.

— Здравствуйте, адмирал Реис!

— Доброе утро! Вы вчера хотели узнать, что я хочу предпринять. Ну, что ж, посмотрите. — Он повернул кресло. Джероми и Лацио вскрикнули. В кресле сидел двойник Реиса.

— Боже, кто это?

— Встаньте, адмирал Реис!

Человек в кресле поднялся. Он был одного роста с настоящим адмиралом, черты его лица были схожи как две капли воды с чертами лица человека, которого они считали адмиралом.

— Простите, но кто же из вас адмирал Реис?

— Это не имеет сегодня значения. Завтра вы и экипаж отправляетесь на судно. Вас поведет Али-паша.

— Но мы не видели его, когда добирались сюда вместе с вами на корабле.

— Его и не было вместе с нами. Он прибыл только сегодня ночью из Константинополя. Так вот, Али-паша ваш командир.

— Вы отказались от цели плавания, адмирал Реис?

— Нет, я прибуду на судно незамеченным, а этот человек останется здесь вместо меня. Так никому и в голову не придет, что адмирал Реис направился в далекое плавание.

Джероми зааплодировал:

— Великолепно! Просто великолепно. Вы знаете, адмирал, я счастлив, что мне удалось вас провести там, в Александрии. Как вы не догадались о том, что впереди официального каравана будет идти судно, которое заберет с собой архивы Александрийской колонии?

— Не догадался, потому что был самовлюблен и не мог поверить, что на белом свете есть еще люди, способные так умело разыгрывать представления с переодеваниями. Наверное, поэтому, когда ночью, на галере, идущей в Константинополь я понял, что вы обманули меня, решил предложить вам плыть вместе со мной. А теперь идите. Али-паша вечером встретится с вами. Прошу вас уважительно относиться к этому человеку. Я знаю, что вы не доверяете ему и считаете виновником вашего пленения. Но это не так. Он лишь выполнял данные ему указания.

Ночью в их комнату тихо постучали. Али-паша появился в проеме двери со свечой в руках.

— Вы готовы, сеньоры венецианцы? Тогда пойдемте, экипаж во дворе уже в сборе.

Они прошли по темным улицам Кафы и спустились к порту. Раз за разом небольшая юркая лодка перевезла весь экипаж на борт их корабля. Али-паша поднялся на борт последним, отдал указания навигатору, матросы потянули рычаги барабанов, наматывая якорный трос.

Вскоре легкий ветер раздул паруса и корабль растворился в ночи. Джероми и Лацио, как и прежде, заняли свои места в небольшой каюте в кормовой части судна. Поднялся ли на борт адмирал Реис, тот, настоящий адмирал, они не знали. От Кафы до Трабзона был всего один день пути.

Уже утром, с рассветом, вдалеке показалось побережье, увенчанное горными вершинами. Ночью они подошли к пирсу, за которым лежал небольшой городок Трабзон. Если Кафа провожала экспедицию мокрым снегом, то Трабзон встретил холодным зимним дождем. Над городом витали клубы тумана и едкий запах сжигаемой в печах древесины. Али-паша побоялся швартоваться и стал на якорь. За те полтора суток, что они находились в море, Джероми и Лацио так и не видели адмирала Реиса. Был ли он на судне или нет — оставалось загадкой.

— Удивительный человек! Что ты скажешь, Джероми?

— Да уж, мастак маскироваться. Может быть, он и не на судне? По крайней мере, я его не видел. Надо будет пересчитать всех: вместе с ним нас должно быть 35 человек.

— Посмотрим, какое обличье он примет. Али-паша уж точно знает, есть ли адмирал Реис на судне или нет.

Ночь прошла беспокойно. Ветер разыгрался не на шутку, и Али боялся, что корабль может сдвинуться с якоря. На счастье, все закончилось благополучно, и после того, как туман рассеялся и серое холодное небо над горами осветило бухту, спустили большую лодку, гребцы которой завели на пирс длинный пеньковый трос. Матросы накинули его на барабан для подъема якоря и медленно, очень осторожно корабль был подведен к пирсу. Пришвартовались. На берегу появился офицер таможенной службы. Он низким поклоном приветствовал турецкого навигатора, осведомился о цели их прихода. Тот передал ему письмо, запечатанное несколькими печатями. Не уходя с пирса, прикрывшись от дождя полой длинного плаща, он прочел письмо, спрятал его, затем еще ниже поклонился и провел Али-пашу в здание таможни. Тот вернулся через несколько минут и сообщил членам экспедиции, что они могут переждать в небольшом помещении на первом этаже серого здания таможни.

Из-за плохой погоды и клочьев тумана Джероми и Лацио так и не удалось рассмотреть всех, кто вышел с борта корабля. Среди них ли адмирал Реис? Их развели по разным комнатам, двери были заперты снаружи. Вечером дверь в комнату приоткрылась, и в нее подали корзину с едой. Настроение у Джероми и Лацио было подавленное. Они нервничали, не зная, что ждет их впереди. Не радовала и еда. Оба они с детства не любили баранину. Турки же предпочитали ее всему остальному, считая и обычной едой, и лакомством, и деликатесом. Поданная холодная баранина отдавала прогорклым запахом жира, и они отказались ее есть. Разломив лепешку, наскоро поужинали и, поплотнее прижавшись друг к другу, уснули.

Ранним утром Джероми проснулся первым, так как сырость и холод забрались под его плащ. Дверь вновь открылась. На пороге показался Али.

— Сегодня, сеньоры генуэзцы, а может быть, венецианцы, а может быть еще кто-то, — вы не выйдете из этого помещения. Завтра мы отправляемся в путь.

— Подождите, паша! Адмирал Реис здесь или нет?

— Это вас не касается.

— Остановитесь! Мы договаривались об участии в экспедиции с адмиралом Реисом, а не с вами. И будем участвовать и помогать, как обещали — ему, но не вам.

— Вы все узнаете, сеньоры, в свое время. А сейчас я не рекомендую вам больше отказываться от пищи.

— Мы не едим баранину. Мы не пленники и не находимся в заточении. Вам это понятно, Али?

— Мне это понятно. Но адмирал Реис приказал мне, чтобы вы в точности выполняли все мои указания.

— Значит, он здесь?

— Это вас не касается. Вы все узнаете позже.

Джероми и Лацио провели день в воспоминаниях о прежних походах. Сегодняшние Кафа и Трабзон оставляли неприятное впечатление.

— Вот тебе и Османская империя, вот тебе и турки… Ужасно, до чего они довели такой прекрасный город как Кафа.

— Да и Константинополь не выглядит слишком уж красивым, за исключением дворцов Сулеймана, у которого мы были на приеме.

— Одними дворцами славен не будешь. Хотя, христианские государи в Европе и называют его Великолепным за тот блеск и шик, который он наводит вокруг себя.

— А простой народ? Ты видел, что творится в ближайших кварталах рядом с дворцами Сулеймана? А там, в Кафе — все разрушено… А здесь? Мы пришли ночью, в окнах не видно огней, все как будто бы замерло под пятой османского ига.

— Может быть, мы и ошибаемся с тобой, дорогой мой Лацио. Может быть, это и есть истинный уклад жизни.

С улицы в который раз за прошедший день послышалось пение муэдзина. Его протяжная речь была слышна в каждом уголке этого небольшого городка. За прошедшие дни они привыкли к тому, что слуги божьи призывают мусульман шесть раз в день к молитве. На улицах раздавались и другие крики: «сээт», «сээт»… Вода, понял Джероми. Это продавцы воды, они везут ее с дальних источников и продают в жилых кварталах. Как похоже все: крики торговцев водой, крики муэдзина. После последней молитвы все запирается, женщин на улицах

здесь никогда не видно, выходить им запрещено. И это новая религия, та самая, которая хочет покорить Европу!

— Ты знаешь, Джероми, не все так уж и плохо. Здесь свои достоинства и недостатки, у нас — свои. Генуя, ведь если по правде, город очень грязный. Вспомни: из окон часто выливают помои, на улицах бедных кварталов и того хуже, от отбросов нельзя пройти, практически нигде нет канализации, стоки так и бегут в открытое море. А в нашей Венеции? Наша Венеция чиста только потому, что все уносит вода. Вдумайся: не будь воды и находись она прямо на побережье, вокруг была бы такая же грязь, как и во всех городах христианского мира. Так что, мы недалеко ушли от них. Только наши соборы красивее внутри да целеустремленнее, собраннее снаружи.

— Но их архитектура тоже не так уж плоха. Ты помнишь, какой красивейший дворец Сулеймана мы видели в Константинополе? А минареты, мечети? Все покрыто резным белым камнем.

— Да, это красиво. Но как и у нас, эта красота принадлежит только религии, а бедность — она везде бедность. Дворцам и их хозяевам — богатства, беднякам — рабство и смерть.

Остаток дня и ночь прошли спокойно. Еще больше похолодало на улице; на второй день после обеда дверь открылась, и в нее внесли жаровню и мешок древесного угля. Им удалось скоротать возле теплой жаровни всю ночь. Утром Али-паша позвал их к выходу из здания. Впереди, на небольшой портовой площади они увидели около сотни мулов, груженных вьючными мешками и большими деревянными коробами, в двух из которых они узнали сундуки, принадлежавшие им. Каждый из трех мулов вел погонщик. К каравану из этих небольших, но очень выносливых животных было присоединено еще 50 верблюдов. Джероми и Лацио видели этих животных в Египте, во время прежних плаваний. Их вид и размеры всегда пугали. Верблюды озирались. Часть из них была нагружена мешками и ящиками более крупными, чем те, которые лежали на спинах мулов. Тридцать пять верблюдов, как сосчитал их быстро Лацио, были приготовлены для членов их экспедиции.

— Посмотри, я быстро посчитал: тридцать пять верблюдов не несут поклажу. Значит, нас тридцать пять. Видимо, Реис где-то здесь.

Он стал внимательно осматривать людей, выходивших на пло-

щадь. Все они, как и сами Джероми и Лацио, были закутаны в черные плащи с высокими капюшонами, частично закрывавшими лица. Они нигде не видели адмирала. Али-паша прошествовал вперед, ему помогли подняться на верблюда. За ним это проделали и другие. Джероми впервые очутился на спине животного, которое под ним даже не шелохнулось. Ему подали несколько седельных сумок, которые он разместил впереди и позади себя. Джероми сидел в специальном седле, которое крепилось между горбами верблюда, в седельных же сумках находилась провизия. Никому из присутствовавших не было выдано оружие. Видимо, оно хранилось вместе с другими вещами в сундуках.

Караван тронулся. Он шел от порта вдоль небольших, тесно застроенных одноэтажными домами улочек. Все ставни на окнах были плотно прикрыты. Дорогу вымостили небольшими, плотно вбитыми в глину камнями. Мулы, а за ними и верблюды, время от времени скользили по ним, но караван, не останавливаясь, двигался на окраину города.

Оглянувшись, Джероми увидел несколько высоких минаретов, которые находились в центре. Окраина же была бедна. Людей на улицах не было. Над небольшими глинобитными зданиями поднимался едкий, удушливый дым.

— Смотри, Лацио, — сказал он, когда два верблюда поравнялись. — Люди есть, живут, но на улицах никого.

— Наверное, сейчас час молитвы.

— Не думаю. Мне кажется, что отдан приказ, чтобы никто не выходил во время отправления каравана.

— Может быть, и так.

Они обогнули окраину и вдоль небольшой реки стали продвигаться в ущелье между невысокими горами. Скорость их продвижения была невелика. К вечеру, по подсчетам Джероми, они прошли не более 30 километров. Река часто меняла направление, и поэтому караван, петляя, согласно ее руслу, описывал неимоверные зигзаги между горами. Еще перед закатом был сделан небольшой привал. С мулов и верблюдов сняли поклажу, караванщики развели несколько костров, люди расположились возле них, укутавшись в плащи. На ужин была предложена вяленая баранина и лепешки.

— Если нас так будут кормить, дорогой Джероми, то никакие

суда в Персидском заливе мы не построим, — грустно пошутил Лацио.

— Посмотрим. Когда подойдет Али-паша, я хочу спросить его, как долго он намеревается вести караван — полгода, год, два?

— Оставь его, все как-нибудь разрешится само собой.

С рассветом участники экспедиции позавтракали кумысом из бурдюков, который отдавал мускусом и запахом шерсти.

— Ничего не поделаешь, придется привыкать к новой еде.

Караван тронулся в путь. Как и вчера, дорога шла в узком ущелье, которое несколько расширилось во второй половине дня. Джероми и Лацио редко разговаривали между собой. Тропа была узкая и двум верблюдам было невозможно идти рядом. Неожиданно речка закончилась, уйдя куда-то глубоко под скалы. Они продолжили свой путь в узкой расщелине и вскоре вышли на небольшое плато. Впереди виднелась более широкая река. Джероми поравнялся с Али-пашой и спросил его:

— Что впереди за река?

— Это Харшид. Она, как и тот ручей, мимо которого мы ехали, впадает в Черное море. Мы пойдем вдоль нее и вскоре выйдем к устью еще одной большой реки, которая тоже течет вдоль гор, окаймляющих Черное море и впадает в него вдали от Трабзона.

— Как называется та река?

— Река эта — Килькитчай. Когда она выходит широким руслом к Черному морю, ее переименовывают и зовут Ирмак.

Вечер прошел возле костров. Было холодно, в горах шел снег. Джероми и Лацио почти не разговаривали. Они понимали, что каждый следующий день будет похож на предыдущий.

На третий день пути караван вышел к истокам Килькитчая. Пересекли мелководье вброд и проследовали через высокое ровное, усыпанное мелкими камнями плато. Справа от них вздымалась крутой вершиной гора Кишиш. Они узнали о ее названии после того, когда услышали, как Али-паша показывал своим спутникам и рассказывал о том, что много лет тому назад он поднимался на ее вершину.

На четвертый день караван приблизился к большой полноводной реке, называлась которая Карасу. Али-паша удостоил венецианцев вниманием и, указав на медленно текущие воды, произнес:

— Смотрите, это — самый большой приток Евфрата, река Ка-

расу, берет свое начало невдалеке от города Эрзерума. К сожалению, мы не сможем плыть по ней, так как река во многих местах перекрыта порогами. Но неделя-другая, и мы окажемся на самом Евфрате.

— Неделя-другая? Сколько же месяцев нам понадобится, чтобы дойти до Персидского залива?

— Не так уж и много, как вам кажется. Сейчас мы движемся медленно, но когда долина расширится, мы будем продвигаться быстрее. А уже со среднего течения Евфрата пересядем на большие плоты.

— Плоты?

— Да, самые настоящие плоты. Вы, венецианцы, таких никогда не видели. Они собираются из десятков, а иногда и сотен кожаных мешков.

— Кожаных мешков?

— Что, никогда не знали об этом?

— Нет, Али-паша, не знали, но это интересно, и нам будет занимательно познакомиться с теми, кто строит такие плавсредства.

День проходил за днем. Караван продвигался медленно, холодные зимние дни были короткими. Ночи они проводили у костров. Вскоре взятая из Трабзона еда закончилась. В горах Али-паша купил отару овец, которую два пастуха гнали вслед каравану. Каждый день четыре-пять овец убивали, из них погонщики умело варили в больших казанах шурпу — национальную похлебку, которая была густой, наваривалась долго и утоляла голод на целый день. Утром разогревали ее остатки и доедали. Вечером варили заново. Джероми и Лацио, не привыкшие к такой пище, заметно похудели. На Джероми болтался камзол, Лацио все дальше и дальше перемещал отверстия на ремне, подтягивающем брюки.

В конце третьей недели после выхода каравана из Трабзона они подошли к слиянию двух больших азиатских рек. Карасу сливалась с Мурадом. Именно здесь, в этой точке, на большой высоте начиналась та самая великая река Евфрат, река, ставшая одним из символов Древнего мира.

Али-паша остановил караван. Все оглядывались на два потока, с шумом сталкивавшихся друг с другом.

— Здесь начало великой реки. Отсюда она будет называться Евфрат. Мы прошли наиболее тяжелый путь. Смотрите, как расши-

ряется впереди долина! Еще неделя пути, и нам удастся преодолеть все плоскогорье.

Быстрый поток увлекал листья и ветки вниз.

— Скорость велика, и когда мы сядем на плоты, то сможем быстро достичь Персидского залива, — продолжил Али-паша.

Несколько дней тому назад Джероми показалось, что он видел на небольшом мосту, перекинутом через приток Карасу, своего далекого потомка Кирилла. Он был удивлен. Но видение было отчетливым: ему показалось, что тот заметил его тоже и даже помахал рукой.

Джероми рассказал Лацио о своем видении. Лацио отмахнулся:

— От голода, Джероми, и не то привидится. Еще три недели такого пути без хлеба и овощей — я не выдержу и брошусь в реку.

— Потерпи, мой друг, потерпи. Ты же слышал, что сказал Али-паша: мы уже почти преодолели самый сложный участок пути.

Караван двинулся вдоль течения Евфрата. Прошло еще две недели. За ними еще пять дней. Полтора месяца тяжелой дороги привели их в среднее течение реки.

За все время пути им не встречалось крупных городов, лишь изредка — небольшие поселения, где Али-паша закупал продукты. В основном это были небольшие отары овец и мешки с серого цвета мукой, из которой лепешки получались горьковатыми и совсем несъедобными.

Джероми подсчитал: всего в караване их было более 80 человек. Часто Али отсылал вперед одного или двух погонщиков, которые разведывали дорогу, искали место для ночлега, что было правильным, потому что перед каждой остановкой нужно было найти удобную площадку для большого количества животных и людей.

Неожиданно они увидели большое поселение, находящееся на ровном плато. Это был город, окруженный невысокими глинобитными стенами с венчавшими их в восьми углах башнями. Караван приблизился к воротам. Джероми заметил, что Али-паша вывел своего верблюда и подъехал к одному из погонщиков. Он что-то спросил его, тот махнул рукой, и в момент этого повелительного жеста Джероми понял, что Али разговаривает с адмиралом Реисом. Он подтолкнул Лацио:

— Смотри, смотри! Вот этот погонщик, от которого сейчас отъез-

жает Али, это и есть адмирал Реис.

— С чего ты взял? Сколько раз мы видели его вместе с остальными. Он так же, как и все, разжигал костер, варил мясо. Да и непохож он совсем на Реиса. Даже ниже ростом…

— Это тебе кажется. Говорю тебе, это адмирал. Просто его здесь никто не знает, и никто не отличит от остальных.

— Но почему же нас тридцать пять?

— Потому что один из погонщиков стал членом экспедиции. Мы ведь не знаем друг друга, лиц не видим во время переходов, только спины. И в Кафе, и в Трабзоне нас держали друг от друга отдельно.

— Вот это конспирация! Как же он умудрился так долго скрываться от такого зоркого глаза как твой?

— Не знаю, я только сейчас понял, что это адмирал Реис. И то случайно: увидел, каким волевым жестом он показал на дорогу, ведущую в город.

Али-паша с двумя помощниками отправился к воротам.

— Как же называется этот город, — спросил Лацио.

— Не знаю. Узнаем, когда войдем.

Ворота открылись, и караван, пройдя через несколько узких улочек, вынырнул на большой базарной площади. На площади было много людей, которые толпились, покупая и продавая товары ремесленников, овощи, фрукты, домашних животных.

Они подошли к краю площади, где расположились длинными рядами многолюдные караван-сараи. Низкие двухэтажные здания могли вместить в себя сотни людей, приезжавших торговать. Во внутренних дворах располагались стойла для верблюдов и мулов. Шум над базаром стоял невообразимый.

Запел муэдзин. Полтора месяца они не слышали его голоса. Только сейчас Джероми подумал, как редко Али-паша останавливал караван, чтобы мусульмане могли помолиться.

— Поразительно! Как все же устроена религия мусульман: в городах и деревнях все падают на колени по шесть раз в день, а во время каравана мы не видели, чтобы кто-то истово молился. Только по вечерам да утренний намаз.

— Видимо, во время таких суровых условий Аллах прощает своим детям все прегрешения. Не забыть бы сказать об этом Али-паше!

Раздались знакомые выкрики: «Сээт, сээт!» — вода, вода!

Надо же было столько пройти, чтобы вновь услышать столь знакомые восклицания… Подтверждая слова Джероми, запел муэдзин. Лацио гротескно плюхнулся на колени.

— Стать мне, что ли, мусульманином?

— Что ты богохульствуешь? Еще навлечешь на нас неприятности, идем!

Они отправились в отведенную им в караван-сарае комнату. Но не успели расположиться, как зашел Али-паша. Он обратился повелительным тоном:

— Завтра все будет перегружаться на плоты. Если хотите, можете пойти и посмотреть, как их готовят к сплаву.

Не ожидая ответ венецианцев, Али ушел.

Джероми и Лацио спустились от базарной площади к берегу реки, со стороны которой город не был окружен стеной. Джероми удивился, увидев огромное количество камышовых хижин на берегу.

— Неужели здесь живет так много рыбаков? Как думаешь, Лацио?

— Нет, здесь живут те, кто выделывает бурдюки и собирает их в плоты. Каждый день вниз по Евфрату уходят караваны, которые везут различные грузы. Рака — это город, в котором собираются товары с побережий Малой Азии, там, где лежат богатые ливанские города. Сюда же привозят ремесленные изделия из центральной части Османской империи. Можно увидеть и поклажу, пришедшую из Дамаска, Триполи, Халеба. А назад вдоль реки поднимаются вьючные караваны, везущие то, что приходит из далеких стран в Персидский залив.

— Откуда ты об этом знаешь?

— Слышал, как рассказывал Али-паша погонщикам.

Джероми и Лацио подошли к самой реке. Вода ее была мутной и какой-то красноватой. Бурдюки, в огромном количестве лежащие по всему берегу, были небольших размеров. В каждом могло бы уместиться литров 10-12 воды, не больше. Каждый их них представлял собой целую шкуру, снятую с убитого барана. В местах, где раньше находились ноги, шкура была зашита и просмолена. В горловину вставлена полая трубка, благодаря которой бурдюк можно было поддувать время от времени.

Неожиданно к ним подошел Али-паша.

— Правда, интересно? Такие плоты называют келек. Ими пользовались со времен глубочайшей древности, еще до того, как сюда пришли мы, османы.

Джероми и Лацио увидели, как ловкие руки ремесленников соединяли в длинные ряды кожаными ремнями бурдюки, плотно подгоняя их друг к другу. Две-три сотни бурдюков составляли плот размером десять на десять метров. Сверху и снизу плот зажимался между деревянными рамами, которые были собраны из коротких, иногда неровных, веток кустарника и мелких деревьев.

Горы Турции почти безлесы, и хорошей древесины за все свое путешествие они так и не видели. Поэтому в работу шел любой лес, удобный для того, чтобы соорудить легкий прочный каркас. Ветки между собой связывались веревками, сделанными из камыша, реже кожи. Джероми увидел, что в ряде хижин сидят дети, расщепляя камыш на мелкие полоски. Далее его разбивали на камнях и уже более тонкие волокна сплетали вместе косичкой, удлиняя их по мере необходимости.

— Плоты, по-моему, неостойчивы, как думаете, Али-паша? Груз и люди не окажутся в воде?

— Это вам только кажется, сеньоры. Плот этот, хоть и извивается как змея на воде, но очень прочен и крепок. Смотрите, рамы между собой провязывают в десятках мест так, чтобы бурдюки не разошлись. А трубочки, которые будут выступать над верхней рамой, соединяющей бурдюки, всегда можно использовать для того, чтобы поддуть каждый из этих кожаных мешков.

— Послушайте, Али-паша, а что — снятые шкуры никак не обрабатываются?

— Почему? Их обрабатывают специальными растворами, а сверху покрывают воском или смолой, для того чтобы кожа не пропускала воду.

— Целое производство, — удивился Лацио, — и такое сложное — кожа, веревки, древесина... Очевидно, люди, делающие эти плавающие средства, передают навыки из поколения в поколение.

— Да, вы совершенно правы. Давайте возвращаться. Утром все будет погружено на плоты. Верблюдов мы оставим здесь. Мулов, не

всех, конечно, возьмем с собой. А также на эти плоты погрузят и целую отару овец.

— Эх, если бы вы знали, Али-паша, как надоела нам баранина! Мы бы хотели получить от вас небольшое жалованье, чтобы купить себе лепешек на дорогу.

— Об этом не было распоряжений адмирала.

— Так спросите его!

— Его нет среди нашего каравана.

— Перестаньте обманывать меня, Али. Я прекрасно знаю, что адмирал среди нас, я даже могу показать его вам, когда караван выстроится и я увижу всех погонщиков мулов.

— Вы слишком много знаете, Джероми. Это может плохо закончиться. Приказ адмирала не обсуждается. Но я могу выдать вам немного денег из своих собственных средств.

— Ну, что ж, мы будем благодарны вам. И обещаю — не будем больше возвращаться к теме адмирала Реиса.

На базаре Джероми и Лацио закупили большое количество снеди, которая должна была пригодиться им в дороге. Али не сказал, сколько дней проведут они на плотах, но Джероми расспросил на базаре одного европейца, которого встретил там случайно.

— Что вы делаете здесь?

— Мы идем с караваном в Басру. А кто вы?

— Я с разрешения султана везу письма от французского короля в Китай.

— Так вы тоже направитесь в Басру?

— Нет, я пойду Шелковым путем, меняя караваны.

— Как же вам удалось получить разрешение у противоборствующей христианскому миру стороны?

— На это понадобилось несколько лет, но теперь я могу, не боясь ничего, идти с османскими караванами. У меня верительные грамоты самого султана, и сопровождают меня два рослых турка, которые поклялись на Коране оказать мне содействие и доставить в Китай. Их семьи получили от меня хорошее жалованье.

— Прямо паломничество какое-то! Я слышал еще в Генуе о том, что сегодня все монархи Европы пытаются наладить отношения с далекой восточной страной.

— Вы правы. Но на пути в Китай стоят османы, которые не хо-

тят, чтобы Европа и далекие восточные страны торговали напрямую.

Они проговорили еще более получаса, когда Джероми заметил, что за ними наблюдают.

— Ну что ж, нам надо прощаться. Пожелаем вам удачи!

— А вы что будете делать после Басры, зачем вы туда направляетесь?

— Мы не можем ответить на этот вопрос, потому что сейчас состоим на службе у султана.

— Вы — на службе у султана?

— Да, и все, о чем мы говорим, может быть использовано, в конце концов, против нас.

— Ну что ж, прощайте, желаю вам удачи!

Исхудавший христианский путник отправился на другую сторону рынка, где его, как увидел Джероми, поджидали два могучих турка.

— Интересная встреча…

— Я думаю, это не последняя встреча с европейцами. Как бы ни старались турки, они не могут полностью прервать все связи между Западом и Востоком.

Наутро плоты были погружены. Помимо дощатых настилов, в носу и в корме каждого из этих прямоугольных сооружений были установлены длинные весла, благодаря которым ими можно было управлять на быстрой реке. В центре настилов находились камышовые хижины, в которых предстояло жить путешественникам. На каждом из плотов разместилось по 15 человек. Всего их было десять. Три самые большие служили для перевозки мулов и овец. Расположившись на плотах, Джероми и Лацио стали наблюдать за берегами реки. Она несла свои воды спокойно и величаво.

— Ну, что ж, впереди дальняя дорога, — произнес Али-паша.

Как ни всматривался Джероми, стараясь увидеть в одном из погонщиков адмирала Реиса, он так и не узнал его. Видимо, Али рассказал своему патрону о том, что стало известно венецианцам, и тот сменил обличье.

Плоты вначале медленно, а затем все быстрее и быстрее стали продвигаться по течению реки. Джероми, находясь недалеко от плота, на котором разместился Али-паша, крикнул ему:

— За сколько времени вы надеетесь прибыть в Басру?

— Это не ваше дело, Джероми. Ваше дело — помогать кормчим

управлять плотом и поддувать спустившие кожаные мешки. Если все будут делать то, что я им приказываю, мы благополучно достигнем цели.

Джероми отмахнулся от Али, повернулся к Лацио и сказал:

— Я и без него знаю, сколько будет двигаться караван. Нам потребуется минимум три недели.

— Боже! Три недели на воде! Но откуда ты знаешь об этом?

— Вчера на базаре я расспрашивал европейца, которого мы видели. Он неплохо говорил на арабском языке и знал местные обычаи, а также то, сколько движутся караваны по Евфрату.

— Ну, что ж, три недели — так три недели. Каждый день нам придется приставать к берегу. К тому же не забывай, Джероми, скоро границы империи османов, южнее земля принадлежит Персии. Напряжение между этими странами не ослабевает уже много лет, поэтому, я уверен, и скрывается адмирал Реис. И в Басре он также будет скрываться. Османы давно хотят захватить эту территорию. Видимо, вскоре будет война.

— Согласен с тобой. Нам надо быть очень осторожными. Поэтому я предлагаю во время стоянок поменьше говорить друг с другом. Да и лучше нам надеть на головы тюрбаны, перепоясать халаты кушаками. Чем больше мы будем похожи на арабов, тем лучше.

— Да уж, не зря маскируется адмирал Реис, думаю, и нам нужно сделать то же самое.

Плоты скользили, изгибаясь, вдоль пустынного берега. Изредка в камышах они видели небольшие корзины, плетенные из прутьев и осмоленные сверху. В этих корзинах сидели рыбаки.

— Вот еще одно интересное средство для плавания. Смотри-ка, Джероми!

— Да-да, я уже видел. Здорово, не правда ли?

— А вон другое, посмотри: такая же плетеная корзина, только обтянутая кожей.

— Вижу, вижу, Лацио! Удивительно, как умеет приспосабливаться человек, когда ему нужно покорить водную стихию. Здесь нет лесов, а он нашел лозу. Из лозы научился плести корзины. Здесь нет досок, а люди находят черную смолу, которую мы видели на базаре. А там, где нет смолы, сшивают шкуры животных, промазывая швы воском. Удивительно!

— Но самое удивительное, друг мой Джероми, это те плавающие средства, на которых мы сейчас движемся по реке.

День побежал за днем, только на ночь караван останавливался у берега, где погонщики варили еду. Как ни всматривался в их лица Абаджио, он так и не увидел среди них адмирала Реиса, не вспоминал он и о своем далеком потомке. Все мысли Джероми были заняты будущим строительством корабля.

Глава 8.

Финикийский конек

Дамаск. — Горы Ливана. — Ассасины. — В Бейруте. — Знакомство с экипажем необычного корабля.

Ночью никто не сомкнул глаз. Все настолько были погружены в размышления о времени, проведенном рядом с уникальной находкой, что не могли уснуть. Эмоции переполняли каждого из участников экспедиции, каждый стремился высказать свою гипотезу.

Кирилл несколько раз выходил на плато, подходил к краю обрыва и пытался рассмотреть в лунном свете окаменелость, но ночь была безлунной и очертания Ковчега еле угадывались.

К Кириллу подошли Селим и Фарид.

— Кирилл! Послушай, Фарид хочет сделать тебе одно предложение, от которого ты вряд ли откажешься.

Кирилл обернулся и включил фонарик, осветив лица друзей. Было видно, что Фарид смущен.

— Я слушаю тебя, Фарид.

— Знаешь, Кирилл, я хочу предложить тебе поездку в Ливан. Я рассказывал тебе о строительстве финикийского корабля и хотел бы, чтобы ты увидел его своими глазами. Я знаю, что ты и так задержался в экспедиции, но время, которое ты потеряешь — ничто по сравнению с тем, что можешь узнать и увидеть.

Кирилл молчал.

Вместо Фарида продолжил Селим.

— Я понимаю, что это немалые расходы, и на дорогу до Бейрута снабжу тебя деньгами на билеты и продукты, ну а обратную дорогу до Стамбула оплатит Фарид. Ну что молчишь, согласен или нет?

— Я в полном замешательстве и не знаю, что ответить. У нас говорят «из огня да в полымя», — подбирая слова для перевода, медленно произнес Кирилл. — Может быть, это шанс узнать что-то новое о древнем кораблестроении? И конечно же, Ливан — древняя Финикия… Знаешь, Фарид, я согласен. А деньги у меня на дорогу из Бейрута в Стамбул есть. Об этом не волнуйся. Селим заберет мои вещи, я поеду налегке.

— Вот и здорово! Я рад, что ты так быстро принял решение.

Еще до рассвета пришли две машины, которые забрали участников экспедиции и оставшийся груз в Байязит. На прощание Селим обнял сторожа, который все эти дни, пока они работали, был молчалив, но внимательно наблюдал за всем тем, что делают молодые люди.

На небольшой автостанции они ждали свои автобусы. Здесь пути членов экспедиции расходились. Один из автобусов повезет Селима и членов экспедиции в Анкару, другой, в котором поедут Фарид и Кирилл, будет петлять по всей Турции, пробивая себе дорогу между высокими хребтами, веером расходящимися от границы с Ираном и Арменией вглубь Малой Азии. Самый высокий из них называется Южно-Понтийскими горами. За ним следуют Северный Тавр, потом Внутренний Тавр, а потом Армянское нагорье. Автобус повезет их между Северным и Внутренним Тавром в долину реки Карасу.

Когда они попрощались и расселись по своим местам, а автобусы отходили почти в одно и то же время, Кирилл крикнул:

— До скорого свидания в Стамбуле!

— Мы ждем тебя, Кирилл! Надеемся, через неделю ты будешь у нас, — ответил Селим. — Может быть, к тому моменту уже будут данные проб, взятые в окаменелости.

— Надеюсь.

Взмахнув в последний раз рукой, Кирилл откинулся на спинку сидения. Он спросил Фарида:

— Фарид, как долго мы будем ехать?

— Долго, Кирилл, долго. Дорога ведь идет в горах, там быстро не поедешь.

Кирилл, после бессонной ночи очень скоро задремал. Просыпался он только, чтобы выпить кофе из большого термоса, которым они запаслись в дорогу, и обменяться с Фаридом ничего не значащими фразами. Затем снова откидывал голову на удобный подголовник и засыпал.

Выехали они с маленького автовокзала в 9 часов утра. Час бежал за часом; быстрый, юркий автобус легко взбирался на высокие кручи, спускался по серпантину в долины. Кирилл и не заметил, как прошел день. Он думал, что его ночью будет мучить бессонница, но монотон-

ное пение двигателя автобуса, легкое покачивание и высокогорье сделали свое дело...

Ночь прошла спокойно, и с первыми лучами солнца он увидел, что горы остались где-то далеко за ними. Автобус перевалил через Армянский Тавр и стал продвигаться на более низких высотах, там, где протекал полноводный Евфрат. Но, как ни странно, дорога была очень сложной. Рельеф местности менялся: подъемы следовали за спусками.

За время пути они неоднократно останавливались в больших и маленьких селениях. Люди высаживались, новые пассажиры садились в автобус. Кирилл видел, что они были добродушны, улыбались, обменивались отдельными фразами, подбадривая друг друга.

— Какой приятный народ, скажи, Фарид?

— Да, люди гор суровы и в то же время очень добродушны. Таков уж закон этих мест — здесь не выживешь без взаимовыручки и взаимопомощи.

— Согласен. Чем больше я путешествую по Турции, тем больше поражаюсь трудолюбию и добродетели этих людей. Я живу в стране, в которой гораздо больше равнин, чем гор. Но у нас нет таких хороших дорог. Сколько труда нужно было затратить, чтобы построить эти многорядные автострады. Они совсем не хуже, чем в Западной Европе.

— Турецкий народ очень трудолюбив. Разве для тебя это секрет?

— Нет, конечно. Я знаю много турок, которые живут в Европе — они берутся за самые тяжелые работы и работают честно. Европеец никогда бы не работал за столь малую зарплату на таких тяжелых производствах, как шахты, сталелитейная отрасль, да и в море не все европейцы хотят ходить. Сегодня за них это делают филиппинцы, индонезийцы и очень часто турки.

— Турки — великая морская нация. Когда-то у них были огромные флоты, которые не раз встречались в битвах с христианскими флотами и не раз побеждали их.

— Побеждали, Фарид. Но в главных баталиях терпели поражение. Наверное, поэтому сегодня Европа не знает османского ига.

Видимо, не совсем согласный с Кириллом, Фарид отвернулся к окну. Кирилл раздумывал над теми далекими временами, когда христиане и мусульмане стояли лицом к лицу, обнажив оружие. Это дли-

лось много веков. Человек, который раз за разом приходит в его воображение, знаменитый Джероми Абаджио, венецианский адмирал, не раз скрещивал с ними свой меч, не раз стрелял в турок и они стреляли в него. Возможно, благодаря таким героям, как он, сегодня существует паритет между христианским и мусульманским мирами.

Прошло чуть менее двух суток, когда автобус пересек границу Турции и Сирии прибыв в город Алеппо, или, как раньше его называли, Халеп. Здесь им предстояло пересесть на другой автобус и добраться до столицы Сирии Дамаска.

— Ну как, Кирилл, ты не сильно укачался и устал? — спросил его Фарид. — Наверное, ты не очень доволен, что я предложил тебе эту дальнюю поездку?

— Ну почему же? Горы всегда прекрасны, и я получил много впечатлений. Уверен, они станут незабываемыми на всю жизнь. Вообще, я бесконечно благодарен Селиму, тебе, да и всем, кто участвовал в нашей экспедиции за то, что мне удалось побывать в предгорьях Арарата. А сейчас — увидеть Евфрат, пересечь его, проехать весь юг Турции.

— Я рад, что ты не устал. Вскоре мы пересядем на рейсовый автобус идущий в Дамаск, а там ждут друзья, которые повезут нас в Бейрут.

— Твои друзья — это люди, которые строят новый корабль?

— Да, это те, кто реконструирует финикийский корабль. Хотя эту лодку трудно назвать большим кораблем. Она небольшая, чуть больше 12 метров, но я не раз с тобой говорил на эту тему и ты подтверждал мнение и мое, и моих друзей, строящих судно, что древние корабли не были велики.

— А как же Ноев ковчег? — заулыбался Кирилл.

— Ноев ковчег — это такой же феномен, как и те лодьи, что найдены возле пирамид Хеопса. Ты ведь сам убеждал нас в этом!

— К сожалению, у нас нет машины времени, которая могла бы перенести в то далекое время, но думаю, что большие суда строились только во времена возвеличивания отдельных народов, когда нужно было транспортировать большие объемы грузов. Или же величие правителей требовало того, чтобы у них были большие корабли.

— А как же Карфаген и Рим?

— Это случай, когда и одной, и другой державе требовались боль-

шие, мощные флоты, состоящие из больших кораблей для борьбы друг с другом.

Автовокзал в Халебе был похож на все автовокзалы, которые они видели в Малой Азии, — грязноватый, толчея пассажиров, клаксонящие маленькие автобусы. Кирилл удивлялся: в малоазийских городах, как, впрочем, и в Стамбуле, мало кто уделял внимание правилам дорожного движения. Но вот аварий было совсем немного. Водители с силой жали на клаксоны, кричали что-то из окон, показывали знаками, требуя пропустить их вперед, но все это не было выраженной агрессией — скорее, это напоминало театр, на сцене которого выступали актеры на своих железных конях. Они выпили кофе в маленьком баре, и прошло не более часа, как отправились в дальнейшую поездку.

Дорога, связывающая Халеб и Дамаск, была такой же ровной и ухоженной, как и дороги Турции. В Дамаск автобус прибыл вечером. На небольшой привокзальной площади их встретили друзья Фарида. Один из них, большого роста, полный, лет сорока пяти мужчина, был улыбчив и весел. Он незамедлительно придумал Кириллу кличку «Рус», потому что ему и его друзьям было тяжело выговорить его настоящее имя. У него получалось то «Кирих», то «Кирим», но никак не Кирилл. Рус — было проще и веселее. Звали этого добродушного большого человека Фарик. Имена его новых знакомых отличались друг от друга одной буквой. Кирилл на данную ему кличку Рус ответил, что он будет Фарида и Фарика называть не по именам, а по номерам. Фарид, с которым он познакомился первым, будет First, а Фарик, добродушный гигант, будет Second. Фарик, хорошо говоривший по-английски, рассмеялся и сказал Кириллу:

— Не добавляй только hand, а то получится, что я — second hand, «вторые руки»…

Все присутствующие громко рассмеялись. Второй, очень высокий ливанец был аскетично худ и немногословен. Его лицо было бледным, и Кирилл почувствовал какое-то отчуждение. Звали его Ливан, в честь великой страны. Все ливанцы считали свой край великим, хотя страна их была маленькой, лежала на узкой полоске у Средиземного моря и вот уже многие годы находилась на грани постоянных военных конфликтов, деля границу с Палестиной и Израилем.

Рассевшись поудобнее в машине, за рулем которой был Фарик,

они отправились в гостиницу. Фарик не хотел ехать ночью. До Бейрута было недалеко, но нужно было преодолеть Ливанский хребет. Уже во время заката, когда они еще ехали автобусом к Дамаску, горы Ливана стали отчетливо видны на фоне догорающих солнечных лучей.

Они были необычайно красивы. И хотя глаз Кирилла давно привык к горам Турции, горы Ливана были совсем другими — более остроконечные, покрытые ледяными шапками, они представляли собой длинный, вытянутый вдоль Средиземноморья, Ливанский хребет. Там, в этих горах, в древнейшие времена рос знаменитый кедр — тот самый кедр, который сегодня украшает флаг этой маленькой страны, тот самый кедр, благодаря которому все Средиземноморье получило возможность строить прекрасные добротные суда, уходившие в дальние плавания, открывавшие новые земли далеко за пределами известного тогда мира.

В гостинице они плотно поужинали, и разговор шел об экспедиции, в которой участвовали Фарид и Кирилл. Их засыпали вопросами, и Кирилл не заметил, как на часах стрелки показали два часа ночи. Фарик, увидев, что он смотрит на часы, сказал:

— Простите нас, мы даже не подумали о том, что вы двое суток в дороге. Ложитесь отдыхать!

— Да нет, что ты, Фарик, мы хорошо выспались в автобусе. Только и делали, что спали…

— Все равно, отдыхайте, завтра нам предстоит ранняя дорога.

Ранним утром они выехали в сторону Ливанского хребта. Дорога начала подниматься в горы. Не проехав и 30 километров, они дважды были остановлены полицией, которая проверяла документы. Особенно полицейских интересовали документы Кирилла. Они недоумевали, как ему удалось объездить всю Турцию, теперь находиться в Сирии и двигаться к границе Ливана… Но официальное разрешение на арабском языке, которое позволяло ему посетить Арарат и окаменелость, а также письмо, удостоверявшее, что он был участником экспедиции, направленной Стамбульским университетом, делали свое дело. Их пропускали дальше.

— Почему такое количество полиции, Фарик?

— Ничего удивительного, мы все ближе и ближе подъезжаем к Ливану. А в Ливане, как ты знаешь, идет постоянная необъявленная война.

— Да, я помню — двадцать лет тому назад это была самая «горячая точка» на всей планете.

— Слава Богу, с тех пор многое изменилось, но вот террористические акты, нападения на людей, даже их пленение с требованием потом выкупа — все это еще присутствует, особенно на юге Ливана, там, где находится пограничная зона.

— Неужели все так серьезно?

— Да, Кирилл, серьезно. А вообще, ты когда-нибудь слышал об ассасинах?

— О ком, о ком?!

— Ну, о древнейших террористах, о людях, которые по сегодняшний день считаются родоначальниками террора во всем мире.

— Нет, я никогда об этом не знал.

— Когда в эти места, предгорья Ливана, много веков тому назад пришли крестоносцы и стали основывать свои королевства и герцогства. Началась непримиримая борьба между мусульманством и христианством. Мусульманство не является жестокой религией, о которой вы все так часто пишете. Мусульманство — это религия добра.

— Хорошенькое, Фарик, добро, если каждый день по всему миру гибнут люди от рук мусульманских террористов!

— Возможно, ты и прав. Но злом отвечают на зло. Так вот, если тебе будет интересно, в северных горах Ливана обосновалась еще в те далекие времена секта исмаилитов. Это были наиболее жестокие приверженцы Корана и борьбы с неверными.

Существует легенда, что исмаилитами руководил старец, который называл себя потомком Магомета, исполняющим на земле его волю. Звали его Алла Адин. На земле, принадлежавшей ему, старец создал дивный сад. Были высажены самые красивые растения, проведены каналы, построены прекрасные дворцы, каких не видано было прежде. Поселил он здесь самых красивых в свете жен и дев, которые умели играть на всех инструментах, петь, плясать и услаждать молодых людей. Землю эту, райский сад, старец называл Раем, и все созданное здесь в точности напоминало то, как Магомет описывал сарацинам рай. При входе в сад стояла неприступная крепость, никто в свете не мог овладеть ею. Находился же этот сад в глухой долине, и кроме крепости, другого входа в него не было.

— Какая красивая легенда! Не правда ли? — спросил Кирилл.

— Красота этой легенды в начале, продолжение кровавое и страшное. В рай этот старец позволял прийти только тем, кто станет ассасином, то есть исполнителем его воли. Еще это слово, а точнее, название этих людей звучало как «хашишин», то есть человек, курящий гашиш. Его и курили в этом райском саду. Ассасин обязан был выполнять любую волю старца. Придет он в сад, его опоят вином, обкурится он гашишем и уверует под действием наркотика, что находится в раю, да плюс к этому жены и девы весь день с ним — играют, поют, забавляют его, всякое желание выполняют.

Когда старец хотел кого-нибудь убить, он приказывал опоить столько юношей, сколько пожелает. Когда же они засыпали, их вносили в райский сад.

Проснувшись, те изумлялись, но радовались, что они уже в раю, и по своей воле это место они никогда бы уже не покинули. После их опаивали вновь и выносили из сада. Они пытались вернуться через крепость, но тогда Алла Адин приказывал им выполнить то убийство, которое было замыслено им, и после этого они смогут вновь вернуться в райский сад.

Как гласит легенда, многие из этих юношей погибали, но были и те, кто попадался в плен. Тогда они кончали жизнь самоубийством. У старца было много врагов, но он каждый раз добивался того, что люди, которые были назначены им на смерть, погибали.

— Страшный рассказ. Я никогда не слышал об этом. Много людей погибло от его рук?

— Очень много, Кирилл. Ведь секта исмаилитов была распространена не только в предгорьях Ливана. Она охватила почти всю Персию. Старца боялись, потому что он каждый раз добивался того, что наметил. Было у него очень много приверженцев. Секту ассасинов боялись не только в Азии. Ее боялись в Китае, в Монголии и даже в вашей христианской Европе. Люди старца проникали во многие страны. Покончить с ассасинами удалось только в 1262 году монгольскому императору Хулагу, который приказал осадить все крепости, в которых проживали исмаилиты, и после долгой осады крепости были взяты. Монголы не пощадили никого — ни детей, ни стариков, ни взрослых. Были уничтожены все. Но вот что удивительно — более чем на 700 лет мир перестал бояться террора, который возродился только в прошлом, двадцатом столетии.

— Поразительно. Просто поразительно. Я никогда не задумывался над тем, что ты рассказал, Фарик.

— Да, эти земли, которые мы сейчас проезжаем, знали и худшие, и лучшие времена. Я думаю, что самыми лучшими были те далекие времена, когда с той стороны хребта, на морском побережье, были города древней Финикии — Тир, Сидон, Арват, Берит и другие. Финикийцы добились всего своим трудом. Именно они, торгуя с разными племенами и народами в Красном, Средиземном и Черном морях, продвинулись так далеко на запад, юг и восток, как никто ранее. Именно они открыли дорогу к берегам далекой Испании. А около 600 года до н.э. обогнули Африку.

— Это мне известно. Известно и другое — были они большими хитрецами, не гнушались ничем, очень часто воровали людей и продавали их в рабство. Известны они были также тем, что приносили людей в жертву…

Фарик замолчал, а худощавый Ливан впервые за время поездки добавил:

— Все в мире, Кирилл — добро и зло. Это неотъемлемые части одного целого, правая и левая рука. В каждом народе есть свое добро и свое зло, как и в каждом человеке. Ты ведь тоже не безгрешен?

Кирилл задумался и затем ответил:

— Конечно, нет. Как и все мы.

Машина взобралась на перевал. Перед ними открылась изумительная панорама Средиземного моря и лежащего далеко внизу большого города. Это был Бейрут. Дорога начала спускаться. Кирилл не мог оторвать глаз от изумрудной зелени Средиземья. Как красиво!

— Ты знаешь, Кирилл, ведь еще не так давно эти места были самыми почитаемыми у туристов, у тех, кто любил тепло побережья и горнолыжный спорт.

— Не понимаю тебя…

— Для того чтобы искупаться в Средиземном теплом море, а затем спуститься по горному склону на лыжах, нужно было потратить всего какой-нибудь час. Посмотри — видишь справа и слева снег и лед?

Кирилл присмотрелся. За большими голыми скалами он увидел снежные долины.

— Удивительно! — воскликнул Кирилл.

— Так вот, от Бейрута или от моря сюда можно добраться за час. Еще немного по горной дороге, и пожалуйста — здесь находились базы, где выдавали лыжи. Катайся! А через час ты можешь опять купаться в теплом море… Удивительный климат, прекрасный воздух, необычайная красота этих мест привлекали сюда миллионы и миллионы туристов. Ливан был богатейшей страной Средиземноморья. Но война, терроризм и последовавшая за ними разруха практически полностью уничтожили туристический бизнес, а с ним — миллионные вклады в страну были прекращены. Поэтому здравницы на побережье стоят пустые, давно забыты горнолыжные тропы. Так что, Кирилл, не в самое лучшее время ты приехал к нам. Вот лет через 10-15, может быть, все изменится.

— Но почему же, если дела так плохи, вы решили строить корабль, участвовать в плавании?

— А потому, что мы хотим нашей реконструкцией привлечь к себе внимание во всем мире, показать, что Ливан жив, живы люди, любящие историю, люди, которые верят и надеются, что вскоре его туристические базы и центры, гостиницы возродятся. И здесь опять станут думать о прекрасных минутах отдыха, а не о том, что из-за любого камня может появиться человек, вооруженный автоматом.

По дороге из Дамаска в Бейрут их останавливали восемь раз. Но пропускали. Больше всего их держали на границе. Пограничник ливанец предупредил, что Кирилл имеет право находиться в стране не более четырех дней, а после этого должен покинуть ее. Фарик оставил все свои координаты, была снята ксерокопия с его паспорта, он гарантировал, что через два дня Кирилл покинет страну и улетит самолетом из Бейрута в Стамбул.

Они проехали центральную часть города. Кирилл видел много разрушенных зданий. Война, прошедшая по этой земле много лет назад, оставила жестокий отпечаток. Выехав, они проехали большой порт и свернули на горную дорогу, идущую над морем. Вскоре показался спуск, десяток мачт небольших яхт свидетельствовали о том, что внизу находится яхт-клуб.

Они спустились к яхт-клубу, вышли из машины, и Кирилл сразу же заметил удивительно красивые очертания небольшого кораблика, который стоял на стапеле. Рядом работали несколько человек. Они прибивали доски обшивки. Пахло древесиной. Кораблик был прост.

Его формы более напоминали небольшой угловатый ящик. Кирилл подумал: хорош ли он будет на воде? Но Фарик, взяв его под руку, подвел к небольшому стенду, на котором тот был разрисован так, как должен был выглядеть после окончания работ.

— Красиво, очень красиво!

Высоко поднятый нос был увенчан головой коня. Корма — его хвостом. На парусе было изображение какого-то божества.

— Кто это?

— Это бог Мелькарт, покровитель Тира, один из самых почитаемых богов Финикии, а позднее и Карфагена. Его изображение, как и изображение этого маленького кораблика, сохранилось на нескольких саркофагах. Мы использовали их для того, чтобы сделать чертежи и снять размерения.

— Тебе не кажется, Фарик, что корабль несколько угловат?

— Да, он угловат, но построен как поплавок — любые волны должны выносить его на поверхность. Видел когда-нибудь, как плавает мячик на волне?

— Конечно, видел. Его подбрасывает вправо и влево, но никогда не захлестывает. Согласен с тобой. Знаешь, мне интересно посмотреть фотографии, которые вы делали со стенок саркофага.

Фарик провел его в небольшую комнату, где было несколько чертежных столов, пахло клеем, красками и древесиной. Кирилл внимательно рассмотрел фотографии. Только сейчас он обнаружил, с какой точностью и скрупулезностью ливанские кораблестроители воссоздавали облик далекого корабля.

— Вы проделали большую работу, просто огромную. Я сам строил ряд кораблей, но поражен теми изысканиями, которые вы провели до начала строительства, — проговорил Кирилл, перебирая стопку фотографий, чертежей и зарисовок, лежавших на столе.

Фарик предложил кофе. Они разместились за небольшим столом, оставшись в комнате вдвоем. Фарид и Ливан, переодевшись, пошли помогать своим коллегам.

— Какой молодец Фарид, даже домой не поехал — из экспедиции и прямо — на стройку! — похвалил его хозяин верфи. То, что Фарик является хозяином, Кирилл понял, увидев, как к нему относились рабочие, и не только те, которые строили будущий кораблик, но и те, кто ухаживал за яхтами, стоявшими в марине.

— А как ты хочешь назвать корабль, Фарик?

— Так же, как звали бога-покровителя Тира, Мелькарт. Именно он повел финикийцев в далекие страны, благодаря ему они открыли берега Иберии, где основали город Гадес, или Гадир, или сегодняшний Кадис.

— Ясно. Это, наверное, справедливо и правильно. А какой маршрут выбран для корабля?

— Ты знаешь, мы хотели бы повторить маршрут карфагенского морехода Гимилькона, потому что это самое сложное из того, что можно было бы осуществить.

— Что означает «самое сложное»?

— Понимаешь, финикийцы плавали в разные страны, но самым опасным считалось плавание к далеким берегам Оловянных островов. Туда, откуда они привозили олово, перегружали его в Кадисе, а другие суда везли сюда, в Ливан, в Египет, на Кипр, или еще дальше — в Красное море.

— То есть, вы хотите пойти маршрутом Гимилькона?

— Да, именно Гимилькона, о плавании которого осталось несколько известий. Именно он плавал к берегам далекой Британии и вернулся оттуда. Мы хотели бы начать свое плавание во французском городе Брест. Я знаю, ты бывал там со своим судном. А оттуда двинуться вдоль побережья Франции, потом обогнуть всю Испанию и затем прийти в Средиземное море, возможно — дойти до Карфагена, а скорее всего, вернуться сюда, в Ливан. Этим плаванием мы хотели бы рассказать о той великой истории, которая способствовала появлению ловкого финикийского народа на побережье Средиземного моря, западном побережье Африки и в других отдаленных местах.

— Интересный проект и очень сложный.

В комнату вошел Фарид.

— Ну, как, наговорились?

— Мы будем еще много говорить.

— Ты знаешь, там, в предгорьях Арарата, где мы работали над исследованием окаменелости, Кирилл высказал гипотезу, и считает, что была общая прародина древних цивилизаций, которая находилась или на островах Сокотра, или на южном побережье Аравийского полуострова, или на самом востоке Африки, — теперь страна Сомали. Как он считает, пранароды направлялись в поисках новой родины,

возможно, под влиянием того, что происходили природные катаклизмы. Кирилл думает, что пришельцы и дали толчок к развитию цивилизаций Междуречья. Он также считает, что они могли проникнуть и в Египет, и в долину реки Инд.

— Интересная теория, очень интересная. Может быть, так оно и происходило? Ты знаешь, Кирилл, у финикийцев тоже есть одна загадка. Люди, которые жили здесь до них, — а финикийцы народ пришлый, не знали ни кораблестроения, ни мореплавания. У них даже существует легенда о том, что жил некий прародитель Усой, который испугался загоревшегося на материке леса и на поваленном молнией стволе древесины переплыл пролив, отделявший островок, на котором в дальнейшем образовался город Тир.

— Неужели?

— Да! Так вот, люди, которые жили здесь, могли только ловить рыбу и ничего о кораблестроении не знали. А еще исследователи считают, что именно финикийцы создали продольно-поперечный набор, то есть ту самую основу, скелет корабля, которую мы используем по сегодняшний день! До этого были либо плетеные суда, либо тростниковые, либо вырубленные из одного ствола дерева. Финикийцы нашли способы и выработали навыки обрабатывать древесину как топорами, так и методами распиловки — их же считают одними из первых создателей пил!

— Фарик, я видел изображение столяра, распиливающего древесину, на египетском барельефе времен Древнего царства, начала третьего тысячелетия до нашей эры!

— Так вот что я хочу сказать: именно в то далекое время сюда, на эти места, пришел, а позже и ассимилировался, народ из глубин Аравийского полуострова, пройдя тысячи километров. Именно они принесли умение строить хорошие суда с высоко поднятыми кормой и носом. Настоящие морские суда, а не речные плоскодонки, какие строились на Ниле!

— Поразительно. Вообще, я хочу сказать, что поразительна вся моя поездка. Она принесла мне огромное количество информации. Мои предположения в чем-то спорны, но что-то подсказывает, что родившаяся теория не беспочвенна.

— Я говорил — форма Ноева ковчега напоминает лодьи фараона Хеопса. Возможно, первые суда, которые финикийцы строили здесь,

тоже были похожи на эти лодьи. У нас нет их изображений, мы можем только догадываться. И вот дополнение — в Древнем царстве египтяне сами заготавливали в Финикии лес. Но вскоре финикийцы стали и заготавливать, и транспортировать кедр на судах-коньках самостоятельно.

Это говорит о том, что финикийцы освоили умения и навыки мореплавания. Но они не могли научиться этому у египтян, потому что изображения их судов в корне отличаются от тех судов, изображения которых мы находим на барельефах в самом Египте.

Это другие конструкции! И научили их морскому кораблестроению другие! Их суда — с очень высокими носом и кормой. Со временем, только со временем их начинают украшать головой конька. А поначалу это просто высокие нос и корма, такие высокие, как на изображениях тростниковых судов и в Междуречье, и на реке Инд.

Там же суда становятся тростниковыми из-за того, что пришедшие народы, начавшие свою экспансию, не имели необходимого материала, поэтому и строить им приходилось из того, что было под руками, именно из тростника. Но даже там, на реках, они продолжают использовать форму, которая была известна ранее, форму, представляющую вид морских судов, а не речных!

Кирилл приподнял руку и добавил:

— Возможно, те самые далекие предки финикийцев — одно из племен, которое училось кораблестроению у тех, кто первым пришел в устье великих рек Азии и Африки...

Они вышли на площадку, где рабочие очень аккуратно остругивали несколько досок, пригоняя с большой точностью одну к другой.

— Когда вы думаете закончить работу, Фарик?

— Думаю, к лету. Именно этим летом мы и хотим уйти в экспедицию.

— Так скоро?

— Да, работы идут быстро. Тебе нравится корабль?

— Безусловно! — Кирилл помолчал и добавил: — И знаешь, мне бы хотелось участвовать в этой экспедиции.

Кирилл сказал это… удивившись своим словам.

— А как же твой проект, Кирилл? Я ведь знаю, что в следующем году ты со своей галерой должен быть в Венеции…

— Не знаю, я даже не подумал. Меня так захватило то, что про-

исходит у вас на судоверфи, что я не подумал, что делать со своим проектом. Спасибо вам, еще раз спасибо!

— Ну что ж, поедем ко мне домой? Ты отдохнешь, а завтра мы покажем тебе город и возьмем билеты на самолет. Селим ждет тебя в Стамбуле...

Два дня, проведенных в Бейруте, пролетели молниеносно. Кирилл и не заметил, как оказался в кресле самолета, взмывшего над Ливанским хребтом. Его переполняли новые впечатления.

Глава 9.

«Возмещение»

Басра. — На персидской судоверфи. — Строительство корабля. — Предосторожность адмирала Реиса. — Подготовка к плаванию. — Спуск на воду. — Декорация. — В открытом море.

Двадцать дней понадобилось каравану, чтобы добраться до Басры. Четыре раза плоты пришлось разгружать, разбирать и по частям переносить по берегу. Вызвано это было тем, что река становилась мелкой и порожистой. На каждую из таких остановок уходил целый день. Джероми и Лацио радовались: наконец-то потеплело, и еда, припасенная в Раке, быстро восстановила силы.

На седьмой день плавания караван остановились в городе Хит, где Али-паша, не позволив никому высадиться на берег, приобрел продукты для дальнейшего плавания. Джероми был поражен многочисленностью плотов и людей, которых те перевозили. Часть караванов, приплывших с верховьев, перегружалась на более вместительные деревянные баржи. После погрузки их тянули вдоль берега, редко выводя на середину реки. Часто баржи цеплялись за прибрежные камни, но их отталкивали и вели дальше.

— Смотри, Лацио! Насколько вместительнее баржи, чем плоты!

— Ты прав, на барже поместится все то, что несли бы на себе 50-60 плотов.

— Интересно, мы будем перегружаться или пойдем дальше на этих кожаных понтонах? Решение за Али-пашой.

Вскоре Али-паша показался на берегу. Он отдал приказания, но на вопрос Джероми, будут ли они пересаживаться на деревянные суда, ничего не ответил. Караван двинулся в путь в прежнем составе. Прошло еще две недели, и десять плотов оказались под стенами большого города. Это была долгожданная Басра.

— Послушай, Лацио, я так и не заметил, где прошла граница между Османской империей и Персией!

— Это неважно, ты же видел, что нигде не было войск, нас никто не останавливал.

— Странно, а все говорят о приближающейся войне.

— Ничего странного, это просто малозаселенные территории.

— Непонятно не это, а то, что эти территории так мало заселены, ведь река — это всегда жизнь.

— Знаешь, здесь прокатилось столько войн и нашествий, что люди, видимо, боятся долго оставаться на этих землях. Тут воевали испокон веков именно за то, чтобы обладать рекой, а значит — обладать жизнью.

В Басре их впервые обступили военные люди, вооруженные кривыми саблями и заткнутыми за пояс пистолями. Это были персидские таможенники. Проверив караван и не найдя ничего запрещенного, они позволили Али заняться вопросом размещения людей.

Басра по сравнению с Хитом, Ракой, Трабзоном, Кафой и даже Константинополем была огромным городом. Улицы заполнены многоликой шумной толпой, лавки и базарные ряды ломились от товаров, жизнь здесь не замирала ни днем, ни ночью. Когда-то Басра считалась вторым городом огромного и богатого Багдадского халифата. Сейчас блеск и великолепие несколько померкли, но все же размеры и многолюдность вызвали у Джероми и Лацио восторг. Они ранее никогда не видели таких больших городов.

— Представляешь, какой был Багдад, если столь впечатляет своими размерами и многолюдием Басра?

— Да, Лацио, я читал в записках отца, а он цитировал генуэзского путешественника Марко Поло, что Багдад был на востоке самым знатным и большим городом, а Басра считалась его морскими воротами.

Есть поверье, которое вошло в историю всех восточных сказаний. У багдадского халифа было золота, серебра и драгоценных камней больше, чем у кого-либо другого. Когда монгольский хан Хулагу напал на Багдад и решил захватить город, в его армии было более ста тысяч только конных воинов. Покорив халифат, он приблизился к цитадели, в которой было полным-полно золота, серебра и других богатств.

Хулагу никогда и нигде не видел столько роскоши. К нему привели схваченного халифа, и он сказал ему: «Халиф, скажи мне, зачем тебе столько золота? Что ты задумал с ним делать? Разве ты не знал, что я, твой враг, иду сюда с большой ратью уничтожить тебя? Если же знал, почему не раздал эти богатства конной и пешей рати, чтобы они защитили и тебя, и твой город? Почему не раздал беднякам, тем, кто помешал бы мне открыть ворота твоих крепостей?».

Халиф не знал, что ответить монгольскому хану. Тогда тот при-

казал заточить его в башню вместе с его сокровищами и запретил давать ему есть и пить.

«Халиф, ешь свое богатство, пей его, сколько хочешь! Полюбилось оно тебе сильнее, чем свобода, и не будет тебе никогда другой еды».

Умер халиф через четыре дня после того, как попал в заточение…

— Удивительная легенда, Джероми. Она в точности соответствует многим, и не только восточным правителям. Лучше бы ему было раздать свое богатство и попробовать защищаться, а так он даже не сумел откупиться от страшного врага. И не погиб бы сам, и не был бы народ его ограблен, если бы расстался он подобру-поздорову со своим сокровищем!

— Ты прав, Лацио. Но уверяю тебя, сколько существовал мир и сколько будет существовать после нас, всегда будут те, кто считает золото, драгоценные камни и серебро гораздо более ценным, чем свобода своего народа, да и своя собственная!

— Удивительный город Басра! Ты знаешь, тут на базарах такое количество овощей, фруктов, тканей парчовых и красных, которые зовутся термезис, столько продается оружия, украшенного драгоценностями! Помнишь наши кольчуги, которые остались в Генуе? А ведь они были привезены в Московское царство откуда-то отсюда, а мы их получили уже через третьи руки торговцев.

— Да, ты знаешь, я видел подобные на базаре. Я буду требовать у Али-паши деньги, чтобы мы запаслись двумя кольчугами. Я видел здесь и прекрасные метательные кортики — они нам тоже пригодятся в плавании.

К вечеру Али-паша разместил своих спутников за чертой города, где арабы строили свои суда. В большом караван-сарае, в каких-то ста метрах от реки, Джероми и Лацио нашли приют в небольшой комнате. Их запасы продовольствия давно кончились, и поэтому Джероми настоятельно потребовал у Али-паши деньги и несколько погонщиков, чтобы запастись провизией. Тот с неохотой дал ему небольшой мешочек, плотно набитый золотыми монетами. Джероми израсходовал их так, чтобы незаметно купить не только продукты, но и две крепкие кольчуги, метательные кортики и даже два небольших арбалета. Все это было спрятано между провизией и вскоре доставлено в караван-сарай.

Поздно вечером Али-паша позвал его и Лацио в свои покои. Джероми увидел, что помимо него, в комнате находится еще один че-

ловек. Он интуитивно понял, что это адмирал Реис. Али-паша молчал, адмирал в высоком тюрбане, без усов и бороды, к которым они привыкли во время встреч в Константинополе и Кафе, был совершенно не похож на того, кого они знали.

— Ну, что ж, мы прибыли на место, где будет строиться корабль. Мне понадобится ваша помощь. Вы не будете видеть меня, а все распоряжения получать — от Али-паши. Никто не должен знать, что я, адмирал Реис, нахожусь здесь. Поэтому я с такими предосторожностями двигался в составе каравана. Вы это понимаете?

— Да, адмирал, но нам неясно, кто же здесь сможет построить корабль, который нам необходим? Есть ли здесь мастера и специалисты? То, что мы видим, это топорная и очень грубая работа.

— Те тридцать людей, которые прибыли вместе с нами, собраны со всех концов Османской империи, призваны из разных стран Европы, — это все корабельные мастера. Неужели вы так и не поняли мою задумку, сеньоры Абаджио и Лацио?

— Неужели?

— Да, это так. Именно эти люди по вашему чертежу будут строить необходимый нам корабль.

— Хорошо. Скажите, адмирал, когда судно будет построено, оно ведь будет напоминать европейские суда. Как же мы придем в Ормуз и рядом находящийся Масул, где расположены португальские колонии? Как в верховьях Тигра и Евфрата появится корабль из Средиземноморья?

— А мы поступим следующим образом. Перед самым Ормузом мы задекорируем ваш корабль, и он не будет ничем отличаться от арабских судов.

— Что значит — задекорируем?

— Джероми, я очень много знаю о вас. Я знаю о вашем походе на полакре, знаю, как вам удалось обмануть тех, кто преследовал вас, как корабль ведомый вами становился в караваны…

— Откуда вы это знаете, адмирал? — удивился Джероми.

— Разве вас не удивило письмо кардинала Глиани, которое оказалось у меня? Я знаю о вас гораздо больше, чем вы думаете, о ваших подвигах и ваших походах, что уже не раз доказывал. Не смотрите на меня такими широко открытыми глазами! Я позвал вас для того, чтобы вы помогли моему плану и вы не должны скрывать от меня свои знания.

— Хорошо, адмирал Реис. Мы задекорируем корабль. Но с завтрашнего дня мы хотели бы получить свободу, и хотели бы, чтобы Али-паша больше не командовал нами, не подсылал своих соглядатаев и отвечал на наши вопросы…

— Успокойтесь, Али-паша не будет вам мешать, но контролировать вашу работу он будет обязательно и непременно будет докладывать обо всем происходящем мне.

Жестом адмирал показал, что аудиенция завершена.

Но Джероми не спешил уходить.

— Адмирал, для строительства корабля нужна древесина. То, что мы видели здесь, для создания большого корабля не годится.

— Не волнуйтесь, вы получите необходимую древесину в нужном количестве. Завтра осмотрите берег, отберите рабочих-арабов, которые вам нужны, а затем дайте Али-паше полный список того, что может понадобиться для того, чтобы построить 25-метровый корабль с большими трюмами и высокими кормовыми и носовыми надстройками. А теперь идите.

— Не спешите, адмирал. Мы хотим знать — вы не показываетесь никому, никто не знает, что вы находитесь здесь, в Басре, но разве не вызовет подозрение то, что сюда прибыла группа людей разных национальностей, разного вероисповедания, чтобы строить странный корабль, не похожий на местные суда? Разве об этом не будут говорить на всех базарах Басры? Разве это не станет вскоре достоянием многих, и не узнают ли об этом в тех самых португальских фортах, крепостях и колониях, которые вы собираетесь посетить, чтобы разведать, насколько они сильны?

— Нет, я этого совершенно не боюсь, сеньор Абаджио. В Басре задолго до того, как мы прибыли сюда, распространен слух, что османы строят специальное судно для плавания в Китай. Строят его по образцу черноморских судов и поэтому согнали со всех подчиненных империи земель лучших кораблестроителей.

— Так почему же вам, адмирал Реис, официально не возглавить эту экспедицию?

— Потому что все мои противники знают, кто я. Поэтому, если речь пойдет о том, что эту экспедицию возглавит адмирал Реис, то тогда настороже будут португальцы. А если ее возглавляет присутствующий здесь Али-паша, который везет официальное письмо турецкого султана в Поднебесную, это никому не покажется странным.

— Тогда вернемся к началу нашего разговора. Скажите, адмирал, а как же все-таки нам удастся задекорировать корабль так, чтобы он был похож на черноморский, а затем, пройдя Ормуз, чтобы он стал настоящим нефом?

— А вот это уже ваша задача, сеньоры. Идите и думайте. Вы большие умельцы обманывать других.

— Впрочем, как и вы, адмирал, — нахмурившись и сжав кулаки, произнес Лацио.

— Я не хотел вас обидеть. Мы увидимся не скоро. Прошу вас, приступайте к работе. Али-паша будет докладывать мне в точности все, что вы делаете. Корабль должен быть очень добротным и построен так, чтобы сбросив с себя как ненужную шелуху декорации, стать средиземноморским нефом. Тогда он не будет удивлять португальцев, и мы сможем близко подходить к их крепостям, а вы будете выходить на берег и общаться с людьми, которые и расскажут о той мощи и силе, если она, конечно, есть, которую представляют португальские колонии. Идите, сеньоры, и да поможет вам ваш Бог, а нам — наш.

Джероми и Лацио покинули небольшую комнату, в которой прошло совещание с адмиралом Реисом. Когда они ушли, адмирал обратился к Али-паше:

— С сегодняшней ночи никто из прибывших не должен покидать верфь. Все входы и выходы пусть охраняют вооруженные люди.

— Вы имеете в виду, адмирал, погонщиков, которые прибыли с нами?

— Конечно! Ты-то, Али, знаешь, что это лучшие воины империи.

Али поклонился и вышел вслед за Джероми и Лацио.

Наутро молодые люди осмотрели судоверфь. Верфь, состоящая из десятка глинобитных зданий, стояла на берегу большой реки. Кругом ее окружали рощи финиковых пальм. Басра славилась на целый свет своими финиками, которые, засахаренные или высушенные, попадали не только в страны Востока, но и в христианскую Европу.

Из фиников делалось пиво, вино и многое другое. Старая арабская поговорка гласила: там, где растет финиковая пальма, там всегда будет жизнь. Это было так. За пальмами ухаживали, их очень аккуратно окапывали и поливали водой из реки. Делалось это не так часто, потому что земли вокруг были достаточно болотистые.

Друзья поразились, увидев, как строят свои плавсредства арабы. То, что строилось на верфи, кораблями назвать было невозможно.

Джероми окрестил это «ореховой скорлупкой». Деревянные конструкции собирались из коротких пальмовых досок, которые сколачивались между собою, затем просмаливались, потом набивался еще один ряд дощечек, чтобы перекрыть швы первого ряда.

— Как это может выдержать волнение? Ведь все держится на смоле, посмотри, Джероми.

— Но как-то же они плавают, эти мореходы, и плавают очень далеко. Давай посмотрим внимательнее.

В момент, когда караван прибыл на верфь, на ней строилось три небольших судна и несколько вместительных речных барж. Джероми и Лацио подошли к тому месту, где одно судно было готово к спуску на воду. Оно было покрыто палубой. Джероми по приставной лестнице взобрался на него и заглянул в люк. То, что он увидел, изменило его первое впечатление о крепости арабских судов.

Внутри они были разделены между собою большим количеством переборок, которые являлись как бы внутренним скелетом, удерживавшим обшивку, ту самую «ореховую скорлупу», и палубу. Там, где не были применены деревянные гвозди и железные скобы, арабы сверлили отверстия и стягивали все крепкими веревками, которые изготавливались здесь же, на верфи, из высушенных листьев и стеблей финиковых пальм.

— Поразительно! Если мы начинаем строить изнутри, с набора, а потом обшиваем досками, создавая крепкий деревянный корпус, то арабы все делают наоборот. Они кое-как сбивают корпус, а потом всаживают внутрь крепкую раму. Посмотри внимательно, Лацио!

Лацио закивал головой.

— Да, ты прав — не такие уж и хрупкие эти корабли. Странно, не правда ли? Да и возможно ли вообще такое?

— Как видишь, возможно…

Джероми и Лацио обнаружили, что обшивка судов состоит из многих слоев, очень крепко соединенных между собой не только гвоздями или скобами, но и липкой на ощупь, все вяжущей вокруг смолой. Смола растапливалась здесь же, на судоверфи в чанах. Она представляла собой черную жидкость, в которую добавлялся для крепости песок. Джероми и Лацио были поражены той скоростью, с которой арабы работали, отесывая самым простым и грубым инструментом короткие доски из целых брусьев.

— Смотри, как быстро они работают, и совершенно не знают

пил! Они раскалывают и затем отесывают бруски, превращая их в грубые доски.

— Сложно же будет, если мы получим такой материал! С таким лесом я никогда не работал.

— Это вопрос, мой друг Лацио. Но заказывать Али-паше, конечно, будем нормальный лес и нормальные доски, и пилы тоже.

— Знаешь, у меня такое подозрение, что пилы все-таки привезены сюда, и брал их адмирал Реис еще в Кафе или Константинополе.

— Возможно, и так. Иначе нам будет сложно уложиться в те сроки, которые отведены для постройки корабля.

— Давай подберем площадку для строительства!

Они выбрали недалеко от реки ровную площадку, которая была хорошо утрамбована.

— Послушай, Лацио, как будем спускать судно? Мы же никогда не строили на берегах рек, где достаточно большой уклон к воде.

— Наверное, это и хорошо, что есть уклон. Мы будем строить судно кормой к воде и носом к берегу, таким образом, чтобы оно потом под своим весом соскользнуло в воду.

— Не будет ли это опасно? Представь себе, если нос застрянет в прибрежной тине, что тогда может произойти?

— Не думаю, Лацио. Надо будет на середину реки вывести несколько лодок, подать на них тросы и одновременно, сталкивая судно с берега, натягивать их.

— Возможно, ты и прав. Надо в воде вбить несколько свай, за которые зацепить лодки.

— Все это в будущем. Под киль нужно положить катки.

— Из чего мы будем их делать?

— Самым лучшим материалом, мне кажется, будут круглые, хорошо обработанные куски финиковой пальмы. Ее, слава Богу, здесь вдосталь, а вот на доски для строительства она не очень годится.

— Ну, что ж, давай определимся с размерениями и подумаем, что необходимо в первую очередь.

— В первую очередь, Джероми, нам понадобятся помещения, где будут храниться все необходимые материалы, прибывающие на судоверфь.

— Ты знаешь, я не вижу в этом проблемы. Посмотри, вдоль всей судоверфи мастера строят камышовые корабли, это даже не корабли, а плоты.

— Да, я видел. И очень интересна техника, по которой они их собирают: вяжут теми же ростками, только более молодыми, увязывают поплотнее целые снопы, затем соединяют их по длине и между собой…

— Интересно, долго ли может такая лодка выдержать плавание?

— Не знаю. Когда-нибудь нужно расспросить их о том, долго ли эти лодки живут в воде. Но думаю, что долго. Посмотри, ты видишь, вот одну из них, видимо, для длительных походов, обмазывают смолой, а смола воду не пропускает. Следовательно, камыш и тростник не будут набухать. Такие лодки плавают долго!

— А те, которые не обмазывают?

— Те, которые не обмазывают, вероятно, время от времени нужно вытаскивать на берег и сушить.

— Но они же очень тяжелые!

— Да, они тяжелые, но посмотри, как многолюдны здешние места — там, где нам понадобились бы рычаги и двое-трое человек, управляются 50-60 арабов! Они худые, но очень жилистые и крепкие.

— Так вот, помещения — стены, кровли — можно сплести из тростника. Они будут и легкие, и прочные. А материала и рабочих рук тут хоть отбавляй!

Джероми и Лацио разметили площадку, составили точный список всего того, что им было необходимо получить. В это время к верфи по реке приблизились два длинномерных, очень пропорциональных и красивых с виду судна. Носы их были заострены и поднимались высоко над водой. На кормах небольшие кормовые беседки были красиво украшены резьбой, расцвечены красками, на боковых стойках вырезан орнамент. Диковинным было то, что крыши надстроек украшали скульптуры попугаев, смотревших в сторону судовой кормы.

— Посмотри, как красиво, Джероми!

— Интересно, почему попугай смотрит назад?

— Я думаю, Лацио, что он смотрит назад, напоминая морякам, что там, за кормой, находится их родная земля, возможно, земля, которую они покинули навсегда.

— Как далеко, Джероми, наша земля, — задумчиво произнес Лацио.

Джероми промолчал, он внимательно рассматривал прибывшие корабли.

Те имели высокие мачты, на которые арабы подняли реи с треугольными парусами. Паруса были присобраны, поэтому подошли ко-

рабли к берегу очень медленно. Рабочие приняли швартовые канаты и завязали их за рыжие столбики из финиковой пальмы, плотно вогнанные в землю. На кораблях друзья увидели много людей, которые по легким трапам стали расходиться по всей верфи. Джероми внимательно приглядывался к корпусам.

— Послушай, Лацио, посмотри, как эти суда похожи на португальские каравеллы! Они только немного длиннее, а так — и высокий нос, и небольшие кормовые надстройки, и удлиненность корпуса… Послушай, зачем адмирал Реис решился строить тяжеловесный неф, быть может, нужно строить португальскую каравеллу? Тогда мы еще больше будем похожи на португальцев и сможем подходить вообще близко к берегам и высаживаться в любой колонии?

— Да, но как мы будем разговаривать там? Ведь мы же не знаем ни португальского, ни португальцев! Что подумают о нас сразу же те люди, к которым мы будем обращаться? Что мы захватили португальскую каравеллу.

— Ну почему же захватили? Можно говорить везде, что мы ее приобрели.

— Я не думаю, что португальцы продают свои суда. Наверное, адмирал Реис все же прав. Хотя местные корабли и похожи на португальские, все-таки эти суда вряд ли подойдут для нашего плавания. Слишком уж будет очевиден обман. А вот неф — крепкое средиземноморское судно. К тому же арабы не знают, что такое неф, поэтому легенда о том, что это черноморское судно и что турки привезли его конструкцию, чертежи и материалы, вполне правдоподобная история. Никто не будет обращать на такое строительство внимание.

— А если в городе окажутся средиземноморские купцы, которые знают, что такое неф?

— Для этого Реис и хочет, чтобы мы вначале создали такие декорации, как тогда, во время похода на полакре, подняв его борта, чтобы он казался Папским судном…

— Что ж, возможно, Реис и прав, но давай вернемся к нашим заботам…

Три дня у Джероми и Лацио ушло на то, чтобы разработать полностью конструкцию, чертежи, расписать материалы, количество древесины, металлических и деревянных гвоздей, веревок, канатов, необходимые ткани для парусов, оружие и все прочее, что понадобилось бы на строящемся судне.

Подготовленные бумаги они немедленно относили Али-паше. Прибывшие в караване люди обстругали тридцать двухметровых брусьев, которые уложили поперек берега. Под ними площадка была еще более выровнена и утрамбована. Делалось это для того, чтобы по брусьям корабль мог соскользнуть в воду.

Джероми остался доволен работой. Самым важным оставалось получить килевую балку, основу всей конструкции, на которой будет построен корабль. Когда Али-паша узнал о ее размерениях, он был озадачен. Найти такой длины брус было делом нелегким. Джероми и Лацио потребовали, чтобы, пока будет доставляться и готовиться киль, Али закупал другие материалы. Из Басры на верфь потянулись груженные деревом повозки. Для перевозки крупных деталей в упряжь ставили по шесть мулов.

Чтобы хранить все, прибывающее на верфь, Али строил камышовые сараи. Каждое утро несколько команд из арабов на небольших лодках уходили вверх по реке, нарезая и доставляя сотни вязанок камыша. Камыш этот вязался специальным образом так, что из него получались маты, крепкие и очень прочные, высотой два с половиной метра, шириной до трех метров. Эти маты были так уплотнены, что являли собой прекрасные стены. Из этих стен вскоре было построено невдалеке от судна четыре больших помещения. Крыши покрыли такими же матами, которые не позволяли солнцу и дождю проникать внутрь.

— Посмотри, как быстро работают арабы, — отвлек внимание Джероми от работы Лацио. — Вчера еще было десятка полтора этих стенок, а сегодня, взгляни, уже больше сотни!

Когда сараи были готовы, оказалось, что они достаточно крепки, чтобы выдержать и силу ветра, и другие невзгоды.

Лацио и Джероми обменялись друг с другом впечатлениями.

— Как устроен человек, подумай, Лацио! Никаких проблем ему не доставляет научиться использовать материал, который находится под руками, чтобы создать себе жилье, построить лодки, сделать веревки, приготовить напитки, взрастить то, что необходимо для питания. Ведь здесь река и болото, больше ничего нет, растут только финиковые пальмы! А посмотри — у местных жителей есть все, что необходимо для жизни! Финик дает еду, сок пальмы — пиво и вино; из коры и листьев делают веревки, из камыша — здания, лодки…

Удивительная цивилизация! А ведь камня и дерева практически

нет. Есть еще материал, которого нет в Европе: это та самая вязкая крепкая смола, которую используют арабы.

— Знаешь, я тоже подумал об этом. И хотел бы этой черной смолой покрыть наружную часть нашего судна.

— Наверное, ты прав, необходимо перенимать опыт местных судостроителей.

— Я обратил внимание, что в воде здесь водится очень много червей. Боюсь, что они могут быстро повредить деревянную обшивку, к тому же я видел несколько судов, проходящих мимо, — они были обмазаны не смолой, а какой-то белесой, похожей на известь или гипс, мастикой.

— Я слышал о ней ранее. Об этой мастике писал еще мой отец. Говорят, что ее рецепты хранятся под большим секретом. В состав входят какие-то жиры, и эту мастику не берут черви, поэтому суда служат много лет. Но мастика эта стоит дорого.

— Нам на много лет не нужно, поэтому можем вполне использовать тот черный смолистый битум.

Друзья с интересом наблюдали жизнь на реке. Люди, жившие и работавшие здесь, были неприхотливы. Жили в соломенных хижинах, которые сильно отличались от тех крепких глинобитных зданий, минаретов и мечетей, которые были в самой Басре.

— Джероми, ты заметил, что практически нет здесь вьючного скота? Ни коров, ни быков.

— А зачем они им? Их так много, что они все могут делать собственными руками: переносить тяжести, перетягивать канаты, строить суда… Да и мулов множество. А они, как и местный народ, трудолюбивы и неприхотливы.

— Едят мало и выживают.

— Выживают, точное слово. Но вот как долго?

— Ты знаешь, я вчера спросил у одного рабочего через Али-пашу, сколько ему лет. Старик, который смотрел на меня, сказал, что ему 35. Джероми! Тебе и мне тоже по 35. Но ты посмотри на него и на нас! Хотя и наша жизнь с тобой была нелегкой: мы много воевали, теряли друзей, любимых, были изгнаны из родного дома — но мы же не выглядим так!

— Пойми, у нас совсем другое питание — мы используем в пищу много мяса и зелени. Недаром волком смотрит на нас Али-паша, когда мы раз в неделю отправляем людей для закупки продовольствия!

Продукты питания — это очень важно, Джероми! Еда — это то, что поддерживает человека.

— Наверное, ты прав. Но не только еда. Все-таки цивилизованность, разнообразие того, что происходит вокруг нас, тоже, скорее всего, продлевает жизнь...

Дни побежали один за другим. Рабочие по лекалам, которые Джероми и Лацио сделали для изготовления шпангоутов на судне, вырубали мощные и крепкие брусья. Однажды к берегу судоверфи подошел большой камышовый плот. С него была снята огромной длины деревянная балка. Она была частично обстругана и хвойный запах, который издавала древесина, указывал на то, что это был строевой лес, доставленный сюда либо с берегов далекого Ливана, либо из Сирии.

Пятьдесят человек, напрягаясь, втащили 18-метровый ствол на площадку. Абаджио разметил его, и десяток мастеров, вооруженных топорами, лезвия которых были насажены не горизонтально древку, а поперек него, начали стесывать лишнюю древесину. Работа длилась несколько дней. Наконец-то мощный брус был готов. Его уложили в основание корабля. Когда закладка была произведена, Джероми вколотил в киль большую серебряную монету. Али-паша, стоявший недалеко от него, улыбнулся и спросил:

— Зачем это?

— Таков обычай.

— У нас нет таких обычаев.

— У вас нет, но вам и не вести этот корабль в море.

— Вы думаете, эта привилегия достанется вам, сеньор Абаджио? — резко спросил Али-паша.

— Я не думаю, я в этом абсолютно уверен. Вы никогда не водили в море кораблей с подобным парусным вооружением. Поэтому, пока вы научитесь, эта задача будет лежать на нас.

Али-паша сжал кулаки, но ввязываться в дальнейший спор не решился. Он увидел, как сбоку над ним навис Лацио, человек, чьей силы стоило опасаться многим. Отвернувшись, Али произнес что-то на арабском и ушел.

В килевой балке были сделаны специальные зарубки, в которые начали вставлять изготовленные ранее шпангоуты.

— У нас при строительстве это называют флорами, — как будто для себя, но также и для всех остальных сказал Джероми. На его слова никто не обратил внимания.

Привезенные Али судостроители не разговаривали между собой. Все, что нужно было выполнять, Джероми вычерчивал для них на бумаге или на песке. Рабочие беспрекословно повиновались и начинали обтесывать древесину или просверливать в ней отверстия. За прошедшие несколько недель корабль буквально ожил на глазах. Через каждые 30 сантиметров к килю были прикреплены мощные шпангоуты, длина между которыми в верхней части достигала пяти метров.

— Ну вот, пять на двадцать, сто квадратных метров палубы…

— Чуть меньше, Лацио, чуть меньше. Не забывай, что нос будет заострен.

— А высота два с половиной метра. Большой объем!

— Да, я надеюсь, что судно будет вместительным. Мы разобьем его на четыре отсека внутри. Входов будет два — в носу и в корме.

— А по центру?

— Я думал над этим, но считаю, что если мы сделаем по центру только световой люк, через который можно будет подавать груз и вынимать оттуда, этого будет достаточно. А спусков с лестницами хватит двух.

Еще три недели пробежали незаметно. День увеличился, и поэтому работы шли от рассвета и до заката. Рабочие трудились по 12-14 часов, прерываясь всего два раза для того, чтобы есть. Джероми обязал Али-пашу выдавать, помимо горячей еды, еще дополнительно лепешки, дважды в течение дня. Он понимал, что скорость работ будет зависеть и от того, насколько сыты будут люди. Али-паша был против, но вынужден подчиниться. Многие из тех арабов, которые жили и работали на верфи, стремились попасть в бригады, которые помогали строителям диковинного корабля. Стремились они потому, что здесь хорошо кормили.

Близился к концу март. Судно выросло, у него появились очертания. Днище было полностью готово, и рабочие прибивали доску за доской, которые поднимались вверх по борту к самой палубе. Чтобы ускорить и без того быстро идущую работу, Абаджио приказал начать конопатить корпус еще не законченного судна. Для конопатки были выбраны хорошо промасленные тонкие веревки, изготовленные из финиковой пальмы.

Забивая в пазы деревянные клинья, они расширяли расстояние между досками и вколачивали туда канат. Когда клинья вынимались, доски сжимали канат до такой степени, что постепенно из него начи-

нало выдавливаться масло, окрашивая коричневым цветом белую древесину обшивки.

Про себя Джероми и Лацио хвалили Али-пашу: тот выполнял все в точности, как они и требовали. И поэтому совсем недалек был тот час, когда корабль соскользнет в воду.

— Спускать на воду, Лацио, будем очень скоро. Как только обшивка и конопатка дойдут до палубы, начнем смолить и сразу же после этого — в воду. Надстройки и все остальное будем делать на воде.

— Ты же прекрасно понимаешь, что судно наберет сразу много воды!

— Пусть забухает. Пока мы будем заниматься надстройками и установкой мачты, вода пропитает доски, они сожмут намертво конопатку, и после этого мы сможем, вычерпав воду, проверить, есть ли течи в корпусе или нет.

Наступил день, когда не готовый окончательно корабль было решено спускать на воду. Джероми подошел к Лацио.

— Ну что, кто будет перерубать канат?

Тот самый мощный канат, который они в начале строительства, установив килевую балку и форштевень, закрепили. Именно этот, толщиной в руку трос удерживал всю конструкцию, не давая ей соскользнуть по деревянным каткам в воду. Как и было задумано заранее, на глубине в воде были забиты высокие сваи, к которым прикрепили несколько лодок — из них рабочие должны были тянуть и направлять кормовые канаты, идущие от судна, для того, чтобы оно, набрав скорость, полностью соскочило в воду, не застряв носом в прибрежном иле.

— Давай поручим это Али-паше.

— А почему ему?

— Он заслужил это. Хоть он и наш с тобою противник, но человек очень деятельный. Ты видел, как он реагировал на все наши просьбы, молниеносно доставая все, что было необходимо для строительства?

Джероми подошел к Али-паше.

— Ну, что ж, господин паша, хоть вам и не повести судно сразу после выхода его в море, но вот спустить его, мы с Лацио считаем, на воду должны вы.

Али-паша с гордостью посмотрел на него. Было понятно, что ему приятно порученное. Взяв большой топор с длинной рукоятью, он при-

казал рабочим подтащить деревянный чурбан под канат. Все замерли. Турок размахнулся и одним ударом перерубил мощный трос, державший судно. Корабль закачался. Рабочие в лодках напряглись, потянув за веревки. Обступившие со всех сторон корабль арабы с криком навалились на него, толкая вниз к воде. Раздался скрип, треск ломающейся древесины. Деревянная махина качнулась и вначале медленно, а затем все быстрее и быстрее поползла по каткам в воду.

Лацио закричал:

— Толкайте еще, толкайте!

Его никто не понял, но интуитивно строители сообразили, что нужно сильнее разогнать движущийся вниз корабль. Раздались крики, судно приблизилось к воде. Корма нависла над ней, раздался легкий шлепок о воду. Вода все выше стала подниматься по корпусу.

Джероми увидел, как корабль, оторвавшись от берега, завалился на левый бок. Раздался треск, чей-то крик, люди бросились врассыпную, а махина соскользнула в воду, не зацепив носом песок. Неожиданно ее стало разворачивать кормой, которая ударилась о сваю, вбитую в дно, и подмяла под себя лодку. Люди попадали в воду.

Однако, благодаря столкновению, корабль остановился, легко и грациозно покачиваясь на волнах. Над верфью пронесся протяжный крик, символизирующий радость и удивление. Большое судно оказалось легким и очень пропорциональным.

Вскоре его подтащили к берегу. Абаджио первым взобрался на палубу. Заглянув в люк, он увидел, как маленькими фонтанчиками речная вода пробивается сквозь щели досок.

Вначале это были лужицы, затем они превратились в одно целое, вода поднялась над килем. Джероми скомандовал оттолкнуть судно от берега, так как боялся, что оно сядет на мель. Корабль оттолкнули. Воды становилось все больше и больше. Он спустился по трапу вниз и очутился в воде. Она поднялась ему почти по колено. Что ж, пока все так, как и должно быть. За ним туда спустился Лацио и многие из тех, кто строил судно. Джероми приказал всем уйти. Через два часа он вновь заглянул внутрь корабля. По его подсчетам, воды там было уже по пояс среднему человеку.

— Ну что, Лацио, как думаешь, много еще воды будет набирать наше судно?

— Думаю, что нет, вскоре все прекратится.

Так и произошло. К вечеру уровень воды установился, и наутро

было решено продолжить работы. Вечером Али-паша пригласил Джероми и Лацио в свою комнату. Там, кроме него, находился адмирал Реис. Он выглядел точно так же, как и в прошлый раз, и был не похож на того человека, с которым они были знакомы в Стамбуле.

— Хочу поздравить вас, сеньоры Калье и Абаджио — работа отличная!

— Вы видели, как спускалось судно на воду, адмирал?

— Да, видел, и счастлив, что вы не видели меня, значит, мне удалось хорошо замаскироваться.

— Мы бы увидели вас, адмирал, просто были очень заняты.

Адмирал заулыбался.

— Как вы думаете, сколько понадобится времени, чтобы завершить работы — установить мачты, поставить надстройки и, самое главное, сделать декорации?

— Как минимум, месяц.

— Ну, что ж, тогда в конце апреля или начале мая мы сможем уйти в море?

— Надеюсь, что да, адмирал.

— Это было бы великолепно! Я хотел бы, чтобы вы знали, Джероми: за то, что сделано, я отдал указание, чтобы вашему отцу была выдана сумма по тысяче золотых монет для каждого из вас. Клаудио сам решит, как распорядиться этими деньгами. Вы же сегодня можете написать письма, которые, к сожалению, как бы мне ни было неприятно, я запрещаю вам запечатывать.

В письмах вы можете писать все, кроме того, где мы сейчас находимся и что делаем. Поэтому я, хоть и доверяю вам, но вынужден, чтобы эти письма были прочтены моим личным писарем. Если в них не будет ничего лишнего, то они отправятся вместе с деньгами к вашему отцу. Я надеюсь, что наша следующая встреча произойдет в тот момент, когда будут подняты паруса на корабле. Желаю вам удачи! Передадите письма через Али-пашу.

Джероми и Лацио уединились в своей комнате и начали писать. Джероми понимал — что бы он сейчас ни попытался написать отцу об экспедиции, это не будет доставлено, и потому решил свои заметки о путешествии и строительстве оставить на потом. В коротком письме, он просил его, по возможности, сообщать ежемесячно Изабелле о том, что он жив. А также просил половину средств, которые он получил от адмирала Реиса, при первой же возможности отправить в Геную, что-

бы обеспечить достойное существование Изабелле и всему дому, который ему принадлежал. Он просил также сообщить в Сенат, что они живы, но находятся в плену. Это не было запрещено адмиралом Реисом, и посему он хотел, чтобы там знали, что они живы — и он, и Лацио, и что приложат все усилия, чтобы со временем вернуться в Геную.

О чем писал Лацио, Джероми не стал спрашивать. Но он понимал, что его письмо заключает в себе примерно то же, что и его. Поздно ночью пришел Али-паша, который забрал письма. Джероми снял с пальца кольцо и попросил, чтобы он приложил его к письму. И когда все это вместе с деньгами будет передано в Константинополе, отец будет точно знать, что он жив.

Али-паша не стал читать письма, заверив молодых людей в том, что адмирал Реис пообещал обязательно выполнить то, о чем говорил сегодня днем.

Апрель пробежал быстро. Вокруг верфи все зеленело. Наступил сезон дождей. Их было немного в этом году, что позволило вскоре завершить работы по судну. Через две недели после того, как корабль был спущен на реку, воду из него откачали. Джероми убедился в том, что она проникает в корпус всего в нескольких местах. Он был уверен, что и там доски забухнут и очень скоро корабль будет внутри сухим.

Кормовая и носовая надстройки были готовы и представляли собой пять жилых кают в корме и три — в носу. На верхней палубе в бортах и надстройках были сделаны порты, где установили большие и малые орудия. На корпусе решили не делать никаких украшений. Самым главным, после того как корабль достроили, было придание ему таких очертаний, чтобы он стал похожим на большое арабское судно.

Джероми и Лацио несколько дней ломали себе голову над тем, как это сделать. Джероми много рисовал то на бумаге, то на песке, придумывая различные варианты накладных панелей, которые убедили бы всех, что это арабский корабль. И хотя нужна была эта работа всего лишь для того, чтобы пройти Ормуз, выполнить ее надо было с такой точностью и с такой четкостью, чтобы никто не догадался, что это тот самый корабль, который строился невдалеке от Басры.

Джероми приказал разобрать камышовые сараи, в которых ранее хранилась древесина. Из четырех небольших сараев построили вместительный склад. Вокруг него было выставлено оцепление и запрещено подходить под видом смерти кому-либо. Здесь, запираясь с

Лацио и десятью самыми верными людьми Али-паши, они стали изготавливать деревянные ширмы, которые должны были изменить весь вид корабля. На эту работу ушло десять дней.

Ширмы должны были быть установлены по бортам только в море. Здесь о них никто не должен знать. Когда работы были выполнены, каждую из ширм обтянули камышом, так что было совершенно непонятно, что внутри. Все это погрузили на палубу корабля.

Али-паша, пригласив к себе Джероми и Лацио, передал им вопрос адмирала Реиса. Итак, все готово. Завтра рабочие будут грузить продукты, а также ядра, пули и другое военное снаряжение. Адмирал спрашивал, как же будет называться судно, которое уже построено и до сих пор не имело своего имени.

— Как назвать? Ну, что ж, мы подумаем и завтра ответим на этот вопрос вам или адмиралу.

— Надеюсь, завтра на борту вы ответите уже не мне, а ему — адмиралу Реису.

— А вы, Али-паша? Мы уже так привыкли к вам. Разве вас там завтра не будет?

Али-паша вновь улыбнулся, ничего не ответил, лишь взмахом руки показал, что встреча завершилась.

Выйдя на берег, они увидели покачивающийся на волнах корабль… Его освещала луна, и в ее бликах Джероми и Лацио увидели свое творение в новом свете.

— Посмотри, Джероми, наше судно похоже на верблюда: высокие горбы — носовая и кормовая надстройки и провал между ними, палуба; оно высокое, кажется чересчур массивным.

— Ты еще предложи назвать его верблюдом!

— Нет, конечно, называть мы его так не будем — какой же это верблюд? Вообще, ты знаешь, название ему, по-моему, нужно дать такое, какое будет соответствовать цели этого похода. Да и жизнь у этого судна будет недолгая.

— Я знаю, как его назвать. «Возмещение»!

— Не понял, повтори еще раз!

— «Возмещение»!

— Что означает «возмещение»?

— Это слово, которое обозначает возмещение убытков, еще чего-либо.

— Какое же у него возмещение убытков?

— А мало ли Генуя претерпела убытков после того, как Португалия и Испания запретили ей выход в Атлантический океан? Мало ли Генуя претерпела убытков от турок, которые закрыли ей возможность торговать в Черном море, в Египте, на побережье Африки? Пусть это будет возмещением — возмещением Генуе тех, кто ущемил за последние годы ее права.

— Но мы-то с тобой не генуэзцы, мы венецианцы.

— Но сейчас мы находились на службе в Генуе, поэтому здесь будет возмещение испанцам и португальцам от того, что они сделали Генуе, а нам с тобой лично это будет возмещение генуэзцам за то, что они совершили под стенами Константинополя, предав этот город, предав Венецию. Так что здесь много причин, которые могли бы быть заявлены в таком названии. И к тому же это возмещение турок португальцам, которые закрывают им возможность плавания в Индийском океане.

— «Возмещение» так «Возмещение»! Странное название, но и сама эта экспедиция очень странная. В юности мы уже ходили на «Возмещении». То «Возмещение» возмещало убытки, нанесенные пиратами Венеции. А теперь пусть будет «Возмещение», которое возместит убытки Генуе.

На другой день, во второй его половине, они находились на борту корабля. К мощным толстым канатам были привязаны четыре якоря, два из которых находились в носу, два — в корме. Кроме этого, матросы — а теперь те люди, что строили судно, стали матросами — доставили на борт корабля большой боезапас. Здесь было несколько сотен малых и больших ядер, десятки пищалей, ружей, пистолетов, арбалеты, копья, топоры…

— Ну и арсенал! Мы что, армию с собой возьмем на борт? — подтолкнул Лацио Джероми.

— Я понимаю адмирала. Лучше иметь на борту хороший боезапас (где еще удастся его пополнить?), чем не иметь ничего.

К вечеру на борт прибыл Али-паша.

— Сеньоры! Я хотел бы, чтобы вы знали: отплытие назначено на утро. С рассветом мы отшвартуемся и уйдем.

— Мы готовы.

— Господин Али-паша! Но вы должны знать, что корабль желательно было бы испытать, а это означает, что неплохо было бы пройти вверх по течению, по ветру, затем вниз, с течением, пришвартоваться, осмотреться…

— На это нет времени. Нам нужно уходить в залив и следующей ночью установить изготовленные вами декорации. Чем быстрее мы пройдем Ормуз, тем быстрее мы начнем нашу экспедицию.

— Как знаете. Мы уверены в нашем судне.

— Что ж, я рад. Если уверены вы, то тогда могу быть уверен и я, а вместе со мной и адмирал Реис.

— Когда же он посетит нас?

— Не торопите события. Ведь вы же знаете просьбу адмирала: никто не должен знать о том, что он здесь.

Ночь прошла беспокойно, в окончательных приготовлениях. Джероми установил у себя в каюте песочные часы, небольшой компас в ящике, который наутро он решил перенести на палубу, недалеко от рулевого. Второй компас он надежно спрятал у себя под столом. Четыре подзорные трубы были уложены в ящики, туда же Джероми положил большое количество бумаги, перья, запас чернил.

С рассветом запел муэдзин. Али-паша постучал и пригласил на палубу. Они поднялись. За рулем стоял, укрытый капюшоном, матрос. Было сыро, небо вот-вот должно было разразиться дождем. Жаркая влажность окутывала все вокруг.

— Все готово, отдавайте команду, Али-паша! Кто на руле?

— Подойдите поближе и поздоровайтесь, сеньоры!

Джероми и Лацио подошли к рулевому. Он приподнял голову, и они увидели улыбающегося адмирала.

— Пора! Отходим!

Матросы отвязали швартовы и сбросили их на берег. Их никто не провожал. Все было спланировано таким образом, что никто не знал, когда «Возмещение» уйдет.

Корабль медленно заскользил по течению реки. Только сейчас, в этот рассветный час, стоящие на палубе увидели, что выходящие на молитву из своих камышовых хижин люди с удивлением рассматривают движущееся мимо них судно. Но зрелище это было для них обыденным. Каждый день на судоверфь приходили суда и уходили после ремонта.

Поэтому: построили, ушло судно, когда придет и будет ли ремонтироваться на будущий год — никто не задавался такими вопросами. Как и сейчас, удивление быстро прошло, только один из находившихся на берегу рабочих помахал им рукой.

«Возмещение» быстро удалялось от судоверфи. От нее до входа

в залив было несколько десятков миль. Адмирал Реис надеялся, что к вечеру они будут в заливе, где и должно было состояться «переодевание», которое средиземноморский неф на несколько дней превратит в большой арабский корабль.

Дождь принес с собою свежий ветер. Пустынные берега, сплошь укрытые камышом, выглядели уныло. Адмирал Реис, передав руль Али-паше, позвал к себе в каюту Джероми и Лацио.

— Ну, что, сеньоры? Вы решили, как назвать корабль?

— Да, адмирал. Нам кажется, что его следует назвать «Возмещение».

— «Возмещение»? Какое странное название! Что же оно означает?

— Возмещение означает то, что вы будете возмещать убытки, нанесенные генуэзцам. К тому же «Возмещением» когда-то назывался корабль, на котором мы плавали и который возмещал убытки, наносимые пиратами нашей родной Венеции.

— «Возмещение»... Необычное название! Хорошо, сеньоры венецианцы, пусть называется «Возмещение». А то, что вы вспомнили свою далекую молодость, во времена которой отличились в борьбе с пиратами, — а мне это известно из разговоров с вашим отцом — это неплохо. Я думаю, что вы сослужите хорошую службу Османской империи и буду рад, если наша экспедиция удастся!

Корабль закачался на волнах, они были невысокими, но очень подвижными.Речная, красноватого оттенка вода постепенно становилась все темнее и темнее, перемешиваясь с водой в заливе.

Качка, продолжавшаяся более двух часов, прекратилась после того, как скрылся из виду низкий берег. Надвигались сумерки.

— Ну, что ж, сеньоры, — обратился к венецианцам стоявший на палубе адмирал. — Все готово к тому, чтобы начать представление. Пусть этот театр назовется театром «Возмещения»! Приступайте...

На водной глади на много миль вокруг них не было видно ни одного судна, ни одной лодки. Взошла луна. В ее слабом свете матросы стали укреплять заранее подготовленные ширмы. Работа быстро спорилась, и к середине ночи неф полностью преобразился. Его нос вытянулся, из-за этого корабль стал казаться ниже. Над палубами, в том месте, которое Лацио называл провалом между горбами верблюда, борта наростили, сгладив высоту кормовой надстройки. Сама кормовая надстройка потеряла верхний планширь, который был снят. Убраны вниз были пищали и пушки. Вместо двух реев, несущих прямые пару-

са, установили запасной, на котором подняли латинскийпарус.

Все ширмы и декорации были окрашены и задекорированы под традиционные цвета арабских судов. Над кормовой надстройкой появилась скульптура попугая. Самое сложное в декорациях заключалось в том, чтобы спрятать большой руль, которым так славились средиземноморские нефы. Но и это было с ловкостью выполнено специальными деревянными ширмами, которые прикрыли нижнюю часть кормовой оконечности корабля.

С рассветом адмирал Реис приказал спустить на воду шлюпку, в которой обошел все судно. После того как он вернулся на «Возмещение», предложено было то же самое сделать Джероми и Лацио. Те спустились, и двое гребцов быстро отвели лодку от борта. Лацио даже привстал.

— Нет, это не то, что мы с тобой построили, друг мой! Настоящий арабский торговый корабль. Поздравляю тебя!

— Спасибо, Лацио. Я рад, что у нас получилось...

Они вернулись на судно. Скоро матросы распустили большой парус, и корабль направился в сторону Ормуза.

Глава 10.

Телефонное признание

Прощание с Селимом. — На родине. — Телефонное признание. — В гостях у Лидии. — Сеанс спиритизма. — Совет целительницы. — Решение Кирилла.

Полет из Бейрута в Стамбул занял чуть более часа. В аэропорту Кирилла ждал Селим. Он держал в руках две большие сумки с его вещами. Поздоровавшись, Селим протянул ему билет.

— Вот твой билет на самолет. Через полтора часа ты прямым рейсом улетишь домой.

— Знаешь, я никогда не думал, что это будет столь интересная поездка.

— Значит, не зря я уговаривал тебя поехать с Фаридом. Ну, как их проект, как идет строительство?

— Проект очень интересный, и строительство идет быстро. Я думаю, еще 2-3 месяца, и корабль будет готов. Затем они спустят его на воду.

— Ну, что ж, можно только пожелать удачи.

— Ты знаешь, Селим, они пригласили меня с собой. И я… Я буду думать. Это слишком заманчиво — участвовать в таком сложном плавании. Я знаю — о маршруте, который они выбрали, ходят легенды. Это знаменитое плавание карфагенского морехода Гимилькона!

— Я тоже получил от старшего их группы, Фарика, приглашение. И тоже буду думать.

— Как дела с нашими образцами?

— Пока ничем не могу тебя порадовать. Работы начаты, но датировок до сих пор еще нет. Будем ждать. Я пришлю письмо, и ты узнаешь о результатах.

— Спасибо тебе большое, Селим, спасибо за все: за эту удивительную поездку к Ноеву ковчегу и за то, что ты убедил меня ехать с Фаридом, чтобы посмотреть на реконструкцию, которую строят эти отважные ребята.

Они выпили кофе и еще долго беседовали о событиях, в которых приняли участие за последний месяц.

— Ты знаешь, Селим, я не был восемь месяцев дома. Это большой срок! Мне иногда даже кажется, что я не был там гораздо дольше — столько событий произошло. Я подсчитал: если взять все расстояния, которые я с друзьями проплыл на «Джинестре», проехал поездами по Южной Европе, машинами по Малой Азии и налетал самолетами, — то получится больше 12 тысяч километров! Это расстояние такое, что из центра Европы можно было бы спокойно добраться до Владивостока!

— Завидую тебе! В этом году я хоть и участвовал во многих мероприятиях, но так много, конечно, не наездил.

Объявили посадку. Селим пожал Кириллу руку, Кирилл тоже ответил крепким рукопожатием.

— Ну, что ж, будем поддерживать связь. Мне интересны результаты, которые вы получите.

— Я не говорю тебе «прощай», Кирилл! До свидания… На наше счастье, в мире господствует Интернет, так что связываться мы будем часто. Пока!

— До свидания, Селим!

Кирилл поднял свои сумки и отправился к стойке, где шла регистрация.

Прошло всего лишь несколько часов, и ключом, которым не пользовался уже много месяцев, он открыл дверь своей квартиры. В доме было тепло и уютно. И хотя здесь давно уже никто не жил, он знал, что за его квартирой присматривают родители и друзья. Он никогда не сообщал о времени, когда приедет, чтобы не беспокоить своих близких, если ему придется задержаться. Вот и сейчас он не звонил из Стамбула домой и не предупреждал, что скоро возвращается.

Присев возле телефона, Кирилл оглядел свою комнату. Все было на местах — и книги, и различные безделушки, которые он привозил из разных стран мира, и картины, на которых были изображены его суда, написанные друзьями-художниками.

«Все-таки, какое счастье, что я дома, — подумал он про себя. — Столько месяцев я не был здесь, а ведь ничего не изменилось!».

Было поздно. Кирилл решился и позвонил родителям, которые были безмерно счастливы, что он, наконец-то, вернулся. Еще несколько звонков друзьям, с которыми не виделся больше трех

месяцев после того, как они расстались в порту Мессалон-Геон. Он знал, что с судном все в порядке, работы были закончены, друзья вскоре должны были вернуться, судно далее будет зимовать без них.

Дома на столе его ждало несколько писем. Одно из них было от сеньора Данио, другое — от Рихарда из Германии. Еще будучи в Стамбуле, он написал им, прося совета, как поступить и куда направить «Джинестру» в следующем году. Первым он прочел письмо Рихарда. Тот радовался, что все закончилось благополучно, судно не получило больших повреждений и приняло участие в регате.

По его мнению, если венецианские коллеги хотят принять корабль в следующем году, чтобы он на все лето стал визитной карточкой Венеции, то они с господином Вернером не будут против. Рихард просил, чтобы он связал его с сеньором Данио, с которым он готов оговорить вопросы, связанные с приходом корабля в Венецию.

Кирилла очень обрадовало письмо Рихарда, и он с легким сердцем открыл второе письмо от сеньора Данио. Тот приглашал его еще раз в Венецию следующим летом и надеялся, что ему удастся найти общий язык и решить все спорные вопросы с немецкой стороной. Кирилл был рад, что все разрешается само собой. Завтра же он сядет и напишет ответные письма.

Раздевшись, он принял душ и, когда уже собрался ложиться спать, неожиданно зазвонил телефон. Кирилл поднял трубку и стал слушать... В ответ было молчание. Странно, кто бы это мог быть? Наверное, ошиблись... Звонок раздался еще раз. В трубке вновь была тишина. Затем третий, четвертый раз. Он поднимал трубку и с удивлением вслушивался в напряженную тишину. На пятый раз услышал, что на том конце плакала женщина. Кирилл спросил:

— Кто это, говорите! Кто вы?

В ответ было молчание и короткие гудки. Ему стало неуютно. Воспоминания нахлынули, и он отчетливо почувствовал, что в комнате становится холодно. Телефон больше не звонил. Кирилл забрался под одеяло, накрылся с головой и постарался уснуть. Сон не приходил. Он вспоминал Жанну, женщину, которая так стремительно ворвалась в его жизнь и так быстро покинула его.

С их последней встречи скоро минет год, а о ней так ничего и

неизвестно. За время странствий чувства несколько притупились, но сейчас, дома, все стало напоминать об их скоротечной любви. Заснул Кирилл только под утро. Проснувшись, почувствовал себя уставшим, не выспавшимся и очень разбитым. На счастье, от грустных мыслей его отвлекли родители, которые пришли поздравить сына с возвращением. Он был счастлив и рад, что их семья оказалась вновь вместе.

Дни до Нового года промелькнули незаметно. Он встречался с друзьями, рассказывал о своих планах, о том, где бывал. В сам праздник Кирилл был настолько уставшим, что после боя курантов задремал возле телевизора. Раздался телефонный звонок. Он поднял трубку. На том конце провода вновь молчали. Он понял, что это будет повторяться. Звонили несколько раз: то плакали, то смеялись…

Для него это было мучительно. В дни, которые он провел дома после приезда, его не покидала мысль, что вне сознания и воли происходит что-то ужасное. Он чувствовал постоянную слабость, хотя, кроме встреч с друзьями, ничего не делал. Нужно было принимать решение, как и когда отправляться в экспедицию на «Джинестре», а он боялся этого. Ему не хотелось возвращаться на судно, хотя не знал, почему. Кирилла больше привлекал проект плавания на финикийском паруснике. Скорее всего, он просто бежал от себя, бежал от воспоминаний, от прошлого, от той женщины, которая преследовала его днем и ночью…

«Я так сойду с ума. Почему я не чувствовал все это так отчетливо во время странствий и экспедиции на «Джинестре»? Почему это приходит сейчас?».

Он нервничал, и каждый новый день давался ему все тяжелее. Наступило время, когда Кирилл принял решение посетить Лидию, художницу, с которой он познакомился во время строительства галеры, известного моделиста, создавшего для них модель-образ будущей галеры.

«Может быть, она поможет мне? Странно, что я дома уже более двух недель, а так и не собрался пойти к ней и рассказать о тех событиях, которые произошли со мной и моими друзьями».

На улице было холодно. Шел мелкий снег. Он быстро покрывал все белой пеленой. Кирилл подошел к дому, где находи-

лась мастерская Лидии. В мастерской никого не было, двери были плотно закрыты, на снегу он не обнаружил следов. Это говорило о том, что художница не приходила. Старенький дворник фанерной лопатой откидывал снег, расчищая дорожку. Кирилл вставил одну визитную карточку в дверь мастерской, а с другой подошел к дворнику.

— Скажите, вы давно видели художницу?

— Да вот, последнюю неделю — дней десять не видел. Может быть, уехала? А что вы хотели?

— Я вас попрошу, если вы увидите ее, передайте эту карточку и скажите, что человек, давший ее, очень просил позвонить.

— Передам. А вы что, тоже художник?

— Да, я моделист, я тоже строю модели судов, только большие.

— Постойте, постойте, а я вас где-то видел? Точно, я видел вас в телевизионной передаче… Ну да, так и есть. Это вы отправлялись в далекое плавание на галере больше чем полгода тому назад?

— Да, мы с друзьями совершили большое плавание, и я хотел бы увидеть Лидию, чтобы рассказать ей об этом.

— Передам, обязательно передам.

Кирилл вернулся домой. На улице быстро стемнело, и он расположился в кресле напротив телевизора. Все дни, что он был дома, незаметно для себя старался садиться так, чтобы быть поближе к телефону.

Он не раз проклинал себя за то, что до сих пор не может забыть женщину, которая его бросила. А может быть, она здесь? Может быть, вернулась в институт? Надо узнать. Но зачем? Ведь ее же мать сказала, что она выходит замуж и сюда больше никогда не вернется. Зачем ворошить прошлое?

«Я не хочу его ворошить, — сказал громко Кирилл. — Но я и не хочу, чтобы это прошлое меня мучило, нужно что-то делать…».

Зазвонил телефон. Он вздрогнул и резко поднял трубку.

— Кирилл, это вы?

— Да, а кто вы?

— Это Лидия, здравствуйте! Вы не узнали меня?

— О, наконец-то узнал! Здравствуйте, Лидия! Я был сегодня у вас в мастерской.

— Я знаю, я заходила после обеда, видела вашу карточку и позвонила. Вы уже вернулись?

— Да, и давно. Я бы очень хотел встретиться с вами, рассказать о том, что произошло с нами в плавании.

— Что ж, я буду рада. Только в мастерской последние несколько недель я не бываю. Нет заказов, зима. Хотите, приходите завтра ко мне домой.

— Но я не знаю, где вы живете.

Лидия назвала ему адрес и объяснила, как пройти.

На следующий день Кирилл пошел по указанному адресу. Дом, в котором жила Лидия, был очень старым. На четвертый этаж, где находилась ее квартира, вела мраморная лестница. На пороге, также из мрамора, но цветного, было написано «Salve», что означало «приветствую». Кирилл поднялся на четвертый этаж и позвонил. Ему быстро открыли. На пороге стояла хозяйка. Она была в красивом вечернем платье и приятно улыбалась вошедшему.

— Заходите, Кирилл, заходите. И я, и мои друзья будем очень рады вас видеть!

Кирилл протянул ей большой торт, который загодя купил для этой встречи.

— Вот как здорово, вы со сладким. Ну, что ж, будем пить чай.

Лидия провела его по длинному коридору в большую комнату. Комната была очень красива. Она выходила внутрь двора четырьмя окнами. Сейчас, поздним вечером, через эти окна проникал лунный свет, отраженный снегом, лежащим на крыше противоположного здания.

Его обступили с разных сторон. Вокруг были друзья художницы. Кого-то из них он видел давно, на ее выставке, кто-то представлялся ему в первый раз. Кирилла усадили за большой круглый стол. В комнате у Лидии была очень красивая старинная резная мебель. Везде стояли подсвечники. Люстра из бронзы поблескивала хрустальными шариками. Кирилл подивился тому, как все вокруг было изысканно, утонченно и красиво.

— Вы смущены, Кирилл? Не смущайтесь, все эти люди знают о вас, уважают и ценят то, чем вы занимаетесь. Поэтому здесь вы — долгожданный гость. Вами мы интересовались все это время, но, к сожалению, не знали, как идут ваши дела. Только те маленькие сообщения, что бывали в газетах.

— Простите меня, Лидия. Я не писал — просто это время

было для меня очень сложным, экспедиция — очень трудной. А после этого были еще поездки. Волею судьбы я попал в Турцию, затем в предгорья Арарата, потом был в Ливане, опять в Стамбуле и вот только теперь, после этого «кругосветного» путешествия, вернулся домой.

— Что ж, рассказывайте, пока я буду разливать чай. А вы, друзья, если хотите, задавайте Кириллу вопросы.

Он смутился, но его смущение было недолгим. Собравшиеся были расположены к нему, поэтому вскоре он и не заметил, как был втянут в увлекательную беседу. Он рассказал им о плавании к берегам Греции, о пленении судна в Албании, о том, как они встретились с регатой, попали на поле битвы в Лепанто, о том, как произошла нелепая авария, во время которой его судно пострадало; о Венеции, о дворце Дожей; о человеке, который приходил ему во снах и видениях и которого он увидел там, на портрете, — о том самом адмирале Джероми Абаджио и еще об одном адмирале — турецком адмирале Реисе и его далеком потомке, историке Селиме; он рассказывал о том, что видел у подножия Арарата и о том, какая готовится в Ливане уникальная экспедиция и строится копия финикийского корабля.

Беседа затянулась за полночь. Многие из присутствующих стали прощаться, благодарить Кирилла и надеялись на то, что он посетит их выставки и мастерские. Ему оставляли телефоны, давали визитные карточки, он также раздавал свои. Когда в комнате осталось всего несколько человек, Лидия подсела к нему и сказала:

— Кирилл, я вижу, что вы утомлены?

— Нет, что вы! Знаете, словно какая-то гора ушла с плеч. Ведь за последние восемь месяцев я впервые так подробно рассказал обо всем.

— Я думаю, что когда-нибудь вы напишете об этом книгу.

— Возможно, но только не сейчас.

— Кирилл, я вижу, что вы пришли ко мне не только затем, чтобы рассказать об экспедиции. Вас что-то беспокоит, и я знаю, что… Вы продолжаете вспоминать женщину, которая, как я вам говорила, дана вам судьбою не в радость, не для счастья, а в наказание.

— Да, Лидия, вы правы. Мне очень тяжело и очень сложно.

Мне не было так тяжело во время экспедиции, а сейчас, когда я вернулся домой, каждый предмет в моей комнате, каждый телефонный звонок напоминает о ней. Если честно сказать, я не знаю, как избавиться от этого наваждения.

— Я постараюсь помочь, хотя сделать это будет сложно. Время от времени у меня собираются друзья и мы проводим сеансы спиритизма. Вы знаете, что такое спиритические сеансы?

— Я слышал об этом. Когда-то в юности у меня был друг, который занимался спиритизмом. Он собирал нас, и мы вызывали духов, и баловались, крутя блюдце по столу, на котором был разложен лист бумаги с разграфленными буквами и цифрами. Но однажды я понял, что мой друг жульничает и никаких духов мы, естественно, не вызывали. С тех пор я не верю в то, что это возможно.

— Отрицательный опыт это тоже опыт, Кирилл. Может быть, и хорошо, что тогда, в то время не увлеклись магией, спиритизмом, да и другими оккультными науками. Видите ли, вы сейчас попали в такую ситуацию, когда обычные физические методы не могут излечить вашу душу. Нужно что-то, что помогло бы привести вас в нормальное психологическое состояние. Ведь вы сами рассказывали, что были на сеансе гипноза у итальянского врача в Венеции.

— Да, у сеньора Монтезимолло.

— И что он сказал?

— Он сказал, что я сильно устал физически и что психически мне тоже нужен отдых. Вы знаете, казалось, во время экспедиции и потом, во время поездки по Турции, Сирии, Ливану, я полностью восстановился, но, попав домой, почувствовал вновь что-то гнетущее. Это тяжело. Может, мне нужно уехать опять?

— Ну что вы, Кирилл! Вы только приехали домой, за вами так соскучились родители, а вы хотите бросить их и бежать вновь?

— Что же делать?

— Я еще раз говорю вам: приходите. Здесь будут мои друзья, мы проведем сеанс спиритизма, и вы о многом сможете узнать.

— Мне не верится…

— Что ж, как хотите, можете не приходить.

— Нет, что вы, Лидия! Вы так помогли мне тогда в строитель-

стве судна, так искренне, так по-доброму предупреждали, чтобы я не встречался с этой женщиной, и сейчас предлагаете мне свою помощь. Спасибо, я приду, позвоните.

Кирилл откланялся и ушел. Ночью несколько раз раздавались звонки, но на том конце было или молчание, или плач. Он сдерживался с трудом, сжимая зубы и впиваясь пальцами в подлокотники кресла. Ну, что ж, надо терпеть. Надо дождаться — может, Лидия и вправду поможет? А иначе придется вновь уехать, чтобы окружающее не мучило и не наводило тоску.

Через день раздался звонок. На другом конце провода он услышал голос художницы:

— Здравствуйте, Кирилл!

— Здравствуйте, Лидия. Я ждал вашего звонка.

— Ну видите, как хорошо. Вы все-таки решились?

— Да, я решился.

— Приходите сегодня ко мне домой к 9 часам вечера. Найдете дорогу?

— Конечно, у меня ведь профессиональная морская память.

— Ну, вот и замечательно.

Кирилл пришел к Лидии вечером. Она открыла ему дверь, и он вошел в комнату. В комнате было светло, горела прекрасная люстра, на столе лежало несколько книг. Он увидел, что на раскрытых страницах изображены суда различных времен.

— А вы сказали, что не работаете!

— Нет, зимой я не строю модели, но продолжаю изучать то, что связано с мореплаванием в те далекие времена. Проходите.

Из большой комнаты, в которой они находились, вела маленькая лесенка, восемь ступенек которой подняли его в совсем небольшую, но очень уютную комнату, в углу которой находился стол, покрытый зеленым сукном. В комнате было двое мужчин и одна женщина. Кирилл представился им, они пожали ему руку. Мужчин он видел ранее — это были друзья Лидии, которые интересовались его походами. Женщину он не знал, но она показалась ему удивительно обаятельной и спокойной.

— Не нервничайте, Кирилл, не нервничайте — ничего страшного не произойдет. Перед тем как будет сеанс, я хотела бы вам кое-что рассказать. Вы помните, когда вы пришли ко мне впер-

вые, я сказала, что посвященные люди передавали вас один от другого. Вы шли, словно должны были прийти ко мне. Вот вы пришли ко мне тогда, а я к тому времени уже полностью подготовила модель для вашей экспедиции, модель судна, которое вы построили потом. Я многое пыталась вам рассказать и во многом убедить.

— Конечно, помню, Лидия, и за многое благодарен вам. Возможно, если бы не было вас, то и не состоялась бы экспедиция... Но вы же сами говорили мне, что это кому-то было нужно. По правде сказать, я так и не понял, кому... Потому что экспедиция была не очень удачная. Вы же знаете, я рассказывал: мы не дошли до Венеции, были большие проблемы в пути, потом эта страшная авария, травма, которую я получил, ремонт судна... Потом больница в Венеции.

— Вы знаете, я долго обдумывала все то, что вы рассказали. Так вот, авария, которая произошла с вами, когда вы столкнулись с турецким кораблем, на борту которого был историк Селим, — это, наверное, и есть та ключевая точка, для чего мы все вели вас.

— Да, но что же хорошего в этом? Что я мог сделать в те минуты, когда оказался беспомощным, лежащим на палубе, а судно наше получило такое повреждение?

— Не знаю, я не могу вам это сказать. Но попробуем это узнать во время сеанса, если только духи захотят ответить вам.

— Лидия, неужели вы верите в духов?

— Постойте, Кирилл, давайте я попытаюсь вам кое-что объяснить. Все вокруг нас окружено единым огромным полем. Это поле информации, которое остается после каждого живого существа, находящегося на этой планете. Чем больше нас живет на ней, тем больше становится это поле. Если живущих меньше — оно уменьшается, становится тоньше. В этом поле — все то, что делал каждый из нас, все то, что он должен был сделать и не сделал. Вы понимаете меня?

— Пока с трудом.

— Поймите, Кирилл: любое живое существо состоит из материального и нематериального. Наше тело — это материя, наш дух, который живет в этом теле, — нематериален. Тело — только оболочка.

— Я слышал об этом когда-то, Лидия. Но этого ведь еще никто не доказал. Я знаю, проводились эксперименты во время смерти че-

ловека, его взвешивали. Вроде бы ученые установили, что после смерти через какое-то время человек становится легче. Некоторые считают, что это вес той самой души…

— Глупости, душа не имеет никакого веса. Она нематериальна, она — это дух, а дух не может ничего весить.

Поймите, Кирилл, существует несколько полей: есть материальные поля, есть магнитные поля, а есть поля, которые мы сегодня не можем измерить. Для них пока нет никаких физических констант, цифр. Мы не можем знать, сколько весит душа, мы не можем осязать ее, увидеть ее. Точнее, мы можем видеть какие-то всплески энергии, и то это происходит в редчайших случаях, когда поле становится в такое положение, что совмещается с нашим реальным миром.

— Вы имеете в виду полтергейсты?

— И не только их. Иногда это бывают видения, иногда — духи.

— Те самые духи, которые живут в английских замках, — засмеялся Кирилл.

— Нет, не смейтесь. Они живут не только в замках, они живут в очень многих домах и здесь, у нас, и по всему миру.

— Ну что ж, хорошо. Так вы говорите, что поле состоит из наших душ и из душ тех людей, что живут на нашей планете?

— И живут, и жили! У каждого живого есть душа, а у умершего человека погибает только тело, душа его остается. Поле, о котором я вам рассказываю, тоже неоднородно. Оно состоит из более старых душ, которым уже тысячи или десятки тысяч лет, и более молодых. Как я вам говорила когда-то давно, самые посвященные из живущих могут, да и ранее могли общаться с душами тех, кого уже нет. Для этого и существуют сеансы спиритизма. Понимаете, это физическое проявление того, что может посвященный человек. Я многое знаю о вас и без сеансов спиритизма. А сеанс хочу провести, чтобы вы поверили в то, что я вас не обманываю.

— Вы хотите сказать, Лидия, что, когда я сегодня пришел к вам, вы уже многое знали обо мне и о том, что я хочу спросить?

— Да, когда вы стали перед моей дверью, я уже получила из информационного поля многое из того, что могу сказать. Могу сказать и без сеанса. Но я бы хотела, чтобы вы увидели все это воочию и не думали, что я хочу обмануть.

— А подвоха никакого не будет?

— Какой же здесь может быть подвох? Для того чтобы вы поверили, что я не обманываю вас, вы можете посмотреть под столик — там ничего нет. А для того чтобы вы видели, что мы не специально толкаем блюдце по буквам и цифрам, вы можете убрать руки кого-либо из нас и поставить свои.

— Вы знаете, я помню, когда понял, что друг далекой молодости обманывает нас, то сделал несколько экспериментов. И вместе с друзьями вызывал вроде бы духа, а может, мы и сами исподволь подталкивали блюдечко, которое бежало по белому холсту… Так вот: я клал сверху на блюдечко зажигалку, однако оно все равно продолжало двигаться! Может быть, мы не толкали его? Не знаю…

— Вы удивительный человек, Кирилл — во всем хотите найти физическое явление. Вы хотите измерить то, что измерить невозможно.

— Да, безусловно. Потому что мне интересно, как может происходить то, что блюдце движется по бумаге?

— Оставьте это. Я вам уже говорила: я могу сказать вам все и без этого блюдца!

— Нет, мне все же будет интересно посмотреть. Но еще хочу спросить вас, Лидия: если вы все знаете, то можете ли помочь избавиться от наваждения, которое окружает меня?

— Нет, Кирилл, вы не дослушали и не поняли: я не все знаю о вас. Я знаю о вас только то, что позволено знать, чтобы помочь. Но не более.

— Как это поле может позволить помочь… Не понимаю!

— Над полем, Кирилл, там, где все наши души, существует еще более высшие силы. А они положительны и отрицательны, если хотите, в физическом смысле. Или же — добры и злы, если хотите в духовном.

— Это что, боги?

— Ну, назовите это так, Кирилл. Мы называем это Высшими Сущностями. Так вот они влияют на поле, они дают возможность нам, посвященным, получать какую-либо информацию. То, что происходит с вами, и то, от чего мы вас оберегали, произошло потому, что идет борьба между положительным и отрицательным, между Добром и Злом.

— Так что вы хотите сказать: что мусульманство это плохо, а христианство — хорошо? И что если я, попав на поле битвы при Лепанто, которая решила судьбу Европы, оказался каким-то образом замешан в том, что происходило, виртуально, конечно, то был на стороне Добра? Значит, вообще мусульманство — это плохо?

— Нет, Кирилл. В каждую секунду, в каждое мгновение Добро может становиться Злом и наоборот. Ничто не постоянно, поймите! Но на тот момент, на тот период, когда Европе грозило порабощение, Злом было мусульманство, а Добром — христианство. Потом неоднократно это менялось, и сегодня христиане-католики, такие верующие люди, живущие по ту сторону океана, там, далеко в Америке, они сегодня являются Злом, а мусульмане как раз перешли в совершенно другую ипостась, ипостась Добра. Также — Палестина и Израиль, там Добро на одной стороне, Зло — на другой. Все меняется каждое мгновение, каждую минуту. Добро переходит в Зло, и наоборот…

— Это странно. Так что же, если я сегодня пришел к вам и вы получили обо мне какую-то информацию в этом общем, огромном информационном поле, то если я приду завтра или послезавтра — она будет другой?

— Возможно. Быть может то, что вы сегодня считаете плохим, на самом деле завтра окажется хорошим!

— Не понимаю, не понимаю!

— Кирилл, вам нужно понять, что вы оказались человеком, которому выпало счастье созидать и проникать в глубину веков. Это дано единицам, только единицам. И поле, точнее его добрые проявления — берегут вас. Но вы вызываете положительный всплеск, а на любой положительный всплеск существует отрицательный. Сделав то, что вам предназначено, вы вызвали положительным — отрицательное. И это отрицательное сейчас мучает и губит. Нужно понять что это и обезопасить вас.

— Что значит обезопасить?

— Кирилл, вы знаете, как лечили в древности шаманы? Как лечат колдуны в Африке? Вы знаете, как лечили святые, да и лечат по сегодняшний день?

— Нет, не знаю.

— Так вот, они вмешиваются в те процессы, которые идут в

поле, и защищают людей, на которых влияет отрицательная сила, или сила Зла, как ее еще можно назвать.

— Так это правда, что человеку можно нанести большой вред, не применяя физической силы?

— Правда, Кирилл. Это сущая правда. Есть люди, которые наносят его исподволь, случайно — такова их внутренняя сущность. Есть также те, кто делает это специально.

— И что, вместе с Жанной, той женщиной, с которой я был связан, ко мне пришло Зло?

— Да, именно с ней. Я не знаю только одного — случайно или специально этот человек стал орудием того, что принесло вам столько боли. Ну, что ж, мои друзья готовы, я тоже. Будете участвовать в сеансе? Или вам уже и так все понятно?

— Мне многое стало понятным, Лидия, но я бы хотел посмотреть.

Лидия выключила свет, предварительно зажгла две свечи, достала маленькое легкое фарфоровое блюдечко. Ее подруга расстелила на столе белый лист ватмана, на котором был начерчен большой круг, по периметру которого шли буквы. В центре круг делила горизонтальная линия, на которой разместились цифры. Лидия нагрела внутреннюю сторону блюдечка на свече, положила его на центр и отметила один край блюдечка маленькой стрелкой. Все присутствующие поднесли к блюдечку свои руки. Лидия тихо произнесла:

— Дух ночи и дня, дух запада и востока, дух севера и юга, я призываю тебя и прошу прийти. Мне нужен совет твой и помощь…

Она замолчала и через несколько секунд произнесла эту фразу вновь. Неожиданно свеча заколебалась. Кирилл так и не понял, отчего. Может быть, кто-то сильнее вздохнул, а может быть, и вправду, в эту комнату на четвертом этаже, под самой крышей, прибыл тот, кого она звала.

Блюдечко на столе задрожало. Оно пробежало за руками, и Кирилл отчетливо увидел, как каждый раз оно останавливается на одной из букв. Лидия тихо произнесла: «Читайте, Кирилл, читайте сами». Кирилл прочел: «Я здесь».

— Я позвала тебя, чтобы помочь молодому человеку, который здесь у меня за столом. Ему плохо. Его мучает тоска и одиночество.

Блюдечко побежало по кругу.

— Он дурак, — прочел Кирилл.

— Почему ты так груб? — спросила Лидия.

Блюдечко вновь побежало. Бежало оно резво и как-то очень резко и зло.

— Только дурак не видит очевидного. Не хочу больше говорить. Прощай…

Блюдечко остановилось. Свеча заколебалась, резко вспыхнула и потухла. Они оказались в полной темноте. Только через небольшое окно пробивался лунный свет. Все молчали. Лидия встала и включила освещение.

— Простите, Кирилл, но поверьте, если бы мы хотели вас в чем-то убеждать или разубеждать, то не делали бы этого так жестоко.

Кирилл почувствовал, как от напряжения у него дрожат руки. Он и не заметил, что все еще держал их возле остывшего фарфорового блюдца.

Друзья Лидии стали прощаться. За окном была поздняя ночь. Они уходили, он собрался тоже идти, но Лидия остановила его.

— Посидите еще немного, я сделаю вам чай. Выпейте, а затем пойдете.

— Почему он назвал меня дураком, Лидия?

— Не знаю, мне сложно судить. Знаете ли, я думала, что все будет по-другому. Потому что информация, которую получила я, отличается от того, что сказал Дух.

— Что же? Что же это означает, Лидия?

— Это означает только одно, Кирилл: что-то мешает вам, а точнее, кто-то. И этот кто-то — это ваша Жанна, которая не любит, но мучает, и делает это целенаправленно. Зачем, я пока не могу понять.

— Я говорил вам, что у меня дома очень часто звонит телефон.

— Я знаю, это звонит она. Она больна, понимаете, больна. И хочет найти у вас поддержку.

— Но она же знает, что я люблю ее. Почему же, почему так мучает меня?

— Потому что она вампир, Кирилл. Она нуждается в вас, в вашей энергии, в вашем тепле. Но только в физическом тепле. Ей не нужна ваша душа, ей не нужны ваши муки и угрызения. Позвонив вам

и услышав ваш голос, она как бы «поедает» вас, а сама от этого становится сильнее.

— Мне страшно, Лидия. Неужели такое возможно?

— Я думаю, Кирилл, над теми словами, которые вы мне сказали: уехать, бежать. Знаете, я буду еще думать, но кажется, что вам и вправду очень скоро нужно будет принять решение и уехать. А сейчас я могу посоветовать только одно: смените немедленно номер телефона. Она не должна звонить, потому что доведет вас до сумасшествия. Помните, когда-то, когда она ушла, у вас в комнате менялась температура, вы рассказывали мне об этом?

— Конечно, помню.

— Такое происходит не случайно. Я думаю, что ваша бывшая любовь пользуется какими-то запрещенными приемами.

— Что это означает?

— Я не знаю точно, но мне кажется, что она использует или какое-то колдовство, или магию.

— Но зачем, зачем? Я и так был бы прекрасным для нее мужем, хорошим отцом, если бы она захотела иметь детей. Но она же ушла сама, она сказала, что выходит замуж за хорошего человека, что я ей не нужен. Мне это все передала ее мать.

— Да, это так. И я уверена, что она вышла замуж за этого человека, и что у нее все нормально и прекрасно. Но она такова, какова есть. Ей мало одного человека, с которым она живет. Не в физическом смысле, не в смысле секса, ей нужно подавлять и порабощать еще людей вокруг себя. Берегитесь! Смените номер телефона. Я буду звонить после того, как вы дадите новый номер, и постараюсь поддержать. Почему вы не послушали меня тогда?

Я знала, эта женщина принесет горе. И не одна я, все те, кто вел вас на поле битвы при Лепанто, твердили: бойся женщину с зелеными глазами, бойся женщину с зелеными глазами… Вы же сделали все наоборот, и вот исход!

Кирилл помолчал, потом оделся и ушел.

Дни полетели за днями. Он сменил номер телефона, очень часто разговаривал с Лидией. Несколько раз она проводила какие-то обряды, крутила над его головой яйцо, потом разбивала и выливала в стакан с водой. Однажды лила над его головой воск, что-то заговаривала, что-то нашептывала. Чувствовал он себя плохо. Его все время что-

то тяготило, болело сердце, постоянно ныли суставы. Он видел, что Лидия пытается, но ничего не может сделать.

Минула весна. Он получил несколько писем от Селима, который спрашивал, что он решил: идти с «Джинестрой» в Венецию и участвовать там в морских праздниках или ехать в Брест, куда доставят «Мелькарт» и откуда ливанцы собираются начать свою экспедицию. Он думал, но не знал, что ответить.

Из Греции вернулись Алик и Виктор. На душе стало легче. Они часто встречались, веселились, вспоминая тот тяжелый, но такой удивительный поход на галере. Ему нужно было принимать решение. Он размышлял, как сказать друзьям, что хочет уйти в экспедицию с ливанцами. Для них это будет откровением.

Собравшись в его квартире, они долго обсуждали план следующего сезона, и только в конце Кирилл сказал:

— Вы знаете, друзья мои, я не хочу идти в следующем году на «Джинестре» в Венецию…

— Да ты что, с ума сошел? Столько труда, нас там ждут, все подготовлено, там будут шествия и морские празднования! Судно должно занять одно из почетнейших мест!

— Я знаю. Но мне тяжело на «Джинестре». Я же говорил вам — галера связывает меня с тем временем, когда я был влюблен…

— Ты странный человек! Неужели женщина могла так разбить твое сердце?

— Могла или нет... Но мне будет очень тяжело на галере, так же тяжело, как было и раньше. Вы же знаете все сами.

— Что же ты хочешь?

— Я хочу летом уйти в экспедицию вместе с ливанцами. Хочу пройти вновь по Бискаю. Они зовут меня, им очень нужен мой опыт. Их маршрут пройдет вдоль побережья Франции, вокруг Испании и далее в Средиземном море — к Мальте, а потом, возможно, и к самой Финикии — современному Ливану.

— План, конечно, неплохой, вот только как справимся без тебя?

— Справитесь прекрасно — вы любите судно, оно любит вас! Вы все умеете, все знаете. Сеньор Данио присылает специально две большие яхты, которые проведут в сопровождении «Джинестру» из Мессалон Геона прямо в Венецию. Экипаж будет взят небольшой.

Итальянцы говорят, что сразу после прихода в Венецию они разместят часть экипажа в небольшом общежитии недалеко от Венеции и будут привозить ежедневно катером всех на судно. Они берутся обеспечить питанием, проживанием. Часть экипажа, который вернется домой, они заменят своими, венецианцами. Судно ежедневно будет ходить по акватории, будет множество гостей. Венеция в честь прихода нашего корабля планирует целое празднование. Каждый из участников будет получать зарплату, и немалую. Вот, смотрите — здесь все расписано!

— Кирилл, но это же твой проект, твоя идея. Ведь ты же так гордился всем этим! И так хотел, чтобы «Джинестра» приняла участие в таком большом празднике!

— Я знаю, ребята, но поймите, мне тяжело, я буду обузой всем. Многое будет напоминать о прошлом, а я хочу сменить обстановку.

— Ну, что ж, решайся!

Друзья попрощались. Кирилл остался один. На столе перед ним лежала целая гора бумаг. Это были приглашения принять участие в венецианском праздновании, несколько писем от Селима, в которых он рассказывал о результатах анализов, полученных из тех образцов, которые были привезены из предгорий Арарата. Он машинально перевернул несколько из них и увидел фотографию. Это была фотография адмирала Джероми Абаджио. Еще будучи в Италии, он попросил сеньора Данио, чтобы тот прислал ему по возможности сфотографированный во дворце Дожей портрет адмирала.

Кирилл взял в руки портрет, посмотрел на него внимательно.

— Ну, что скажешь ты, мой далекий венецианец? Ты же видишь, как я запутался… Что делать? Ребята против того, чтобы я уезжал в экспедицию с незнакомыми людьми. А мое сердце тянется туда, далеко в океан.

Джероми молчал. Кирилл прекрасно понимал, что фотография не может дать ответ на мучившие его вопросы. Хотя… Хотя, может быть, и не зря, подняв несколько бумаг, он наткнулся на нее. Так что же? Идти в Венецию или уехать туда, далеко на северо-запад Европы?

Решение пришло к нему на следующий день. Проснувшись, он в точности знал, что пойдет в экспедицию на «Мелькарте». Произошло это потому, что во сне он видел Джероми. Но тот был совсем другой,

не такой, как на портрете. Он был гораздо моложе, сильнее и почему-то приснился Кириллу стоящим рядом со строящимся финикийским судном. Он ничего не сказал ему, а только ласково погладил борт корабля-конька.

Кирилл принял решение. Впереди его ждала экспедиция на маленьком, но очень крепком финикийском кораблике.

Глава 11.

На островах колдунов

Ормуз. — К островам Сокотра. — Португальская крепость. — В гостях у халдейского мудреца.

«Возмещение» хорошо слушалось руля. Корабль получился крепким и очень надежным. Загруженный балласт и груз притопили его и небольшая волна совсем не раскачивала корабль. Вода в заливе была темной, ни справа, ни слева берегов не было видно. Лишь время от времени на горизонте показывались паруса, говорящие о том, что множество судов движется к проливу, соединяющему Персидский залив с Индийским океаном.

Джероми и Лацио часто поднимались на носовую надстройку и, тихо переговариваясь между собой, старались не привлекать внимания.

— Интересно, как адмирал Реис собирается проходить узкий пролив? Задекорированы мы хорошо, выглядим, как арабское судно, но если подойти близко и рассматривать корабль с десяти метров, а тем более — подняться на его палубу, станет ясно, что это судно не то, за которое себя выдает.

— Не знаю, я ведь никогда не был в этих местах, Джероми. Мы не знаем ширину пролива, не знаем также, какова возможность его прохождения. Известно лишь, что на левом берегу лежит город и порт Ормуз, тот самый Ормуз, который славится рынками, куда со всей Персии, да и из других стран, привозят целые табуны лошадей. Здесь их покупают морские торговцы и везут в Индию, где лошадей нет. Это самый большой рынок добрых коней. Где-то на самом берегу приютилась португальская крепость. Есть ли бастионы на правой стороне, на той стороне, где к проливу выходит Аравийский полуостров… Мы не знаем. Но посмотрим, что предпримет адмирал. Когда-то нам удалось перехитрить преследователей и уйти на полакре, прячась в караванах... Может, и он сейчас предпримет то же самое?

На второй день показались берега узкого пролива. Адмирал приказал поднять на мачте огромный стяг, который был заготовлен заранее. Когда тот затрепетал под порывами сильного ветра, Джероми

увидел, что на нем нарисован арабской вязью герб Османской империи. Подобные флажки и флаги, только меньших размеров, были подняты на носу и корме.

— Посмотри, Джероми! Адмирал Реис и не собирается прятаться. Он, наоборот, всем своим видом показывает, что судно принадлежит османам!

— Вероятнее всего, он прав. Сложнее всего заметить вещь там, где ее не прячут.

Потребовалось еще около 20 часов, чтобы корабль приблизился к проливу. Справа стал виден город, большие мечети, несколько дворцов. Остальные же улицы были узкими, часть домов покрыта соломенными крышами и обмазана глиной, как везде на Востоке.

— Какие великолепные здания мечетей и дворцов! А все остальное — беднота, узкие улочки, грязь… Не хотел бы я останавливаться здесь.

Адмирал Реис приказал приподнять парус. Судно замедлило ход. Джероми услышал, как Али-паша скомандовал, и с борта опустили быстроходную лодку, в которую сошли Али и шестеро гребцов. Лодка быстро отчалила и двинулась к берегу.

— Я, кажется, понял план Реиса! Он хочет первым прибыть в Ормуз, возможно, представить верительные грамоты португальцам. Османская империя не воюет с ними.

Лацио и Джероми услышали, как адмирал Реис приказал выкатить и зарядить пушки. Раздался залп, за ним еще один. Адмирал приветствовал португальскую крепость. Флаги, развевающиеся на ветру, залпы салюта — все это отвлекло внимание португальцев, и две каравеллы, стоявшие на рейде, не стали поднимать якоря и двигаться в сторону «Возмещения».

Джероми видел, как лодка быстро приблизилась к одной из каравелл и как ловко вскарабкался Али-паша на ее борт. Через какое-то время он спустился вновь, но уже в сопровождении португальского офицера. Адмирал Реис приказал полностью зарифить парус. «Возмещение» стало дрейфовать под действием течения. Отчалившая от каравеллы турецкая лодка двинулась в сторону крепости. Прошел час, за ним другой. На крепости Джероми различил несколько португальцев и увидел стоящего рядом с ними Али-пашу. Через какое-то время тот появился у стены, недалеко от пирса. Он помахал рукой провожавшему португальскому офицеру, вошел в лодку и отчалил.

Адмирал позвал к себе Джероми и Лацио.

— Пока все в порядке, готовьтесь к отплытию. Как только лодка приблизится на расстояние, достаточное для того, чтобы принять на борт людей, немедленно ставьте паруса и еще дважды повторите салют.

Вскоре Али-паша оказался на борту. Адмирал Реис, Джероми и Лацио встретили его.

— Все в порядке, наши верительные грамоты приняты. Португальцы ничего не заподозрили. Однако я думаю, что какое-то время после пролива они будут нас сопровождать.

Слова Али-паши оказались пророческими. Распустив паруса и двинувшись в сторону Индийского океана, Джероми увидел, как одна из каравелл поднимает якоря и начинает движение вслед за ними. Это было не преследование, скорее всего наблюдение. Адмирал Реис надеялся, что наблюдение это продлится недолго. Но он ошибался.

Взяв курс, «Возмещение» поплыло к берегам Индии. Каравелла неотступно следовала за ними. Попутный муссон подгонял суда, и в течение двух дней они продвинулись далеко на восток. Адмирал Реис начал нервничать.

В эту пору года преимущественные ветра дули на восток, и чем дальше они уходили, тем сложнее будет возвращаться против ветра к берегам Сокотры, туда, где адмирал задумал посетить первым португальскую крепость, которая закрывала для мореходов вход в Красное море. Постоянно стоящие на рейде Сокотры португальские корабли патрулировали большой район, и редко кому удавалось пройти по Красному морю в Египет, оставшись незамеченным.

Те же, кто попадал в поле зрения португальцев, вынуждены были платить высокую дань. Еще более сложным для тех, кто шел из Индийского океана в Красное море, был проход проливом, который узкой дугой разъединял Африку и Аравийский полуостров. Обо всем этом адмирал Реис рассказывал Джероми и Лацио на второй день плавания в Индийском океане.

Каравелла неотступно следовала за ними, и только на рассвете четвертого дня они не заметили ее присутствия. Адмирал приказал опустить паруса. Нужно было отстояться и удостовериться в том, что португальцы больше за ними не следуют. День прошел спокойно. Пришла ночь. Погода в океане благоприятствовала походу. Близилось лето. Солнце вставало очень рано и заходило поздно.

Удостоверившись, что португальцы не следуют за ними, они увидели два каравана, плывущих к Индийским берегам. Ими никто не заинтересовался, сами же они решили не подходить к идущим судам.

Ночью Реис вызвал к себе Джероми и Лацио.

— С утра готовьтесь к тому, чтобы полностью снять декорацию, перевооружить реи, навесить прямоугольные паруса с заранее вышитыми на них красными крестами. Все должно быть спрятано под палубами так, чтобы даже обыск не позволил найти то, что декорировало наше судно от португальских глаз. Все вещи — камзолы, тюрбаны, восточные халаты — все должно быть выброшено в море. Повторяю! Декорации должны быть разобраны. Надо сделать так, чтобы они не привлекли ничье внимание даже при досмотре.

Джероми и Лацио, отдавая через Али распоряжения матросам и офицерам, устранили все то, что напоминало о судне, принадлежащем арабским торговцам. «Возмещение» на глазах превратилось в угловатый средиземноморский неф. Адмирал с сожалением собственноручно спустил с высокой мачты развевавшийся все эти дни флаг с гербом Османской империи. Он свернул его и спрятал в тайнике. Возможно, флаг им пригодится на обратном пути. На мачте был поднят венецианский стяг.

— О Боже, адмирал Реис! Вы запаслись венецианским флагом?

— И генуэзским также… Но сейчас — венецианским. Венеция много лет соперничала с португальскими колониями, доходило дело даже до военных действий. Но венецианцы никогда не воевали против Португалии сами. Вы поставляли оружие и корабли для государства мамелюков.

— Вы имеете в виду государства Египта?

— Да, для Египта, который лишь недавно покорен нами, османами. После Сокотры, если все будет нормально, мы двинемся к колонии, которая называется Диу, — именно там в 1509 году произошло знаменитое морское сражение между египетско-венецианским флотом и португальским. Там египтяне потерпели поражение, и с тех пор, как вы знаете, португальцы властвуют по всей территории Индийского океана.

— Так для чего же вам венецианский флаг?

— А потому что с тех пор прошло очень много лет. Сейчас Португалия и Венеция не ведут между собой соперничества, и у нас есть специально заготовленные верительные грамоты.

— Что вы говорите, Реис? Какие верительные грамоты?

Адмирал улыбался. Он застал врасплох молодых людей и с удовольствием, открыв прекрасно разукрашенную резьбой шкатулку, подал Джероми и Лацио несколько бумаг. Каждая из них гласила о том, что податели сих бумаг представляют Венецианскую Республику и просят оказывать им содействие как христианам, везущим миссию от великого Дожа Венеции и по поручению Папы Римского в Китай.

Джероми затрясся от смеха. Вслед за ним засмеялся и Лацио.

— Боже, Боже, адмирал! Вы настоящий лазутчик, вас даже трудно назвать адмиралом, сколько же у вас поддельных бумаг?

— Много, на все случаи жизни, мои друзья. Если бы я не имел их такое количество, то навряд ли смог бы выиграть хоть одно сражение…

Джероми и Лацио поклонились, отдавая ему назад бумаги. Джероми заметил, что под каждой из них стояла собственноручная подпись Дожа и его печать, которую он накладывал в особых случаях.

— Послушайте, Реис, меня интересует только одно: если подпись можно подделать, то откуда у вас печатка Дожа? Ведь этот перстень, на котором вырезан лев — символ Венеции, он никогда не снимает с пальца, и только в редчайших случаях прикладывает его к расплавленному сургучу.

— Это маленький секрет.

— Секрет? От нас? Мы и так уж слишком много знаем, какие уж тут могут быть секреты?

— В каждом государстве есть продажные царедворцы. Есть они и в вашей бывшей родине Венеции, есть они и в Генуе, есть и у нас. Поэтому я с такими предосторожностями пустился в эту экспедицию. Абсолютно все уверены, что адмирал Реис в Кафе и его там видят каждый день, он отдает приказания, служит великому султану. Я же здесь, с вами. А не сделай таких предосторожностей, наша экспедиция не состоялась бы. О том, что мы делаем здесь, знает очень мало людей.

Джероми покачал головой.

— Вы предусмотрительный человек, адмирал. По правде сказать, я считал себя специалистом в таких делах, но встретил достойного соперника.

— Сегодня мы не соперники, сеньор Абаджио. Сегодня мы помогаем друг другу. Я не могу сказать, что служим единому делу, потому что вы христианин, а я мусульманин. Мы не служим одному делу,

мы просто помогаем по стечению обстоятельств. Я надеюсь, что наша встреча как началась успешно, так когда-нибудь и завершится. Тогда, когда мы расстанемся не врагами… — адмирал Реис на какое-то мгновение замолчал.

— … Но и не друзьями, — сказал громко и отчетливо Лацио.

— Пусть будет так, сеньор де Калье. А теперь прошу вас, приступайте к работе.

«Возмещение» изменило курс и направилось, описывая огромную дугу, к островам Сокотра. Потребовалось больше недели, чтобы, борясь с ветрами и лавируя, приблизиться к португальской колонии. Они не были удивлены, когда еще вне видимости берегов к ним подошла португальская каравелла, вооруженная большим количеством пушек и пищалей.

Все матросы на «Возмещении» были переодеты в европейские длинные куртки, чтобы было удобно работать. Под ними были холщовые рубахи и короткие штаны. Обувь представляла собой кожаные туфли на крепкой деревянной подошве.

Али-паша, а также Реис, Джероми и Лацио оделись в офицерскую форму. С виду в этих людях нельзя было бы узнать турецких военных или вельмож. И Али, и Реис прекрасно говорили на нескольких европейских языках, в чем Джероми и Лацио убедились еще в начале их путешествия.

Адмирал Реис о многом подумал, готовя экспедицию. На судне был минимальный запас продуктов. Также в бочонках, конечно же, не во всех, находилась прогорклая вода.

Еще во время строительства каждая доска обшивки покрывалась специальной смесью, в которую входило льняное масло и растопленная смола. Доски обрабатывались таким образом, чтобы на них оказалось побольше вмятин и заусениц. Все это, вместе с покрытием из смолы и масла, придавало судну вид старого, построенного давно и испытавшего на себе множество невзгод в морях и океанах.

Парусина специально была соткана из кусков старого холста, во многих местах были сделаны заплаты, которые прикрывали «давние» прорехи. Многие вещи в каютах напоминали о том, что корабль давно вышел в море.

Офицеры португальской каравеллы, подойдя вплотную к борту нефа, потребовали разрешения подняться на его палубу. Адмирал низко поклонился и предложил Джероми, чтобы тот их встретил и показал судно.

Старший задал вопрос: «Как вы здесь оказались, господа венецианцы, что вы здесь делаете?».

— Сеньор офицер, мы осуществили длительное плавание от берегов Венеции через Средиземное море, вокруг Африки и плывем в Китай с поручением от венецианского Дожа. Вот наши верительные грамоты.

Джероми повернулся к адмиралу, принял у него ларец, вынул письма, которые он видел недавно, те, над которыми они долго смеялись. Португалец стал внимательно изучать написанное. Он еще более подивился тому, что письма были не просто подписаны, а на них стояли печати с изображением венецианского льва.

— Мне никогда не доводилось видеть таких бумаг. Очевидно, нам следует препроводить вас в крепость Сокотры. Но скажите на милость, как вы здесь оказались? Вам нужно было от Мадагаскара направляться к берегам Индии!

Вместо Джероми в разговор вступил Али-паша.

— Сеньор офицер, не знаю вашего звания и имени, с нами произошла большая беда. У нас был лоцман, но недалеко за мысом Надежды он умер от болезни. После этого нас дважды захватывал шторм, и по правде сказать, мы долгое время не знали, куда плыли. Только недавно сообразили, что уже много дней идем не в сторону Индии, а в сторону южного побережья Азии.

Тогда наш достопочтенный капитан, — Али-паша показал на Реиса, — сказал, что он знает о том, что где-то недалеко в этих местах есть блаженные острова, острова Сокотра, на которых мы сможем пополнить наш запас продовольствия, взять воду, отдохнуть. Там владычествуют португальцы, а местное население — христиане.

Офицер закивал головой. Вскоре они вернулись на каравеллу, предварительно осмотрев все, что было в трюмах «Возмещения». Ничто не вызвало подозрений. Двинувшись с легким попутным ветром, корабли через день оказались невдалеке от островов. Хотя те еще не были видны, однако высокая вершина, покрытая туманом и облаками, самым своим кончиком показалась над горизонтом.

Реис позвал к себе Джероми и Лацио.

— Я хочу еще раз обратиться к вам, сеньоры венецианцы! Я не хочу, чтобы вы шпионили на острове — в этом нет необходимости. Поэтому и не обращаюсь к вам с этой просьбой. Я прошу вас лишь об одном: вручить коменданту крепости верительную грамоту и органи-

зовать все для приобретения воды и продовольствия.

— А как же ваши цели, адмирал Реис?

— Все, что необходимо узнать, будет сделано без вашей помощи. Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя предателями веры и своего народа.

— Спасибо и на этом, адмирал.

— И вот еще. С этой минуты я прошу вас не называть меня адмиралом или Реисом. Я прошу вас называть меня сеньор Клемент, а Али-пашу прошу называть сеньор Пито.

— Ну, что ж, Клемент и Пито — неплохо, как хотите…

— Прошу вас, запомните это: это важно, потому что к нам на борт неоднократно будут приходить офицеры португальской службы, и если вы однажды назовете меня адмиралом Реисом, то мы все окажемся в холщовом саване.

Джероми и Лацио поклонились. Они вышли на палубу, и Джероми еще раз восхитился адмиралом.

— Все-таки он великий военачальник, как все продумано до мелочей. Согласись со мной, Лацио!

— Согласен, Джероми.

— Что ж, скоро мы будем возле цитадели. Хочу тебе единственно рассказать то, что помню из описаний, которые когда-то составлял мой отец. Раньше, полтора столетия тому назад, на островах Сокотра жили крещеные христиане, которые занимались ловлей рыбы, делая из нее ценный рыбий жир, вяля и засаливая для продажи. Хорошо здесь рос рис, было много домашнего скота, дававшего мясо и молоко.

Много судов приходило на Сокотру за товарами. Потом, после того как сюда пришли мусульмане, на время торговля замерла. Но все же им не удалось подчинить себе и уничтожить всех христиан. Я думаю, что и сейчас, как и ранее, все на острове подчинены архиепископу. Это загадочное место.

Рассказывают о нем множество странных, диковинных вещей. Говорили, что здесь женщины живут отдельно от мужчин. На одном острове мужчины, на другом — женщины. Сыновей до 14 лет воспитывали на острове Матерей, а потом они уходили к отцам. Странно, не правда ли?

— Согласен с тобой, Джероми. Но я полагаю, что это сказка или легенда.

— Эти острова до прихода португальцев всегда были прекрас-

ным местом, где укрывались разбойники всех мастей, приходя сюда после набегов. Здесь же, на Сокотре, распродавалось множество награбленного, и христиане никогда не гнушались покупать товары у сарацин и язычников. Здесь продавали в рабство христиан, иногда сарацин и мусульман. Когда здешний архиепископ умирал, сюда присылали другого из Багдада.

— Поразительно!

— Отец в своих записках упоминал, что здешние христиане самые ловкие на свете колдуны и маги. Архиепископ, зная все это, не противился тому, чем они занимаются. А иногда давал им разрешение заниматься колдовством в открытую, например, тогда, когда нужен дождь. Или тогда, когда нужно прекратить действие ветров, которые несут с собой непогоду и уничтожение посевов.

Несколько раз, когда архиепископы пытались прекратить то, что творили маги и колдуны, народ собирался возмущенный и говорил: «Деды наши в старину занимались этим и мы будем делать то же самое. И не один епископ ничего не сделает с теми, кто колдует».

А колдуют здесь, Лацио, на всем. Ты помнишь нашего друга, навигатора Сальгадо?

— Конечно, помню.

— Помнишь, как он рассказывал нам о тех суевериях и пиратских обычаях, которые были связаны с колдовством и магией?

Лацио кивнул головой.

— Так вот, здесь, на островах, всякое дело делают колдовством. Почти все, что желает знать человек, пытаются околдовать или проникнуть в тайну. Выйдет ли судно при попутном ветре в море, много ли оно проплывет, затонет или не затонет, будет ли противный ветер, вернется ли оно назад… И вот когда узнают колдуны обо всем, пытаются изменить ход событий. Отец писал, что местные колдуны какой ветер захотят, тот и насылают. А пожелают, так и море стихнет. Иногда могут вызвать великую бурю. Знают здесь и множество других диковинных обрядов, но о них отец больше не писал...

Знаешь, если мне когда-то удастся ступить на землю Сокотры — я имею в виду не крепость, где обосновались португальцы, а глубже, где ютятся небольшие селения, — обязательно встречусь с одним их черных магов, их еще называют халдеями.

— Зачем? Ты хочешь навлечь на нас беду? Ведь мы все же настоящие христиане, а не местный сброд.

— Нет, я хотел бы, чтобы он открыл мне правду — кто тот молодой человек, который видится мне во время снов, приходит днем во время видений, кто он? Как долго будет оказывать он на меня воздействие, или я на него… Что нас связывает? Потомок ли это мой? Возможно, у нас с Изабеллой еще будут дети, и, может быть, он — это и есть та поросль, которая продолжит род Абаджио?

— Не знаю, мой друг, время покажет.

К вечеру суда подошли к самому большому из двух островов Сокотра. Португальский навигатор приказал стать на якорь невдалеке от берега. Внимательно рассматривая высокий крутой берег, Джероми заметил несколько бастионов, прилепившихся, как гнезда ласточек, на отвесных скалах. Он понял, что со смотровых вышек за ними внимательно наблюдают. Поодаль, чуть глубже, были видны зубчатые стены небольшой крепости. Именно там и находился основной арсенал португальских войск. Хорошая, удобная бухта скрывала за высоким мысом десятка два или три мачт с убранными парусами.

— Посмотри, Лацио! Сокотра и теперь, как и раньше, привлекает торговцев всех мастей. Поэтому не зря отец так много писал о ней.

Наутро Джероми и Лацио прибыли в крепость с верительной грамотой. Встретил их небольшого роста комендант, черноволосый, с темной смуглой кожей на лице. Этому человеку на первый взгляд было чуть больше пятидесяти лет. Не останавливаясь на подробностях (Джероми прекрасно понимал, что приведшая их сюда каравелла и ее офицеры все уже рассказали коменданту), он доложил, куда они идут и зачем. Попросил разрешения взять воду, закупить продукты и на следующий день отправиться в путь.

Комендант не был благожелательно настроен, но они не нарушили никаких португальских законов. Про себя он решал: задержать ли это судно и ждать известий из других португальских колоний на восточном побережье Африки или отпустить? Размышления склонили его ко второму. Османы уже давно ограничили всяческую возможность Венеции воздействовать на Египет, и это судно не представляет никакой угрозы их колонии.

— Ну, что ж, сеньоры, я поверю вам. Но вы помните, что произошло с теми, кто боролся против Португалии?

— Вы имеете в виду, сеньор комендант, тот случай, когда венецианско-египетский флот встретился с вашим флотом возле крепости Диу?

— Да, возле крепости Диу, там, на северо-западе Индии… Вы знаете, что все ваши суда были разгромлены, все люди погибли, многие были пленены и проданы в рабство?

— Да, мы знаем, но с того времени минуло уже скоро двадцать лет!

— Не двадцать, а меньше, но с тех пор венецианцы не приходили сюда никогда. Я вижу здесь первое такое судно, хотя служу Португалии в этих местах уже больше двадцати лет. Я напишу несколько писем, и в первую очередь вице-королю Португалии сеньору адмиралу Васко да Гама, который сейчас находится в Гоа.

— Напишите, мы бы с удовольствием передали ваше письмо адмиралу.

— Нет, оно дойдет туда другой почтой. Но с вами я могу передать записку о том, что вы побывали на Сокотре и что здесь я вам позволил набрать воду и запастись продовольствием.

— Спасибо, сеньор адмирал. Но мы собирались также зайти в Диу.

— А что вам там делать?

— Я боюсь, что нам может не хватить продовольствия, у нас экипаж больше чем из пятидесяти людей. А если очередной шторм? Мы ведь не такие знатоки Индийского океана, как ваши португальские мореходы. Мы, венецианцы, приходим сюда впервые…

— Ну, что ж, я подумаю. Может быть, я дам вам записку для коменданта порта Диу. Я разрешаю вам запастись водой, закупить продукты, но сегодня вы это не сделаете, так как большой рынок будет только завтра.

— Сеньор адмирал, я хотел бы еще обратиться к вам с просьбой. Я знаю, что на острове живет большое количество колдунов и магов, которые поселились здесь с незапамятных времен…

Комендант рассмеялся.

— Да, когда-то их здесь было много! Но мы многих из них уже повесили, а многих повесим чуть позже. Истинная вера не допускает, чтобы христианин колдовал или молился каким-то своим страшным божкам. Так что же вы хотите, сеньор?

— Я хотел бы получить разрешение пройти с сеньором Лацио вглубь острова и познакомиться с жизнью местного населения. А может быть, встретиться и поговорить с одним из таких колдунов.

— Идите. Я не вижу здесь ничего предосудительного. Вам нельзя находиться лишь только в стенах крепости. Все остальное можете делать, в вашем распоряжении два дня. Завтра приобретете все необхо-

димое вам продовольствие, запасетесь водой, а послезавтра уходите. К вечеру я отправлю к вам на судно офицера, он принесет два письма — для коменданта крепости Диу и для адмирала да Гама.

— Мы благодарим вас, сеньор комендант, и очень рады, что познакомились с таким отзывчивым человеком.

— Но помните: в стенах крепости никто из ваших людей не должен появляться. Вы поняли меня?

— Да, поняли.

Джероми оставил коменданту венецианскую грамоту.

На выходе из стен крепости они встретили знакомого португальского офицера, который побывал на «Возмещении». Низко поклонившись, Джероми остановил его и спросил:

— Я хотел бы узнать, возможно ли пройти этими тропами к селению, которое находится за крепостью?

— Вы хотите туда идти? — удивленно спросил офицер.

— Комендант разрешил нам. Мы хотели бы узнать, как живет местное население и, может быть, если удастся, познакомиться с одним из халдеев, тех самых магов, о которых известно по всему миру.

— Я не знаю их, но наслышан, что комендант боится этих колдунов как огня.

— Да неужели? А только что он сказал нам, что многие из них уже истреблены, а многих он велит истребить в ближайшее время.

Офицер улыбнулся.

— Он хотел бы этого, но навряд ли у него это получится. Если истребить здесь всех колдунов, надо истребить весь народ, который живет на этих островах. А кто же тогда будет приносить португальской колонии такие баснословные барыши? Ведь мы же берем двадцатую часть с тех торговых операций, которые происходят на острове. И, кроме этого, большая сумма средств взимается за те суда, которые проходят в Красное море или идут назад, в Индию.

— Теперь понятно, почему ваш комендант с таким спокойствием разрешил нам гулять за территорией крепости!

— Идите, ведь самое главное не в том, будете вы искать колдуна или нет. Самое важное — захочет ли колдун с вами общаться…

— Ну вот вы, сеньор офицер, когда-то имели с ними дело?

— Нет, никогда.

Офицер несколько раз перекрестился.

— В общем-то, вы мне хоть и не друзья, и не враги, но я бы и вам

не рекомендовал иметь дело с этими черными людьми. Непонятно, что у них на уме, непонятно, что они могут сделать такого, чтобы потом вам не было страшно жить дальше…

Он еще раз перекрестился, повернулся и ушел.

Джероми и Лацио узкой тропинкой стали подниматься в гору. Вначале они думали вернуться на «Возмещение», но затем любопытство и небольшой запас времени заставили их двинуться вглубь острова.

Пройдя немного, они вышли на небольшую площадку, посередине которой находилось более ста хижин.

Стены хижин были сложены из прочного камня, а крыши покрыты плотно связанными между собой пучками травы, которая сверху накрывалась плоской глиняной черепицей. В каждой из хижин было по несколько открытых окон и массивные деревянные двери. Окна прикрывали искусно сделанные из тростника занавески.

Улицы селения были чистыми, аккуратно выметенными. Невдалеке от центра они заметили небольшую церквушку. Людей почти не было видно. Те, кого они видели, были мужчины: одетые в холщовые штаны, сандалии из толстой кожи и длинные рубахи, у которых не было рукавов. Жители были опрятны и аккуратно подстрижены.

— Посмотри, Лацио, какая чистота! После восточных городов и базаров, грязных улиц, узких переулков даже неожиданно, что мы видим такое.

— Диковинно…

Впереди группа людей окружила человека, на чьи плечи был накинут темно-коричневый плащ. Когда они подошли ближе, он опустил капюшон и прикрыл лицо. Люди отступили и стали задавать вопросы. Язык их был не понятен ни Джероми, ни Лацио.

— Да, желая пойти и поговорить с колдуном, я совершенно не задумался, мой друг Лацио, на каком языке мы будем общаться. Я не понимаю этих людей.

Неожиданно человек в темном плаще обратился к ним:

— Зато я понимаю вас, сеньоры. Я знаю язык, на котором вы общаетесь между собой.

— Какое счастье! Мы прибыли на корабле, который стоит в бухте. Мы венецианцы, нам разрешили здесь приобрести продовольствие и запастись водой. Но мы с Джероми слышали об этих островах и о том, что здесь живут славные маги и колдуны. Нам хотелось бы пообщаться с одним из таких людей.

Колдун сказал что-то на местном наречии, и люди разошлись. Потом он ближе подошел к ним, провел рукой перед лицом Джероми и произнес:

— Вы обманываете меня. Вы давно уже не венецианцы. Вы жили где-то недалеко от Венеции, но вы уже и не служите тому народу, у которого жили. Вы пришли с запада, а утверждаете, что плыли с юга.

Джероми замер.

— Откуда вам это известно?

— Мне? Мне известно очень многое. Еще когда вы были далеко отсюда, я знал, что ваш корабль придет сюда. Я знаю, что ваша цель не вода и продукты, а португальская крепость. Но мы не любим португальцев, они захватили наши земли, и посему я никогда не выдам вас. Пойдемте со мной.

Они долго шли, миновав селение, затем поднялись на небольшую возвышенность и подошли по узкой тропинке к пещере.

— Не бойтесь, проходите, это мой дом. А звать меня Патих.

— У вас мусульманское имя?

— Это не имя, это кличка. Кличка, и не нужно искать в ней никаких корней.

Они зашли в небольшую пещеру. Патих разжег несколько свечей, стоящих на каменном столе. На стенах пещеры были видны нарисованные знаки, которые при близком рассмотрении представляли собой животных, птиц и людей. Под самым сводом Джероми и Лацио рассмотрели отметины, которые обозначали звезды и планеты.

Патих сел на небольшой табурет, достал откуда-то из-под камня небольшой мешочек, развязал его и высыпал на стол необычайно красивые разноцветные камушки, среди которых белели небольшие косточки, очевидно, принадлежавшие когда-то птицам.

Он внимательно рассматривал узор, образовавшийся на столе. Джероми и Лацио молчали. Встав, Патих вышел из пещеры, затем вернулся и принес еще один мешок. Развязав его, он достал чашу, в которую налил сероватого оттенка маслянистую жидкость. В пещере запахло приторно-сладко. Аромат напоминал смесь запахов апельсина и лимона. Когда жидкость в чаше успокоилась, Патих произнес, указывая пальцем на Джероми:

— Загляни в чашу, посмотри и скажи, что ты видишь.

Джероми заглянул. Из чаши на него смотрел Кирилл. Он улыбался. Джероми отпрянул.

— Я вижу того человека, который часто приходит ко мне во снах и видениях. Мне кажется, что это мой далекий потомок. Но зачем он здесь? Для чего он приходит ко мне?

— Пойми, все вокруг нас взаимосвязано. Нет ничего, что было бы не нужным под этим солнцем. Каждый листочек, каждая веточка, каждая рыбешка, ты и я, звезды, камни, горы, океаны — все это имеет свое отражение. Отражение в других плоскостях. Это как пирамиды Египта: у них ведь не одна грань, а четыре. Но если ты отойдешь и будешь смотреть на пирамиду с одной стороны, то увидишь только две грани. А став сбоку, возможно — три, но никогда ты не будешь видеть четвертую сторону, если только не взлетишь над этой пирамидой.

— Я не понимаю тебя, Патих.

— Тебе не нужно понимать, тебе нужно слушать. В мире, где мы с тобой находимся, простые люди видят только две грани, посвященные, как я, могут увидеть три. Но четвертую видеть не дано никому. Могу тебе сказать, что тот человек, которого ты видел сейчас, он из другого мира, очень далекого отсюда. Он помогает тебе, а ты помогаешь ему. Вы близки по духу. Я не знаю, прямой ли он твой потомок, потому что я не вижу четвертой грани. Четвертая грань подвластна только богам, они ведь летают высоко над нами. И только они знают, для чего этот человек приходит в твое сознание, а ты приходишь к нему.

— Ты уверен, Патих? Ты знаешь точно, что он также видит меня, как и я его?

— Это я знаю точно. Я знаю, что вам предстоит не раз за твою долгую жизнь встречаться.

— Не смейся надо мной. Какая у изгнанника долгая жизнь? Я не уверен, вернусь ли когда-то не только на родину, но и вообще в Европу.

— Не волнуйся, ты долгожитель. И твой друг тоже. Вы вернетесь назад, у вас будет еще не один поход. Но знай: с той женщиной, которую ты любишь, у тебя не будет детей.

Джероми склонил голову, слезы навернулись на его глаза.

— Вы свершили страшный грех и оба повинны в смерти людей. Посему Бог наказал вас.

— Но ты говоришь, что тот человек, которого я видел, мой потомок?

— Потомок не обязательно по крови. Я хочу открыть тебе еще

одну истину: мы все, уходя с этой земли, вселяемся в других. А те, в свою очередь, вселяются в следующих. Поэтому потомком он может быть для тебя, потому что произошло переселение твоей души в его, через много поколений.

Джероми стало тяжело дышать, он приподнялся.

— Выйди на воздух, а ты, — Патих показал на Лацио, — останься. Тебя ждут большие перемены. Ты заслужил это. Я видел тебя с молодою женщиной. Она очень красива, береги ее — она принесет тебе счастье.

— Послушай, Патих, мы идем в неизвестность. Какая женщина? Откуда она может быть у меня? Как может она принести мне счастье?

— Не пройдет и года, как все в твоей жизни изменится. Ты будешь счастлив оттого, сколько потомков будет у тебя. Но никогда не забывай о нем. Бог награждает тебя за то, что ты неоднократно спасал этого человека и помогал ему во всех его делах. Помни: твои потомки — это и его потомки. Может быть, именно его дух вселится в одного из твоих прапраправнуков. Ты понимаешь, что я говорю?

У Лацио закружилась голова. Он обмяк и почувствовал, что теряет сознание. Когда он пришел в себя, Патиха в пещере не было. Свечи догорели. Он с трудом поднялся и вышел на улицу. Солнце садилось, освещая последними лучами крыши деревушки. Джероми лежал недалеко. У него под головой была аккуратно сложенная куртка. Когда Лацио подошел к нему и нагнулся, то понял, что его друг крепко спит. Он разбудил его:

— Вставай, вставай! Нам нужно идти.

Джероми открыл глаза и задал ему вопрос:

— Где я, где мы находимся?

— Ты что же, ничего не помнишь?

— Нет, припоминаю. Да! Здесь был какой-то человек в плаще, он говорил с нами. Боже! Он сказал, что у меня не будет потомков!

— Он сказал, что у тебя не будет потомков с Изабеллой. Но это совершенно не значит, что у тебя не будет детей с другой женщиной.

Джероми приподнялся. Вставая, он разжал руку и увидел, что у него вокруг запястья обмотан кожаный ремешок с необработанным красным камнем. Камень излучал свет изнутри. Джероми прижал его к груди.

— Послушай, что это, Лацио?

Лацио ощупал свою грудь, забрался пальцами под камзол и

вынул оттуда кожаный ремешок, на котором висел точно такой же камень.

— И у меня такой же, посмотри!

— Возможно, это какие-нибудь амулеты? Они охранят нас? Идем скорее в деревню, может быть, мы увидим странного колдуна еще раз.

Но деревня была пуста. Людей они не нашли, дома были закрыты...

Глава 12.

По дороге в Брест

Старый автомобиль. — В Регенсбурге. — Авария. — Удивительная фотография. — В Бресте. — Новая встреча с кельтской провидицей.

Несколько лет тому назад, по случаю, Кирилл купил старый подержанный автомобиль. Это был дизельный «Мерседес», которому на момент покупки уже было лет восемнадцать. Машина была в хорошем состоянии, но Кириллу так и не удалось на ней достаточно поездить.

Вначале дела со строительством «Афины» — галеры, которая обошла вокруг всей Европы, затем новое строительство — теперь уже «Джинестры». У него никогда не доходили руки до старенького автомобиля, который ему очень нравился своей вместительностью и крепким кузовом. Машина стояла в гараже у отца Кирилла, и, приняв решение участвовать вместе с ливанцами в экспедиции на копии финикийского судна, он решил ехать в Европу на ней, потом оставить машину в Венеции у сеньора Данио и уже затем перебраться в Брест.

Какое расстояние они пройдут и куда им удастся дойти на «Мелькарте», Кирилл не знал. Но он был уверен, что «Джинестра» придет в Венецию и примет участие в летних мероприятиях, запланированных в прекрасном городе на каналах.

Оттуда, где остановится «Мелькарт», Кирилл вернется в Венецию, будет со своим экипажем и домой уедет на машине. План был хорош. Он позволял ему не быть привязанным к поездам, автобусам, самолетам. Катясь по Европе на машине, он мог остановиться, где вздумается, а у Кирилла было несколько пунктов назначения, где ему хотелось побывать.

Он любил старинный баварский город Регенсбург на юге Германии. Бывая там ранее, Кирилл знал, что принц Дон Жуан Австрийский, тот самый победитель турок при Лепанто, родом из этого немецкого города. Его отцом был король Карл, император Священной империи, а матерью — знатная горожанка Регенсбурга. Возможно, смешение кровей привело к тому, что Дон Жуан добился в жизни многого, вписав в историю цивилизации важнейшее событие, изменившее

ход исторического развития Европы.

Далее Кирилл надеялся заехать в Нюрнберг, хотя это и было отклонением от главного маршрута. Но он хотел попасть в один из музеев города, где хранился старейший глобус, который был создан более полутысячелетия тому назад путешественником Мартином Бехаймом, принявшем участие в плавании португальских каравелл вдоль западного побережья Африки. Ну, а затем уже — Альпы, горы, перевалы и Венеция.

Заранее списавшись с Рихардом и господином Вернером, он надеялся после Нюрнберга встретиться с ними или в Швайнфурте или в Дармштадте. Они ждали его и были бы рады приезду.

Весна прошла в сборах и хлопотах. Кирилл подготовил машину. Он несколько раз встречался и разговаривал с Лидией, которая пыталась приободрить. Настроение Кирилла хоть и стало немного лучше, но все же он ощущал подавленность. Звонки, во время которых на другом конце молчали или плакали, прекратились на несколько недель, потом возобновились вновь.

Самым удивительным было то, что Кирилл поменял номер телефона. И месяц все было спокойно, но затем...

Он недоумевал: кто мог узнать и за тысячи километров передать его телефон Жанне? Хотя до конца Кирилл не был уверен, что звонила она. Но Лидия с полной уверенностью утверждала, что это так. И делает она это специально, выводя его из равновесия. Но зачем? Кирилл понять не мог. Объяснением Лидии он был не удовлетворен. Лидия все списывала на мстительность молодой женщины. Но за что она ему мстила? За то, что он ее безумно любил?

Помимо этого, у Кирилла возникли проблемы с друзьями. Они настаивали, чтобы он вел «Джинестру» в Венецию. Но, приняв однажды решение ехать в Брест, он так его и не изменил.

Ранним солнечным майским утром Кирилл выехал из родного города. Дорога его пролегла к границе. Машина вела себя прекрасно. Он запасся на дорогу продуктами, а весь его багаж составляла сумка и пропиленовый коврик вместе со спальником, которые пригодились бы в экспедиции. Впрочем, с таким багажом он путешествовал всегда, не обременяя себя лишним грузом.

Пройдя границу, он выехал на территорию Европейского союза. Некачественные дороги сменились быстрыми автобанами, а на них Ки-

рилл чувствовал себя как рыба в воде. Он любил скорость и не раз разгонял свою старенькую машину до 200 километров, а иногда и более. Часто он видел недоумевающие глаза водителей новеньких автомобилей, которых он обгонял, словно те стояли на обочине.

Скорость, которой он упивался, уводила его от действительности, и он был безумно рад, что можно отвлечься от постоянно преследовавших его дум.

Через два дня он был в Регенсбурге. Город встретил его теплом и ласковым плеском дунайских волн, которые на узкой реке разгонял западный ветерок. Кирилл поставил машину в самом центре, на стоянке, и с радостью окунулся в шумную толпу туристов и приезжих, которые, восхищаясь и восторгаясь, обходили центральную, средневековую часть города.

Городок в центре Европы был основан в далекие времена римскими легионерами, назвавшими его Кастра Регена. От тех давних времен осталось несколько массивных камней, обозначавших ранее ворота римского лагеря. После римлян сюда пришли германцы. Быстро оценив все преимущества удобного расположения городка на слиянии Дуная или, как тогда его звали, Дануб и реки Реген.

Город знал взлеты и падения. Здесь заседал в средневековье парламент Священной Римской империи. Сюда вели торговые пути со всех сторон Европы. Отсюда товары уходили как на юг, так и на восток. В городе был один из старейших университетов, а старинные башни говорили о его прекрасных фортификационных сооружениях.

Кирилл вышел на небольшую площадь, к памятнику Хуану Австрийскому. Молодой воин, изображенный в бронзе, был одет в костюм испанского гранда той далекой эпохи. На мемориальной доске, которая украшала постамент, описывалось то, что свершил этот человек. Рядом с памятником расположилось уютное маленькое кафе. Кирилл присел за столик на улице и заказал кофе. Отдыхая, он так замечтался, что не заметил, как шум бурлящей туристами площади смолк. Вокруг стало тихо, и неожиданно для себя он увидел, как возле памятника в простых, но очень изящных камзолах остановились двое вельмож. В одном из них он узнал Джероми. Тот обращался к своему спутнику:

— Ну, что, Лацио? Вернемся ли мы когда-нибудь в родную Венецию?

— Не знаю, Джероми. Может быть, очень нескоро. Ведь для родины мы враги.

Кирилл хотел вскрикнуть, подозвать к себе этих двух удивительных людей, но видение исчезло и он вновь очутился прекрасным ярким солнечным днем на средневековой площади, где стоял памятник выдающемуся полководцу средневековья Жуану Австрийскому.

Кирилл приподнялся и, расплатившись по счету, медленно побрел по улицам старинного городка. Вечером он решил отправиться в Нюрнберг и переночевать где-то на автобане. Сев за руль, проехал через мост, справа от которого находился железнодорожный вокзал, и выехал на прямую двустороннюю улицу, которая должна была привести его на автобан, ведущий в Нюрнберг. Но произошло что-то совершенно невероятное.

Кирилл почувствовал, что необъяснимая сила подтолкнула его, и он перестроился в левый ряд, хотя ехать ему нужно было прямо. Поняв, что ошибся, он повернул машину на разделительной полосе и поехал по встречному направлению, возвращаясь назад в город. На ближайшем от него светофоре он вновь развернулся, ругая себя за невнимательность. Через какое-то время он вновь приехал туда, откуда должен был следовать прямо. Сам не понимая почему, он разнервничался.

Ему казалось, что что-то гнетущее нависло над ним и машиной. Он остановился на перекрестке. На улице было темно, но неожиданно для себя в зеркало заднего вида Кирилл увидел блеск фар, который ослепил его, а затем почувствовал, что сзади на него надвигается что-то огромное. Не успев включить скорость и тронуться, он содрогнулся от удара. Раздался скрежет и хруст стекла. Нечеловеческая сила бросила машину вперед.

Несмотря на то, что его нога находилась на тормозе, машина переехала по инерции через перекресток. Кирилла развернуло, и только теперь он почувствовал острую боль в области шеи. На счастье, будучи привязанным ремнем безопасности он не ударился грудью о рулевое колесо. На несколько мгновений Кирилл потерял ориентацию, а, возможно, и сознание. Двигатель заглох. Очнувшись, он понял, что находится в безопасности, и попытался открыть дверь. Ее заклинило. Приподняв голову, он увидел, что посередине перекрестка стоит грузовая машина. Ее бампер и решетка радиатора были разбиты. Из ма-

шины выпрыгнул человек и бросился к нему. Он попытался открыть дверь, но та не поддавалась.

Где-то невдалеке раздался вой полицейской сирены. В первые минуты для Кирилла все происходило, как в замедленной съемке. Он увидел полицейских, они спешили к нему. Рядом остановилось еще несколько машин. Из грузовика достали монтировку, и двое немцев вскрыли заклинившую дверь. Его что-то спрашивали, но в голове звенело, и он ничего не мог ответить. Полицейские вызвали машину неотложной помощи, которая вскоре прибыла на место аварии.

Еще до ее приезда Кирилл отстегнул ремень безопасности, пошевелил ногами, руками. Понял, что цел, единственное — ему было больно вращать головой, сильно болела шея. Не подавая виду и не слушая то, что говорили полицейские, он повернулся и выбрался из автомобиля, который представлял собой печальное зрелище. Багажника сзади не было. Удар вмял его и подогнул под задние колеса. Стекла сзади и боковые стекла в задних дверях были разбиты. С первого взгляда Кирилл понял, что его машина уже никогда не будет восстановлена…

Он начал приходить в себя. Ему на плечи накинули одеяло, от озноба сильно дрожали руки и ноги. Врач неотложки сделал ему успокоительный укол, внимательно осмотрел и спросил, что у него болит. Кирилл показал на шею. Врач ощупал ее и объяснил, что нужно сделать рентген. После этого надел ему на шею лангетку, которая зафиксировала позвонок.

Через какое-то время Кирилл полностью пришел в себя. Полицейские начали составлять протокол. Водитель грузовика не отказывался от того, что нарушил правила, хотя его объяснение было совершенно странным. Он говорил, что не видел машину на светофоре. А на вопрос полицейских, зачем же он ехал на красный свет, ничего вразумительного ответить не мог.

Протокол был составлен, после чего вызванный по телефону агент страховой компании договорился о размещении Кирилла на ночь в ближайшей гостинице. Машину поставили на эвакуатор. Полицейские на следующий день в десять часов утра ждали его для того, чтобы составить полностью акт и передать дело в суд. Машина неотложной помощи увезла его в больницу, где был сделан рентген. Он не показал сме-

щений, но врач, обследовавший Кирилла, измерил ему давление и обнаружил сильное его повышение. Очевидно, это было связано со стрессом и нервным перенапряжением.

Ему сделали еще один укол, и та же неотложка отвезла его в гостиницу. Врач, осматривавший Кирилла, оставил ему телефон и сказал, что дежурит всю ночь, а посему, если вдруг он станет себя хуже чувствовать, то должен позвонить ему и его заберут в больницу. Он выписал Кириллу специальную мазь, которой тот каждые несколько часов должен аккуратно растирать шею. Немец был уверен, что Кириллу потребуется несколько дней, чтобы полученный ушиб прошел и голова перестала болеть.

Из гостиницы Кирилл позвонил Рихарду и рассказал о происшедшем. Тот был возмущен и очень расстроен, пообещав уже утром приехать в Регенсбург. Ночью Кирилл плохо спал, болела шея и казалось, что мазь совершенно не помогает. В автомобильной аптечке, которую он забрал с собой, были анальгин и цитрамон, несколько таблеток которых он принял за ночь. Утром приехал Рихард, аккуратно обнял его, легко потрепав по плечу, и, взяв под руку, увел в кафе. Там они позавтракали, после чего на машине Рихарда отправились в полицию. Все документы были готовы.

Страховая компания, которая обслуживала автомобиль водителя, совершившего аварию, брала все расходы по восстановлению автомобиля, а точнее, по выплате его остаточной стоимости, поскольку «Мерседес» был не пригоден к восстановлению, и обещала, что вопрос будет рассмотрен в течение трех недель, после чего деньги поступят на счет Кирилла. Кирилл написал специальное заявление, в котором просил, чтобы средства были переведены на счет сеньора Данио, в Италию, в город Венецию, так как он, в итоге, приедет туда. Страховщик согласился.

Два специалиста, осмотревшие машину Кирилла, проставили ее остаточную стоимость. Ему будет также оплачен билет на дорогу в Венецию. Кирилл сказал, что в Венецию он уже не поедет, потому что ехал туда только затем, чтобы оставить машину. И попросил заменить билет на Венецию билетом во французский Брест. Страховщик посовещался с руководством в офисе и сказал, что это будет сделано после того, как он приобретет билеты: Регенсбург — Париж, Париж — Брест.

Потеря машины озадачила и расстроила Кирилла. Он вынужден был отказаться от своей поездки. К тому же боль в шее постоянно давала о себе знать.

— Вот такие дела, мой дорогой Ричард. А я так хотел увидеться с господином Вернером!

— Ничего страшного! Шея пройдет, страховщики дали хорошую цену за твою старую машину. Ты ведь не хочешь сказать, что она была новой? — Ричард засмеялся.

— Нет, конечно, о чем ты говоришь? Она была старая, но для меня любимая и очень удобная.

— Те деньги, которые тебе выплатит страховка, позволят купить две такие машины. Так что, все в порядке. Расскажи лучше, как случилось, что ты решил пойти в экспедицию, там, на западе Европы, а не участвовать в венецианских праздниках?

— Знаешь, Ричард, у меня есть одна проблема, связанная с семьей.

— О, шерше ля фам! Ищите женщину? Я так и думал, но не буду лезть тебе в душу. Надеюсь, что празднования этого года в Венеции помогут раскрутить программу, которой мы занимаемся. Господин Вернер готов сотрудничать с сеньором Данио, они обдумывают, как разместить правильно и очень этично рекламу на «Джинестре». Никто не останется в накладе: заработают и члены твоей команды, какие-то деньги получишь и ты. А самое главное, после этого сезона можно будет поднять судно, внимательно осмотреть днище и произвести необходимые работы. Галера уже два года на воде, к тому же, была авария.

— Это было бы хорошо. Мы с господином Вернером летом обязательно приедем на неделю в Венецию.

— Это тоже будет оговорено в контракте. Мы будем ждать тебя. Так что, езжай и не волнуйся. «Джинестра» в хороших руках, у тебя прекрасный экипаж, они заменят тебя. Да и люди, которые заинтересованы в твоем успехе, точнее, не в твоем лично, а в успехе корабля, это я, господин Вернер, который частично финансировал проект, сеньоры Данио, Монтезимолло и другие участники венецианской регаты, сделают все, чтобы проект удался.

Затем Ричард помог ему купить билеты. Поезд, который шел через Франкфурт-на-Майне, уходил в четыре часа.

— Все так непредвиденно. Я думал, что приеду в Брест на следующей неделе. А авария, травмы неожиданно изменили весь ход событий. Поэтому я буду там гораздо раньше, чем хотел бы.

— Тебя это удручает?

— Да нет, лодка уже привезена туда. У меня будет больше времени познакомиться с людьми, с которыми я пойду в плавание, и помочь им в подготовке экспедиции.

— Вот и чудесно.

— Так что, нет худа без добра.

— А машину за те деньги, что выплатит страховка, я тебе подберу в Германии. Поверь мне, она будет много лучше той, которая была.

— Рихард, но пусть это вновь будет «Мерседес». Я люблю немецкие машины.

Рихард помахал ему рукой. Поезд быстро начал набирать ход. Кирилл откинулся на сиденье, голова еще болела, хотя лангетка плотно фиксировала шею. Он быстро задремал.

Во Франкфурте Кирилл пересел на поезд, идущий в Париж. В Париже, пробыв несколько часов на вокзале, он продолжил свое путешествие в далекий Брест. Дорога из Регенсбурга на северо-запад Франции заняла полтора дня. Еще из Парижа он позвонил своим друзьям, и в Бресте на вокзале его встретили и привезли в яхт-клуб, где у причальной стенки он увидел легко покачивающийся кораблик, гордо поднявший над водой лошадиную голову.

— Какой красивый! Он даже красивее, чем на фотографиях, которые я получал из Ливана.

Кирилл подошел к судну и прямо возле борта столкнулся с Фариком. Грузный большой Фарик поднимался по стальному трапу, который был необходим. «Мелькарт» время от времени благодаря приливам и отливам то выныривал и становился выше пирса, то вместе с уходящей водой опускался глубоко вниз. Приливы и отливы в этих местах в своих максимальных периодах достигали шести метров. Фарик вскарабкался на пирс и протянул Кириллу руку.

— Ты так быстро! Где же твоя машина? Мы ждали тебя только на следующей неделе.

— С машиной произошло приключение. Вот видишь, — и он показал на лангетку.

— Ты попал в аварию?

— Да я бы не попал. В мою машину врезался грузовик. Так что машины больше нет, а я приехал раньше и полностью нахожусь в вашем распоряжении.

— Неплохо! Рабочие руки всегда нужны.

Из люка судна высунулась голова худого и невозмутимого Ливана.

— Привет, Кирилл! Мы рады, что ты появился.

— Привет, Ливан!

— У нас для тебя есть хорошая новость.

— Какая же? Пока за мою дорогу сюда новости были только плохими. Я потерял машину, она разбита. Вот, с трудом добрался, болит шея. Какая же хорошая?

— А хорошая вот какая: твой друг, профессор Стамбульского университета Селим, решил принять с нами участие в экспедиции.

— Вот это да! — Кирилл даже подпрыгнул.

— Радуйся, радуйся. Он тоже уже несколько раз звонил сюда и спрашивал, не прибыл ли ты. Можешь позвонить ему.

— А что Селим сказал — когда будет?

— Он приедет на следующей неделе. Так что вместе с ним в нашем экипаже будет двенадцать человек. Немного, зато места всем будет достаточно.

— Это здорово! Хотя шея у меня и болит, но я готов к любой работе. К любой, слышите? Завтра с утра могу приступать.

— Вот завтра и приступишь. А сегодня иди, отдыхай.

Кирилл познакомился с новыми членами экспедиции, которых не знал ранее. Он не мог запомнить их имена, потому что они были длинными и сложными, но ребята были все крепкие, молодые, улыбчивые и Кириллу понравились. Его накормили плотным ужином и показали место для ночлега. Он расстелил пропиленовый коврик, вынул свой спальный мешок, разложил вещи, вытянулся и крепко заснул.

Фарик разбудил его рано утром. Все приступили к работе. Надо было натянуть покрепче оттяжки мачты, просмотреть, все ли готово и уложено на камбузе, в капитанской рубке. Работы было много, и Кирилл быстро забыл о выпавших на его долю неурядицах.

Дни полетели как чайки над Брестским заливом. Он ожидал приезда Селима, но в один из дней отпросился у капитана, — а капитаном на судне был назначен Ливан — и поехал в город.

Новый яхт-клуб, в котором они готовились к экспедиции, нахо-

дился на окраине Бреста. В центральной же части города были военные доки и пирсы, которые принадлежали военно-морским силам Франции. База в Бресте была крупнейшей на Атлантическом побережье не только Франции, но и Испании и Португалии. Здесь находилось крупное военно-морское соединение, в которое входили как надводные, так и подводные корабли.

Когда несколько лет тому назад он бывал здесь на празднике «Все корабли к берегам Франции», то корабли были выведены со своих военных точек и уведены на рейд. Причальные же стенки были отданы десяткам и сотням маленьких и больших парусных кораблей. Кирилл вспомнил, как в находящемся рядом Дуарнене он побывал в шатре кельтской провидицы. Вспомнил, как Виктор затащил его туда и именно тогда началось его восхождение к проекту «Джинестра». В подсознании промелькнули удивительные встречи на дорогах Греции, Румынии, потом Бельгии. Вспоминались люди, с которыми он встречался.

Прогулявшись по центральной части Бреста, он побывал на автовокзале, вышел к мощным бастионам, которые защищали военно-морскую базу. В обычное время вход в нее был, естественно, закрыт. Он увидел часовых, которые охраняли ворота, увидел современные боевые французские корабли, несколько подводных лодок, стоящих у причальных стенок.

Отойдя от форта, спустился по длинной лестнице к торговым причалам. Возле причалов стояло несколько кораблей, проходя мимо которых он услышал музыку. Заунывная, такая притягивающая музыка волынок доносилась с западного края форта. Кирилл прошел туда и, обогнув длинный многоэтажный склад, увидел манящие огни двигавшихся и качавшихся каруселей. Это был небольшой луна-парк, кочевавший из города в город.

Он сталкивался с такими неоднократно и с радостью пошел на манящий звук, который нес в себе радость и веселье. Луна-парк состоял из десятка каруселей, нескольких тиров, был здесь и небольшой ресторанчик. Людей было немного, но чувствовалось, что это моряки и портовики, которые с радостью тратили свои сбережения в маленьком очаге бесшабашности и веселья. Кирилл пострелял в тире, покатался на качелях, поднялся на небольшое колесо обозрения. Порт мерцал вечерними огнями, краны, поворачиваясь, переносили грузы из

трюмов пришедших судов на пирсы, в военной гавани было все тихо, на рейде мерцали огни пришедших к вечеру новых судов. Брест готовился ко сну.

Осмотрев сверху еще раз уютно расположившийся под ногами луна-парк, Кирилл увидел маленький шатер, который показался ему до боли знакомым. Он с трудом дождался, когда колесо опустит его на землю и, запомнив направление, быстрыми шагами пошел к палатке, которая привлекла его внимание. Он остановился перед ней в недоумении и сам себе сказал: «Боже, это же та самая палатка, в которой я когда-то встречался с кельтской провидицей! Неужели она здесь?».

Не зная, почему, Кирилл перекрестился, а затем вошел внутрь. Перед ним сидела, держа руки на хрустальном шаре, та самая женщина, которую они с Виктором посетили несколько лет тому назад.

— Боже, я опять здесь, и опять с вами!

Женщина подняла голову и внимательно посмотрела на него.

— Да, это вы. Я узнаю вас. Вы были у меня и понесли от меня привет моей далекой родственнице в горы Румынии, а затем дальше…

— Вы знаете, это не совпадение, очевидно, я должен был вас увидеть.

— Может быть, и не совпадение. Но что вы хотите сейчас?

— Вы знаете, меня преследует ряд неприятностей.

Целительница провела руками по шару. Он заиграл волшебными огоньками…

— Садитесь, садитесь напротив. Сейчас мы узнаем, что за неприятности, которые грозят вам. Вы ведь выполнили все то, что возлагалось на вас.

— Мне многое непонятно. Поймите, я даже участвовал в сеансе гипноза и в нескольких спиритических сеансах.

— И что же вам сказал дух, спирит?

— Ничего, он обозвал меня дураком.

— Тогда все понятно. Вы влюблены, и влюблены не в того человека, который вам нужен. Она приносит вам вред, а может принести и несчастье. Я вижу, вы недавно побывали в аварии?

— Да, я действительно был в аварии…

— Берегите свою голову и шею. Авария не пройдет для вас без последствий.

— Но у меня уже почти ничего не болит.

— Это сейчас. Но все может измениться. Такие травмы очень коварны, берегитесь.

— А как же эта женщина, та, которая мучает меня? Она и со мной жить не хочет, и без меня…

— Ну почему же? Она хочет жить без вас, но она хочет мучить вас. Вам ведь об этом уже говорили!

— Да, говорили — одна провидица там, дома. Но я не верил ей, точнее, не до конца ей верил.

— Она вам многое рассказывала, я вижу.

— Да, многое. Об информации, о том, что мы окружены ею, что есть посвященные, которые могут пользоваться ей, но и то не всегда и не во всем. Потому что они могут взять из этого поля только то, что разрешено…

— Но вы же и так все знаете, что же вы хотите от меня?

— Я хочу понять: как мне избавиться от этого наваждения?

— Придет время — избавитесь. Но пока вы как бы отрабатываете то, что заслужили сами. Часто люди отрабатывают то, что заслужили их предки, но вы, Кирилл, отрабатываете только то, что сделали сами.

— Но что же я сделал? Я ведь любил, не более!

— Любовь это тоже наказание…

— Значит, вы не можете мне помочь?

— Помочь я вам не могу. Я могу лишь сказать: постарайтесь выбросить ее из головы. Впереди вас ждет удивительное приключение. Вы ведь искатель приключений, авантюрист?

— Да, если можно так сказать. Авантюрой это не совсем назовешь — все-таки я исследователь, сопоставляю, изучаю и пытаюсь проникнуть в далекое прошлое.

— Я не спорю с вами. Но исследования ваши достаточно опасны, будьте осторожны. Вы должны понять и знать, что любое исследование имеет под собой положительную или отрицательную сторону. Простым людям не дано понять, хорошо ли то, что они делают, или плохо. Когда они делают плохо, их останавливают оттуда, сверху.

— Откуда сверху?

— Их останавливает информационное поле. Человечество дав-

но могло бы иметь больше знаний, но это опасно, потому что оно может разрушить само себя.

— Тогда ответьте еще на один вопрос: я долгое время изучаю проблему возникновения древнейших цивилизаций. Изучаю суда и их маршруты, торговые и военные походы, поселения, архитектуру, условия появления колеса, гончарного круга, ирригации.

Я сопоставляю все это, и мне кажется, что нашел разгадку, где была прародина цивилизаций и откуда отправились поселенцы на берега Нила, Тигра, Евфрата, Инда — именно туда, где возвеличились древнейшие культуры. Вы знаете что-то об этом, вы можете мне подсказать, в том ли направлении я ищу?

— Это слишком сложный вопрос. Я не имею такого объема информации.

— А как же ваше знаменитое информационное поле? Разве вы не можете спросить у него, вы ведь провидица?

— Я многое знаю, но повторяю то, что вам говорили до сих пор: я могу получить из этого поля только то, что будет мне разрешено, не больше и не меньше.

— Это отговорки, просто вы ничего не знаете!

— Это не отговорки, а действительность. А действительность говорит о том, что мы знаем только то, на что имеем право...

Кирилл приподнялся. И хотел уйти.

— Нет, подождите, не уходите.

Целительница проскользнула за ширму и вскоре вышла оттуда, неся небольшой узелок.

— Здесь сбор трав. Попейте его, запаривая одну небольшую ложечку в день стаканом воды. Вы успокоитесь, успокоится ваша нервная система, прочистится разум. Вам станет легче, поверьте мне!

Кирилл поблагодарил, вышел и обернулся. Он чувствовал, что его одолевает досада и даже какая-то неприязнь: «Они ничего не знают и ни в чем никогда не могут помочь. А то, что они вели меня, подсказывали, все это было неправда. Я думаю, что лучше бы я ничего этого не знал и не делал». Он повернулся и ушел в ночь.

Добравшись последним автобусом до судна, Кирилл тихо спустился в трюм и лег. Через день должен был приехать Селим. А в конце недели они, наконец-то, уйдут в море.

Хотя Кириллу показалось, что ничего не узнал у целительницы,

он стал пить травы и уже на следующий день почувствовал, как ему стало легче.

Утром Кирилла на палубе ожидал полицейский. Он не знал, зачем тот пришел, полицейский не говорил по-английски, а Кирилл — по-французски. Полицейский пригласил его в свою машину и отвез в участок. Там, наконец-то, ему удалось узнать, что вызывают его для того, чтобы передать документы, пришедшие из Германии — из полиции и страхового агентства.

Вежливый француз протянул ему большой конверт. Кирилл, не выходя из участка, вскрыл его и обнаружил несколько заключений, а также ряд фотографий. На фотографиях он увидел свою разбитую машину, до эвакуации с места аварии и после. На одной из фотографий он стоял рядом со своей машиной. Он помнил этот момент — полицейский фотографировал его еще до приезда неотложной помощи. Кирилл задумался и стал внимательно рассматривать снимки. На одном из них рядом с ним, окутывая его, взметнулся столб огня.

Он приблизил фотографию к глазам. Пламя необычного яркого сияния пронизывали белые тонкие линии, словно молнии, пронзающие тучу. Выходя из правой ноги Кирилла, столб огибал его плечо, голову и заканчивался прямо над левым ухом. Ему стало не по себе. Что за ужасная фотография? Что это такое? Он посмотрел на другие снимки, но больше такого пятна не увидел. «Наверное, брак пленки или засветка», — подумал Кирилл. Он сложил аккуратно все бумаги в конверт. Из них следовало, что в ближайшее время страховка выплатит всю сумму, причитающуюся Кириллу. Поблагодарив французских полицейских, он вернулся на «Мелькарт».

Удивительно, просто удивительно. А если это не брак пленки? В последнее время его постоянно преследовали какие-то неприятности, связанные то с мистикой, то с какими-то магическими действиями, видениями, что приходили не только во снах, но и наяву. Здоров ли он? Надо сходить в церковь, обязательно надо сходить в церковь… К черту всех этих колдунов и магов!

Друзья увидели, что Кирилл озабочен, и Фарик спросил его, что произошло. Он рассказал и показал ему фотографию. Тот махнул рукой и долго не раздумывая произнес:

— Порви, выбрось и забудь. Готовься, мы скоро выходим в море.

— Выбрасывать не буду, но и смотреть — тоже. Может быть, еще пригодится.

Кирилл спрятал конверт и поднялся на палубу, где работали члены экспедиции. Приближался день их выхода из Бреста.

Глава 13.

Адмирал Васко да Гама

Плавание к берегам Индии. — Крепость Диу. — Корабли индийских торговцев. — В Гоа. — Болезнь вице-короля.

Попав в полосу муссонов, «Возмещение» быстро двигалось на восток от берегов Сокотры. Джероми был все время задумчив. После встречи с халдейским магом он впал в депрессивное состояние. Лацио же, наоборот, был разговорчив и весел. Адмирал Реис заметил, что с Абаджио происходит что-то странное, и пригласил его и Лацио к себе. Джероми хотел отказаться от приглашения, но, подумав, все же принял, и в свете свечи под скрип снастей стал слушать рассказ адмирала Реиса.

— Я вижу, что на вас, молодые люди, сильно подействовала встреча с халдейским провидцем. Ничего удивительного в этом нет. Вы молоды и, хотя бывали в опасных ситуациях, необычное вызывает у вас удивление. Поэтому я хотел бы отвлечь вас и рассказать о земле, к которой плывет наш корабль.

Мы идем к крепости Диу — португальской колонии, которая была основана более двадцати лет тому назад и рядом с которой в 1529 году, когда вы были еще совсем молодыми людьми, произошло сражение, в котором столкнулись египетский флот, оснащенный и вооруженный Венецией, и португальский. Борьба шла за властвование над большим заливом, который носит название Канбейского. Именно туда по рекам приходят пряности, направляющиеся далее на запад и восток. Земля вокруг залива называется Вуджарат. В ней много интересного и много дивного.

— Вы что, бывали там, адмирал?

— Да, бывал. Поэтому мне будет нежелательно выходить там на берег, и я буду оставаться под тем вымышленным именем, о котором мы договорились ранее. Но все же хочу рассказать о Вуджарате. Земля эта соседствует с еще одной большой индийской землей, которая носит название Малабар.

В Вуджарат каждый год из Малабара привозят несметное количество специй и пряностей. Вам, людям, которые не раз принимали

участие в экспедициях против пиратов, будет интересно узнать о том, что здесь было одно из самых больших пиратских поселений во всем мире. Разбойники на море плавали не одни. Они и жен, и детей брали с собой. Купцов грабили, и торговля терпела большие убытки.

У пиратов была очень интересная тактика: собирались они со всех берегов в один отряд и расставляли свои суда в пяти-шести милях друг от друга. Судов же было и двадцать, и тридцать, и сорок. Перекроют весь залив и, как завидят судно с товарами, зажигают огни и подают друг другу знаки, устремляясь к нему, чтобы разграбить.

Никто не мог с ними бороться, и приходилось купцам платить большую дань, чтобы пройти вдоль берегов залива. Но со временем купцы, так же, как и пираты, стали собираться в большие отряды. Они снаряжали и изготовляли хорошие корабли с сильными военными отрядами на борту.

Лацио прервал адмирала Реиса:

— Адмирал, какие товары везут с этих берегов?

— В большом количестве по миру расходятся перец, имбирь, корица и другие пряности, кокосовые орехи, хорошо окрашенные ткани, да и других товаров вывозится много. Товары собираются с большой территории. Купцы же из других стран везли сюда медь, которой здесь нет, сандал, золото, серебро, гвоздику и пряности, которые не выращиваются в этих местах.

Когда португальцы пришли в эти земли, первое, что им необходимо было сделать, — это очистить побережье всего залива от пиратов. Борьба была долгой. Пираты не хотели оставлять места, которые приносили им прибыли. Португальцы не щадили никого, огнем и мечом уничтожая пиратские поселения, сжигая их корабли и действуя против них так же жестоко, как действовали сами пираты против купцов. Одним из таких методов была пытка, когда людям давали пить соленую морскую воду.

— Зачем? — спросил Джероми.

— Когда людям дают пить морскую воду, их начинает слабить. Когда их слабит, они постепенно обессиливают, истощаются не только их силы, но и воля к жизни, воля к борьбе. Человек вскоре ломается, и тогда он готов на все. Так пираты добивались у торговцев, чтобы те отдавали часть своих прибылей, заставляли, чтобы их выкупали близкие родственники. Так португальцы действо-

вали против пиратов, делая все возможное, чтобы разузнать у них, где находятся их сотоварищи, а узнавая, нападали и уничтожали найденные поселения.

Постепенно вся торговля перешла в руки португальцев, а колония Диу, основанная на западном входе в Канбейский залив, превратилась в основной перевалочный торговый центр, через который проходят грузы, идущие как из Индии, так и к ее берегам.

Дивно, но здесь почти не знают лошадей. Поэтому торговля лошадьми признана на всем побережье Индии очень доходным делом.

— А что же еще, кроме пряностей и лошадей, приносит хорошие прибыли? — спросил Лацио.

— Хорошие прибыли дает хлопок. Хлопковые деревья здесь большие, есть даже двадцатилетние, до четырех метров в высоту. Со старых деревьев хлопок не так хорош для пряжи, и делают из него одеяла. А вот до двенадцати лет молодые деревья приносят очень хороший хлопок. Много кож выделывают здесь — овечьих, коровьих, диких быков и других животных. Много судов нагружают всеми товарами и везут в Аравию. Затем — в Александрию, а оттуда уже — по всей Османской империи, что-то попадает и в Европу. Выделывают здесь также прекрасную золотую нитку, которой вышстегивают одежду, ковры, подушки, — все это стоит очень дорого. Но вы сами все увидите.

— А что, адмирал, мы сможем побывать в крепости Диу?

— Не только сможете, вы обязаны побывать в ней. Коменданту крепости вы вручите то письмо, которое получили от коменданта крепости на Сокотре, — это наш пропуск. Я, как и Али, выходить не будем.

— Что же вы хотите? Чтобы мы вам потом рассказали, какова и как выглядит крепость?

— Нет, как мы и договаривались, я не прошу вас шпионить. У нас есть другая возможность узнать обо всем, что там происходит. Если нас не будут задерживать, мы простоим в Диу всего один день, может быть, полтора. Но прошу вас — не ищите никаких мудрецов, целителей и предсказателей и постарайтесь не пропасть. Помните, что ваш отец, сеньор Джероми, находится в Константинополе. Не заставляйте меня писать султану о том, что вы не выполняете взятых на себя обязательств.

— Хорошо, адмирал, не буду.

Они раскланялись и ушли. Джероми не спал всю ночь. Он долго ходил, открывал сундучок, в котором хранились письменные принадлежности, доставал листы бумаги, потом складывал их вновь, затем опять доставал, разводил чернила, потом выходил на палубу и выливал их, вновь пытался что-то писать, рисовать…

Проснувшись, Лацио застал его за столом. Свет пробивался сквозь едва прикрытую створку окна. Лацио понял, что Джероми так и не спал.

— Ты что, не ложился, Джероми?

— Нет, Лацио. Меня что-то мучает, заставляет искать выход тому, что я узнал и услышал за последние годы.

— Что же ты хочешь, Джероми? Может быть, ты хочешь бежать?

— Нет, я не могу бежать, отец будет в опасности.

— Так что же?

— Ты знаешь, мне кажется, что у меня проявляются какие-то способности, о которых я раньше даже не знал.

— Какие же, друг мой?

— Помнишь, я всегда разрабатывал чертежи судов, которые потом строили. Но сейчас мне кажется, что я не только могу ровно проводить линии, мне кажется, что я могу рисовать, зарисовывать все то, что видел. И не только то, что вижу сейчас, а и то, что было ранее. Мне кажется, что после встречи с предсказателем во мне открылось то, чего не было раньше. Я уверен, что могу изобразить тех людей, которых вижу и в далеком будущем…

Лацио махнул рукой.

— Джероми, я пойду возьму что-то на камбузе поесть. Не забивай себе голову чепухой, скоро мы будем в Диу. Я надеюсь, что там, побродив по восточному базару, ты быстро забудешь о том, что было с тобой ранее.

Лацио ушел, но когда вернулся с подносом, на котором была еда, увидел, что Джероми остро отточенным пером водит по плотной бумаге, рисуя какие-то фигурки. Лацио заглянул ему через плечо.

— Оставь это, поешь.

Джероми не ответил. Лацио позавтракал и ушел на палубу. Он понимал, что его другу сейчас не до него. Наверху он сменил рулево-

го, стал возле руля и, внимательно посматривая за компасом, подводил судно под ветер так, чтобы выжать наибольшую скорость. На палубе появился адмирал Реис.

— Сеньор Лацио, вижу — у вас не такое подавленное состояние, как у вашего друга.

— Нет, адмирал, я чувствую себя прекрасно и думаю: верить ли мне в предсказания мага или нет?

— Бросьте, вы же христианин. А церковь запрещает верить в разные гадания и предсказания.

— А вы, адмирал, правоверный мусульманин. А ведь сами сказали, что, возможно, со мной в этой экспедиции произойдет необычное…

— Знаете, Лацио, по секрету вам скажу: я хоть и мусульманин, но сталкивался в этой жизни с таким, что невозможно подогнать под рамки Корана или вашей Библии. Хотя когда-то один мудрый человек сказал мне: если великий Аллах захочет, чтобы корабль полетел над волнами, ему не придется добиваться этого трудом. Он лишь подумает — и мы взлетим.

— Вы верите в это, адмирал?

— Не знаю, я не видел, чтобы корабли летали. Но я видел людей, которые летали на крыльях.

— Этого не может быть, адмирал, не может! Человек не может летать.

— Человек — нет, а вот его дух, возможно, и может…

Лацио совсем запутался.

— Вы, наверное, много знаете, адмирал. Но вот что я вам скажу: мне с трудом верится в то, чтобы человек мог отделять по желанию свое тело от души.

— Что ж, может, и вам когда-нибудь привидится то, что привиделось мне…

Джероми просидел в каюте до поздней ночи. Мелкими рисунками он покрыл десяток листов бумаги и даже несколько листов тончайшей пергаментной кожи. Пришедший Лацио, рассматривая рисунки Джероми, увидел не только себя, но Изабеллу, кардинала Глиани, дожей Венеции и Генуи и многих, многих других людей: воинов, матросов, рабов, с которыми они сталкивались во время своих походов.

— Боже, Джероми! Пресвятая Дева Мария! Я никогда не думал, что ты умеешь так хорошо рисовать!

— И я, Лацио, никогда не думал, что умею рисовать. Я не знал, что умею, а точнее — может, этот колдун или мудрец там, в пещере, открыл во мне что-то, о чем я ранее не знал.

Лацио перевернул несколько листов.

— А это кто? Я никогда не видел этого лица.

— Это тот самый человек, возможно, мой далекий потомок, который приходит ко мне в видениях и снах.

— Но ведь он очень похож на тебя, почти одно лицо. Может быть, ты сам себя и срисовал, дорогой мой друг?

— Нет, это не я, это другой человек, поверь мне, Лацио.

— В порядке все ли у тебя с головой? Вот это волнует меня больше всего, и об этом, в первую очередь, надо было спрашивать у колдуна в пещере. Может, попросить его дать какие-то травы или лекарство, чтобы успокоить твою мечущуюся душу. Хотя, ничего удивительного: нам столько выпало за эти годы приключений, потерь, утрат, вновь приключений…

Лацио отошел от Джероми и прилег на свою небольшую подвесную койку. Он быстро уснул. Джероми остался и продолжил при свете свечи рисовать.

«Возмещение», поскрипывая и покачиваясь на невысоких волнах, двигалось в сторону Диу. Через два дня стены крепости на низком берегу стали отчетливо видны. Крепость была по своим размерам больше, чем на острове Сокотра. Высокие башни, мощные стены, бойницы, из которых выглядывали жерла крупных орудий, — все говорило о том, что португальцы строили ее надолго. Они пришли сюда с одной целью — взять в руки торговые маршруты, которые ранее принадлежали индийским купцам. Цель, судя по мощи крепости, была достигнута.

Корабль стал на якорь. Вскоре к нему подплыла небольшая лодка, в которой сидел португальский чиновник. Джероми вышел на палубу, спустился по веревочной лестнице вниз, в лодку и передал ему письмо от коменданта крепости на острове Сокотра.

Чиновник был смущен.

— Удивительно, как вы оказались здесь, господа венецианцы?

— Волею случая. Мы обогнули Африку и плыли в Китай, но

шторма… Вот, мы представили все документы и прошения коменданту крепости Сокотра, который отпустил нас и позволил плыть в Диу. Теперь мы здесь и просим не чинить нам препятствий, дать возможность пополнить воду, и мы отправимся далее.

Чиновник — а это был пожилой португалец с окладистой бородой, — приняв у Джероми бумаги, отбыл, сказав, что если сигнальное орудие на правой башне дважды выстрелит, то им разрешено зайти в порт и стать у причала.

Ежели нет, то они должны незамедлительно покинуть акваторию крепости и плыть в океан, более нигде не подходя к берегу, не заходя в города и колонии, принадлежащие Португалии и контролируемые ею. Если это условие не будет выполнено (а чиновник португальской крепости обещал, что незамедлительно сигналами будет передана информация об их судне по всему восточному побережью), они будут атакованы, судно взято в плен, а сами они попадут в рабство.

Джероми кивнул и взобрался на борт корабля. Он доложил о разговоре адмиралу Реису, на что тот сдержанно промолвил:

— Будем ждать. Осталось недолго.

Дважды перевернув песочные часы, они услышали два негромких орудийных залпа. Джероми вышел на палубу. Над крепостной стеной еще не развеялся пороховой дым. Он отдал команду матросам — те поставили парус, суетливо подняли якорь и вскоре «Возмещение» ошвартовалось у причала, под самой стеной могучей крепости.

На борт «Возмещения» вскоре прибыл тот же самый португальский чиновник. Он потребовал, чтобы ему показали все помещения. Джероми видел, как адмирал Реис и Али-паша в европейских костюмах смешались с матросами, стоящими на палубе. Португалец, которого звали Жозе Марвиньо, осмотрел все судно, не обнаружив ничего подозрительного. После этого он пригласил Джероми и Лацио в крепость. Они покинули судно и прошли сквозь центральные ворота. Джероми увидел, что крепость была построена по самому современному техническому проекту, разрабатывавшемуся, очевидно, в Португалии.

Сеньор Жозе провел их в комендантские покои, где возвратил бумаги, сказав, что им позволено пробыть под стенами крепости не

более одного дня. Джероми расспросил его о местоположении базара, который находился за стенами форта.

По выходу из крепости они направились по узкой плохо мощеной дороге, вдоль глухой стены. О присутствии торговцев говорил шум многолюдной толпы и крики животных. Вскоре к этому добавился острый запах пряностей. На огромной площади раскинули свои палатки тысяча, а может и более, людей. Кричали верблюды, слышалось ржание лошадей, мычали коровы — все это перемешивалось с криками продавцов.

Прощаясь с португальским чиновником, Джероми узнал, что водой лучше всего запастись в двух колодцах. Стоимость ее была велика, но португалец советовал покупать именно ее, потому что она хорошо сохранялась и долго не теряла свой вкус.

На базаре они с Лацио услышали смешение десятков наречий, увидели пеструю неугомонную толпу. Часть людей что-то покупала, другая — что-то продавала. Вскоре они запутались в узких рядах, и с большим трудом, протискиваясь между палатками и собранными из жердей столами, на которых горами лежали пряности и сухие фрукты, вышли на противоположную сторону базара.

Улицы, идущие между одноэтажными глинобитными домами, привели Джероми и Лацио к небольшому причалу, возле которого расположились судоверфи. Еще ранее адмирал Реис рассказывал им о том, что здесь суда строят совсем по-другому, чем в Османской империи или в христианском мире. Оказавшись на открытой площадке, где строилось пять или шесть различных по размеру кораблей, они были и удивлены, и восхищены одновременно.

— Смотри, Лацио, смотри! Здесь строят совсем по-другому, чем у нас.

Перед ними предстало почти достроенное небольшое судно. Оно было сколочено из коротких досок. Палуба была одна, под нею располагалось множество небольших кабинок, более похожих на клетки. По количеству этих клеток можно было определить достояние того или иного купца. Чем больше их ему принадлежало, тем больше груза вез торговец.

Джероми был потрясен тем, что суда, построенные примитивно, были очень крепкими. Они состояли как бы из двух частей, наружной и внутренней, то есть представляли собой двойные стены.

Одна доска прибивалась над другой, внутри прокладывались деревянные бруски, и вновь ряд досок составлял двойную обшивку. Корабли сбивали железными гвоздями, которые ковали здесь же, на верфи. Они не были осмолены, смола была дорогая, ее везли с берегов Персидского залива. Поэтому использовать ее могли только на богатых судах.

Уберегали от гниения и разрушения небогатые купцы свои корабли другим способом. Рабочие замешивали негашеную известь с мелко нарубленной травой, затем в этот сухой состав добавляли для брожения воду. После того как известь бродила и гасилась, вливали древесное масло, добываемое из пальмовой древесины.

Масло это получали путем сжигания без доступа воздуха большого количества древесины в глиняных, полностью закрытых печах. После смешения извести с травой и древесным маслом получался сероватого оттенка клей. Такой смесью густо шпатлевалась как наружная, так и внутренняя обшивки, заполняя все щели и поры… Процедура эта полностью прекращала водотечность построенных судов.

Джероми подошел к небольшому столу, на котором лежали две доски, склеенные между собой подобной смазкой. Он попытался оторвать одну доску от другой, но у него ничего не получилось. Доски были склеены сильнее и крепче, чем костным клеем, тем самым клеем, который в Европе получали, уваривая кости животных. Самое большое судно, которое они увидели, имело в длину почти пятьдесят метров.

— Смотри, Лацио, на таком судне точно могут поместиться человек 200 моряков и торговцев.

— А сколько же, как ты думаешь, можно увезти на нем перца, имбиря и других товаров?

— Много, очень много. Думаю, что эти суда могут сразу перевезти пять-шесть тысяч мешков.

Они подошли к ремесленникам, которые обмазывали корпус. Те работали быстро и очень сноровисто, деревянными плоскими лопатками накладывая и втирая смесь в борта судна.

— Вот почему, друг мой Джероми, не боятся местные купцы плавать так далеко — в Африку, и даже в Китай!

— Да, видимо, эта замазка, как скорлупа, которая охватывает

орех. С виду непрочная, а, с другой стороны, — попробуй ее расколи!

Неподалеку стояло, вытянутое на берег, еще одно, более старое судно. Джероми увидел, как местные мастера ремонтировали его. Доска, которая была повреждена, не вынималась из обшивки. Вместо этого длинными железными гвоздями ремесленники забили поверх нее две новые доски и густо обмазали замазкой. Приглядевшись, Лацио увидел, что таких заплаток по корпусу судна — десятки.

— Вот это ремонт! Смех, а не ремонт…

— Повторяю тебе: эта обмазка как клей, они фактически вклеивают доски на старое место, и те никогда не отпадут. Так зачем же им вынимать другие, которые испорчены?

Еще раз удивившись и восхитившись умению ремесленников Вуджарата строить и чинить свои суда, они вновь прошли сквозь шумящий рынок, обогнули стены крепости и вернулись на «Возмещение». Объяснив адмиралу Реису, где находится источник с водой, Джероми остался на судне, а Лацио повел матросов с пустыми бочонками набирать воду. В общем-то, они не нуждались в воде, которой было достаточно. Но хитрость Реиса каждый раз помогала им на какое-то время оставаться возле стен интересующих крепостей.

Утром «Возмещение» вышло в океан. Вскоре их нагнала небольшая каравелла. Адмирал приказал присобрать парус и замедлить ход. С подошедшего судна на борт была передана деревянная капсула, в которой было указание коменданта крепости. Джероми быстро прочел его. Им рекомендовалось зайти в крепость Гоа.

— Ну, что ж, вот и прекрасно, — с удовлетворением промолвил Реис. — Это письмо вы, сеньоры, передадите коменданту Гоа. Возможно, там и будет находиться вице-король Индии, назначенный португальским королем.

— Вы имеете в виду сеньора Васко да Гама?

— Да, у меня есть сведения, что он назначен вице-королем Индии.

— Что ж, а вы не хотите лично, Реис, поприветствовать его?

Адмирал засмеялся.

— Нет! Не хочу! Боюсь, что если да Гама узнает, кто я, он быстро расправится со мной.

— Вы думаете?

— Я уверен. Португальцы вообще скоры на руку. А о Васко да

Гама ходят легенды, это жестокий и очень волевой человек. Говорят, когда он впервые приплыл в Калькутту, то не смог сразу подчинить себе местных правителей.

Но, вернувшись через два года, он больше не вел переговоров… Впрочем, как и все те, кто прибыл с ним. Смертоносный огонь из всех видов орудий, разрушение крепостей, фортов, — знаете, народ здесь, на побережье, не привык воевать. Здесь всегда торговали. Даже арабы, приходя сюда, никогда не убивали, не жгли, не разрушали. Выгода торга всегда выше запретов. Порты нуждаются в том, чтобы в них привозили товары. Так что вам придется самим, сеньоры, общаться с вице-королем.

— Мы знаем историю Васко да Гамы. Знаем и о том, как португальцы основывали свои колонии здесь. Но делали они это точно так же, как и вы — османы, приходя на новые земли. Так что, не говорите нам, что арабские и османские воины и торговцы миролюбивы.

Адмирал Реис хитро улыбнулся.

— Вас не проведешь, сеньор Абаджио! Бывают случаи, когда мы применяем силу, но иногда обходимся и без этого. А что вы знаете о правителях этих мест?

— Когда мы были юношами, баснословные прибыли, которые дали первый и второй походы Васко да Гамы, позволили Португалии послать в 1506 году к берегам этой страны еще более мощную флотилию под командованием Алмейда и Албукерки. Их флотилия, атаковав побережье, захватила ряд новых поселений, городов и земель, окончательно подорвав торговое господство арабских купцов в этом регионе. Многочисленные гавани от Диу вплоть до Цейлона и Малакки перешли в руки португальцев. После похода Алмейда и Альбукерки была установлена постоянная морская связь с португальской метрополией. Португалия не забыла тех, кто проложил ей дорогу на восток. Так, сам Васко да Гама был возведен в графское достоинство, а теперь он вице-король Индии, адмиралами стали Алмейда и Албукерки.

— Сам Васко да Гама назначен вице-королем после смерти Албукерки.

— Это так, — подтвердил адмирал. — Это стало известно, еще когда мы были в Константинополе. Я думаю, что вице-король уже здесь, о нем складывают легенды.

— Для нашего времени, — перебил адмирала Джероми, — нельзя сказать, чтобы этот человек был добр. Он жесток и упрям.

— Но посмотрите, каков результат. Всего каких-нибудь двенадцать-пятнадцать лет, а крепости на побережье впечатляют. Впечатляют и успехи португальских торговцев.

О Васко, — продолжил адмирал Реис, — рассказывают то, что он всегда делил все трудности и лишения со своими воинами. Говорят, что во время частых землетрясений здесь, на побережье, он всегда вел себя так, что с него брали пример подчиненные. Я думаю, сеньоры, вы будете счастливы познакомиться с таким великим человеком.

Джероми, стоявший до этого вполоборота к адмиралу, повернулся к нему и сказал:

— Знаете, я думаю, что вам и самому было бы интересно встретиться с ним.

— Если бы мы были не по разные стороны военных действий…

Адмирал повернулся и ушел. Джероми обратился к Лацио:

— Знаешь, я не хотел тебе до этого говорить, но мне кажется, что сам Реис напоминает мне Васко да Гама. Хитер, жесток, деспотичен, но честен.

— Согласен. Ты знаешь, о Васко да Гама в Генуе говорили, что он был настолько вовремя представлен королю Португалии, что смог выполнить все, что было ему поручено и как руководителю экспедиции, и как исследователю новых земель, а теперь — и как вице-королю.

— Я думаю, ты прав. Адмирал Реис такой же человек. И пусть они сегодня находятся по разные стороны происходящих в мире событий, но абсолютно уверен, что как путешественники и открыватели новых земель и Васко да Гама, и Реис будут оценены грядущими поколениями.

«Возмещение» быстро продвигалось на юг. Побережье, часто находившееся в тумане, было незаметным. Мимо них как на юг, так и на север продвигались караваны судов. Большинство шло на юг параллельно курсу, который был проложен адмиралом Реисом.

— Знаешь, что я хочу тебе сказать, Лацио? Я насчитываю на шесть судов, идущих на юг, три, плывущих на север.

— Это не удивительно, Джероми. Очень много пряностей вывозится в южные страны, так же, как и в западные. Да и не забывай, что основные караванные пути, которые сегодня принадлежат португальцам, проходят не в этих местах. Они идут напрямую, через океан и далее, вокруг африканского берега.

На третий день после выхода из Диу корабль подошел к крепости Гоа. Колония Гоа была известна во всем мире. Она стала основным поставщиком индийских товаров на христианские рынки. Внимание Джероми и Лацио привлекло то, что над крепостью реяли белые стяги.

— Что это может означать, Лацио?

— Не знаю, это не португальские флаги. Португальские вон те, ниже.

— Я тоже не знаю. Смотри, к нам навстречу никто не идет — ни одно судно, ни одна лодка.

— Адмирал Реис, будем подходить и становиться к причалу?

— Там в крепости что-то происходит, я не знаю — что. Людей почти не видно. Сделаем по-другому. Мы станем на якорь. Вы с Лацио и матросами отправляйтесь в крепость на лодке. Узнаете, что там происходит. После этого вернетесь и примем решение.

Джероми спустился в шлюпку, Лацио последовал за ним. Она отошла от борта «Возмещения», и вскоре они оказались на берегу. Вокруг никого не было.

Стены крепости были не столь массивными, как в Диу, но все равно впечатляли своей толщиной. Они подошли к воротам. Ворота были закрыты, и только небольшая калитка свидетельствовала о том, что в крепость можно войти. Джероми зычно крикнул:

— Стража! Есть ли кто-то здесь?

Отворилось небольшое окошко.

— Кто вы?

— Мы пришли с кораблем, у нас есть письмо-поручение из крепости Диу к коменданту. Мы венецианцы, и судно наше венецианское. Нам приказано зайти сюда.

— А куда вы следуете?

— Мы следуем вдоль побережья Индии и дальше — в Малакку и Китай. Мы везем поручения от венецианского Дожа китайскому императору.

Стражник прикрыл слуховое окошко и ушел. Они долго стояли под дверью, которая все же приоткрылась.

— Проходите, сеньоры.

— Скажите, что случилось? В крепости карантин, болезнь?

— Нет, болен вице-король. Он при смерти, и посему поручено всем соблюдать тишину и покой.

— Кто болен, Васко да Гама?

— Я же сказал вам: вице-король! Он недавно прибыл из Португалии, но его поджидала печальная участь. По дороге он заболел, и вот до сих пор никто не может помочь.

— Мы сможем его увидеть? — спросил Лацио.

— Не думаю, вам достаточно будет встречи с комендантом.

Джероми подошел ближе к стражнику и протянул верительные бумаги.

— Прошу вас, передайте коменданту. Мы подождем здесь. И пусть он решит, примет нас или нет.

Прошло более часа, прежде чем они смогли попасть в помещение, где их принял комендант крепости Гоа. В небольшой комнате Джероми, неплохо разбиравшийся в португальском, прочел на стенах две надписи, которые были выбиты в мягком мраморе. На первой было написано: «Алмейду Франсишку, 1450 год рождения — 1510, год смерти. Первый вице-король Индии, первооткрыватель Мальдивских островов, Цейлона, основатель крепостей на Мадагаскаре и Сокотре». Вторая надпись гласила: «Албукерки Алфонсу. Основатель крепостей в Бомбее, Гоа, Малакке, первооткрыватель островов пряностей, завоеватель Ормуза». Джероми прочел вслух: «Албукерки родился в 1453, умер в 1515 году».

— Два вице-короля уже ушли от нас, — заметил комендант, строго одетый в черный камзол и темно-синие брюки. — Третий король, великий путешественник и воин Васко да Гама, на смертном одре, сеньоры венецианцы.

— Скажите, мы могли бы его увидеть?

Комендант задумался.

— А почему бы и нет? Это великий человек. Я не думаю, что вы сможете помешать его встрече с Господом.

Он провел их в небольшое здание, и они поднялись на второй этаж. В светлой комнате, вокруг кровати под балдахином, расположи-

лось человек двадцать португальских дворян. Многие из них стояли, склонив голову, некоторые сидели на маленьких стульчиках. Возле да Гама суетились лекаря. Джероми и Лацио подошли ближе, стараясь никаким лишним движением не выдать своего присутствия. На подушках лежал больной, умирающий адмирал. Борода покоилась на груди. Печать смерти легла под глазами, руки были сухи и жилисты. Адмирал был укрыт затканным золотом покрывалом, на котором Джероми увидел герб Португалии. Он тихо спросил стоящего рядом коменданта:

— Кто-нибудь знает, что случилось? Какова болезнь, сгубившая этого человека?

— Лекари молчат, они не знают, что с ним. Очевидно, к старым болезням и лихорадке добавилась болезнь сердца. Адмирал задыхается, ему тяжело дышать. Поэтому лекари пытаются травами, снадобьями и мазями облегчить ему дыхание.

— Сколько лет адмиралу?

— Он не так стар, ему еще нет пятидесяти пяти…

— Поразительно, — тихонько шепнул Джероми своему другу. — На вид это глубокий старик.

— А что же ты хочешь, Джероми! Такие экспедиции и войны, в которых он участвовал, бесследно не проходят.

Врачи засуетились возле больного.

— Они считают, — прошептал комендант, — что если адмиралу станет хоть немного легче, его кораблем надо доставить в Кочин. Там меньше влажность, не так жарко, да и в море, они верят, адмиралу будет легче, он не будет задыхаться.

Джероми еще раз взглянул на седоволосого старика.

— Пусть поможет ему Господь! Это великий человек…

— Идите, сеньоры, будем надеяться, что адмирал выживет.

— Скажите, комендант, мы могли бы закупить воду и немного продовольствия?

— Нет, сеньоры, рынки закрыты, да и воды вам никто не предложит. Поэтому спешите — погода хорошая, всего лишь через несколько дней вы можете оказаться в Кочине и там пополнить свои запасы. Если же вам совсем будет сложно, тогда заходите еще в одну нашу колонию, которая находится выше Кочина, это крепость Конану. Она была основана в одно время с Кочиным. Желаю вам удачи, не

задерживайтесь. Ведь врачи так и не знают — возможно, болезнь адмирала связана с эпидемией. И эта эпидемия скоро перекинется и на других людей? Прощайте.

Адмирал Реис встречал их возле борта.

— Что случилось в крепости, Джероми? Что произошло? Неужели эпидемия, болезнь?

— Нет, адмирал, вице-король при смерти.

— Кто, Васко да Гама?

— Да, именно он. Он тяжело болен, ему не могут помочь врачи, они не знают, что с ним. Если станет чуть лучше, хотят перевезти его в Кочин.

Адмирал опустил голову, затем резко вскинул ее и сказал:

— Знаете, сеньоры венецианцы, что я вам скажу: этот человек хоть и был деспотичен, но он — и это не только по слухам, а и по тем донесениям, которые мы имели в Константинополе от арабских купцов, — поразил всех индийцев, да и самих португальцев тем, что вел себя честно и порядочно, наотрез отказывался принимать какие-либо подарки или взятки, чтобы решить спорный вопрос в сторону одного или другого купца. Он ревниво следил за тем, чтобы его власть уважалась.

— Вы знаете, адмирал, в комнате коменданта мы видели две мраморные таблички, на которых упомянуты деяния двух прежних вице-королей, сеньоров Албукерки и Алмейды.

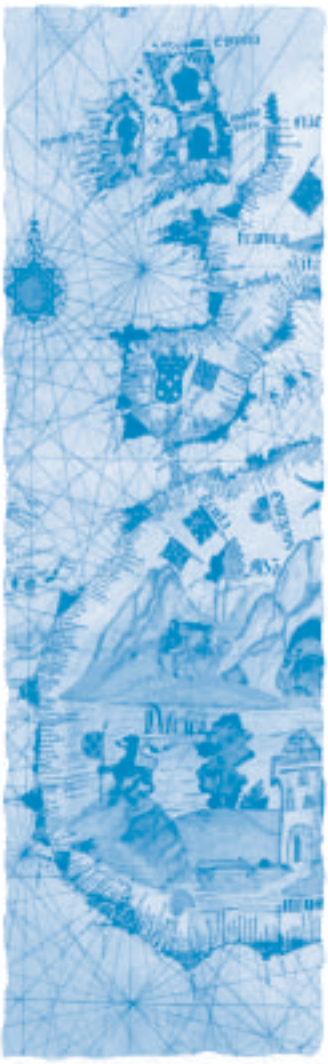
Адмирал прервал его:

— Я думаю, что деяния этих людей вскоре будут забыты, а вот то, что сделал Васко да Гама, — будут помнить много поколений. И не только потому, что именно он завершил тот столетний труд по открытию дороги вокруг Африки из Европы в Индию, а и потому, что он был честен и уважаем многими.

— Нам приказано, адмирал Реис, не останавливаться здесь. Мы не сможем получить воду и продовольствие. Как считает комендант, возможно, в городе начнется эпидемия, и поэтому советует нам идти в Кочин. Там, в Кочине, мы сможем пополнить свои запасы и двигаться дальше.

Джероми вернулся в свою каюту. Паруса раздул попутный ветер, и «Возмещение» двинулось в дальнейшее плавание. Джероми вновь часами не отходил от стола, где изрисовывал мелкими рисунка-

ми листы бумаги и пергамента. Еще на базаре в Диу он запасся прекрасной персидской бумагой, которая стоила очень дорого, и красителями, привезенными из далекого Китая. Когда Лацио вечером посмотрел, что нарисовал его друг, то увидел себя и Джероми возле постели умирающего адмирала Васко да Гама.



Глава 14. **Часть первая.**

Дорога за оловом

Финикийцы. — По пути Гимилькона. — У побережья Франции. — Изменчивость Биская. — Лжец Пифей. — Остров Бель-Иль. — Предостережение.

Наконец-то приехал Селим. Кирилл был очень рад увидеть турка, им стоило многое обсудить.

— Здравствуй, Селим! Как добрался?

— Добрался я хорошо: долетел до Парижа, а оттуда — поездом. Смотрю, у вас уже все готово?

— Да, Фарик считает, что послезавтра можно выходить в море.

— Наверное, он прав. Что тянуть? Погоды установились неплохие, может быть, удастся сразу пересечь Бискай.

— Сомневаюсь я, Селим. Древние вряд ли ходили через такое большое водное пространство вдали от берегов. Думаю, они больше двигались вдоль суши.

— Но Ливан, Фарик и другие хотят попробовать идти наперекор морской стихии. Они верят в успех. А ты, Кирилл?

— Мой опыт плавания в этих местах говорит об обратном.

— Ты говорил им об этом?

— Говорил, но я не имею права настаивать. Ты же знаешь, ты и я — мы здесь гости, и должны быть благодарны за то, что они пригласили нас. Поэтому пусть нас рассудит море.

Вечером они собрались за ужином. Селим рассказывал о том, как были сделаны анализы окаменелости.

— К сожалению, разброс датировок очень велик, и поэтому, — заключил Селим, — мы не можем с уверенностью сказать, была ли окаменелость когда-то судном или же это вкрапления древесины, случайно попавшие в естественную каменную складку в горах Арарата. Надо продолжать исследования, что я и хочу сделать осенью, когда не будет столь жарко и можно будет взять новые пробы.

— А средства университет выделит? — спросил Фарид.

— Да. Хочу сказать: неизвестно, как пройдет экспедиция, но если все будет нормально, то я с удовольствием приглашаю тебя вновь для участия в совместной работе. Впрочем, как и всех, кто

пожелает, в том числе и тебя, Кирилл!

— Благодарю. Но вернемся к тому, что нам предстоит. Все эти дни, пока мы работали, у нас не было времени особенно разговаривать и обсуждать маршрут, выбранный экспедицией. Но я хотел бы все-таки сказать несколько слов. Послезавтра мы выйдем в море и постараемся пройти большое расстояние. Такое, которое вряд ли проходили за один сезон финикийские мореходы.

— Ну что ж, с удовольствием послушаем тебя, Фарик. Ты руководитель экспедиции, тебе и слово.

— Финикия была удивительная держава, занимавшая узкую полоску берега на востоке Средиземноморья. Мы стали ее далекими преемниками, хотя между финикийцами и нами генетически нет ничего общего. Финикия была населена народом, говорившем на финикийском языке, который, судя по сохранившимся записям, относился к семитской языковой семье.

Крупнейшими ее городами стали Сидон, Тир и Библ. Наш родной Бейрут был построен гораздо позже и не представлял собой крупной морской державы.

Занимая срединное положение между двумя великими цивилизациями — Египта и Междуречья, — Финикия в политическом отношении всегда подчинялась одному из этих государств, но всегда, даже в самые тяжелые годы, она была торговой посредницей между ними.

В VII веке до нашей эры страна была разорена воинственными ассирийцами. Позднее Финикию завоевывали персы, а еще два столетия спустя — Александр Македонский. Позже она стала одной из провинций великой Римской империи. В наиболее ранних исторических известиях финикийцы упоминались как земледельческий народ. Позднее они стали нацией торговцев и мореплавателей. Мы не раз обсуждали с Кириллом историю Финикии, и он выдвинул интересную теорию, над которой я задумываюсь все чаще и чаще. Расскажи еще раз, Кирилл!

Кирилл сел поудобнее:

— Как я уже говорил, мне кажется, что огромное влияние на развитие цивилизаций Междуречья, на Ниле, а затем в бассейне реки Инд, а, возможно, в самой Финикии оказал морской народ, который, я считаю, жил на берегах либо юга Аравийского полуострова,

либо на островах Сокотра, либо в Восточной Африке. Это только гипотеза, но именно эти люди научили все древнейшие цивилизации ходить по морям, строить ходкие, крепкие суда, достигать дальних берегов. Такова моя гипотеза, к которой я вернусь позднее. Продолжай, Фарик.

— Став народом торговцев и мореплавателей, финикийцы с незапамятных времен вывозили из своей страны вино и оливковое масло, сушеную рыбу. А с развитием строительства в Междуречье и Египте начали доставлять туда строевой лес, тот самый замечательный строевой лес, которого, к сожалению, в наших горах сегодня не осталось. Это были ровные, как стрелы, могучие стволы ливанского кедра. Даже храм иудейского царя Соломона по Библии был построен из этого дерева. И вот что интересно: я хочу еще раз процитировать нашего друга Кирилла.

Уже доказано, что открытые и реконструированные лодьи фараона Хеопса, которые были найдены возле пирамиды, построены из ливанского кедра, и вывезен он был с берегов Финикии. Но финикийцы не только производили, а точнее, они не столько производили товары у себя дома, сколько, пользуясь срединным положением между великими державами, вели торговые операции, перевозя грузы, принадлежащие им.

Державам этим требовались и золото, и цветные металлы — особенно медь и олово для изготовления бронзы, стекло, прекрасно окрашенные ткани и, конечно же, рабы. Добывая во время торговых сделок эти товары, охотясь за рабами, финикийцы плавали все дальше и дальше от своих берегов. Они, как и египтяне, строили большие гребные суда. Вы помните те несколько изображений у нас в мастерской?

— Но наш «Мелькарт» совсем не похож на те суда, — перебил Фарика Ливан.

— Да, потому что наш корабль более поздней постройки и принадлежит он переломному I тысячелетию до нашей эры. Те же суда, которые везли первые грузы в Египет, были построены еще задолго до этого. Большую роль в морской торговле играл Тир, ставший основателем морских колоний. Тирийцы свои колонии в Средиземноморье закладывали, начиная с середины II тысячелетия до нашей эры.

Они основали несколько небольших поселений на Кипре, и использовали этот остров как опорный пункт для плавания в центральные и западные районы Средиземного моря, или, как его называли в древности, Великого Моря Заката. С XV века до нашей эры тирийцы стали посещать остров Крит, где тогда процветала высокая культура.

Продвигаясь все дальше на запад, они начали освоение прибрежных земель на берегах Эгейского моря. Их суда пересекали проливы, соединяющие Ионическое море с Адриатическим, огибали юг Апеннинского полуострова; они открыли Сицилию и основали несколько городов; первые пришли в Сардинию, построив на южном берегу острова небольшой город Кораллис — современный Кальяри; они высаживались на Болеарских островах, посещали Корсику; к югу от Сицилии, в самом центре Средиземного моря, тирийцами был открыт остров Мелита — современная Мальта.

Именно Мальта стала тем опорным пунктом, откуда была осуществлена экспансия на берега Пиренейского полуострова и основаны за Гибралтарским проливом знаменитые города, один из которых Гадес, или Гадиры, и сейчас является удобной морской базой Испании, неся в своем названии словозвучие древнего языка.

— Ты говоришь о Кадисе?

— Да, конечно о Кадисе, том самом Кадисе, который лежит за Столпами Мелькарта, бога-покровителя Тира. Это один из виднейших персонажей финикийской мифологии, покровитель всех мореплавателей, патрон всех колонистов. Само его имя означает «царь города». Начав с роли местного тирского бога, по мере роста влияния и могущества Тира Мелькарт превратился в бога, почитаемого во всей Финикии и за ее пределами.

Ему поклонялись и в Дамаске, а позже, после основания Карфагена — и в Карфагене. А для Гадеса он стал таким же хозяином города, как и для Тира. Чтили Мелькарта и греки, отождествляя его с сыном Зевса, Гераклом. Были у него качества не только путешественника, но и солнечного божества.

Воплощая светлое начало, он всю жизнь сражался с темными силами, побеждал их. В этом он очень похож на греческого Геракла. Тирийцы приписывали своему любимому богу все самое ценное, что было у них.

Рассказывали, что во время охоты пес Мелькарта раскусил небольшую раковину, и его шерсть окрасилась в красный цвет. А нимфа, которая покровительствовала Тиру, убедила Мелькарта, тогда царя города Тира, украсить такими раковинами свою одежду. Эта легенда гласит о том, как появилась знаменитая в древности пурпурная краска. Согласно поздней античной традиции, Мелькарт погиб в борьбе со злым чудовищем Тифоном, но затем ожил и стал одним из первых в ряду воскресающих богов.

Фарик на минуту замолчал.

— Мы знаем много о воскресающих богах, — подтвердил Кирилл. — Вспомните Осириса, да и в длинном списке этих божеств последним является христианский бог, Христос. Он был распят, а затем воскрес.

— Ты прав, Кирилл. Это древнейшая традиция. Но вернемся к Мелькарту. Мелькарт как божество меня заинтересовал, когда мы начали строить судно. Это было еще до нашей встречи с тобой, Селим. Мне показалось тогда, что, если мы назовем наше судно «Мелькарт», то оно понесет самые лучшие черты, которые были у древнего бога. Я всегда надеялся и верил, что богу-путешественнику по силам не только помочь нам в создании корабля, но и оказать содействие в свершении плавания по маршрутам древних мореходов.

Хочу еще привлечь ваше внимание. К концу второго тысячелетия в Финикии быстро развивалось ремесленное производство. И наряду с грузами, не боящимися ни намокания, ни сырости, такими, как лес, глина, вино в глиняных сосудах или зерно, в товарообороте древних мореходов появились окрашенные ткани, о которых я уже говорил, изделия из стекла, металла, папируса. Эти товары требовали от кораблестроителей большей прочности и надежности судов.

— А какие суда плавали тогда в Средиземноморье? Разве это уже точно известно? — спросил Ливан.

— Этот вопрос не ко мне, а опять же к Кириллу. Что скажешь, Кирилл?

— Что я могу сказать? Как историк, занимающийся исследованиями и реконструкцией древнейшего мореплавания, я считаю, что все корабли до финикийских, которые бороздили Средиземное море, стро-

ились совсем по иной технологии. Большинство из них были крупными долбленками, которые строились из одного ствола дерева.

Часто их борта наращивались, что делало их тяжелыми, неуклюжими, но достаточно крепкими, чтобы плавать в море. Более совершенные суда были у египтян, но и у них были недостатки. Египтяне не имели в должном количестве необходимый лес, а ваш ливанский кедр был дорог, поэтому они строили свои суда по схеме, которая напоминает скорлупу ореха. В коротких толстых досках выбивались пазы, и потом через специальные клинья доски соединяли друг с другом.

Наружная обшивка укреплялась внутри мощными перемычками, которые сегодня называют бимсами. Вот такая конструкция. Никакого внутреннего скелета, который бы укрепил судно.

— Интересно, как финикийцы додумались до новой конструкции?

— Заслуга финикийцев заключалась в том, что вторыми после египтян они появились на море не только на боевых судах, таких, которые знала Кикладская цивилизация, — в основном однорядных, долбленых, с мощным тараном, которые больше нужны для битв, а не для перевозки грузов. Но финикийцы пошли дальше, и в первую очередь это произошло потому, что они научились хорошо обрабатывать металлы, а вместе с ними в их руках появился более качественный инструмент, такой как пила.

Пилами они сумели изготавливать более тонкие доски для обшивки судов. А более тонкая обшивка, или скорлупа, потребовала крепких внутренностей, которыми стал, хотя и примитивный, но очень удобный внутренний скелет, или, как мы его сейчас называем, продольно-поперечный набор. Финикийцы разработали новую конструкцию судна и приспособили его к дальним плаваниям. Это отразилось, в первую очередь, на изменениях формы кормы, которая стала круто подниматься вверх, для того, чтобы дать судну дополнительную парусность.

— Спасибо тебе, Кирилл. Теперь продолжу я, — сказал Фарид. — Как уже сказал Кирилл, корма стала более закругленной, и она нужна была не только для того, чтобы увеличить парусность судна, но и для того, чтобы легко ловить волну, набегающую на корабль сзади, и воспринимать ее давление так, чтобы

оно не притапливало судно, а подталкивало вперед.

Нос же корабля оставался высоко поднятым, таким же, как мы видим и у тростниковых судов Междуречья. Увеличились высота борта, в особенности в носу, что позволило совместно с высоким форштевнем дать возможность кораблю взбираться на высокие встречные волны. Появилась палуба, хорошо защищавшая груз, находящийся в трюмах. Вместе с этим изменилось и парусное вооружение. На мачте вместо двух остался только один рей. Нижний же был упразднен.

С уверенностью можно было сказать, что мореходы научились изменять форму паруса — присобирать его, оставляя раскрытым только часть, при необходимости поворачивать парус так, чтобы ловить боковые ветра, и разворачивать рей вдоль борта, наклоняя его к палубе.

Это парусное вооружение — прообраз латинского, и финикийцы, я уверен, были теми, кто предвосхитил появление этих парусов в более поздние времена у карфагенян и римлян. Дальнорейсовые торговые корабли были большими. Мы же с вами построили маленький корабль. Мне кажется, что основные финикийские флоты состояли именно из таких судов. Как ты думаешь, Кирилл?

— Я абсолютно в этом уверен. Большие суда были редкостью. В основном строили небольшие парусники длиной 12-15 метров. Об этом свидетельствуют не только изображения, но и те несколько находок, которые были сделаны в Средиземноморье. Вы ведь знаете о них?

— Да, знаем. Основой стало изображение на рельефе царских ворот ассирийского царя Салмонараса III, чье правление относят к IX веку до нашей эры. Что интересно, что и в VIII веке до нашей эры во дворце другого царя, Саргона II, было подобное изображение, что говорит о том, что форма, подобная «Мелькарту», просуществовала не одно столетие. И хотя изображения эти схематичны, их объединяет небольшая высота борта и украшения носа и кормы.

— Единственное, что меня волнует, — перебил Фарика Кирилл, — это то, что финикийские корабли не перевозили большого количества грузов. Хотя легенды повествуют о том, что, когда финикийцы везли из далеких Пиренеев в Средиземноморье драгоценные металлы — олово и серебро, и их трюмы были заполнены, то они выб-

расывали свои каменные или свинцовые якоря и отливали якоря из серебра.

Я рад, что вы не придавали судну максимально большие размеры. Мне кажется, что легкий, прочный и достаточно грузоприемный парусник, такой, каким получился «Мелькарт», способен автономно совершать дальние походы. И еще одно замечание: наша «Афина» претерпевала в Бискае большие нагрузки. На волне ее плоский нос, оканчивающийся тараном, поднимался высоко над водой и затем обрушивался вниз, приводя к деформации днища, что, в конечном итоге, привело к тому, что часть досок отслоилась и судно начало набирать воду. Я уверен, что небольшой «Мелькарт» сможет противостоять волнам и будет подниматься и выходить из воды, как рыбацкий поплавок.

— Ты знаешь, наши плавания в Средиземноморье, в общем-то, доказали то, о чем ты говоришь.

— В Средиземноморье волна совсем другая, Фарик. Я знаю хорошо Средиземноморье — там все зависит от длины между двумя волнами. А длина эта и тридцать, и сорок метров. А вот здесь волны высокие, но между ними очень небольшое расстояние. Ниже, по побережью Франции, в заливе Гасконь, вода вообще во время штормов представляет кипучее месиво, в котором волны стоят, словно стены.

Это самое опасное, что может быть в море. Вы ведь слышали о нашем Азовском море, той самой Меотиде, которую с древности боялись все мореходы.

— Да, мы знаем об этом. Именно стоячие волны губили много судов.

Ну, что ж, это то, о чем я хотел вам рассказать. Уже поздно, давайте будем отдыхать. Завтра вечером у нас последняя встреча перед выходом. Завтра я хотел бы, чтобы мы привели все в порядок, загрузили продукты питания. Я назначаю выход на послезавтра, на пять часов утра. Погоды хорошие, я был сегодня в офисе яхт-клуба: на ближайшие дни ветер остается неизменным, как по направлению, так и по своей силе. Волнение в океане небольшое.

Все разошлись по своим местам. Утро застало их за завтраком, и день пролетел в хлопотах и заботах. Вечером Фарик вновь собрал экипаж.

— Что ж, хочу сказать перед нашим выходом следующее: мы не только собираемся совершить плавание финикийских мореходов, мы собираемся идти по маршруту карфагенянина Гимилькона.

Карфаген как государство появился в Северной Африке в IX веке до нашей эры. Этому способствовало то, что Финикия выводила свои колонии на побережье всего Средиземноморья. Финикийцам нужны были новые рынки сбыта. Одним из важных факторов было то, что маленькая страна на берегу Восточного Средиземноморья была перенаселена. Нужны были новые земли, куда бы отправились «лишние рты». Одним из таких мест и оказался удобный клочок суши на берегу Тунисского залива.

Произошло это много лет тому назад. Легенда гласит, что финикийская принцесса Элисса выкупила у берберского царя участок земли, который, как она сказала, поместился бы под шкурой большого быка. Когда бербер продал его, Элисса нарезала шкуру тончайшими нитями, из которых была связана веревка, благодаря которой этот участок суши превратился в большую землю, на которой и был разбит город Карфаген.

История этой женщины печальна. Легенда гласит, что, не желая выйти замуж за берберского царя, она покончила жизнь самоубийством.

— Какой народ финикийцы! Хитрый и жертвенный одновременно!

— Согласен с тобой, Фарик, — сказал Селим. — У этого народа можно многому поучиться. И еще несколько слов о Карфагене. Настало и мое время рассказать о его истории, — продолжил Селим. — Вскоре, развившись, Карфаген перехватил все торговые маршруты в Западном Средиземноморье. Оживленная морская торговля, приток населения со всех концов тогдашнего мира быстро превратили этот город в один из крупнейших городов древности.

Пришло время, когда могучий Рим увидел в Карфагене своего главного конкурента. Это привело к тому, что Рим и Карфаген вступили в борьбу за передел известного тогда мира. Войны между ними были названы пуническими — пунийцами римляне называли карфагенян.

Накануне своего уничтожения, в середине II века до нашей эры, Карфаген насчитывал 700 тысяч жителей. Римляне захватили в плен

около 50 тысяч. Об этом писал Страбон, греческий ученый, которому следует доверять. С ростом могущества Карфагена старая Финикия стала терять свои позиции ведущей морской державы. Северо-африканские купцы не только вытеснили на главных путях между востоком и западом финикийских, но и торговцев других стран, одними из которых были легендарные тартесцы — торговцы, жившие совсем недалеко от колонии, которую основали на побережье за Столпами Мелькарта финикийцы.

Я думаю, что именно они привозили для финикийцев металлы, в которых так нуждалось Средиземноморье. Финикийцы же отправлялись с ними дальше.

— Так что же ты считаешь, Селим, — спросил Фарик, — что финикийцы не сами плавали так далеко к Оловянным островам? Не они ли добивались того, чтобы открыть туда дорогу и постоянно участвовать в торговых операциях?

— Я думаю, что это делали не они. Я думаю, что на них работали другие народы, жившие по берегам северо-западной части Испании, западной части современной Франции. И одними из них и были те тартесцы, которые жили в дельте небольшой реки Анас. Это легендарный народ или группа племен, которые вели активную торговлю, поставляя олово из рудников Англии. Кстати, именно Англия в древнейшем мире носила название Оловянных островов. Тартесцам принадлежали Болеарские острова в Средиземном море, и не только они.

— А как же удавалось мирно соседствовать финикийцам и тартесцам долгие годы? — спросил Кирилл.

— Ты знаешь, ничего удивительного в этом нет. Дело в том, что финикийцы не были хорошими воинами, впрочем, как и карфагеняне. Они скорее были отменными торговцами, умели основывать свои отношения не на силе, а на взаимной выгоде. Но когда старая Финикия потеряла свою власть в регионе, Карфагену начал мешать Тартес, и он ценой серии военных конфликтов блокировал тартесских мореходов на острове Ибица, в древности он назывался Эбесса, а затем и захватил саму столицу этого маленького государства.

Теперь уже ничего не мешало карфагенянам добраться самостоятельно до Корнуолла в Англии или к перевалочным базам здесь, в

Бретони. Я думаю, что именно здесь перегружались оловянные слитки, которые затем отправлялись вдоль побережья.

— Ты считаешь, что именно Гимилькон был тем, кто открыл сюда дорогу?

— Нет, конечно, не Гимилькон, о нем только сохранились сведения, а других мы просто не знаем. Но вообще я продолжаю настаивать на том, что плавания самих финикийцев, а затем карфагенян не были единичны. Металлы и другие товары, на мой взгляд, приходили сюда благодаря той торговле, которую вели местные племена. Они, а не какие-то отдельные личности, приводили в Бретонь свои торговые караваны.

Подробности морских походов античности содержатся в географической поэме «Морские побережья», написанной римлянином Руфием Фестом Авиеной. В IV веке, спустя много столетий после гибели Тартеса и Карфагена, он писал: «Широко раскинувшись, лежит земной круг, и вода омывает тот круг со всех сторон. Но там, где волны глубоких вод изливаются из океана и принимаются заливом, чтобы затем раскинулась пучина нашего Средиземного моря, начинается Атлантическое побережье. Тут Колонна Геркулеса, отождествляемого с Мелькартом. За нею большой горный кряж подымает к небу свою главу. Вздымаясь вверх, вся эта громада скальных вершин обращена преимущественно к югу, к дыханию теплого ветра Нота. Внизу же у этих гор, у самого их подножья, где выступает мыс, широко открывается Эстремнидский залив».

Под Эстремнидским в те времена знали Бискайский залив. И вот еще что я вам хочу прочесть: «Здесь живет много гордого духом народа, настойчивого и ловкого, им всем присуща с рождения любовь к торговле. На шитых своих судах они далеко бороздят и бурное море, и океанские бездны, полные чудовищ. Не из соснового дерева строят они корабли, и не из клена, и не из ели, как обычно, сгибают они кили своих судов. Но чудесным образом делают они корабли из шитых шкур. И часто на таких судах из крепкой кожи переплывают они широкие моря».

Так что согласитесь — не финикийцы и не карфагеняне, которые тоже были ловки и удачливы в торговле, а местные племена везли к стенам Кадиса олово и серебро.

— Так зачем же мы идем маршрутом того самого Гимилькона, о

котором упоминает Руфий Фест Авиена?

— А потому, что такое плавание могло состояться, и оно состоялось. Но совершенно не обязательно, что это плавание стало открытием торгового пути между Карфагеном и Оловянными островами. Если нам удастся повторить хотя бы часть древнего маршрута, мы докажем возможность плавания на небольших судах в Бискайском заливе под парусом и веслами.

— Ну что ж, это интересно. Я думаю, что завтра, начав свое путешествие, мы узнаем, чего достойны сами и чего достоин наш маленький корабль.

Все собрались расходиться, но Кирилл попросил разрешения сказать еще несколько слов.

— Вы знаете, я согласен с Селимом, что торговля велась вдоль побережья и суда вначале проходили совсем небольшие расстояния, перегружая груз в удобных бухтах. Завтра капитан Ливан предпримет попытку пересечь Бискай напрямую. Я плавал в этих местах на «Афине» и знаю, что это будет тяжело. Мне кажется, что правильнее было бы совершить плавание вдоль берега. Бискай очень коварен и опасен.

Ливан резко поднялся:

— Кирилл, все уже решено. Мы идем напрямую, у нас всего три месяца впереди и нужно совершить большой поход.

Он был так решителен, что Кирилл не стал возражать. Все отправились отдыхать. Подъем был назначен на пять часов утра.

С рассветом заморосил дождик. Для северо-запада Франции это было обычным явлением. За то время, что они готовились, дождь по несколько раз в день изливал свои солоноватые капли на берег, тучи проносились, исчезая за горизонтом, и вновь выходило солнце. К вечеру были завершены последние приготовления.

Рассвет. Отданы швартовы, покачиваясь, подталкиваемый десятью веслами, «Мелькарт» выходит в океан.

Легкий ветерок позволяет очень быстро распустить парус. Весла подняты в портах. Набрав чуть более двух узлов хода, кораблик скользит мимо торгового порта. Каруселей, где не так давно был Кирилл, не видно. Луна-парк перебрался на новое место, уехала и кельтская предсказательница. Кирилл постарался отогнать от себя нахлынувшие воспоминания.

Вскоре дождик прекратился и выглянуло солнце. «Мелькарт» прошел вдоль причалов, возле которых, пришвартовавшись серыми громадами, нависали военные корабли. Брест остался за спиной.

Так рано они уходили из Бреста потому, что их движению помогал отлив. За время его работы нужно было подальше уйти от берега. К 9 часам утра отлив прекратится.

Время как будто остановилось. Парус вяло, но все же помогает судну уйти от берега все дальше и дальше. Солнце спряталось за тучи. Океан встретил «Мелькарт» серым свинцовым небом и полным штилем. Утренний бриз стих. Команда вновь расселась за весла. Весла тяжелые и неудобные — это ошибка конструкторов. Кирилл понял это сразу после того, как сел на гребное место, но надо грести и постараться подальше уйти от берега.

Ливан и Фарик колдуют над курсом. Фарид, сидящий за спиной Кирилла, несколько раз ударил его рукояткой весла. Кирилл выругался, но Фарид, извинившись, просил его простить, так как опыт его как гребца совсем небольшой. Рядом с Кириллом сидит Селим. Со временем гребки становятся мерными, постепенно руки привыкают к веслу, а сами весла все точнее и ровнее входят в воду.

Наконец-то в середине дня легкий ветерок начал подгонять кораблик, уводя его все глубже в Бискай. Чтобы скрасить однообразие гребли и вялого плавания под парусом, Кирилл все время перебрасывается с Селимом репликами. Они многое знают о пути Гимилькона и о других путешественниках, плававших в этих местах, и посему многие члены команды внимательно прислушиваются к тому, о чем идет речь.

Селим рассказывает о том, что первые достоверно известные сведения о походах в этих местах после похода Гимилькона относят к IV веку до нашей эры. Плавал здесь массалиец, или, как сегодня мы бы сказали, марселец по имени Пифей. Плывя к берегам Северо-Западной Европы, он достиг Англии — Оловянных островов, и вновь открыл ее для южан. Труд Пифея об океане не сохранился, известны лишь цитаты из него в книгах позднейших авторов. К сожалению, многие писатели были предубеждены против древнего географа.

Во многих литературных произведениях его даже называли Пифеем-лжецом. Современные исследователи уже не сомневают-

ся в том, что массалиец действительно побывал у Атлантического побережья Испании, где первым тщательно наблюдал непонятное до тех пор явление прилива и отлива, а также подпора воды в устьях рек.

Из этого следует, что весь путь, от Марселя сюда, на запад, он проделал морем, начав путешествие из родного города в марте и, пройдя Гибралтар, плыл вдоль берегов Пиренейского полуострова и современной Франции (в то время эти земли назывались Галлией), дойдя до западного выступа Британии. Иными словами, он проделал путь вдоль всего побережья Бискайского залива, которое в те времена звалось Кантабрийским морем. Затем Пифей пересек Галльский пролив — Ла-Манш, и достиг юго-западного выступа Британии.

Высадившись на полуострове Корнуолл, который был богат оловом, он узнал, что далеко на западе есть еще один большой остров. Его античные авторы называли Иберния. Сегодня мы знаем, что под этим названием скрывалась Ирландия. Идя вдоль берегов Британии, мореход пересек с юга на север Ирландское море, и видел северо-восточный берег той самой Ибернии. Пифей даже пытался нанести этот остров на карту, но дал ему неверные очертания. Именно эта ошибка и стала одним из главных аргументов противников плавания марсельца.

Далее он осмотрел мелкие острова, которые сегодня называются Гибридами. А двигаясь оттуда к северу, достиг какого-то острова, позднее вошедшего в литературу под латинским названием Ультиматуле, или Крайнего Туле. Это самая западная точка его плавания.

Кирилл прервал рассказ Селима:

— Селим, но ведь ты же знаешь, что до сих пор никто не ведает, что скрывается под названием Туле?

— Ну, может быть, на девяносто процентов Крайним Туле можно считать берег Норвегии. Это решение предложил канадский полярный исследователь, автор многочисленных книг о севере Стефенсон. По его мнению, Туле находилось в пяти-шести днях пути от Шотландии, так как большинство принимает протяженность дневного морского перехода в сто миль, то значит, от Шотландии до Туле было чуть менее тысячи километров. Возможно, он и дошел именно к берегам Норвегии.

— Я же слышал совсем другое определение, — сказал Кирилл.

— Тот же Стефенсон в другой своей работе указывает на то, что это мог быть берег Исландии.

— Возможно, и так. Пифей, описывая район плавания, дал красочную и удивительную картину густого тумана, столь характерного для Северной Атлантики. Его переписал Страбон, у которого мы читаем: «Когда нет более земли, моря и воздуха, и вместо них — смесь всего этого, земля, море, вообще все — висит в воздухе, и тогда невозможно ни ходить пешком, ни плыть на корабле».

— Красиво, как красиво сказано! Посмотрите вокруг нас: ну, разве не такое же состояние?

«Мелькарт» со всех сторон окутывал туман. Трудно было сказать, откуда он взялся. Небо было свинцовым. Абсолютный штиль вокруг корабля делал его невесомым.

— Такое впечатление, что мы не движемся, — завороженно произнес Фарид.

Все обратились лицом к капитану.

— Ливан, скажи — есть ли движение?

Тот махнул рукой и сказал:

— Немного движемся, полтора-два узла.

— Так, может, сесть на весла? — спросил Фарид.

— Подождем немного. Мне кажется, что скоро поднимется ветер. День клонится к закату, а с утра и к вечеру от берега всегда начинает дуть легкий бриз. Может быть, и сейчас он поможет нам уйти глубже в Бискай?

Селим вернулся к рассказу о Пифее:

— После Туле Пифей повернул на юг и вновь пересек Северную Атлантику, пройдя вдоль всего восточного берега Британии, до Кента.

Я видел вычерченные по его рассказам карты с нанесенными на них землями. Так вот, он достаточно правильно изобразил Британию, в виде треугольника, и довольно верно вычислил соотношение между сторонами. Правда, сильно преувеличил длину. Пифей был первым, кто рассказал о природе, сельском хозяйстве и быте британцев.

Селим замолчал, а Ливан привлек внимание всего экипажа:

— Что я вам говорил, смотрите — колдунчик забеспокоился!

Все обратили внимание на тоненькие ниточки, которые были привязаны на высоте человеческого роста к оттяжкам, удерживающим

мачту. Этому нехитрому устройству, определявшему направление ветра, гораздо более тысячелетий, чем остальным известным приспособлениям на судах.

— Уверен, — сказал Ливан, — о колдунчиках знали и Гимилькон, и Пифей.

Ветер стал раздувать парус, скорость корабля увеличилась. Повар позвал всех к ужину. Быстро смеркалось. К десяти часам вечера ветер еще более усилился, постепенно разгоняя крутую волну. Кораблик стал подпрыгивать на волнах, все быстрее прибавляя ход. Ночь принесла с собой беспокойную и неустойчивую погоду. Трижды ветер, идущий от берега, затихал, потом закручивался, менял свое направление и вновь затихал…

Мачта то постанывала, покачиваясь в своем ложе, то замолкала. Уже сейчас, после первого дня похода, стало понятно, что ее придется вновь укреплять.

Под утро погода еще более испортилась. Ветер изменил свое направление, корабль уже не мог противоборствовать ему, и Ливан принял решение изменить направление и приближаться к берегу.

Утро встретило путешественников свинцовыми тучами и еще более ухудшившейся погодой, холодным мелким дождем. Складывающееся положение было явно не в пользу корабля и людей на его борту. Ливан и Фарик стали советоваться между собой, что предпринять. Селим и Кирилл, сидевшие ближе к носу, не вмешивались в их разговор, понимая, что если будет необходимо, то к их опыту прислушаются. Но руководители экспедиции приняли решение самостоятельно. Принять же его вскорости заставило сильное захлопывание парусины, которую пытался разорвать вновь сменивший направление ветер.

Как ни пытались мореходы удержать свое судно на проложенном вглубь Биская курсе, это не удавалось.

Прошло двое суток, за которые кораблик прошел более 160 миль. Только вот направление движения было совсем не тем, о котором мечтали Ливан и его друзья. Корабль все ближе прижимало к берегу, и «Мелькарт», совершив разворот, лег под ветер и к утру третьего дня приблизился к острову Бель-Иль. Вышедшая из-за туч луна посеребрила волну. По пене, движущейся от носа к корме, Кирилл определил, что шли они со значительной скоростью. До рассвета было не-

сколько часов. Стал четко проглядываться маяк, который находился на острове.

Ливан почти не уходил с палубы, а маленький юркий Фарид примостился на носу возле фигуры коня и внимательно всматривался в воду. Благодаря ему путешественники избежали больших неприятностей, так как он настоял на том, чтобы парус убрали и судно легло в дрейф.

— Слишком уж близко мы находимся от острова. Есть опасность, что мы в темноте можем попасть в беду, наскочив на камни отмелей возле берега.

Парусная команда по приказу Ливана опустила рей с парусом. Корабль стало бросать с волны на волну. Был поднят маленький парус, который вскоре выровнял движение, скорость уменьшилась и, дрейфуя, они дождались рассвета.

Селим и Кирилл не спали всю ночь. И только наутро путешественники обнаружили, что находятся всего лишь в миле от скалистого берега. Брошенный якорь прочно увяз в грунте. С рассветом повар подал обжигающий кофе, и настроение у всех улучшилось. Селим увидел небольшой рыбацкий баркас, который шел между ними и берегом. Он достал мегафон и стал по-английски выкрикивать просьбу подойти к борту. Рыбак увидел их, удивился красоте необычной лодки и подошел ближе. Его попросили подсказать, где вход в бухту небольшого городка Ле-Пале, обозначенного на карте. Он предложил им помощь.

— Горожане будут рады увидеть вас, — на ломаном английском сказал рыбак. — Красивая лодка, давайте швартов!

Через полчаса они оказались в бухте небольшого, но очень уютного городка, увенчанного по побережью мощными бастионами старинной крепости. Эта крепость была построена еще во времена императора Наполеона.

За три дня путешественники просолились и выглядели уставшими. Приход на Бель-Иль расстроил только Ливана, для которого первая попытка пройти Бискай напрямую не удалась. Другие же были рады остановке, потому что Бель-Иль, что в переводе означает «Прекрасный остров», был знаменит. Не зря на нем работали многие художники, в том числе великий импрессионист Моне. Его картина «Скалы Бель-Иля» — это шедевр живописи.

Предварительно Ливан надеялся, что уже наутро им удастся уйти в море. Кирилл, осмотрев карту погоды в местном офисе яхт-клуба, сказал ему, чтобы он не надеялся на быстрый уход. Юго-западные ветра были преимущественны в ближайшие дни, и поэтому, как считали он и Селим, пока есть время, нужно заняться оборудованием судна, дополнительно закрепить мачту, сделать более жесткие крепления на люках, чтобы вода не попала внутрь, если судно встретит сильный шторм.

Кирилл первым заметил, что мачта не только разболталась в своем месте, но и цельный, мощный ствол акации дал трещину. На нее был наложен бандаж из тонкого каната, который наслаивался виток за витком на смолу. Дни прошли в трудах и встречах с жителями красивого городка. К ним приходило много людей, с ними встречались гости из мэрии. Ливан, Фарид и другие много рассказывали о своей стране, о том, что происходит сейчас.

Многие из гостей не раз предупреждали путешественников: «Бискай — коварное место. Посмотрите, на нашем острове почти нет деревьев — это из-за того, что сильные ветра дуют круглый год. Люди на этой суровой земле помогают деревцам подняться и окрепнуть, защищая их от ветров. В море дело обстоит хуже. Вы же это уже почувствовали на себе? А ведь ветра почти не было, он был совсем не сильный для этих мест, всего 4-5 баллов. А лето здесь очень коварное. Вы хоть и смельчаки, но помните: мы не советуем вам уходить вглубь Биская».

Ливан отнекивался и махал рукой. Кирилл знал, что жители, с уважением относящиеся к их экспедиции, правы. Но он не мог настаивать. В последнюю ночь перед выходом в море они вновь встретились с друзьями, с которыми познакомились здесь, на Бель-Иле. Один из местных жителей на прощание сказал:

— Ваш кораблик мал, и мне хочется посоветовать как следует закрепить люки, хорошо проверить аварийную связь и все спасательные средства. Бискай не прощает ошибок. Даже сегодня здесь тонут как суда прибрежного плавания, так и большие пароходы. Вспомните, совсем недавно затонул большой танкер «Престиж», который принес столько горя местной флоре и фауне! Как много было затрачено средств, чтобы очистить берега! И то не все удалось. Еще раз говорю: будьте осторожны!

Ночью Кирилл долго не мог заснуть. Время от времени из небытия перед ним возникал Джероми, смотревший молча и отрешенно куда-то в пустоту.

Глава 15.

Волна-убийца

Рынок в крепости Кочин. — Остров Будды. — Поступь Адама. — Шторм. — Волна-убийца. — Спасение. — Малаккский пролив. — Экипаж на судоверфи. — Знакомство Лацио.

Крепость Кочин встретила «Возмещение» шумным восточным рынком. Джероми был удивлен: их корабль, ставший на якорь в небольшой бухте, был одним из нескольких десятков судов и не вызвал ни у кого никакого интереса. Только когда Джероми и Лацио ступили на берег, к ним подошел вооруженный португальский офицер.

— Мы видели судно, сеньоры. Кто вы?

Джероми в очередной раз рассказал, кто они и откуда плывут. Из разговора с португальцем он понял, что в колонии неизвестно о смертельной болезни адмирала. Офицер проводил Джероми к коменданту. Тот представил ему все бумаги и, чтобы никто, кроме коменданта не слышал, тихо прошептал:

— Вице-король очень болен, вскоре эта весть дойдет до вас. Возможно, его привезут сюда.

— Что вы говорите, сеньор венецианец? Васко да Гама болен?

— Да, адмирал на смертном одре, мы были в Гоа.

Одновременно с этими словами в дверь постучали. Комендант разрешил войти, вбежал запыхавшийся гонец и передал ему свиток. Взломав печать, тот быстро прочел текст, не скрывая удивления.

— Вы правы: в этом письме говорится о том, что болезнь адмирала смертельна. И, по правде сказать, нам сейчас будет не до вас и вашего судна. Я разрешаю два дня пробыть на рейде, закупить все необходимое и отправляться туда, куда вы плывете.

Джероми вернулся на корабль. Он рассказал адмиралу Реису все то, о чем говорил комендант крепости. Адмирал был доволен. Он щегольски подправил усы, которые шли к его европейскому камзолу и небольшой венецианской шапочке:

— Спасибо, сеньор Абаджио, — я доволен.

— Вы что, собрались идти в город, адмирал? — спросил Джероми.

— Да, хочу посмотреть, как изменился Кочин за то время, что я здесь не был.

— А если вас узнают?

— Не думаю. К тому же в городе, как я вижу, много европейцев. Посмотрите, сколько судов стоит на рейде!

— Согласен, и восточных кораблей тоже много.

— Да, и восточных тоже. Но разве я в этом наряде похож на османского адмирала?

— По правде сказать, нет.

— К тому же вы помните, я обещал вам доказать, что человек может летать.

— Летать?

Адмирал Реис улыбнулся.

— Пойдемте, вы никогда такого не видели.

Они вновь переправились на берег, взяв с собою Лацио и Алипашу, так же щегольски одетого по-европейски, и вошли внутрь крепости. Стражники, видевшие встречу Джероми с офицером, пропустили их беспрепятственно. За стенами крепости открывалась огромная рыночная площадь, окруженная небольшими одно- и двухэтажными домами. Вся площадь была занята торговцами. Базар в Кочине ничем не отличался от тех рынков, которые они видели раньше в других португальских крепостях. Однако что-то было не так. Вскоре Джероми понял — здесь было много ряженых.

— Послушайте, мы что, попали на какой-то праздник?

— Нет, здесь, в Кочине, это всегда. Торг идет одновременно с праздничной ярмаркой. Пойдемте в центр — вы же хотели увидеть чудеса! Вы увидите их воочию.

Они с трудом протиснулись сквозь толпу и очутились на краю круга, внутри которого на небольших ковриках сидело несколько факиров, чьи головы были увенчаны высокими тюрбанами. Один из них держал перед собой небольшой мешок, из которого виднелся кончик каната. Факир начал читать заклинание. Неожиданно для всех канат, без воздействия на него рук человека, приподнялся из мешка и, вытянувшись в струнку, начал подниматься все выше и выше. Джероми отшатнулся, адмирал Реис же, повернув голову, лукаво посмотрел на него.

— Смотрите, смотрите, Джероми, это еще не все…

Поднявшись на трехметровую высоту, канат замер. Факир же,

впав в трансовое состояние, продолжал читать заклинания. Вскоре это представление закончилось, канат обмяк и упал к ногам фокусника.

— Ну, что вы скажете, Джероми?

— Не знаю, просто не знаю, как это возможно, это совершенно удивительно.

— Смотрите, смотрите, что будет дальше!

Другой фокусник, расставив ноги, сел в воду, налитую в небольшой медный таз. Многие, видевшие этот фокус ранее, начали аплодировать и свистеть. Джероми не понимал, что происходит. Вода в тазу стала уменьшаться и через короткий промежуток времени исчезла вообще. Факир встал. Воды в тазу не было.

— Как он это сделал, как он это сделал, Лацио? — дважды переспросил Джероми. — Он же втянул ее просто в себя!

— Не знаю, может быть, в тазу есть дырка и вода просто вытекает через нее?

Ответом на слова Лацио было то действо, когда факир, простояв несколько минут, вновь сел в таз и тот наполнился водой.

— Это невозможно!

— Но и это еще не все, сеньор Абаджио… Потерпите, и вы увидите, что будет.

Третий фокусник, сидя на своем коврике, начал читать какую-то абракадабру. Джероми внимательно присмотрелся к его лицу. Оно вытянулось и стало абсолютно отчужденным. Неожиданно произошло то, что он даже представить не мог. Факир отделился от коврика и поднялся в воздух. Сначала совсем немного, сантиметра на два-три, потом больше, больше. Оторвавшись от земли на полметра, он завис, двое же других факиров, взяв в руки небольшие палочки, стали проводить под ним, показывая публике, что его ничего не удерживает в воздухе. Так прошло несколько минут, после чего фокусник так же плавно, как поднимался, опустился на коврик, и через некоторое время пришел в себя.

Джероми находился в полном замешательстве, впрочем, как и Лацио. Факиры кланялись и шли по кругу, собирая деньги от благодарной публики. Совершенно потрясенные, Джероми и Лацио вернулись на корабль.

— Ну, что вы скажете, вам понравилось, сеньоры венецианцы?

— Не могу поверить, не могу поверить, что это возможно! Я видел в Венеции, и в Генуе, когда глотают огонь, шпаги, когда прока-

лывают себе щеки, когда выдергивают суставы, — я мог в это поверить, я видел этих диковинных людей. Но чтобы летать… Чтобы подняться над землей? Я думаю, что все же это невозможно.

— Возможно или нет, решать вам самим.

Вечером, укрывшись в тени борта, Джероми увидел, как адмирал спустился в шлюпку, которая отвезла его на пристань. Джероми внимательно присматривался и в лунном свете увидел, что к тому подошел горбун и передал какой-то сверток. Адмирал незамедлительно отправился обратно на судно.

Джероми вбежал в каюту, где сидел Лацио.

— Я понял. Кажется, я понял, друг мой Лацио! Вот почему адмиралу нет никакой необходимости использовать нас как доносчиков. В каждой крепости есть кто-то, кто передает ему сведения о том, что происходит, какие фортификации строятся, какова численность гарнизонов. Я видел горбуна, который принес ему целый сверток. Очевидно, там все те сведения, которые необходимы адмиралу.

Лацио приподнялся.

— Давай проследим, что будет делать адмирал.

Они взобрались на верхнюю палубу, где Джероми, удерживаемый Лацио, перегнулся через борт над самым окном каюты адмирала.

Реис поднялся и вошел в каюту. Джероми увидел, как он развернул сверток, в котором находились камушки. Внимательно посмотрел на гальку, а она была разных цветов — серая, белая, коричневая, черная… Всех камушков было около ста. Реис разложил камни, пересчитал их и, завернув в сверток, подошел к окну и выбросил в море.

Лацио едва успел поднять Джероми, и тот чудом не был замечен Реисом. Они вернулись в свою каюту.

— Ты знаешь, все-таки адмирал Реис великий человек. В свертке не было никаких записей, только камушки. И только одному ему известно, что обозначает это послание.

— Джероми! Но как же люди, которые следят для адмирала, знают, что именно на этом корабле он прибудет? Не пойму.

— А я, кажется, знаю. Каждый раз при подходе к португальским крепостям адмирал Реис вывешивает венецианский флаг. Но вот что удивило меня еще там, на острове Сокотра: под флагом висит красная лента. Она нетипична для нашего флага. Вначале я думал, что это просто украшение, а теперь понимаю, что именно этой лентой адмирал предупреждает тех, кто ждет, что именно на этом судне он находится.

— Хитер. Как же хитер адмирал! Не удивительно, что в крепостях есть его посланники. Он ведь и сам сознается, что много лет бороздит Индийский океан, знает прекрасно все его порты, бухты, реки, глубины всего побережья…

Джероми сел за длинный стол, и Лацио понял, что его друг вновь хочет записывать и зарисовывать все, что видел. Он не мешал ему.

Утром, так и не взяв запас продовольствия и воду, адмирал Реис дал команду сниматься с якоря и уходить в океан.

— А как же вода и продовольствие?

— Они нам не нужны, Джероми. У нас всего достаточно вполне и хватит даже на три-четыре месяца плавания.

— А что могут подумать о нас в португальской крепости?

— Они сейчас слишком заняты, им не до нас. Вы же сами говорите, как был опечален и озадачен комендант крепости, когда получил донесение о смертельной болезни вице-короля.

— Да, это так.

— Поэтому никто не будет интересоваться, почему мы простояли не два дня, а всего один. А нам пора спешить.

«Возмещение» быстро набрало ход и стало удаляться от берега.

— Куда же мы плывем дальше, адмирал Реис? — спросил Джероми, столкнувшись с ним на верхней палубе.

— Мы будем огибать Цейлон — большой и красивый остров. Я думаю, что это один из самых красивых островов в мире.

— Мы будем останавливаться на нем?

— Нет, это совершенно не обязательно. Крупных крепостей на Цейлоне нет, там есть только небольшие португальские колонии, которые нам совсем не опасны.

— Вы много знаете об этом острове, адмирал?

— Да, я с удовольствием приглашу завтра вас и сеньора Лацио, чтобы рассказать о том, что знаю. Хотя история эта, может быть, и не слишком правдоподобна, но достаточно поучительна.

Плавание вдоль берегов Индии проходило для судна и его экипажа легко. Океан был спокоен, а легкие ветра сопутствовали быстрому продвижению корабля к берегам Цейлона. Время от времени берега, вдоль которых шло «Возмещение», скрывались в густом тумане. В таком же тумане они прошли пролив, отделяющий Индию от Цейлона. Одним ему известным чутьем адмирал Реис вел корабль к заданной цели. Когда они обогнули самую южную точку Цейлона, ад-

мирал пригласил Джероми и Лацио к себе.

— Ну, что ж, я хотел рассказать вам о Цейлоне. Мы не будем заходить на него, а остров этот очень примечателен. До появления здесь португальцев на острове жили две группы племен. Одни поклонялись Будде, другие же, пришедшие сюда с индийских берегов, исповедовали брахманизм. Буддизм — большая и разветвленная религия. Мы, мусульмане, да и вы, христиане, знаем только об одном Будде. На самом же деле в этой религии Будд — посвященных, то есть нашедших себя, более двух тысяч.

Одним из таких Будд является Будда, живший задолго до наших дней, его отождествляют с самим Адамом. Звали этого Будду Сергамум. Он был первый человек, которому его почитатели создали идола. С тех далеких времен по сегодняшний день он считается лучшим человеком, великим святым. История его удивительна, как и само поклонение.

Легенда рассказывает о том, что он был сыном богатого и сильного царя. Жизнь вел затворническую, ни о чем мирском слышать не хотел, царствовать не желал. Узнал отец его о том, что сын не хочет царствовать и не желает ни о чем мирском слышать. Опечалился он, но все же пожелал, чтобы сын принял власть после кончины отца. И задумал он сделать так, чтобы сын проникся любовью к власти. Был построен огромный дворец, где тысячи красавиц служили одному только Сергамуму. Выполнялось все, что он хотел: его кормили, служили за столом, по целым дням ему пели, плясали перед ним, потешали его по царскому приказу. Но все это не сделало царевича сластолюбивым. Он остался целомудренным и стал жить еще строже прежнего.

Жил он свято, из дворца никогда не выходил. Не видел он и мертвых, так как отец не разрешал, чтобы ему прислуживали люди старые и немощные. Однажды случилось, что Сергамум увидел умершего человека. Он испугался и спросил: «Что это?». Ему ответили: «Это мертвец». «Как? — сказал царевич. — «Разве люди могут умирать?». «Конечно, могут», — отвечали ему. Ничего он не сказал, опечалившись.

В другой раз увидел старика. Тот еле двигался, ни единого зуба не было у него во рту — растерял он их от старости. «Что это? — спросил опять царевич. — Отчего не может он ходить?». Отвечали ему те, кто был с ним: «От старости не может он ходить, от старости зубы свои растерял».

Так узнал царевич о старости и смерти и решил, что не будет жить

в этом злом мире, а пойдет искать того, кто не умирает, и того, кто его сотворил.

Ушел он от отца в высокие и пустынные горы и прожил там жизнь честно и целомудренно, в великом воздержании. Но дни его были коротки. Будь он христианин, то стал бы великим святым у господа вашего, Иисуса Христа. Будь он мусульманином, стал бы великим праведником у Аллаха.

Когда умер царевич, принесли его к отцу. И нечего спрашивать: увидел он сына, которого любил больше себя самого, мертвым и огорчился. Много он оплакивал его, а потом приказал сделать образ и подобие сына из золота с драгоценными камнями и велел всем в своей стране почитать его за бога и молиться ему…

Джероми и Лацио внимательно слушали рассказ адмирала Реиса. Задумавшись, Джероми произнес:

— Удивительная история сия. Она мне напоминает многое из того, о чем я думал, — о бренности жизни, о рождении и смерти, о воскрешении, о вечности души нашей.

— У буддистов, — сказал адмирал, — в религии основное место занимает рождение и перерождение души. Душа, покинув одно бренное тело, переселяется в другое. Она живет в нем, а затем переселяется далее. Буддийские легенды на Цейлоне, мимо которого мы проходим, рассказывают, что умирал царевич восемьдесят четыре раза. В первый раз после смерти его душа переселилась в тело быка. После этого он стал конем, после того — слоном, и так — восемьдесят четыре раза, всякий раз делаясь другим существом. А, уже умерев в восемьдесят четвертый раз, он стал Богом.

За лучшего и самого большого бога из всех своих богов почитают его на Цейлоне. Был он и остается первым и самым главным идолом всех буддистов. Сюда на богомолье приплывают тысячи и тысячи паломников, все равно, как вы, христиане, идете к мощам святого Иакова к далеким берегам Галисии, туда, где стоит твердыня города Сантьяго-де-Компостела. А мы, мусульмане, так идем к Кабе, в нашу великую Мекку.

Рассказывают, а по правде, не только рассказывают, но и я видел сам много лет назад здесь, на Цейлоне, что хранятся зубы, волосы и чаша, из которой ел великий Будда. Показывают также на горе, одной из самых высоких гор в южной части Индии и Цейлона, отпечаток ноги Сергамума. Легенда гласит также, что чаша, из которой он

ел, если положить в нее пищу на одного человека, может накормить сразу пятерых, а то и более. Она сделана из зеленого порфира.

Внимательно прислушиваясь, Джероми и Лацио с удовольствием отмечали, что адмирал великолепно знает историю.

— Так вы не только хороший стратег, хитрый разведчик, но и прекрасный историк, — сказал Джероми.

— Благодарю за комплимент. Мне приходилось в жизни, сеньор Абаджио, много путешествовать. А путешествуя и воюя, я приходил в разные страны и сталкивался с разными народами. И вот что хочу вам сказать: чтобы произвести впечатление на местных царьков, склонить их на свою сторону, заставить вести торг таким, каким бы он был удобен для нас, мне нужно было очень много знать. И посему я многое изучал...

— Последнее, что я хотел вам сказать, сеньоры венецианцы, — произнес адмирал Реис, — это то, что мы не видим сейчас огромную высокую гору, которая венчает Цейлон. Гора эта находится в северной части острова, и только она является хорошим ориентиром, если проходить пролив между Индией и Цейлоном. Знайте это, может быть, когда-то вам придется плавать в этих местах самостоятельно.

— Скажите, адмирал, что самого ценного на этом острове?

— Этот остров очень богат. Здесь рождаются самые дорогие камни, такие, как красные рубины, сапфиры, топазы, аметисты. Самый красивый на свете рубин, как гласила легенда, был у отца Будды Сергамума. Он был так велик, что занимал место, закрывая всю руку взрослого человека, а толщина его была более десяти сантиметров. На вид самый яркий, без всяческих вкраплений, он был красен и горел как огонь. Его ни за какие деньги невозможно было купить.

— Где же сейчас этот камень?

— Не знаю. Много веков прошло с тех пор. Но остров и сегодня очень богат не только драгоценными камнями, здесь водится много животных, чьи кожи выделываются и отправляются для торга по всей Индии. Много здесь тикового леса, из которого строят крепкие удобные суда. А также — на юге, совсем недалеко от тех мест, где мы плывем, растет много пальм, из которых добывают вино, а из плодов изготовляют масло.

Адмирал Реис пригласил их выйти на палубу. Южная сторона острова была покрыта дымкой. Солнце начало садиться, окрашивая оранжевыми отблесками воду. Адмирал посмотрел на небо.

Все оно было испещрено тонкими линиями облаков.

— Посмотрите, как красиво!

Джероми поднял голову.

— Согласен с вами, адмирал. Но красота эта очень призрачна. Мне не стоит вам, как моряку, говорить о том, что грядет смена погоды.

— Думаю, вы правы. Знаете, Цейлон вообще считается местом, где господствуют сильные северные ветра. Даже говорят, что северная часть острова из-за этих северных ветров очень часто бывает подтапливаема высокими морскими волнами.

— Вы верите в это?

— Сам я не видел этого никогда. Возможно, здесь бывают высокие приливы, которые во время ветров становятся еще выше и несут угрозу сельскому хозяйству побережья.

— Давайте и мы, не медля, приготовимся. Отдайте команды, чтобы парус был присобран до половины. Пусть проверят оттяжки мачт и рей, возможно, вскоре северные ветра дадут о себе знать…

Ветер стал крепчать. Волнение охватило не только адмирала, но и всех присутствовавших на палубе. Джероми быстро отдавал команды. Матросы осмотрели снасти и собрали парус, приготовившись к любым неожиданностям. Вслед за усилением и изменением направления ветра, перешедшего с северного на северо-западный, стало усиливаться и волнение океана. Высокие крутые волны подернулись белыми барашками. Горизонт стали затягивать серые свинцовые тучи.

Реис находился все время рядом с рулевым. Он послал матросов на корму осмотреть крепление руля. Сейчас самым главным было удерживать корабль по направлению движения начинавшегося шторма.

За время многомесячного плавания от берегов Персидского залива они еще ни разу не бывали в настоящем шторме. Джероми и Лацио приблизились к Реису и рулевому, который с трудом удерживал пытавшийся вырваться из его рук большой румпальник.

— Ну что, — сказал адмирал, — погода портится. Укрыться нам негде, надо идти по движению ветра и волн, ни в коем случае не стараясь сместиться и выходить из начинающейся бури — это чревато большой опасностью.

— Однако еще большей опасностью, адмирал, — сказал Джероми, повышая голос, чтобы перекричать усиливающийся ветер, — будет, если мы поплывем точно по направлению волн. Тогда после под-

нятия на одну из таких «вершин» нас может развернуть и бросить в водную пропасть боком!

— Рулевые очень хорошо подготовлены, не волнуйтесь, Джероми. Мы приложим все усилия, чтобы подниматься на эти водные горы не совсем прямо, а чуть по касательной, что позволит избежать скатывания с горы на боку.

— Ну, что ж, тогда все по местам!

Джероми занял позицию на носу судна, Лацио — возле адмирала Реиса. Румпель удерживало двое рулевых, но адмирал вызвал на верхнюю палубу еще двоих, которые растянули трос, обвязав его вокруг румпальника и, упершись спинами в борта, помогали поворачивать вправо или влево скрипящий руль.

Волны накатывали на «Возмещение» все сильнее и сильнее. Однако, на счастье, корабль легко переносил встречу со стихией.

Ветер еще более окреп. Парусина раздулась как козий мех, едва сдерживая его порывы. Адмирал привлек внимание Лацио:

— Боюсь, что парусина не выдержит, готовьте запасной парус!

— Выдержит, адмирал! Я уверен, что выдержит, только нужно еще более присобрать материю, тогда нашим основным движителем будет корма, а она у нас, сами знаете, высокая. Ветер, упираясь в нее, понесет нас, вместо того, чтобы рвать парус.

Адмирал Реис быстро отдал приказание, и десять матросов с колоссальными усилиями в моменты, когда ветер чуть ослабевал, сумели подобрать парус до одной четвертой части. Скорость движения немного замедлилась, и судно стало лучше слушаться руля. Невооруженным глазом было заметно, что волны все увеличиваются и увеличиваются. Сейчас они взмывали по высокой кривой на самый верх водяного вала и оттуда скатывались вниз. Внизу их встречала пенящаяся, клубящаяся дымом пропасть. Она окутывала судно брызгами и туманом.

Вслед за этим следовал новый подъем и затем — спуск. Иногда тем, кто находился на палубе, казалось, что водяные валы вот-вот захлестнут судно и перевернут его. Но, на счастье, «Возмещение», построенное Джероми и Лацио, было достаточно крепкое и сидело в воде ровно настолько, чтобы легко взбираться на крутые волны, а не врезаться в них, будучи неминуемо погребенным под огромной массой воды. Минута следовала за минутой, час за часом. Сейчас, в эти тяжелые мгновенья, все зависело только от рулевых. Если они суме-

ют выдержать адскую пляску, то все будет хорошо.

В напряжении прошел день. Волнение не уменьшилось, но казалось, что волны стали менее крутыми, они двигались теперь высокими, но пологими холмами и были непохожи на те, которые ранее поднимали судно вверх чуть ли не вертикально. Стало легче управлять, но ветер не ослабевал. Близилась ночь. Адмирал Реис собрал на корме совещание и отдал указания: Джероми полагалось оставаться на носу, взяв с собой еще двух матросов и, сменяясь, постоянно наблюдать за горизонтом, чтобы не наскочить на какой-то из проходящих в этом же направлении кораблей.

Земли здесь не было и быть не могло. До далекого архипелага было еще несколько дней пути. Адмирал в течение дня несколько раз приказывал замерить скорость. Один из матросов бросал в море кусок древесины или пробки, которая быстро проплывала вдоль борта.

Когда щепка равнялась с кормой, адмирал заканчивал отсчет секунд, которые потребовались куску древесины, чтобы проскочить вдоль корабля. После этого он делал несложные вычисления и определял, какова скорость в данный момент. По его подсчетам выходило, что они проходили более десяти миль в час. Адмирал посчитал, что, если так продолжится и ночью, то за какие-то сутки они пройдут расстояние, которое в обычное время «Возмещение» проходило за три дня.

Ветер не ослабевал, вместе с ним не уменьшались и водяные горы, на которые взбирался корабль и вновь опускался в пропасть. Джероми видел, что многих из матросов тошнит, и посему, не ожидая приказания адмирала, он приказал выдать хлеб, смоченный в вине.

Многие из матросов отказывались от вина — им запрещал принимать его мусульманский закон. Тогда Джероми отдал приказание, чтобы тем, кто не хочет употреблять хлеб с вином, выдали хлеб, намоченный в уксусе. Он также отдал распоряжение, чтобы всем были выданы мокрые тряпицы, которые тоже были смочены уксусом, для того, чтобы матросы протирали себе виски, нюхали остро пахнущую материю, приводя тем самым себя в чувство.

Джероми видел, что многие, не скрывая своего состояния, опорожняются за борт. Но как бы там ни было, он, Лацио и адмирал требовали, чтобы повар, на которого не действовала никакая качка, подавал наверх куски вяленой баранины, хлеб, гречишные лепешки. Они требовали, чтобы матросы постоянно что-то жевали. Многие не выдерживали и вновь опорожняли желудки. Но Джероми окриком зас-

тавлял их жевать вновь и вновь, затем приказывал смачивать виски, руки, шею уксусом.

Часть моряков не реагировала на болтанку и качку. Часть же была подвержена этому страшному явлению. В основном это были те, кто считался лучшими строителями.

— Да, ничего не поделаешь, — прокричал Лацио. — Те, кто умеет строить, зачастую бывают плохими моряками.

— И наоборот, мой друг, и наоборот! Хорошие моряки редко бывают хорошими строителями кораблей.

Джероми и Лацио находились в носовой надстройке. Каждый из них нашел себе место поудобнее, уперевшись в какой-нибудь деревянный предмет. Джероми оперся двумя руками о небольшой стол, спина его была прочно втиснута между закрепленными намертво деревянными койками. Лацио выбрал не менее сложную позу, но только так они могли общаться друг с другом.

Ночь прошла тревожно. Слышался треск. Джероми несколько раз выбегал на палубу. Ему показалось, что лопнула мачта или, возможно, оттяжки канатов. Но, на счастье, все было нормально. Только качка, постоянные взлеты и следовавшие за этим падения выводили из состояния равновесия.

Свинцовое утро, смешавшееся с серыми водяными горами, встретило их холодом, таким необычным для этих южных мест. Джероми увидел адмирала Реиса. Очевидно, тот так и не уходил с верхней палубы всю ночь. Он подивился силе и мужеству этого человека. Только ему одному известными способами адмирал определялся в океане, где они могли находиться. Звезд всю ночь не было видно, но Реис четко отдавал указания рулевым удерживать тот курс, который выбрал для себя в начале шторма.

День, как и предыдущий, прошел тревожно и нервно. Матросы устали, адмирал же требовал постоянной работы парусом, то приказывая немного увеличить его размеры, то присобрать, то приспустить реи ниже, то поднять к самому топу мачты. Джероми понимал, что делалось все это для того, чтобы погасить или, наоборот, увеличить скорость, в зависимости от того, с каким волнением они сталкивались. А волнение было непостоянным, что очень удивляло венецианцев, привыкших к плаванию в Средиземном и Черном морях.

Огромные покатые волны перемежались иногда короткими и высокими. Тогда «Возмещение» подбрасывало вверх словно тряпичный мяч.

Неожиданно волнение могло вообще спасть, и океан становился гладким. Но буквально через считанные минуты вода вздыбливалась, пена окутывала все вокруг, и корабль начинало вновь подбрасывать как мячик.

Вдруг адмирал зычным криком призвал всех на палубу. Он кричал:

— Сбрасывайте мачту, немедленно сбрасывайте мачту!

Джероми не понимал. Но по направлению, куда рукой показывал Реис, он увидел огромную волну. Точнее, даже не волну, а водяную стену, которая двигалась с востока прямо на них. Таких волн он не видел никогда. Что это было? Может быть, они у самой преисподней дьявола? Сколько же высоты в этой водяной стене, как взобраться на нее? Она ведь выше венецианского собора Святого Марка… Боже правый, сколько же в ней метров — пятьдесят, семьдесят? Волна медленно приближалась к кораблю. Матросы отчаянно пытались развязать канаты. Наконец им это удалось, рея быстро соскользнула вместе с парусом вниз. Ее развернули и бросили вдоль палубы.

— Она все ближе, сеньор адмирал, она все ближе! — закричал Лацио.

Реис истошно завопил:

— Рубите канаты, рубите! Валите мачту!

Когда «Возмещение» строилось, Джероми, как бы предчувствуя возможности сильных штормов, поставил мачту таким образом, чтобы ее можно было, в случае необходимости, положить на палубу. Для этого через весь корпус внутри корабля был построен мощный, квадратного сечения, столб. Этот столб венчала похожая на раковину деревянная конструкция, внутри которой и стояла мачта. Если отдать те веревочные оттяжки, которыми она крепилась, то можно было опустить ее в корму или в нос. Джероми знал о таких конструкциях еще с молодых лет. Ими часто пользовались пираты.

Адмирал Реис во время строительства не противился желанию Джероми. Сейчас же все понимали, что это, возможно, единственный вариант спастись. Матросы перерубили канаты. Напрягая руки и спины, они, не обращая внимания на то, что «Возмещение» кренилось то вправо, то влево, начали опускать мачту в сторону кормы. Огромное пятнадцатиметровое бревно наклонялось, пыталось вырваться из рук пятидесяти человек, удерживавших его на шести канатах. Джероми и Лацио бросились помогать тем, кто был на палубе. Кроме рулевых, все были заняты тем, чтобы удер-

жать эту огромную деревянную балку в повиновении. Если она вырвется, то, рухнув, переломится либо сама, либо переломит кормовую надстройку.

Сантиметр за сантиметром мачта накренилась в корму. Адмирал Реис командовал. Его команды перекрывал шум и грохот океана. Никто не обращал внимания на то, что огромная смертоносная волна подходила все ближе и ближе. Только ужас в глазах рулевых говорил о том, что они видят перед собой.

Мачта наклонилась еще ниже к кормовой надстройке. Джероми видел, как у одного из матросов носом пошла кровь, другого протянуло вдоль борта, раздался крик: несчастный не удержался на ногах и, перевалившись вместе с канатом за борт, упал в воду. Никто не обратил внимания на гибнущего за бортом человека.

«Возмещение» вновь накренилось, вместе с ним, с треском, ломая верхние ограждения, мачта легла на надстройку, на счастье, не причинив ей никакого вреда и не переломившись сама.

Корабль потерял ход. Адмирал Реис приказал всем спуститься под палубу и изнутри закрыть люки. Оббегая оставшихся наверху, он привязал рулевых за пояса к ограждению верхней палубы, привязался и сам. Джероми и Лацио вбежали в носовую надстройку, плотно закрыв за собой дверь.

— Ну что ж, Лацио, давай прощаться! Нам не выйти из этой передряги. Волна накроет нас и потопит…

— Прощай, Джероми! Мы были счастливыми в этой жизни. Жаль, что никто не узнает, где мы встретили смерть.

— Прощай, Лацио!

Джероми снова втиснул свое тело между двумя койками, Лацио распластался так, чтобы сквозь узкую щель видеть, что происходит перед судном. А перед судном, кроме огромного водяного вала, он не видел больше ничего…

На какое-то мгновение все стихло. «Возмещение» перестало болтать из стороны в сторону, больше не слышался крик адмирала Реиса, отдававшего приказания, не были слышны ни ужасные порывы ветра, ни шум волн.

— Это конец, Лацио, прощай…

Неожиданно нос корабля стал подниматься все выше и выше. Казалось, что судно вздыбливается, как встающий на дыбы норовистый конь.

— Боже правый, что это, что это, Джероми?

Ответом Лацио было молчание. Затем он тихо проговорил:

— Сейчас мы перевернемся. Прощай еще раз.

Но вокруг них ничего не происходило. «Возмещение» медленно поднималось на водяную гору. Секунды бежали как часы. Все вокруг замерло.

— Лацио, ты видишь, что перед нами?

— Джероми, я ничего не вижу! Впереди — темнота, ни солнца, ни света, ничего!

Мгновение, еще мгновение. Неожиданно в носовую надстройку пробились лучи света.

— Боже, где мы, Лацио?

В этот момент корабль начал медленно выравниваться. Нос опускался все ниже и ниже, а затем все произошло будто по мановению волшебника. Нос «Возмещения» резко пошел вниз, Джероми и Лацио с трудом удержались на своих местах. Вновь послышался шум воды и свист ветра. Сквозь все это Джероми услышал крик адмирала Рейса:

— Держитесь, мы падаем!

Сердце его, до того бившееся учащенно, как будто остановилось. Джероми почувствовал, как похолодели руки. Корабль вначале медленно, а потом быстрее и быстрее заскользил, проваливаясь в водяную пропасть. Джероми услышал треск, но не знал, что сломалось. Неожиданно он почувствовал, что в носовую надстройку прибывает вода. Она шла сквозь щели в бортах.

— Боже, Лацио, кажется, мы уходим под воду!

— Не знаю, Джероми, я ничего не вижу!

Скорость судна все увеличивалась и увеличивалась. Сколько секунд они летели вниз, Джероми не знал. Может быть, это были минуты, может быть — часы. Неожиданно треск усилился, затем Джероми почувствовал сильный удар. Несколько досок носовой надстройки не выдержали, лопнув, разлетелись на куски. Те, места, где они были, незамедлительно стала заполнять вода. Она бурлила и пенилась, была зеленовато-серого цвета, и Джероми подумал о том, как удивительно: все вокруг бушует, ломается, гибнет, а вода такая красивая…

«Возмещение» начало выравниваться. Вода перестала прибывать в носовую надстройку. Судно легло на правый борт, потом резко выровнялось и легло на левый. Он почувствовал, что корабль замедлил ход, затем раздался еще более сильный треск где-то в корме, и после этого судно, окончательно выровнявшись,

стало покачиваться в такт набегавшим волнам.

Джероми выбрался из своего укрытия, с трудом отворил на палубу дверь, куда за ним хлынули потоки воды из носовой надстройки. Он не чувствовал, что был по колено в воде, которая скатывалась по палубе, сбегая оттуда в океан. То, что он увидел, было, пожалуй, страшнее того, что он мог бы вообразить. За ними стояла огромная черная волна, уходящая на запад. Он не мог понять, как они ее преодолели. Он не знал — Господь ли, или какие другие святые помогли им перенестись через эту страшную стену.

Адмирал Реис, стоящий на кормовой надстройке, был бел. Его лицо не выражало ничего. Джероми увидел, что один из рулевых лежит на палубе. Наверное, он потерял сознание, видя окружающее. Двое других держали в руках беспомощно повисший румпальник. Будучи отличным моряком, Абаджио понял: «Возмещение» потеряло руль. Он быстро пробрался к кормовой надстройке, поднялся к адмиралу Реису, обнял его и произнес:

— Адмирал, придите в себя, мы живы! Поймите, мы живы, адмирал!

Тот вздрогнул. Он был абсолютно мокрый, с ног до головы его окутывала водяная пыль. Джероми перегнулся через перила и увидел, что руль «Возмещения» болтается на одном креплении, часть его провисла и тянулась за кормой, не оказывая никакого влияния на их маневренность.

— Мы живы, адмирал, мы живы! Руль сломан, но мы живы!

Волнение было значительно слабее, чем до прихода волны-убийцы.

— Надо немедленно ставить мачту. Немедленно! Если мы поставим ее, нам удастся плыть без руля. А руль, пусть только шторм стихнет, мы поставим на место. Поставим! Адмирал, придите в себя, отдавайте команды!

Реис вышел из оцепенения, подошел к Джероми. Его руки дрожали.

— Отдавайте приказания вы, Джероми. Немедленно матросов на палубу! Я должен переодеться, меня знобит…

Он спустился вниз и пошел в свою каюту. Джероми крикнул Лацио, чтобы тот вызывал матросов на палубу. Медленно, с ужасом в глазах они поднимались и смотрели вслед уходящей водяной горе. Она закрывала весь горизонт за их кормой. Впереди же по курсу свинцовое небо стали разрывать слабо пробивавшиеся лучи солнца.

Борьба с мачтой прошла более успешно, чем тогда, когда они ее опускали. Через полчаса ее удалось поднять, а еще через час закрепить на своем месте и растянуть. Вскоре был поднят и парус. Корабль перестал болтаться, как поплавок, на волнах, постепенно выровнялся и начал набирать ход. Штормовая команда зафиксировала руль, чтобы его не обломало окончательно. Впереди их ждала ночь.

За время плавания Джероми и Лацио редко сталкивались с Алипашой. Но сейчас они увидели, как тот быстро прошел в помещение адмирала Реиса. Матросы, установив мачту, наскоро исправляли поломки, которые принесла страшная буря и волна-убийца.

Джероми послал несколько человек в носовые помещения с деревянными молотками и просмоленной каболкой. Оттуда доносился стук. Каболка забивалась в щели расшатанных досок. Матросы заменили и те из них, которые были разбиты.

Вскоре они узнали, почему так быстро к адмиралу бежал Али.

Все заключалось в том, что во время бури от сердечных приступов и травм умерло четыре матроса. Адмирал Реис подвел печальный итог, выйдя на палубу.

— Мы потеряли пять членов экипажа. Один погиб, упав за борт, у четверых не выдержало сердце.

Адмирал приказал немедленно зашить умерших в белые холщовые мешки. Он быстро прочел молитву и еще до захода солнца с привязанными к ногам камнями, взятыми из балласта, бывшие матросы «Возмещения» были отправлены в водную пучину.

Ветер и волны подталкивали корабль к неизвестным берегам. Радовало только то, что тучи на небе на какое-то время разошлись, и адмирал Реис, долго всматриваясь в звездное небо, определил их местоположение.

— Если будут еще сутки спокойной погоды, то вскоре мы увидим очертания северных берегов Суматры. За ними нам удастся спрятаться, и тогда, возможно, с помощью Аллаха, мы прибудем в Малакку.

Джероми попросил адмирала предоставить ему и Лацио несколько минут для разговора. Они вошли в каюту, и он, обратившись к Реису, попросил объяснений:

— Адмирал, если бы не события предыдущих дней, не та грань, на которой мы стояли, будучи между жизнью и смертью, я, возможно, никогда бы не решился задать вам несколько вопросов. Но сейчас настал момент, когда я вынужден это сделать.

— Что вы хотите, Абаджио?

— Вы знаете, я случайно заметил, как в Кочине вам был передан сверток. Потом видел разноцветные камешки, которые вы высыпали за борт.

— Ну и что?

— Я также понял, что означает красная лента, которая подвешивается внизу венецианского флага, когда мы подходим к португальским крепостям. Это условный знак и сигнал тем людям, которые являются вашими лазутчиками и доносят о том, что происходит в крепостях.

— Вы сообразительны, Джероми. И что из этого?

— Из этого, адмирал, следует очень многое. Во-первых, то, что эта экспедиция была задумана и запланирована очень давно. Следует то, что вы, может быть, за год, а может быть, за пять-шесть лет до этого отправили лазутчиков во все португальские крепости, основанные на побережьях Африки, Аравии, Индии, возможно, и Китая. Там они собирали для вас информацию. Уже тогда, много лет тому назад, вы обдумали план, по которому будет создано судно в одной из европейских морских стран, которое затем пойдет по маршруту этих крепостей, чтобы собрать необходимую вам информацию.

— Ну и что, я вновь спрашиваю вас? Что из того, что это было задумано ранее? Каждый год, каждые несколько лет, каждые полгода в Османскую империю приходят караваны, торговые суда. Иногда купцы выполняют отдельные поручения, которые им даю не только я, но и другие слуги султана. Эти люди собирают для нас информацию. По ней мы составляем видение того, что происходит в мире, и определяем стратегию и направление политики султаната. Разве ваша республика поступает по-другому? Любая страна должна защищать свои владения, и не только защищать их, но и быть очень активной в своей политике. Разве это для вас секрет, сеньоры Абаджио и Лацио?

— Нет, это для нас не секрет. Секретом является другое: задумывая свой план, вы знали, что мы станем его частью?

Адмирал Реис повернулся вполоборота к Джероми.

— Да, я знал, что именно вы, сеньоры Абаджио и Лацио, потребуетесь для осуществления моего плана.

— Но откуда вы знали о нас?

— Я знал о вас очень многое от вашего отца, Джероми. Этот прекрасный, мудрый и очень опытный человек так любит вас! И часто во время бесед со мной он упоминал ваше имя, потому что гор-

дится вами — как человеком смелым и ловким; человеком, который участвовал во многих военных походах и очень часто оставался победителем.

— Так что, для того, чтобы мы попали к вам в плен, вы придумали целую операцию с генуэзской колонией в Александрии, которую мы вынуждены были спасать?

— Нет, конечно, нет. Просто я был совершенно уверен, что те события, которые происходили после захвата Египта Османской империей, вызовут желание султана избавиться от генуэзского поселения на его землях.

Между прочим, колонисты вели постоянное наблюдение за количеством военных и их передвижениями, а также за тем, как готовятся и проводятся торговые операции и сделки османских купцов. Они шпионили в пользу Генуи, и было решено колонию уничтожить.

Но я не ошибся, когда понял, что именно вы будете участвовать в спасении колонистов. В душе я даже подозревал, каким именно образом вы постараетесь вначале забрать те секретные документы, которые были собраны колонией, а затем уже вывезти людей.

Ну что ж, это получилось у вас прекрасно! Вы ловко провели меня, но что-то получилось и у меня, — засмеялся адмирал Реис.

Джероми был в бешенстве. Он хотел кинуться на адмирала, но Лацио крепко держал его за руку.

— Вы бессовестный человек, адмирал! Вы использовали нас!

Адмирал резко повернулся и приблизился к Джероми.

— Вы мои пленники — и вы, сеньор Абаджио, и вы, сеньор де Калье. И вы знаете, что служите мне, потому что ценой этой службы является жизнь вашего отца. И давайте закончим этот спор. Вы нужны были мне — я приложил все усилия к тому, чтобы завладеть вами и пленить, что и было сделано.

Но я все же рассчитывал, что та собранная информация, которая находилась в колонии, попадет ко мне вместе с вами. Так что, мы квиты. Мы потеряли очень многое в связи с тем, что в Геную, а затем и в другие страны попало то, о чем там не должны были знать.

А это, в первую очередь, количество наших войск, кораблей и судоверфей, оружия, пушек и многое-многое другое… Так что, полагаю, сеньоры, мы квиты. И вы сейчас отрабатываете то, что было передано в Европу.

А теперь идите спать. Я больше не хочу вести беседу в подобном

тоне. Вам нужно молиться своему Богу, а мне — своему, чтобы он дал нам спокойную ночь и день, чтобы после этого мы могли укрыться у берегов Суматры и любой ценой прийти в Малакку.

— Где вам также передадут необходимую информацию, адмирал Реис?

— Да, где я получу вновь необходимую мне информацию. А вы точно так же исполните свои обязательства по отношению ко мне, когда передадите в крепость документы, которые находятся у вас, и договоритесь о стоянке на одной из судоверфей, где будет произведен ремонт корабля. Доброй ночи, сеньоры!

Ночь и следующий день прошли спокойно. Как и ожидал адмирал, к вечеру следующего дня они увидели очертания невысоких берегов. Обойдя их с севера, «Возмещение» легло на курс, позволявший ему идти рядом с берегом. Делалось это для того, чтобы при необходимости, и в первую очередь при ухудшении погоды, можно было укрыться в одной из спасительных бухт и стать на якорь.

Прошел еще день, за ним ночь. Вскоре пролив начал сужаться, и они увидели очертания города. Это была Малакка.

Адмирал Реис часто находился на верхней палубе, беседуя с рулевыми и Али-пашой. За последнее время он не обмолвился ни словом ни с Джероми, ни с Лацио. Но все же, когда город и его мечети с высоко поднятыми минаретами стали видны более отчетливо, он позвал венецианцев к себе.

— Малакка была основана всего лишь два столетия тому назад, — проговорил адмирал. — Она стала городом-государством, одним из крупнейших портов на востоке. Сюда стекается со всех сторон огромное количество разноименных грузов. Это шелка, оружие, сосуды, золото, драгоценные каменья. Всего четырнадцать лет тому назад португальцы во главе с Албукерки после ожесточенного обстрела овладели городом. Тогда стало понятным, что в их руки перешла вся торговля между Китаем и Индией.

Джероми и Лацио еще долго расспрашивали адмирала Реиса о том, что сталось с городом после захвата его португальцами. Заканчивая рассказ, адмирал сказал:

— Ничего ужасного не произошло. Португальцы изолированы, они живут, в основном, в своей крепости, им платится дань за проход и количество товаров. Сам же город продолжает жить своей жизнью. Он очень многонационален. Живут здесь и арабы, и китайцы, и хрис-

тиане. Это большой город. Я не был в нем уже давно, но, судя по тому, что я вижу, он еще больше разросся. Мы станем на якорь, и я прошу вас, сеньоры, завтра отправиться в крепость.

На следующий день Джероми и Лацио отправились к коменданту крепости, который принял их достаточно радушно, внимательно изучил все письма и маршрут следования «Возмещения». Они долго рассказывали ему о страшном шторме, который пережили всего несколько дней тому назад. Он же, в свою очередь, рассказал о том, что шторм зарождался недалеко от этих мест, и уже здесь, в самом своем начале, принес большие беды.

Многие поля, засеянные рисом, были залиты сильным ливнем, пальмы выкорчеваны ураганным ветром. Когда же Джероми и Лацио рассказали ему о волне-убийце, он подивился, как они остались живы. Легенда о их плавании в Китай с поручением к императору, как и в других крепостях, не вызвала никаких подозрений. Удивление коменданта вызвало лишь то, что они видели смертельно больного вице-короля Индии — Васко да Гама.

— Но мне сообщили, что он только недавно прибыл, — в сердцах сказал комендант.

— Да, это так. Но мы видели — он серьезно болен. Его хотят перевезти в Кочин, но выдержит ли он эту дорогу, никто не знает.

Джероми просил коменданта указать им судоверфь, на которой можно было бы произвести недорого и качественно ремонт корабля. Комендант вызвал своего помощника, и тот подробно описал им человека, к которому им нужно обратиться на восточной окраине города.

Джероми и Лацио покинули крепость и вернулись на судно. Ближе к вечеру к борту подошла большая малайская лодка, в которой их приветствовал темнокожий с резко очерченными косыми глазами человек, сказавший, что хозяин послал его как проводника помочь пришвартоваться «Возмещению» на судоверфи.

Судно вскоре пристало к широкой и большой деревянной пристани.

Осмотрев его, малаец покачал головой и сказал:

— Большие повреждения. Чтобы качественно все отремонтировать, нужна неделя. — Он поднял руку и указал на большой дом.

— Если вам будет что-то нужно, то приходите в дом хозяина.

Когда малаец ушел, Джероми стал искать адмирала.

Реиса нигде не было видно. Джероми подтолкнул Лацио и сказал:

— Видимо, адмирал опять загримировался и его никто никогда не узнает в команде матросов «Возмещения».

— Ох, как хитер этот человек! Я все думаю о нашем разговоре. Как долго он готовился к этой экспедиции! Видимо, поэтому, мой друг Джероми, она и проходит достаточно успешно. Все продумано до мелочей… Ну, что ж, давай сходим в дом к хозяину? Мне он понравился — ловкий человек. Ты посмотри, сколько судов стоит возле его причала и какие все они удивительные, странные… Вот эти, с такими широкими и тупыми носами — что это?

— Я читал о них в книгах отца. Эти суда называют «джонки». Мы будем сталкиваться с ними теперь постоянно. А вот арабских, таких, под которые было загримировано наш «Возмещение», мы вскоре не будем видеть вообще.

Они прошли через пирс между штабелями сложенных досок и бронзовых чушек. Недалеко от дома лежали груды балласта. Видели они и огромные сараи, в которых хранилась сезаль для изготовления канатов, и небольшую кузницу, в которой дымился горн.

Высокий дом малайца стоял на двенадцати мощных опорах. К его центральной двери вела лестница. Джероми поднялся. Вход ему закрывала не дверь, а плетеная и разукрашенная пальмовая циновка. Он поднял ее и вошел внутрь. Лацио несколько замешкался и, подняв глаза, в окошечке над дверью увидел милое женское личико. На него смотрела европейка, только ее глаза были чуть-чуть раскосыми. Лацио хотел что-то сказать, но видение в окошке исчезло.

Он вошел за Джероми. Хозяин верфи встретил его на пороге. Рядом с ним стоял тот самый малаец, который препроводил «Возмещение» на судоверфь. Сейчас он стал для них переводчиком. Их пригласили на ужин, во время которого речь шла о ремонте и их путешествии. Ужин проходил в небольшом зале, где на низком столе были разложены восточные яства.

Когда по приглашению хозяина они разместились, в комнату вошло несколько женщин, которые несли большие подносы, ароматно пахнущие восточными пряностями. Лацио сразу же в одной из этих женщин узнал юную незнакомку, которая смотрела на него из окна. Будучи по натуре нетерпеливым, он обратился к малайцу-переводчику:

— Скажи мне, кто эта девушка, которая прислуживает нам?

— Это приемная дочь хозяина.

— Но она же не малайка и не китаянка!

— Нет, сеньор, ее отец был европеец, он умер от малярии. А мать у нее китаянка, но она очень бедна и вынуждена была отдать дочь нашему хозяину в услужение.

— Она говорит по-европейски?

— Она знает несколько языков, потому что при жизни отца получила хорошее образование. Если вы хотите поговорить с ней, то вначале я должен спросить разрешения хозяина.

— Что ж, спроси. Эта девушка мне интересна.

Услышав их разговор, Джероми резко дернул Лацио за рукав камзола.

— Зачем тебе эта девушка, что ты вбил себе в голову?

— Она произвела на меня странное впечатление, со мной что-то произошло. Джероми, ты слышишь?

— Перестань, остановись. У нас впереди плавание и возвращение домой.

— Но вспомни, вспомни слова того халдейского мудреца: я встречу именно ту, которая мне нужна.

Джероми еще раз одернул Лацио:

— Перестань, замолчи. Мы поговорим обо всем на борту судна. Помни: главная цель — это вернуться живыми домой.

Глава 16. **Часть вторая.**

Дорога за оловом

И снова в океан. — Прыжок через Бары. — Парусная Мекка. — К берегам Испании. — Коварство Кантабрийского моря. — Спасительная бухта.

Наутро задул попутный ветер. Сборы были быстро завершены, и в предрассветный час «морской конек» выбрался из уютной гавани городка Ле-Пале на простор Атлантики. Как при выходе из Бреста, так и теперь был разработан генеральный курс.

Ливан вновь собирался осуществить пересечение Кантабрийского моря напрямую. К сожалению, ни уговоры Кирилла, ни доводы Селима, ни предостережения местных жителей, которым так полюбился «Мелькарт», ни к чему не привели. Первый опыт капитана ничему не научил.

Вначале плавание шло спокойно, волнения практически не было, ветер легко раздувал парус, подгоняя кораблик в глубину Биская. Взошедшее солнце обогрело молодых людей, которые разделись до плавок и стали загорать.

— Ну, наконец-то тепло и наш ветер! — с восторгом сказал Ливан, управлявший судном.

Кок предложил горячий чай. У всех было хорошее настроение. В течение дня, пока позволяла погода, «Мелькарт» уходил все дальше от берега. Вечер и ночь прошли спокойно, однако к обеду следующего дня ветер усилился и принес с собой высокую попутную волну. Скорость возросла, еще более обрадовав капитана и Фарика.

— Эй, скептики, смотрите! Дня четыре такого ветра — и Бискай за нами, мы будем в Галисии!

— Не спеши, Ливан, не спеши! Дай Господь, чтобы к вечеру ветер не поменял направление.

— Эх, вы всегда такие скептики, а я вам говорю: ветер наш, все будет прекрасно. Раз мы вышли в океан, то победим его!

«Что значит победим?», — подумал Кирилл. — Как объяснить ему, что океан нельзя победить? На такой скорлупке, как наша, его можно только перехитрить. Штурмом здесь не возьмешь, мы не на огромном пароходе. Здесь гибнут и большие суда…».

Он вновь вступил в спор, однако Ливан не слушал, он был поглощен управлением корабля, который все быстрее и быстрее рассекал набегавшие волны. Фарид, который все чаще прислушивался к мнению Кирилла и Селима, проворчал про себя: «Эх, быстрый человек Ливан, да только словами океан не пересечешь…».

Ночью, как и предполагали Кирилл и Селим, ветер начал менять направление. От берега они ушли вглубь Кантабрийского моря и за два дня прошли 150 миль. Разгулявшиеся волны начали беспощадно бить кораблик в правый борт. Буквально на глазах выростала их высота. Они, проваливаясь между гребнями, зачастую видели пенящиеся кромки волн у себя над головой. Раз за разом их судно выныривало из пенных пропастей и казалось, что великан-волшебник играет, подбрасывая их на ладонях.

Мачта вновь начала скрипеть в гнезде, но будучи более жестко растянута, уже не пыталась выпрыгнуть из него. «Мелькарт» хорошо слушался руля, но скоро все заговорили о том, что придется курс, проложенный Ливаном, менять. Кирилл, пошатываясь на полусогнутых ногах, пробрался по переходному мостику на корму.

— Ливан, послушай, я знаю это море. Это не Средиземноморье, здесь шутить нельзя, надо менять курс, или вскоре нас начнет захлестывать боковыми волнами.

Он кричал это Ливану через усиливающийся ветер. Ливан передал ему управление судном и спустился в штурманскую. Там он сосредоточился над картой, больше похожий на паука, который распростерся в своей паутине над жертвой, внимательно рассматривая, куда они могут прийти, если начнут укрываться от шторма.

Наконец-то он вынырнул из люка и указал Кириллу новый курс. Тот повернул руль, и кораблик сразу выровнялся. Если раньше он плясал и бился в волнах, то теперь стал грациозно переваливать через них. Подобрав парус и уменьшив скорость, они пошли вновь в сторону французских берегов, пытаясь все же, насколько это было возможно, держаться дальше от скал. Но ветер и шторм были неумолимы. Как ни старался Кирилл, а затем сменивший его на руле Фарик, они упорно двигались в сторону берега.

Ночь прошла тревожно. Утром им удалось рассчитать пройденное расстояние, и оказалось, что они находятся на 40 миль ближе, чем сутки тому назад. А маршрут их, проложенный по карте, выгля-

дел наподобие крюка, по которому они возвращались к побережью Франции.

— Чтобы изменить положение, понадобится примерно три дня, — посчитал Ливан.

— А ты хотел победить океан, — сказал ему с укором Кирилл. — Ветру не прикажешь. Счастье, что волнение поубавилось. Не нужно так напрягаться на руле, можно отдохнуть и половить рыбу.

К обеду сквозь тучи пробилось солнышко. Как и двое суток тому назад, они стали загорать. Ветер сник, но его направление было таким же, как и в предыдущие дни. На палубе зазвучали морские байки. Каждый из тех, кто впервые участвовал в этой экспедиции, да и вообще в такой экспедиции, считал себя морским волком.

Привлеченные необычным корабликом, вплотную к его борту подошли и начали резвиться дельфины. Выпрыгивая из воды, они словно поддразнивали пришельцев, приглашая в свою стихию. Дельфины следовали за ними более двух часов, а потом устремились в сторону огромного сухогруза, шедшего к берегам Англии.

Ветер и волнение не позволили сменить курс. Смирившись с неизбежным, Ливан любовался океаном. Неспешные разговоры вернули их к походам древних. Вновь рассказывал Селим:

— Знаете, в описаниях плавания Гимилькона много неясного. В одном месте речь идет о море водорослей, некоторые считают, что это Саргассово море, но оно — на той стороне океана, за тысячи миль отсюда. Могли ли так далеко заходить карфагенские мореходы?

Ливан приподнялся на локте.

— Уверен, что могли. Я верю в то, что карфагеняне плавали в Америку.

— А мне вот верится с трудом, — сказал Кирилл. — И вообще, лоция Гимилькона это хорошо сработанная компиляция многих источников. Что-то видел сам карфагенянин, иное добавлено из знаний других мореходов, а может, и самим Авиеной, который его цитирует. Известно, что финикийцы и карфагеняне редко писали правду о своих походах, сдабривая рассказы вымыслами и небылицами. Морские байки, которые мы все любим, старинный жанр. А делалось это для того, чтобы отбить охоту у конкурентов плавать к неизвестным землям.

— Есть легенда о том, что когда карфагенский корабль шел вдоль побережья от Столпов Геракла, или Мелькарта, как их называли тог-

да, за ним в погоню увязался греческий корабль, моряки которого хотели узнать дорогу к рудникам, где добывалось олово и серебро. Так вот, карфагеняне специально направили свой корабль на острые камни. После крушения люди спаслись, потеряв все имущество. Но когда через год им удалось добраться до Карфагена, они были вознаграждены Сенатом этого города за мужество, смелость и отвагу. Им были возвращены все средства, потраченные на экспедицию, и гораздо более этого.

— Вот это самоотверженность! И что же, греки так и не узнали дорогу к Оловянным островам? — спросил Ливан.

— Не знаю, узнали или нет, но остается не доказанной возможность финикийцев, карфагенян и греков далеко уходить в океан, хотя плавания вдоль берегов были дальними и продолжительными. В VI веке до нашей эры финикийцы по приказу египетского фараона Нехо обогнули Африку, пройдя расстояние куда большее, чем Колумб к берегам Америки.

Некоторые историки в XV веке, ссылаясь на древние источники, предполагали, что античные мореходы открыли-таки Саргассово море, часть штилевой области в западной субтропической полосе Атлантического океана. И даже добирались до Нового Света. Однако до нашего времени не найдено ни одного серьезного доказательства того, что средиземноморские смельчаки бывали в этой части Атлантики.

На судне вспоминали о тех, кто занимался реконструкцией судов. Вспоминали тростниковые суда шумерийцев, корабли викингов, которые строили в Норвегии и Дании, пересекавшие в двадцатом столетии неоднократно океан по Северному пути. Вспоминали и тех, кто готовил эти экспедиции, в особенности Тура Хейердала, великого норвежца, мечтателя и, пожалуй, последнего романтика этого мира. Его гипотезы так и не были подкреплены археологическими находками, но это сегодня, что будет через много лет — никто не знает. Возможно, великий странник был прав. И Америка была открыта задолго до викингов и Колумба.

На четвертый день, описав дугу почти в 220 миль, «Мелькарт» вновь подошел к берегам Франции южнее острова Ио. Здесь ветер снова поменялся, что позволяло судну идти вдоль берега. Не раз на палубу поднимался Ливан. Он вскидывал руки вверх, очевидно, призывая Аллаха, с единственным вопросом: есть ли хоть какая-то на-

дежда оторваться от опостылевшего берега? Ответом ему было монотонное поскрипывание мачты. Колышущийся колдунчик сообщал: ветер не отпускает судно вглубь океана, любая попытка отклонить его более чем на 30 градусов от этого направления приводила лишь к замедлению хода. Бискай упорно брал свое. На счастье, хорошо ловилась рыба, развлекая экипаж и давая работу повару.

Однажды даже удалось поймать длинную рыбу-меч. Когда ее замерили, убедились, что длина 1 метр 20 сантиметров. На удивление, мясо, странное, зеленоватое, оказалось очень вкусным.

Прошел пятый день после выхода из порта Ле-Пале. Ночью они прошли мимо скрытой туманом Ля-Рошели.

— Сложный маршрут, — сказал Селим, обращаясь к Кириллу.

— Что здесь сложного? Это же не настоящие шторма, ты же видишь — движемся мы более-менее нормально, не надо только уходить далеко в океан. Если идти вдоль берега, мы гораздо быстрее будем у побережья Испании.

— Я согласен с тобой. Понимаешь, Ливан, Фарик и другие ребята — они хотят сразу осуществить что-то большое, грандиозное. Им кажется, что если они уйдут от берега и пойдут вглубь, то прославят себя.

— Ты знаешь, Селим, я давно изучаю прошлое и уверяю тебя: древние были очень осторожны. Если бы они не были таковыми, то непременно гибли бы, их суда никуда бы не доходили. Они предчувствовали погоду, знали и чувствовали каждое дуновение ветерка, каждую пролетевшую над их головой тучу, и это помогало им избежать опасности, вовремя укрыться в удобной бухте, вытащить судно на берег, вовремя выйти в море. Не надо штурмовать и силой брать то, что невозможно покорить…

Их разговор прервал сидящий на руле Фарид:

— Смотрите, смотрите — впереди по курсу судно!

Присмотревшись, Кирилл увидел большое судно, двигавшееся в их направлении. Оно было слабо освещено и где-то через час прошло совсем недалеко от борта финикийского корабля. В этот момент на мостике траулера их заметили. Очевидно, капитан дал приказание изменить курс. В утренних лучах солнца они медленно описали дугу вокруг «Мелькарта». На палубе показались моряки, в руках у которых были фото- и кинокамеры. Они стали фотографировать их, размахи-

вать руками, что-то выкрикивать. Все участники экспедиции оказались под пристальным вниманием.

Кирилл заметил, что ребятам это нравится. С траулера им сообщили прогноз погоды. Он был неутешителен. Ветер в последующие дни станет северо-западным, а значит, начнет прижимать судно еще сильнее к берегу. Короткое совещание привело их к единственно правильному решению. Селим и Кирилл были рады, что Ливан прислушался к ним: нужно было уходить от встречных ветров, зайти в небольшой порт, первый на их пути, и укрыться там. Таким портом для них мог стать небольшой туристический и рыбацкий городок Аркашон, лежащий в глубокой, закрытой от ветров бухте.

Согласившись с ними, Ливан был расстроен. Успокоило его лишь то, что за пять дней они прошли почти 400 миль и не следует признавать поражения, просто бороться с океаном нужно, пытаясь перехитрить, а не штурмовать его.

Сумрачное дождливое утро застало их на входе в глубокую бухту Аркашона. Они впервые заходили в порт, лежащий так глубоко да еще закрытый песчаными отмелями, которые справа и слева, словно стражи, охраняли спокойствие бухты. Во время отливов песчаные косы, лежащие под водой, оголялись. Во время приливов они были практически не виды. Об их существовании говорили только пенные гребни, вздымавшиеся над местами, где под водой был песок. Никто, в том числе и Ливан, не знал, как правильно найти фарватер, хотя он и был обозначен. Не было большого труда, сделав крюк, зайти в бухту по всем правилам, но они ошиблись. Ошиблись все: Ливан, Фарид, Фарик, Селим и сам Кирилл.

Счастьем было лишь то, что кораблик, построенный ливанцами, имел малую осадку и плоское днище. Не попав в фарватер, они, можно сказать, перепрыгнули через песчаную отмель. Кирилл явно и отчетливо слышал шум песка под днищем судна. А сидевший на руле Фарик говорил, что показалось, будто рулевое весло проскребло по грунту. Прыжок их длился всего 2-3 минуты, но страха они натерпелись вдоволь. Сядь судно на песок — и двухметровые волны опрокинули бы его как игрушку. Им просто повезло.

Позже местные жители, видевшие прыжок, приходили на стоящий у причала кораблик и рассказывали, что только в этом году на барах погибло три яхты вместе со своими экипажами. Их капитаны

также неправильно рассчитали вход в гавань. Спасибо тем, кто разметил фарватер, и ошибку, как сказал Кирилл Селиму, «...нужно признать только нашу собственную. Все было сделано для того, чтобы мы нормально вошли в порт».

Пройдя бары, они в глубине бухты столкнулись со встречным ветром. Опустили реи и парус, собираясь стать на якорь. Французы, узнав, что на лодке, кроме весел, нет никакого двигателя, предложили отбуксировать их в яхт-клуб, расположившийся в глубине бухты.

Этот яхт-клуб был одним из самых больших на Атлантическом побережье Европы. Зимой он вмещает почти три тысячи яхт и катеров, а летом бухта — это Мекка для тех, кто любит парус.

Ошвартовавшись, они почувствовали заботу и тепло сотрудников яхт-клуба. Им выдали специальные жетоны, благодаря которым экипаж с удовольствием помылся. Кто хотел, побывал в сауне. В яхт-клубовском баре их накормили горячей едой. Вскоре к «Мелькарту» стали приходить гости. Собравшиеся хотели узнать, какой путь проделали смельчаки на такой небольшой лодке и не боятся ли они идти дальше. Вопросам не было конца, и только поздно вечером, отдохнув от посетителей, вымывшись и приведя себя в порядок после недели скитаний, экипаж собрался на праздничный ужин.

Ночь разбросала по небу мириады звезд. Вино расслабило всех, за исключением капитана. Ливан нервничал — экспедиция складывалась не так, как ему хотелось. Он думал, что все будет быстро. Что они быстро обогнут побережье Испании и тем самым легко докажут то, что финикийцы без всяческих проблем посещали далекие берега и возвращались назад. Однако все это было не так.

Им вторично не удалось пересечь Бискай напрямую, но волею случая они оказались в красивейшем городе-курорте на Атлантическом побережье Франции.

Утром Кирилл отправился в офис яхт-клуба. Вывешенные листы с прогнозом на ближайшие дни не обещали ничего хорошего. Ветра дули постоянные, средней силы, но их направление полностью противоборствовало движению, выбранному экипажем финикийского корабля.

Такая погода должна была продлиться три-четыре дня, оставалось только ждать. Дни, проведенные во французском городе, протекали однообразно. Кирилл много спал, время от времени в его душу

заползали грустные мысли о своей неразделенной любви. Часто он думал и о Джероми.

Адмирал Джероми Абаджио. Как интересно… Что же связывает его с этим человеком? Иногда все уходит, как будто в пустоту, и связь с ним прерывается, а иногда, как в Регенсбурге — отчетливо, будто наяву, вижу его…

Все-таки надо попросить сеньора Данио, чтобы он помог найти в архивах побольше сведений об этом человеке, ведь до момента той битвы он прожил 80 лет. Были же и другие походы.

И кто тот человек, находившийся рядом, которого он видел не раз...

Все-таки хорошо, что он пошел в экспедицию. Во время вахт, в плохую погоду или наоборот, тогда, когда ему выпадало время нежиться на солнце, он отвлекался от мыслей, которые одолевали его дома. И от них, да и, возможно, от Джероми, который также влиял на него.

Наступил день, когда даже такому упорному ветру надоело одно направление и после суточного затишья он задул в сторону берегов Испании. Времени на долгие размышления не было. Ранним утром, пройдя по фарватеру в окружении десятка маленьких яхт и катеров, они в третий раз начали штурм Биская. Как и предполагал Кирилл, Ливан вновь проложил курс, желая за ближайшие четыре-пять дней оказаться у берегов Галисии. Спорить с ним было бесполезно. Его доводы заключались в том, что они и так на стоянках потеряли очень много времени и теперь нужно быстро наверстать упущенное.

— Послушайте, что я вам хочу сказать, друзья! Две недели на Бель-Иле и здесь, в Аркашоне. Если так пойдет и дальше, то мы за этот сезон не сможем дойти даже до Кадиса.

Кирилл не стал его перебивать, но про себя подумал: финикийцы осуществляли плавания к столь далеким берегам и назад за три года, а не за три месяца. Эх, Ливан, Ливан, куда ж ты спешишь? С этой спешкой можно попасть в беду…

— Ну что ж, раз все — «за», и я тоже, — тихо проговорил Кирилл, повернувшись к Селиму.

— Попробуем в третий раз, Кирилл, не расстраивайся. Ливан человек упрямый, но, может быть, и он когда-то прислушается к твоим доводам.

Попытка номер три началась. Кораблик легко заскользил вдоль

берега, а точнее — вдоль высокой, необъятной песчаной дюны. Эта дюна самая высокая в Европе. Ее высота более двухсот метров. По желтоватой поверхности песчаной горы скатывались темные горошины. Это были люди, скользившие по песку вниз. Члены экипажа, побывавшие на дюне, с восторгом вспоминали свои ощущения. Кирилл тогда не пошел с ними, предпочитая отдых ходьбе, а теперь жалел.

— Здорово там было! Помнишь, Фарид, катились по песку, словно с ледяной горы! Едешь так же, только чуть медленнее. Зря, Кирилл, ты не пошел с нами.

— Ну, что ж поделаешь! Как-нибудь в следующий раз.

— А ты мечтаешь побывать в Аркашоне еще?

— А почему бы и нет? Такой красивый город…

За бортом вновь показались дельфины. Они плыли за судном несколько часов, но позже, когда корабль стал терять из виду берег, отстали и повернули назад.

Завтрак, обед, ужин… Завтрак, обед, ужин… Приемы пищи чередовались с ловлей рыбы и игрой на маленькой свирели, которую взял с собой Селим. Вахта сменяла вахту. Океан был величественный и спокойный. Скорость судна то падала до двух узлов, до вырастала до четырех. Где-то слева по курсу, в глубине Биская, остался французский департамент Гасконь и одноименный с ним залив — опасное место для мореплавания даже в хорошую погоду. Он мелководен и по своему коварству напоминает Азовское море. Об этом Кирилл еще раз напомнил и Селиму, и всем членам экипажа.

— Надо быть осторожными, чтобы не столкнуться со встречным штормом и чтобы он не отнес нас к берегам Гаскони. Там очень опасно.

Никто не обратил на его слова особого внимания. Погода была хорошей, солнце стояло над горизонтом, легкий ветер раздувал парус. Селим отвел Кирилла в сторону и произнес:

— Знаешь, что я думаю? Все же гиблые здесь места — холодное море, жестокое.

С ним трудно было не согласиться. Кирилл кивнул головой.

— Ты знаешь, я раньше ходил по Бискаю! По правде, уже тогда не верил, что финикийцы могли сюда плавать свободно, раз за разом достигая Оловянных островов. А сейчас я абсолютно уверен, что это невозможно. Каждая волна несет опасность. А входы в бух-

ты! То скалы, то отмели, то впадающие реки, с течением которых не справиться…

Вскоре погода полностью подтвердила его слова. Вечером на четвертый день после того, как они вышли из Аркашона и казалось, что все-таки удастся достичь берегов Галисии, ветер окреп. В этот момент корабль находился на траверзе небольшого испанского порта Хихон. А за бортом после выхода из Аркашона осталось не более двухсот миль. Наступило очередное погодное межвременье, грозившее или перейти в шторм, или, как минимум, резко изменить направление ветра. «На счастье», произошло и то, и другое.

В два часа ночи ветер будто сорвался с цепи и вскоре разогнал крутую высокую волну. Ливан заранее подготовил экипаж, был присобран парус, проверены все оттяжки, удерживающие мачту, плотно пригнаны и закрыты люки. Каждый из участников экспедиции понимал, что противиться идущему в лоб шторму — бесполезно. Нужно пытаться зайти в Хихон. Капитан был расстроен. Кирилл видел это, но понимал, что сейчас ему требуется помощь каждого из тех, кто находился на борту.

Ветер постепенно окреп, усилился и стал относить судно в направлении, противоположном их движению. В Хихон им зайти не удалось. С рассветом стало понятно, что, пройдя Хихон, они неумолимо приближаются к берегу. Укрыться можно было только в небольшом туристическом городке, который назывался Льянес. Если этот маневр не удастся, то непогода, которая разыгралась не на шутку, за сутки отбросит их в залив Гасконь.

К девяти часам утра открылся покрытый свинцовыми тучами гористый берег. Скалы, рокот волн, холодный мелкий дождь.

— Смотри, Кирилл, вот тебе и Бискай — все в одном лице, улыбка и гримаса, — прокричал, перекрывая рокот ветра, Селим.

Кирилл мотнул головой и показал ему на вершину высокой скалы.

— Маяк, маяк! Смотри, вход в порт прямо под ним. Ширина очень маленькая, если верить лоции — всего каких-нибудь семьдесят метров. Промахнемся — беды не миновать, там вокруг одни скалы, к тому же ветер несет нас вдоль берега и будет на них наносить! При таких волнах весла не поставишь, ты слышишь меня, Селим? Иди, объясни это Ливану. Нужно идти дальше, уходить от берега, иначе можно разбиться о камни.

Неожиданно для всех из входа в порт вылетела красная моторная лодка с белым крестом на борту. В считанные минуты она подошла к борту «Мелькарта». Если кораблик прыгал на волнах как мячик, то вверх, то вниз, то эта небольшая резиновая лодка взлетала до уровня мачты корабля, а затем падала в глубину бушующих волн. Но сильный мотор и опытная рука рулевого делали суденышко непотопляемым. Оно было очень мореходным. Долго не раздумывая, Кирилл бросился на нос и поднял швартовый канат. Спасатель махнул рукой, и тогда он бросил ему веревку, которая через некоторое время натянулась. «Мелькарт» получил дополнительный порыв. Его нос отклонился, и все поняли, что благодаря этому маневру смогут зайти в узкую бухту.

Ливан крикнул, чтобы опускали реи на палубу. Четверо участников экспедиции бросились к мачте и, прикладывая недюжинные усилия, стремились выполнить эту команду. На счастье, все было сделано вовремя. Несколько минут — и корабль и его экипаж оказались на спокойной воде, в бухте, закрытой со всех сторон скалистым берегом. Всего в ста метрах от них бушевал шторм, здесь же было тихо и спокойно. Осматриваясь вокруг, Кирилл понял, что сами они при таком ветре в бухту бы не вошли. Но сейчас об этом было лучше не думать.

Когда кораблик пришвартовался, на борт ловко взобрался молодой испанец. Подавая всем по очереди руку, он представлялся и поднимал большой палец вверх...

Бискай сменил гнев на милость. И хотя в третий раз им не удалось преодолеть его напрямую, но люди и судно остались невредимыми. А шторм, как узнали участники экспедиции потом, был обозначен как пятибалльный, с высотой волн до трех метров и порывами ветра до 15 метров в секунду. Даже не верилось, что легкое суденышко выдержало испытание и противостояло высоченным волнам. Но факт оставался фактом. Они выдержали.

Как внезапно шторм родился на просторах Биская, так же внезапно он и затих. К сожалению, ветер еще несколько дней удерживал их в гостеприимном маленьком городке.

Кирилл и Селим несколько раз поднимались в горы, с круч которых открывался вид на бескрайний океан.

— Дальше ничего нет, представляешь, Селим: где-то очень далеко отсюда — Азорские острова, а потом уже и Америка.

— Каково же было первооткрывателям этих маршрутов? Даже странно, как люди решались на такие дальние плавания?

— Именно поэтому рассказы о них пестрят разными небылицами, как и плавание самого Гимилькона… А действительность, как оказывается, может быть еще более сложной. Мы не встречали на своем пути ни полей водорослей, ни каких-то страшных животных…

— Но мы же с тобой живем в двадцать первом веке!

— Все равно было страшно, особенно последний шторм, когда из тумана показались берега и я увидел только пенящиеся гребни и скалы, в душу закрался страх, и думаю, не у одного меня…

— У меня тоже, Кирилл. Уверен, что и у других, кто был на судне, тоже. Счастье, что все хорошо завершилось. А теперь представь себе, сколько раз для древних мореходов это завершалось трагедией!

— Поэтому я и настаиваю на том, что совершались короткие плавания, из бухты в бухту, чтобы в три-четыре дня можно было укрыться, переждать непогоду, а затем вновь совершить небольшое плавание. А может быть, где-то перегрузиться и передать свой товар другому племени, получить что-либо взамен и вернуться назад. И так, челночным образом, раз за разом, раз за разом… А товары, хоть и медленно, но постоянно приходили к берегам Средиземноморья.

— Будем надеяться, что вскоре погода улучшится и мы продолжим экспедицию.

— Возможно, Селим. Июнь на исходе, начало июля. Всего месяц прошел, а точнее — уже месяц, а мы так и не обогнули северо-западную оконечность Испании.

— Ты вчера звонил в Венецию?

— Да, я разговаривал с сеньором Данио. «Джинестра» уже там. Каждый день на ней бывают тысячи людей, с восторгом встречающие появление в венецианской бухте такого удивительного корабля.

— Ты доволен?

— Я очень доволен, довольны и ребята. Будем надеяться, что и мы вскоре доберемся в Средиземноморье и я увижу феерию красок прекрасной Венеции — владычицы морей.

— Может быть, и я съезжу с тобой. Хотя, ты знаешь, у меня остался всего месяц. В начале августа я должен быть в университете и начать подготовку к новой экспедиции в предгорья Арарата.

— Ну, что ж, на все воля Божья, и погоды…

— Да, от погоды будет многое зависеть, согласен с тобой. Ты стал лучше выглядеть, Кирилл. Когда я приехал в Брест, ты выглядел плохо, худой, черные круги под глазами...

— Знаю. У меня слава Богу, уже не болит шея. Многие неприятности забылись — океан лечит. Да, я рад тому, что меньше стало сновидений, да и просто видений, которые связывают меня с далеким прошлым. Знаешь, я думаю, что был болен, хотя врачи-целители, доктор Монтезимолло и друзья говорят, что я абсолютно здоров и что все это пройдет, останутся только воспоминания.

— Я верю, Кирилл, что эти воспоминания будут для тебя хорошими.

— Не знаю, точно лишь то, что я постараюсь не думать о столь смутном для меня времени.

Глава 17.

Лючия

Требования Лацио. — В крепости. — Португальский монах. — Бегство. — Венчание. — Китайский переводчик для адмирала Реиса. — Выкуп.

Весь вечер, проведенный за ужином у хозяина судоверфи, Лацио нервничал. Он раз за разом пытался привлечь внимание переводчика, требуя от него, чтобы он попросил у хозяина разрешения поговорить с молодой девушкой. Джероми одергивал его. Но Лацио не хотел ничего слушать, он лишь глазами следил за то появляющейся, то исчезающей служанкой, которая совсем не походила на своих низеньких и щуплых подруг.

В очередной раз подтолкнув переводчика, Лацио спросил:

— Ответь мне, как ее зовут?

Переводчик нехотя произнес:

— Лючия, ее зовут Лючия. Но я не буду просить хозяина о разрешении говорить с нею.

Ужин закончился. Они удалились и вскоре пришли на корабль. Джероми пытался заговорить с Лацио, но тот, не снимая одежды, лег на койку, отвернулся к стене, не желая с ним разговаривать. Джероми достал листы бумаги, тушь и перья. Вот уже больше трех недель он не брался за рисунки и записи. Сейчас на него как будто нашло озарение. Он стал быстро наносить на бумагу волны, испуганные лица матросов, искаженный гримасой профиль адмирала Реиса, нарисовал себя и Лацио прижатыми к бортам носовой надстройки…

Он рисовал быстро, очень четко подмечая все то, что происходило во время шторма. Нарисовал он и виды Малакки, и оставшийся далеко позади индийский городок Кочин. Что ждало их впереди? Джероми задумался. Его беспокоило происшедшее на вечере у хозяина. Он знал, насколько горяч и порывист Лацио, который еще никогда в своей жизни не был по-настоящему любим и не любил сам. У Лацио были женщины, но он никогда не уделял им большого внимания. Джероми это беспокоило, он считал, что другу нужна семья для того, чтобы тот остепенился, стал мудрым и взвешенным. Но в Генуе Лацио не находил себе половины, его связи были скоротечны и очень часто за-

канчивались размолвками. Джероми слышал, как его друг во сне бормотал: «Лючия, Лючия…». Надо же было им прийти на эту судоверфь, в сердцах подумал Джероми и посмотрел на медленно колышащееся пламя свечи, стоявшей справа от его руки. Неожиданно ему показалось, что в отблесках он увидел Кирилла.

— Ты так давно не приходил ко мне, мой далекий друг!

Джероми всмотрелся: на полированной стенке деревянного сундука, в котором хранились его письменные принадлежности и бумага, проявились очертания нескольких фигур. Ему показалось, что он увидел небольшой кораблик, чей нос был украшен головой коня, парус раздут, судно летело между волнами… Возле мачты он увидел Кирилла, что-то кричавшего рулевому, который с трудом удерживал суденышко на курсе.

Как внезапно возникло видение, так оно и исчезло. «Неужели мой далекий потомок отправился в море на утлом челне и так же, как и мы, чуть не потерпел крушение? А может, это игра моего воображения… Слишком страшен был шторм, в который мы попали, и только волею Господа остались целы».

Неожиданно дверь приоткрылась. В проеме он увидел адмирала Реиса, одетого в простой матросский костюм. Видя, что Лацио спит, адмирал поманил его рукой, предлагая выйти на палубу. Джероми поднялся и еще в проеме двери обратился к Реису:

— Адмирал, я не хотел вас беспокоить. С завтрашнего дня нас поставят в специальный рукотворный затон, откуда выкачают воду. Тогда и будут заделаны все трещины, образовавшиеся в корпусе.

— Это хорошо, но послушайте, Джероми, я бы хотел, чтобы вы отправились в крепость. Я ищу переводчика, владеющего китайским языком, который поплывет с нами. Поищите, спросите монахов в монастыре или португальских торговцев — его труд будет хорошо оплачен. Здесь, в Малакке, заканчивается зона влияния арабских купцов. Там, куда мы поплывем, их будет немного, и нам придется столкнуться с китайцами, а они почти не знакомы с арабскими торговцами, так как основной товарообмен происходит здесь, в Малакке. Нам будет сложно изъясняться и выполнить поставленную задачу.

— Какая же задача стоит перед нами, адмирал Реис? По пути нашего следования цели экспедиции менялись несколько раз.

— Вы все хотите знать, Джероми! Не секрет, что старик Реис

всегда что-либо не договаривает… — усмехнувшись, сказал о себе адмирал в третьем лице.

— Вы скрытный человек. Но, может быть, так и нужно?

— Поверьте мне, Абаджио, когда вы достигнете моего возраста, я думаю, будете поступать так же, и абсолютно уверен, что придет час, когда кто-то будет учиться у вас хитрости, осторожности и выдержке, которая, в конечном счете, приносит успех…

Адмирал повернулся и ушел. Джероми остался один. Он до утра не сомкнул глаз.

Утром «Возмещение» подтянули в искусственный рукав, который был заполнен застоявшейся водой. Вскоре за судном закрылись хорошо пригнанные друг к другу бамбуковые створки и полуголые малайцы начали выбирать из примитивного дока воду.

Джероми наблюдал, как они работали. К огромному колесу, которое вращалось в вертикальной плоскости, были привязаны кожаные ведра. Колесо, соединенное специальным рычагом с воротом, приводилось в движение людьми, идущими по кругу хорошо утрамбованной площадки. Малайцы толкали рукоятки ворота, всего Джероми насчитал шестьдесят человек.

Ведра зачерпывали воду и, поднимаясь вверх, опрокидывались, выливая мутную жижу в деревянный лоток, который уводил ее в озеро. Как понимал Джероми, вода и выкачивалась из дока, и подавалась туда обратно — механически. Люди, чьи спины блестели от пота на солнце, работали час за часом, без отдыха.

Джероми видел, как «Возмещение» постепенно садится на выступившие из воды деревянные блоки. Он не видел на палубе адмирала Реиса, но знал, что тот находится где-то поблизости. С Лацио они до сих пор не разговаривали. Тот не выходил из каюты, что очень беспокоило Джероми. Но будить друга он не хотел.

Когда солнце поднялось достаточно высоко, он все же решил заглянуть в каюту. Войдя, Джероми был поражен, Лацио нигде не было. Секрет его исчезновения был прост: бортовое окно было раскрыто, и Джероми увидел, что вдоль борта, привязанная к подоконнику, висит толстая веревка с завязанными на ней узлами. Лацио убежал, и Джероми понимал, что за его побегом могут последовать неприятности.

Понимая, насколько это опасно, зная упрямство и колоссальную силу своего друга, он быстро накинул широкую куртку, вложив в ее

внутренние карманы два пистолета, за пояс — два коротких кинжала. Если Лацио застанут у девушки — беды не миновать. Быстро пройдя через палубу, он спустился на шаткий трап и, балансируя, добрался до стенки дока.

Обогнув несколько штабелей приятно пахнущей древесины, он спрятался и стал присматриваться к дому хозяина. В доме все было тихо. Неожиданно справа от него хозяин и несколько его помощников прошли в сторону «Возмещения». Джероми приблизился к дому, остановившись перед раскрашенной циновкой, закрывавшей вход. За ней раздался шорох. Он приподнял завесу и увидел Лацио, который взял его за руку и втянул в дом. Джероми прошептал:

— Уходим, уходим быстрее. Хозяин ушел. Как ты мог, как ты мог так поступить? Ты навлечешь на всех нас огромные неприятности! По местным законам служанка принадлежит этому человеку раз и навсегда. И если ты покусишься на нее, это будет все равно, что ты покусился на его собственность. А собственность здесь защищают. Ты понимаешь это? Или ты хочешь, чтобы мы все погибли? А как же Изабелла, как мой отец?

Лацио сжал сильнее руку Джероми и вытолкнул его на площадку перед домом. Они быстро прошли к выходу из судоверфи. Лацио молчал и только указывал дорогу. Джероми показалось, что шли они больше часа до того момента, как приблизились к стенам города. Стражники что-то от них требовали, но Джероми и Лацио, не понимая ни слова, объясняли им жестами, что они мореходы и идут в крепость. Только однажды Джероми пришлось показать страже письмо, которое он должен был вручить монахам, — с просьбой найти переводчика. Малаец быстро сообразил, что они иностранцы с прибывшего вчера большого торгового судна.

«Португеза, португеза», — несколько раз повторил он. Джероми кивал головой, и охранник заулыбался, приподняв бамбуковый шлагбаум. Узкие низкие хижины, большей частью глинобитные, ютились одна за другой. В глубине за ними были видны небольшие огороды, блеяла скотина, вовсю кричали петухи. Джероми догадался, что в этом поселке жили те, кто работал на верфях, ремонтировал приходящие и уходящие суда. Еще более получаса потребовалось им, чтобы по узким улочкам добраться до португальской крепости. Здесь, на самом берегу океана, они вновь попали под град вопросов, теперь уже

португальской стражи. Но объясняться с ними было проще, и вскоре молодых людей препроводили к коменданту.

Комендант узнал Джероми и Лацио и с удовлетворением сообщил им, что ремонт корабля уже начат, — об этом ему доложил хозяин судоверфи.

— Ну, что ж, господа, что привело вас на этот раз ко мне?

— Вы знаете, что мы отправляемся в дальнее плавание в Китай. И хотели бы нанять переводчика. Возможно ли это? Есть ли здесь человек, который бы нам помог? У нас есть письмо к монахам монастыря.

— Думаю, что да. Сходите в собор, там вы найдете монаха по имени Доменик. Он знает всех китайцев, говорящих не только на своем языке, но и на каком-то из европейских или арабском. Я думаю, что он посоветует вам того, кто будет нужен.

— Давно ли здесь построен собор, комендант?

— Нет, совсем недавно, всего три года тому назад. Да и собором-то это сооружение нельзя назвать, хотя монахи радуются, что есть такой.

Джероми и Лацио поблагодарили коменданта и отправились внутрь крепостных стен. Пройдя по улицам, они почти не видели людей. Дома здесь были построены из крепкого камня, грубо обтесанного, но очень аккуратно уложенного один к другому. Это напомнило им о той кладке, которую так любили сооружать в Испании и Португалии. Да и у них в Италии. Небольшие стрельчатые окна были закрыты мощными коваными решетками и ставнями. Возле собора они повстречали монаха, который проводил их в небольшое помещение, где познакомил с Домеником.

— Я помогу вам найти переводчика. Но на это потребуется несколько дней. Как долго будет длиться ремонт вашего корабля?

— Думаю, неделю, может быть — десять дней.

— Что ж, успеем, конечно, за небольшое вознаграждение. Согласны?

Неожиданно Лацио оттолкнул Джероми, подошел вплотную к монаху и стал о чем-то с ним шептаться. Джероми был удивлен. За всю дорогу сюда они не проронили между собой ни слова. Лацио, очевидно, обижался на него. Джероми же был расстроен тем, что происходило с его другом. О чем сейчас он говорил с монахом, Джероми также не мог понять. Когда они вышли, он остановил Лацио, и с металлом в голосе жестко спросил:

— Что ты задумал? Ты навлечешь беду на всех нас.

Лацио, не поднимая головы, ответил:

— Джероми, сегодня ночью я заберу оттуда Лючию.

— Ты что, сошел с ума?

— Нет.

— Да ты явно сошел с ума — она служанка в этом доме!

— Сегодня ночью она будет креститься здесь, в этом монастыре. А завтра утром мы обвенчаемся.

От новости, которую услышал Абаджио, у него подкосились ноги. Он присел на выступ каменной ограды, которая опоясывала собор.

— Боже правый, нам не сносить головы…

— Почему ты не говорил этого, Джероми, тогда, когда я спасал тебя из рук инквизиции, помнишь, после того, как ты убил мужа Изабеллы? Почему, ответь мне? Я все сделал тогда, чтобы спасти тебя, чтобы мы бежали, нашли приют в Генуе. Потом пошел с тобой на то, чтобы спасти и Изабеллу из заточения. Почему сегодня ты не хочешь помочь мне?

— Да потому что ты совершенно не знаешь этой женщины. Кто она? Ты видел ее всего несколько часов!

— Этого достаточно. Я хочу, чтобы она стала моей женой.

— Здесь, на краю земли, когда мы не знаем, что будет с нами дальше, ты хочешь взять в жены совершенно неизвестную тебе женщину?

— Это судьба, Джероми. Если хочешь, помоги мне, если нет — оставь, я сделаю все сам.

— Что сделаешь? Ты видел, сколько малайцев на судоверфи? Ты знаешь, чем это закончится? Они сожгут корабль и убьют всех. А как же адмирал Реис?

— Адмирал Реис ничего не будет знать.

— Как не будет знать? Где ты спрячешь эту девушку, что ты расскажешь ему и как?

— Все будет нормально, Джероми. Это очень хорошо, что адмиралу требуется переводчик, она им и станет. Только в образе не девушки, а юноши.

— Боже правый, не могу поверить, Лацио, ты ли это? Что ты задумал?

— Сегодня ночью я выкраду ее. Монах окрестит Лючию, он имеет право это сделать в связи с тем, что ее отец был христианином.

— Но мать-то у нее китаянка?

— Это не имеет значения. Отец христианин, и этого достаточно. Лючия знает в совершенстве португальский, итальянский, китайский, арабские языки. Она получила прекраснейшее образование, и только смерть отца и бедствия ее семьи вынудили мать отправить ее в услужение. После этого утром мы венчаемся. Здесь же будут заготовлены все вещи, и Лючия из девушки превратится в юношу. Этот юноша и станет переводчиком для адмирала Реиса и пойдет дальше с нами, по нашему пути.

— Послушай, Лацио, ты подумал, что будет делать хозяин судоверфи, узнав, что девушка бежала?

— А вот это, Джероми, уже твоя задача.

— Моя? Что же я смогу сделать? Зарядить орудия «Возмещения» и взорвать судоверфь? Или на клинках биться со всеми малайцами, которые работают на строительстве судов?

— Нет. Ты должен раздобыть у адмирала Реиса деньги, и немалые. И добиться того, чтобы малайца устроил выкуп. Но это не все, Джероми. Нужны еще деньги для матери Лючии, она должна получить их, чтобы хоть как-то скрасить горечь разлуки, которая ей предстоит, — она ведь никогда больше не увидит свою дочь, и ты это понимаешь не хуже меня.

— Я понимаю, Лацио, я все понимаю. Только я не знаю, как сделать то, что ты хочешь. Но все в руках Господа. Пойдем назад, на судоверфь, мне нужно поговорить с адмиралом.

По дороге к кораблю они не произнесли ни единого слова. Джероми шел, понурив голову. Его состояние было похоже на состояние человека, переболевшего тяжелой болезнью. Лацио был более сосредоточен, время от времени он сжимал кулаки. О серьезности его намерений говорило то, что, когда они подошли к судоверфи, он первым прошел в дом хозяина, нашел его и потребовал, чтобы переводчик перевел, что он хочет, чтобы работы по судну были завершены не в недельный, а в трехдневный срок. Хозяин по привычке улыбался. Он смотрел на Лацио непонимающими глазами и кивал головой. Тот же требовал, чтобы переводчик спросил у хозяина, сколько нужно средств, чтобы ускорить ремонт.

Хозяин подошел к небольшой резной конторке, достал оттуда бумаги, стал что-то просматривать, потом пересчитывать, и назвал переводчику цифру. Чтобы закончить необходимые работы в два дня, он

требовал двойную оплату. Лацио кивнул головой и вышел. Джероми ждал на пороге, спрятав руки внутри плаща. Он сжимал рукоятки пистолетов. Лацио не сказал, зачем он ходил к малайцу, и Джероми считал, что тот хочет потребовать от хозяина отдать Лючию. Что могло последовать за этим, Джероми прекрасно понимал и потому решил во что бы то ни стало стрелять первым и дальше, отбиваясь, вернуться на «Возмещение». В душе он осознавал, что, если произойдет конфликт, защищаться они смогут всего несколько минут.

Лацио вышел, за ним засеменил хозяин, кланяясь вслед. Джероми не знал, что произошло, и, приподняв голову, посмотрел на окошко второго этажа. Он видел почти детское личико Лючии, глаза которой были затуманены слезами. Когда они подошли к «Возмещению», Джероми произнес:

— Лацио, я видел эту девушку, на ней лица нет, она заплакана. Что ты делал сегодня там, когда был наверху?

— Ночью я убеждал ее бежать со мной и получил согласие. А каков выбор? Я предлагаю ей руку и сердце, я хочу, чтобы она стала моей женой.

— Но она же не знает тебя!

— Пойми, Джероми, если она останется здесь, то навсегда останется служанкой. Если пойдет со мной и мы выживем — она станет госпожой в моем доме.

— А если мы погибнем?

— Не будем задумываться об этом. На все воля Господа. Скажи мне, ты со мной, ты поможешь мне?

— Разве у меня есть выбор…

Подойдя к борту судна, Джероми мысленно нарисовал план, по которому хотел действовать. Как стратег он всегда был более силен, чем Лацио. И потому друг так надеялся на его способности. Джероми быстро спустился по стенке пирса и перешел на «Возмещение». Корабль стоял на мощных балках, воды под ним почти не было. Он увидел, как десятка два рабочих скребками очищали корпус и днище судна. Заметил он и то, что битум, которым они покрыли корабль еще при строительстве, достаточно хорошо сохранился. Были видны места, где шторм выбил промасленный канат между досок. Но доски, в основном, были целы.

Джероми спустился под палубу и в небольшом помещении в са-

мом носу нашел адмирала. Это помещение Реис использовал всегда, когда судно приходило в португальские крепости.

— Какие новости, Джероми?

— Адмирал, есть ряд новостей.

Джероми постарался сделать так, чтобы Реис не видел его лица. Он понимал, что сейчас будет обманывать, но не мог ничего с собой поделать. Если он скажет правду, то тот прикажет матросам арестовать его, а затем и Лацио.

— Так вот, адмирал, хочу вам сказать, что переводчика мы нашли. Это юноша лет восемнадцати, он прекрасно знает языки — китайский, арабский и европейские. Его отец был португальцем, мать китаянка. После смерти отца он вынужден зарабатывать на жизнь, помогая торговцам делать переводы.

— Он согласен идти с нами в Китай?

— Да, он согласен идти с нами в Китай и назад. Но монах, который будет договариваться с ним об участии в походе, требует свою долю и переводчику нужно будет заплатить вперед.

— Какова же эта сумма, Джероми?

— Она достаточно высока, адмирал.

— Ну, что ж, не жалейте денег. Вы хотите мне сказать еще что-то?

— Да, адмирал, есть еще одна новость, полученная мною в крепости. Как сказал комендант, в проливе участились нападения пиратов на суда. Те грабят моряков и днем и ночью, захваченные суда пускают на дно, экипажи убивают, чтобы не было свидетелей. Банд таких несколько. Комендант считает, что мы должны потратить на ремонт не неделю или десять дней, а сделать его гораздо быстрее, чтобы поскорее уйти в море. У него есть сведения, что пираты собираются на следующей неделе заблокировать пролив. Тогда придется вооружать всю португальскую флотилию, нанимать и арабских кормчих для того, чтобы очистить пролив от пиратов.

— Но как же мы можем успеть сделать так быстро ремонт?

— Я только что был у хозяина судоверфи…

Джероми обманывал Реиса, и ему было от этого неприятно. Он запнулся, затем повторил:

— Я был у хозяина судоверфи и пообещал ему большие деньги, если он закончит ремонт судна за два дня.

— За два дня? А это возможно?

— Хозяин сказал, что возможно, он снимет всех рабочих с других судов, и они будут работать и днем и ночью, при свете факелов. Через два дня мы сможем уйти в море.

— Хорошо.

— У вас есть деньги, адмирал Реис?

— Какова сумма понадобится, Джероми?

— Малаец требует тысячу португальских золотых…

— Так много?

— Мы можем не платить…

— Но ведь это в два раза дороже за ту же работу!

— Да, но он в четыре раза быстрее сделает ее.

— Хорошо, я выдам вам деньги. Идите и отдайте ему аванс.

Они поднялись на верхнюю палубу. Адмирал бесшумно проскользнул в двери кормовой надстройки и вскоре вынес Джероми два разных, но туго наполненных кошелька. Один был для малайца, другой для переводчика.

Лацио видел все, что происходило, и когда Джероми повернулся к нему, его лицо осветила улыбка. Они вновь направились к дому хозяина. Джероми видел в окошке личико Лючии. Девушка уже не плакала, и когда Лацио поднял руку и показал ей два пальца в виде буквы V, она заулыбалась.

— Как все быстро у тебя, Лацио, — прошептал Джероми. — Вы и знакомы-то еще не больше суток, разговаривали всего час или два, а уже понимаете друг друга без лишних слов…

— Пойми, Джероми, это любовь. Вспомни себя, вспомни Изабеллу…

Когда Лацио напомнил ему о возлюбленной, Джероми вздрогнул. Как много месяцев прошло с тех пор, как он ее видел… Жива ли Изабелла? Достаточно ли в доме денег, каков уход за ней, она ведь тяжело больна!

Навстречу Джероми вышел малаец. Джероми передал ему деньги со словами, что требует немедленно ускорить работу. Малаец, приняв их, сразу отдал распоряжения своим помощникам.

Молодые люди направились обратно на «Возмещение». Впереди была вторая часть придуманного ими плана. Нужно было украдкой выманить Лючию из дома и увести поздно вечером в город. Он еще не знал, как им удастся пройти сторожевые посты, но верил, что это получится.

На судне Джероми подобрал самый маленький камзол и другую мужскую одежду. В эти вещи они должны были переодеть девушку. Близился вечер. Джероми сообщил адмиралу, что встретится с переводчиком поздно вечером. Для этого он просил, чтобы тот отпустил его и Лацио в португальскую крепость на ночь. Адмирал Реис, ничего не подозревая, согласился с предложением. Когда стемнело, рабочие продолжили работы в свете многочисленных факелов.

Джероми вместе с Лацио отправился к выходу из судоверфи. По дороге они незаметно свернули с тропинки, ведущей к выходу, и подобрались к дому хозяина.

Окна в доме были затемнены. Очевидно, сам малаец вместе со своей семьей ужинал в глубине дома. Лацио свистнул, и они увидели, как в небольшом окошке, со свечой в руке, показалась прелестная головка Лючии. Лацио показал ей рукой, чтобы она спускалась. Прошло всего несколько мгновений, и девушка бесшумно вышла на лестницу. Джероми сразу набросил ей на плечи большой темный плащ. Она подобрала волосы, и Лацио надел на нее португальскую шапочку. Это был круглый мягкий берет с небольшим пером с левой стороны и пряжкой по центру. Только сейчас Джероми услышал ее голос — мягкий и бархатистый. Лючия благодарила его на итальянском, практически безо всякого акцента, за то, что он делает для них. Лацио, стоявший рядом, с таким вожделением смотрел на нее, что абсолютно был не в состоянии предпринимать какие-то шаги. Джероми взял его за руку:

— Если ты будешь стоять как столб, то наш план не удастся. Через час, а может быть, и раньше, ее хватятся. Помни об этом!

Лацио вздрогнул. Необходимо было поменять ей обувь и надеть высокие вязаные чулки. Девушка быстро переоделась и стала совсем неузнаваема.

Охранник внимательно осмотрел их, но под опущенным на глаза беретом не узнал служанку хозяина.

Когда они вышли за стены судоверфи, Джероми разжег небольшой фонарь, заранее взятый на «Возмещении». Он пошел впереди, не оборачиваясь. Лючия и Лацио проследовали за ним. Дорога была ему известна, и потому даже сейчас, ночью, хорошо ориентируясь между домами, он безошибочно привел их к сторожевой заставе. Охранники знали, что они иноземцы и, не задавая вопросов пропустили в

город. До этого часа им везло, но в любой момент их могли начать искать. Действовать нужно было быстро. В безопасности на какое-то время они окажутся только за стенами португальского форта, в соборе, где их ждет монах.

Благополучно миновав улицы, перед самой крепостью Джероми вывел Лацио и Лючию к воротам, охранявшимся португальскими солдатами.

— Кто вы и куда идете? — был вопрос стоящего на посту офицера.

— Нам нужно к коменданту, мы были уже сегодня у него, он ждет нас. Ждут нас и в соборе.

— А, вы те самые итальянцы, которые ремонтируют судно на судоверфи старого малайца?

— Да, это мы.

— А кто это с вами?

— Это наш молодой юнга.

Стражник внимательно осмотрел всех троих, спросил о наличии оружия и, убедившись, что пришедшие не вооружены, пропустил в крепость. Пройдя сквозь центральные ворота, они свернули на узкую боковую улочку и, обойдя собор, постучались в боковые двери притвора. Двери открыл Доменик, узнав Джероми и Лацио.

— Так это и есть та девушка, которую нужно крестить?

— Да, это она.

Джероми вынул из-под плаща увесистый кошелек и передал Доменику. Тот провел их через центральную часть зала в небольшую комнату, посередине которой стояла купель. На восточной стене висело массивное дубовое распятие. Комнату освещало десятка два коптящих и неприятно пахнущих свечей.

— Ну что ж, приступим, — сказал монах и приказал Лючии раздеться до пояса. Девушка осталась в висящих на ней мешком длинных чулках и ночной сорочке. Монах распустил булавку, и ее прекрасные волосы опустились на плечи. Он сказал, чтобы она стала на колени, сам же принялся молиться.

Обряд длился долго. Он окунул голову Лючии в холодную воду купели, неоднократно крестил ее и читал молитву за молитвой. Джероми и Лацио не прислушивались. Они стояли по обе стороны купели в разных углах комнаты и не смотрели на происходящее. Джероми

думал о том, как спастись. Мысли же Лацио были заняты любимой.

Девушка замерзла и вся дрожала. Доминиканец не обращал на это внимание, а лишь продолжал обряд, время от времени поворачиваясь к распятию и читая молитвы. Он дал несколько раз поцеловать Лючии крест, висевший у него на груди.

Действо было завершено в течение часа. Джероми и Лацио вывели смущенную замерзшую Лючию в центральный зал. Лацио снял свой плащ и укутал ее. Все это время Лючия молчала, но Джероми видел, как из ее глаз не переставая лились слезы.

— Какое страшное испытание выпало на твою долю, девочка! Но если мы спасемся, то ты быстро забудешь об этом. Лацио великодушный и умный человек, верь мне! Ты слышишь, что я говорю, Лючия, ты веришь?

Девушка наклонила голову в знак согласия.

Джероми оставил их. Близился предрассветный час. Он направился к выходу из крепости, туда, где начинал оживать восточный рынок. Джероми нужно было запастись всем необходимым для предстоящей мистификации. Он отсутствовал более трех часов, долго перебирая старые вещи на рынке. Вскоре в его руках оказался большой сундук, в который он сложил все необходимое. Двое носильщиков понесли купленное в тот район базара, где продавались ослики, запряженные в тележки. Джероми купил повозку, расплатился с носильщиками, которые поставили сундук наверх повозки, взял под уздцы осла и повел его в сторону крепости. На входе стража не спросила его, куда он следует, он лишь махнул рукой в сторону комендантского дома, и его пропустили.

Джероми подошел к боковой двери собора, привязал ослика и, войдя, нашел Лацио и Лючию. Девушка, положив голову на грудь де Калье, спала. Дремал и сам Лацио. Джероми разбудил их. В алтарной части он нашел монаха и сказал, что тот может начинать обряд венчания. Он дал ему еще один кошелек, в котором позвякивали золотые. Монах позвал служку. Тот вынес большую, оправленную в серебряный оклад Библию, стол, на котором установил чашу с вином и положил крест.

Лацио и Лючия опустились на колени, монах продолжил монотонно бубнить молитвы. Джероми понимал, что нужно спешить, но знал, что обряд этот должен быть исполнен весь, полностью до конца, как перед людьми, так и перед Богом. Если они проживут долгую

жизнь, то должны помнить, в каких муках рождалось их счастье.

Монах читал и читал, Лючия дрожала, Лацио нежно сжимал ее руку. Несколько раз монах подходил к ним и освящал крестным знамением. Потом вновь возвращался и читал Библию. Наконец, он объявил их мужем и женой. Лацио нежно привлек Лючию к себе. Джероми, понимая, что медлить дольше нельзя, подошел к ним и, не обращая никакого внимания на стоящего рядом монаха, произнес:

— Нам пора. Если мы еще больше задержимся, то будет сложнее выйти из крепости и прибыть на верфь. Тебе ясно, Лацио? Сейчас произойдет самое неприятное из всего того, что происходило за последние часы. Но без этого нельзя. Пойдемте!

Он повернулся к монаху и дал ему еще денег.

— Веди нас в келью, и пусть подадут горячую воду. Ты понял?

Монах, ничего не ответив, повернулся и пошел вслед за своим помощником. Они вышли из собора и, пройдя через двор, вошли в низкое здание с одним длинным темным коридором, в который выходил десяток тяжелых дверей. Монах открыл одну из них, и они вошли в келью, внутри которой была лишь дубовая кровать и стул. Через какое-то время служка принес таз, полный теплой воды. Джероми, сходив к ослику, взял из сундука несколько свертков. Лючию посадили на невысокий стул. Лацио стал на колени возле нее, взял ее руки и стал нежно целовать. Девушка вновь заплакала. Джероми видел, что она не понимает, что с ней происходит.

Он достал из свертка острые ножницы и стал медленно по кругу обрезать ее волосы. Шелковистые пряди падали на каменный пол. Джероми самого коробило от того, что он делал, но он должен был довести свой план до конца. Он аккуратно остриг волосы, затем намылил голову девушки мылом и острейшей бритвой стал сбривать остатки волос на голове. Лючия переносила происходящее стойко, Лацио же нервничал больше нее. Джероми обрил ей голову, оставив на макушке немного волос.

Затем он аккуратно, чтобы не поранить ее, сбрил брови и обрезал ресницы. Вслед за этим Джероми приказал Лацио оголить Лючии руки. Тот поднял ей рукава рубахи, в которую была одета Лючия, выше локтей. Джероми развернул новый сверток. Он опустил в теплую воду несколько кусков странновато пахнущей глины. Вода окрасилась. Глина быстро размякла и стала напоминать тот битум, которым

они обмазывали свой корабль во время строительства. Джероми стал наносить глину на голову, лицо, руки и ноги Лючии.

Прошло какое-то время, и он приказал монаху заменить теплую воду. Когда ее принесли, Джероми очень аккуратно смыл все с лица, рук и ног девушки. Лацио помогал ему, Лючия была безучастна. Когда после всего доминиканец взглянул на нее, он лишь охнул. От белоснежной кожи не осталось и следа. Перед ним сидел человек непонятно какого пола, желтый, похожий на апельсин. Джероми продолжил начатое.

Он извлек из свертка тонкие черные усы, которые специальным клеем наклеил над верхней губой Лючии. Их концы опустились ниже подбородка. Специальным грифелем он подвел ей глаза, еще более удлинив прекрасные миндалины, подаренные Лючии природой. Девушка стала походить на китайского мальчишку-рассыльного, каких по всей Малакке было огромное множество. Они служили здесь вместе с малайцами. Связав все, Джероми вынес сверток и спрятал в сундук. Вернувшись, он принес вещи.

— Ну что ж, Лацио, я сделал свое дело. Тебе теперь — переодевать супругу. И запомни: с этой минуты ее зовут Лю-чи.

Лацио, удивленный, смотрел на жену, не веря глазам. Она ли это? Или призрак? Он помог Лючии переодеться. Китайские темно-синие шелковые шаровары, белая льняная рубашка с высоким воротом, конусообразная плетеная шляпа, которая застегивалась ремешком под подбородком, небольшой вязанный из козьей нитки плащ, накинутый на плечи. На ноги Лючии были надеты деревянные башмаки.

— Все, Джероми, ты можешь посмотреть.

Джероми обернулся. От той девушки, которая недавно венчалась в соборе, не осталось и следа. Перед ними был худенький китайский юноша.

— Лючия, а теперь послушай меня. Ты не должна нигде и ни с кем говорить, пока мы не уйдем в море. На все вопросы отвечай кивком головы.

Джероми достал из-за пояса небольшое зеркало.

— Приготовься, сейчас ты увидишь себя. Только не нервничай… Это не навсегда. Пройдет несколько недель, может, месяц, и твои волосы отрастут, а краска, которой я окрасил тебе лицо, руки и ноги, сойдет.

И ты будешь так же прекрасна, как и раньше. Ты слышишь меня?

Лючия кивнула головой. Джероми развернул зеркало, и она посмотрела на себя. Очевидно, увиденное было столь ужасным, что девушка вскрикнула и присела. Лацио, испугавшись, чтобы у нее не было обморока, обхватил ее за талию и нежно придержал. Но Лючия оказалась крепкой. Она выровнялась, взяла из рук Джероми зеркало, еще раз посмотрела на себя, кивнула головой и произнесла:

— Ну, что ж, я знала, что в моей жизни произойдет что-то такое, чего не происходило ни с кем и никогда. Знал об этом и мой отец. Перед смертью он сказал мне, что я недолго буду оставаться в этих местах, меня ждет далекая дорога, счастье, множество детей и проживу я с человеком, которого буду любить, долгие годы. Наверное, этим человеком ты и будешь, мой господин Лацио.

Лацио стал на колени и начал покрывать руки девушки поцелуями. Джероми посмотрел на них и только теперь осознал, как сильно они увлечены друг другом. Возможно ли это? Они знакомы всего два дня! Мысли его вернулись на много лет назад. Он увидел себя, стоящего в соборе Святого Марка в центре Венеции, и неожиданно возникшее перед ним лицо Изабеллы. Тогда — Изабеллы де Санти.

Он почувствовал, как заныло сердце. Прошло столько лет, они пережили столько испытаний, а он, как тогда, так и сейчас, любит ее. Что ж, очевидно, любовь так и возникает — молниеносно, а уже потом переходит во что-то спокойное. Джероми подошел к влюбленным, взял их за руки и сказал:

— Храните то, что возникло между вами, и да поможет всем нам Господь выбраться из этой ситуации…

Они вышли из собора. Покидая его, Джероми вновь дал монаху несколько монет.

— Ты должен молчать два дня. Потом делай все, что хочешь. Но ежели ты проболтаешься…

— Не волнуйтесь, не проболтаюсь!

Появившийся из собора молоденький китаец взобрался на тележку, в которой уже стоял большой сундук. Лацио взял осла под уздцы и потянул вперед. Джероми пошел рядом с повозкой.

— Ну, что, Лю-чи? Ты все понял? Ни на чьи вопросы не отвечай. Я сам буду говорить, если нужно.

День приближался к середине. Дважды выстрелило орудие на

башне португальской крепости. Они миновали стражу, не вызвав ни у кого подозрений. Ослик слушался Лацио. Тот время от времени подгонял его. Джероми же внимательно следил за тем, что происходило вокруг. Их маленькая процессия не вызывала ни у кого интереса. Но о том, что на верфи уже знают о пропаже служанки, стало понятно после того, как они подошли к воротам. Малаец не хотел их пропускать и вызвал переводчика. Тот обратился к Джероми:

— У нас большое горе, у нас большое горе!

— Что произошло? — спросил Джероми.

— Вы помните девушку, которая так понравилась сеньору Лацио?

— Конечно, помню. Сколько раз я просил вас познакомить меня с ней!

— Она пропала, пропала, ее никто не может найти! Хозяин обошел все суда, которые стоят на ремонте. Он боится, что ее украли.

— А даже если украли, так что? Разве нас это касается? — грубо ответил Лацио.

— Да нет же, поймите: если девушку похитили, хозяин должен будет заплатить ее матери большие деньги, она давала ее не в рабство ему, а в услужение. И закон таков, что хозяин несет за нее полностью всю ответственность, как ее отец.

— Я думаю, что у твоего хозяина есть деньги, чтобы заплатить матери своей служанки.

— Может быть, может быть. Но хозяин очень нервничает, очень.

— Значит, под нервозностью твоего хозяина кроется еще что-то?

— О, да… Я не хотел вам говорить, но хозяин хотел, чтобы эта девушка, Лючия, стала женой его младшего сына, который сейчас находится на острове и заготовляет лес!

— Что ж, нас это не касается.

— А кто это с вами?

— Это переводчик, который будет переводить нам после того, как мы прибудем в Китай.

Малаец внимательно осмотрел китайского юношу. Но ничего подозрительного не заметил.

— Ну что ж, проезжайте! А что будет с осликом и тележкой? — спросил он.

— Если ты будешь хорошо себя вести и окажешь нам содействие

в ускорении ремонта так, чтобы мы могли завтра выйти в море, мы подарим их тебе, а китайцу отдадим за них золотом.

— Я буду вам премного благодарен и помогу во всем.

Так, не промолвив ни слова, Лючия вновь оказалась возле дома своего хозяина. Только уже не служанкой, а беглой, крещенной и вышедшей замуж за христианина женщиной…

Они быстро подвели повозку к борту «Возмещения». Джероми, успевавший замечать все, увидел, что малайцы заканчивают обмазывать корпус корабля новой желтоватой обмазкой. Эта обмазка делалась по специальным старинным рецептам и не позволяла червям разрушать деревянные части кораблей.

Джероми помог Лючии спуститься вниз, а затем и подняться на борт «Возмещения». На палубе никого не было, лишь раздавался стук внутри судна. Там работали матросы адмирала Реиса. Джероми провел Лючию в их с Лацио каюту, а сам спустился к адмиралу.

— Вы вернулись! Каковы успехи?

— Все в порядке, адмирал. Переводчик с нами, он на борту. Я со всеми рассчитался. Малайцы заканчивают обмазывать корпус. Как я вижу, изнутри сделано все, что необходимо. Осталось лишь навесить руль на новое крепление. Я думаю, до вечера это будет сделано. Тогда ночью можно будет пополнить воду и утром мы, возможно, покинем Малакку.

— Ну, что ж, хорошо. А что там за шум был на судоверфи с утра? Сюда прибегал переводчик, и я слышал, как он разыскивал вас и Лацио, просил, чтобы ему показали судно, нет ли у нас кого-то, бежавшего с верфи…

— Да, адмирал, пропала служанка, — абсолютно спокойным тоном сказал Джероми.

— Какая служанка?

— Да была одна служанка в доме у хозяина верфи. Она наполовину китаянка, наполовину португалка. Ее отец не так давно умер, а мать не смогла больше содержать шестерых детей, вот и отдала ее в услужение. Наверное, сбежала!

— Наверное, — сказал адмирал Реис и задержал свой взгляд на лице Джероми. — Наверное… — повторил он и повернулся к бумагам, которые лежали на столе. — Как только начнут наполнять док водой, сообщите мне, Джероми.

— Хорошо, сеньор Реис.

Джероми вернулся к себе в каюту, где Лацио сидел рядом с Лю-

чией. Видно было, что они оба взволнованы.

— Как ты думаешь, Джероми, как скоро малайцы закончат работу? Лючия страшно боится. Если ее обнаружат, нам всем грозит большая беда.

— Успокойся, Лацио, но хорошенько заряди все пистолеты и аркебузы, которые есть.

Неожиданно за бортом раздался крик. Кричал переводчик. Джероми вышел на палубу. Рядом с ним стоял хозяин судоверфи.

— Хозяин спрашивает: когда вы ходили в крепость, вы нигде не видели его служанку?

— Скажите ему, что нет.

— Еще хозяин хотел бы увидеть того китайца, который пришел с вами.

— Зачем он ему?

— Он говорит, что знает всех переводчиков в городе, но такого молодого среди них нет.

«Черт! — выругался про себя Джероми. — Надо же было этому остолопу все рассказывать своему хозяину. Ну что ж, ничего не поделаешь».

Джероми заглянул в свою каюту и сказал Лючии:

— Лючия, не снимая головного убора, выгляньте в окно. Руки не показывайте, только лицо, и ненадолго. Скажите ему по-китайски, только постарайтесь грубо, по-мужски: «Здравствуйте, хозяин!».

Лючия выполнила все, что сказал ей Джероми. Когда она вновь присела на стул возле Лацио, Джероми вышел на палубу.

— Вы хотите что-то еще?

Хозяин, не дослушав его, пошел назад к дому. Джероми поманил к себе переводчика.

— Ускорьте работы, — и вынул из камзола небольшой мешочек с золотом. — Это я добавлю к ослу и тележке, если все будет закончено к ночи.

Малаец стал кричать, и рабочие начали работать усерднее. Вечер и ночь прошли в напряжении. Ни Лацио, ни Лючия не сомкнули глаз ни на минуту. Несколько раз возвращался хозяин судоверфи, осматривая работу. Он что-то подозревал, но молчал.

К середине ночи стали заполнять канал, и к утру «Возмещение» оказалось на плаву. Были раскрыты ворота, и матросы, перемешавшись с малайцами, вытянули корабль из рукотворного канала и при-

швартовали к пирсу. Вновь появился хозяин.

— Я хочу осмотреть ваш корабль, — заявил он.

Джероми увидел, что за ним собралось несколько десятков малайцев.

— Зачем? — спросил он.

— Я думаю, что вы украли мою служанку, и хочу, чтобы вы разрешили мне осмотреть корабль.

— Хорошо, я сейчас выйду к вам.

Джероми вошел в каюту.

— Ты все слышал, Лацио?

— Да.

— Стань к этому окну. Возьми аркебузу на треноге, нацель ее в голову этого идиота. И если я махну тебе рукой, стреляй…

Заложив пистолеты за пояс и накинув плащ, Джероми вышел к малайцу. В тот момент, когда он выходил, на палубе оказался Али-паша.

— Али, мы столько прошли вместе. Сейчас мне потребуется помощь. Поставьте двух матросов у кормового и носового швартова. Как только я вернусь на корабль, пусть рубят их. И прошу: поднимайте парус.

— Что случилось, Джероми?

— Прошу, сделайте так, как я говорю.

— Но я должен доложить адмиралу.

— Нет времени. Мы не раз уже были в сложнейших переделках, сейчас медлить нельзя. Сделайте, как я прошу.

— А что будет со мной, если адмирал узнает, что я выполнил столь странную просьбу?

— Ничего. Я сам все ему объясню.

— Ну, что ж, вы мой должник, христианин Джероми Абаджио.

— После той бури и волны, какую мы перепрыгнули, между нами нет должников и тех, кто должен.

— Раз так, я выполню, что вы просите.

Джероми перепрыгнул через борт, быстро подошел к малайцу. Он резко взял за руку переводчика. Тот от неожиданности вскрикнул. Джероми подтолкнул его к хозяину, вынул из-за пояса пистолет и негромко сказал:

— Переводи хозяину: пусть он посмотрит на последнее окно в кормовой части судна.

Малаец перевел. Хозяин поднял глаза и посмотрел. То, что он

увидел, испугало его. Из окна на него смотрела мощная аркебуза.

— Если я неловко проведу рукой, она выстрелит и разнесет тебе голову. Сейчас мы уйдем. Девушка на борту. Ты будешь стоять здесь все время, пока «Возмещение» не выйдет из бухты. Ежели ты пошевелишься, то я дам команду стрелять, и не только из аркебузы, но из всех орудий, которые есть на судне. Мы разнесем здесь все в щепки. Переводи!

Переводчик нервно, заикаясь переводил то, что сказал Джероми.

— Чтобы ты не остался в накладе, я дам тебе деньги.

Джероми опустил оружие, освободил руку малайца и вынул большой кошелек, туго набитый золотыми.

— Ты поделишь пополам эти деньги с матерью девушки. И не забудь сообщить ей, что Лючия ушла с нами добровольно, обвенчавшись этой ночью с сеньором де Калье. Но, если ты сделаешь не так, как я говорю, и, что девушка уплыла с нами, будет известно в португальской крепости, и принесет неприятности, то на обратном пути, клянусь всеми святыми, я найду тебя хоть под землей, хоть на небесах, и вырву твое сердце.

Джероми бросил деньги к ногам малайца, вновь приподнял пистолет и стал пятиться. Через несколько секунд он оказался на борту «Возмещения» и крикнул по арабски: руби канаты! Матросы, стоявшие на носу и корме, разрубили веревки. «Возмещение» сперва медленно, а затем все быстрее и быстрее стало набирать ход, повинуясь парусу, распрямившемуся по воле слабого ветра. Лацио провожал берег, поворачивая аркебузу вслед за своей мишенью. Пока корабль не отошел на большое расстояние, ни хозяин, ни его люди не шелохнулись. Только потом, когда они поняли, что недосягаемы, стали кричать и размахивать кулаками.

На палубе показался адмирал Реис. Он подошел к Джероми, поднял руку и сказал:

— Ну, что ж! Одной неприятностью больше, одной неприятностью меньше… Так это и есть ваш переводчик с китайского?

— Да, это та самая служанка.

— Значит, на борту у нас не юноша, а девушка?

— Да, и это не просто девушка, адмирал Реис, это жена сеньора Лацио.

— Жена?!

— Сегодня ночью их обвенчали.

— Этого не может быть!

— Может.

— Ну и ну! Быстры же вы, венецианцы! А что, нельзя было без всех этих переодеваний, просто заплатить малайцу и выкупить служанку?

— Нельзя, он никогда бы ее не продал. Она должна была стать женой его младшего сына.

— Ну, тогда другое дело. Я даже не знаю, что вам сказать, сеньор Абаджио. Сердиться мне или нет? Правда ли то, что она знает языки?

— Да, она будет прекрасным переводчиком.

— Покажите мне ее хотя бы…

Джероми позвал Лючию. Ему не нужно было уже скрывать ее имени. Девушка вышла на палубу. Адмирал посмотрел на нее:

— Ну какая же это девушка? Это юноша, китаец. Таких здесь множество, а в Китае — каждый второй.

— Нет, это девушка. Просто я неплохой ваш ученик, адмирал.

— Вы неплохой мистификатор, Джероми. Я думаю, что придет время, когда вы оставите меня в дураках!

— Возможно. А, возможно, мне это и не понадобится.

Лацио стоял за Лючией.

— Что ж, сеньор Лацио, я могу поздравить вас с женитьбой.

Лацио опустил глаза.

— Простите, адмирал, что мы вас не пригласили…

Реис засмеялся.

— Говорят, что женщина на корабле к беде. Пусть она остается юношей, звать ее будут Лю-Чи, как вы ее и назвали изначально. Жить она будет у вас в каюте. Но никогда никто не должен видеть ее в женском обличье до нашего возвращения. Вам понятно?

— Спасибо, адмирал.

— Это не все, сеньор Абаджио.

— Что же еще?

— Вы брали у меня деньги на ремонт судна, на переводчика, которому якобы должны заплатить. Большие деньги. Как я понимаю, их нет. Теперь я понимаю, их нет, как нет и пиратов, которые могут нас преследовать.

— Вы правы.

— Так вот, это ваш аванс, сеньоры венецианцы. Если мы вернемся, эти деньги будут вычтены из вашего жалованья.

— Спасибо, адмирал. Я думаю, что мы уже оказали Османской империи большие услуги. Окажем их и впредь. Так что не будем мелочиться и считать затраченные средства. К тому же, хотя я и был занят всем этим маскарадом, но ремонт прошел прекрасно, судно в хорошем состоянии, руль работает лучше, чем раньше — вы это сами видите.

— Согласен и за это благодарен. А еще за то, что мне, как и ранее, не пришлось рисковать и показываться в самом городе. А хозяина жаль.

— Из-за служанки, которую Лацио у него выкрал, сделав своей женой?

— Не только из-за этого.

Адмирал Реис повернулся, собираясь уходить.

— Я не понимаю вас, адмирал? Почему вы жалеете его? Я оставил ему деньги в счет погашения убытков!

— Вам не понять, Джероми... И вам, Лацио. Он верный слуга...

— Он?

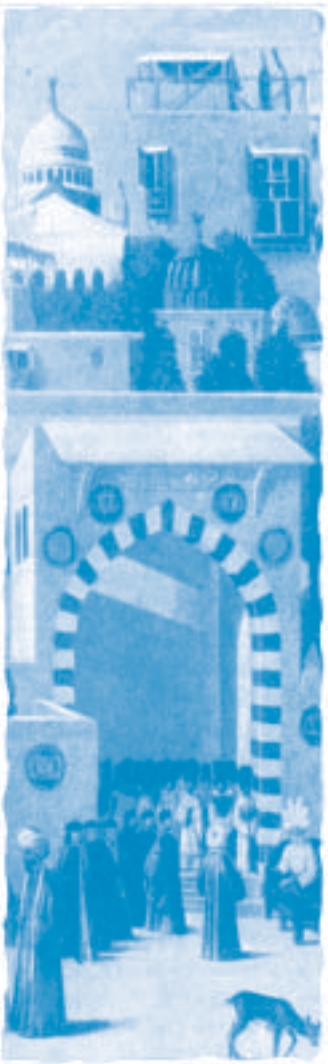
Адмирал подошел к борту корабля, достал из внутреннего кармана небольшой пергаментный сверток и высыпал за борт разноцветные камушки...

Джероми засмеялся. Вслед за ним засмеялся и Лацио.

— Вы, как всегда, все знали!..

Только Лючия стояла, смущенно опустив голову, так и не поняв, о чем идет речь.

«Возмещение», отойдя от берега, вошло в узкий Малаккский пролив... Впереди было долгое плавание к берегам Китая.



Глава 18. Часть третья.

Дорога за оловом

Новый шторм. — Спасатель. — В затерянной бухте. — Финикийский мол. — «Гемада» или священнодействие дона Мартинеса. — Город кельтов.

Прошло еще два дня после разговора Селима и Кирилла, прежде чем кораблик вышел из ставшего им таким близким городка под названием Льянес. Выходили они с отливом, ветра почти не было. Невысокая короткая волна, резво ударяя о борт, подбрасывала «Мелькарт» как поплавок. Парусина хлопала, как будто рядом била о воду крыльями большая птица. Пришли они в эту Богом забытую бухту со штормом, а уходили в пасмурную, предвещавшую скорый дождь погоду.

Во время остановки в маленьком городке солнце светило ярко и тепло всего лишь один день. Все остальное время над ним висели тучи, время от времени изливавшие холодный дождь.

— Ну и лето! Неужели здесь всегда так? — пробормотал Ливан, поворачивая руль. — Гостят ли здесь хорошие погоды, как думаете, друзья?

В ответ ему было молчание. Все были заняты своими делами. Час пробегал за часом, и не успели путешественники освоиться с капризами природы, как приблизился вечер, принесший устойчивый ветер с берега. Парус, наконец-то, полностью распрямился и судно набрало ход. С увеличением скорости, на радость всех, ослабла качка.

Кораблик набрал четыре узла и явно был намерен пройти вдоль северного побережья Испании и обогнуть его. Как всегда, экипаж был разбит на несколько вахт, во время которых, кроме рулевого, на палубе дежурили три человека.

Кирилл и Селим были на вахте с четырех до семи утра. Было зябко и холодно, восход задерживался, так как время в этой части Европы сдвинуто относительно среднеевропейского на два часа. Мимо плавучими горами проходили океанские лайнеры.

— Знаешь, Селим, я думаю, что с их мостика мы не видны, надо быть осторожными. Помнишь, нам уже не раз приходилось освещать парус по ночам, чтобы гиганты заметили нас и изменили курс.

Селим, соглашаясь, кивнул головой.

Утро было мрачным, как и весь предыдущий день. «Мелькарт» упорно двигался к намеченной цели, к северо-западной оконечности Пиренеев. То ослабевая, то усиливаясь, ветер надувал парус. Удаление от берега составляло более двадцати миль, и поэтому в дымке можно было только угадывать очертания высоких гор.

Селим занял положение впередсмотрящего. Его окликнул Фарик:

— Селим, ты чувствуешь, как летит водная пыль. У меня вся одежда, руки, лицо — мокрые.

Кирилл пощупал свою непромокаемую куртку, она была влажной. К Фарику обернулся Селим:

— Да, странно, куртка мокрая, хотя океан совершенно спокоен. Может быть, роса?

— Нет, навряд ли. Хотя океан и спокоен, но мне кажется, что где-то рядом идет шторм. Что ты думаешь, Кирилл?

— Я уверен, что ты прав, Фарик. Не дай Бог, чтобы этот шторм двигался против нашего движения. Все побережье с этой стороны скалисто, будет худо, если мы попадем в ситуацию, подобную той, которая была перед заходом в Льянес.

Словно по волшебству, ветер начал усиливаться. Через час скорость возросла. Селим попросил Фарика занять место рулевого, а сам, спустившись в рубку, связался с портовыми службами маленького городка, лежащего совсем неподалеку. Ему сообщили, что и скорость ветра, и волнение будут увеличиваться, но заходить в Рибадео, как звали городок, не рекомендовали.

«Это очень опасно, — сообщил ему диспетчер. — Вход в бухту очень узкий, у вас нет двигателя, могут быть неприятности».

Сила ветра стала расти на глазах, с нею увеличивалась и скорость. Если так будет и дальше, то вскоре они превзойдут все ранее поставленные рекорды. Кирилл спустился в рубку и посмотрел на навигационное устройство. Оно показывало скорость и расположение корабля относительно берега. Пробыв двадцать минут внизу, он увидел, что скорость корабля дошла до семи, потом восьми, потом восьми с половиной узлов. С такой скоростью они еще никогда не плавали.

Волны все выше вздымались, иногда закрывая обзор то слева, то справа. Корабль нырял в водяные пропасти, но, будучи лег-

ким, быстро поднимался на гребни валов.

Вернувшись на палубу, Кирилл взял бинокль и присмотрелся к тому, что происходило вблизи берега. Там, у самых скал, штормовало несколько яхт. Он видел, как мощно раскачиваются их высокие мачты. В пяти милях от них открылся мыс Стакка-де-Барес, крайняя северная точка Испании. Их кораблик больше не плыл, он буквально летел над волнами. Кирилл вновь спустился в рубку. Девять с половиной узлов, десять, десять с половиной!.. Он высунулся и с напряжением посмотрел на парус. Еще немного, и тот должен был разорваться. Уменьшить его площадь сейчас было невозможно. Опустить рей — слишком опасно, потому что концы паруса могли попасть в воду. Это грозило бы неминуемым переворотом судна.

За мысом Стакка-де-Барес лежал другой испанский городок, который назывался Сидейра. Нужно было принимать решение: штормовать дальше или попытаться зайти в бухту. Кирилл считал, что нужно штормовать. Родившийся молниеносно на просторах Атлантики, мощный шторм должен был вскоре затихнуть, уйдя в океан.

Ливан принял другое решение. Он сменил Селима на руле и попытался изменить движение судна с таким расчетом, чтобы зайти в горловину бухты. Этому маневру помогали четыре человека из экипажа, переводя парус на левый галс. Неожиданно жуткий порыв ветра наклонил корабль на правый борт. Парус оказался в нескольких сантиметрах от воды. Ливан не растерялся и приказал немедленно всем перейти на левый борт. Он пытался выровнять судно, но веса всех, даже такого крупного человека как Фарик, не хватало. Кирилл обернулся и закричал:

— Почему ты не помогаешь судну рулем? Выравнивай его!

— Не могу! — ответил Ливан.

Рулевое весло, находящееся по левому борту, вышло из воды. Кирилл понял: они плывут, по сути, на боку, с креном более тридцати градусов. Корабль неуправляем. От гибели спасала только его легкость. Мысленно Кирилл перекрестился — поплавок он и есть поплавок. Переваливая боком одну волну за другой, корабль стремительно приближался к берегу. Нужно было любым способом опустить парус, если корабль не выровнять, то наступит момент, когда его захлестнет очередная волна.

Видимо, почувствовав это, сам парус решил им помочь. Он на-

чал трещать и медленно расходиться в центре по шву. Разорвавшуюся парусину со страшной силой ударяло о мачту, и, вскоре, она распалась на две половины. Секунды, прошедшие с момента небольшого разрыва до полного развала паруса, показались им вечностью. Упадут ли разорванные куски паруса в воду? Если упадут, беды не миновать…

После того как материал разошелся в центре, он начал разрываться и в других местах. Все это напоминало бьющегося в агонии зверя. На счастье, скорость начала падать. Чтобы обрывки материи не угодили в воду, их следовало немедленно подобрать, чем и занялись все, свободные от откренивания лодки. Огромный Фарик, несмотря на сильный крен, подобрался к мачте и, навалившись всей своей немалой массой на израненный парус, стал подминать его под себя. Кирилл помог отвязать удерживающий рею канат, и вскоре та с бесформенной грудой тряпок, недавно бывших гордым движителем «Мелькарта», упала на палубу. Судно наконец-то выровнялось и, подгоняемое сильным ветром, неотвратимо двигалось к берегу.

Когда опасность миновала, Кирилл с Ливаном спустились под палубу и стали изучать карту. В трех милях юго-западнее входа в бухту Сидейра узкой полосой, ограниченной с двух сторон острыми скалами, вытянулся пляж, носивший название Фруесейро. Они решили дрейфовать туда. Цель — стать на якорь, переждать бурю и затем на веслах двигаться в ближайший порт. На борту никто не разговаривал. Да и о чем было говорить? Каждый из них понимал, что заглянул в глаза смерти. Когда до берега оставалось метров четыреста, был отдан первый якорь, а затем и второй. Пугающим было то, что у берега волны оказались выше, чем в открытом океане. Якоря, на счастье, держали, но уверенности в том, что они будут держать, если ветер и волнение усилятся, не было.

А ветер не ослабевал, нагоняя грозовые тучи, сквозь которые с трудом пробивались солнечные лучи. Надо было принимать решение, и тогда Кирилл обратился к Ливану:

— Ливан, нам нужно запросить помощь. Если к ночи шторм усилится, нас может сорвать с якорей и судно окажется на песке. Я думаю, что с самим «Мелькартом» ничего страшного не произойдет, но вот с людьми?.. Нам придется прыгать. А если, клонясь на борт, корабль кого-нибудь придавит?..

Ливан кивнул головой в знак согласия.

— Все может случиться, согласен с тобой, надо вызвать помощь.

Он спустился вниз и по радио связался со спасателями, дав им координаты. Его запросили о принадлежности судна, после чего оператор сообщил, чтобы они держались, помощь скоро придет.

Они ждали помощи больше часа и наконец-то среди пенящихся гребней в поздних сумерках увидели оранжевый спасательный катер. «Мелькарт» подбрасывало как щепку: вверх-вниз, вверх-вниз. На счастье, капитан, ведущий спасатель, был опытный и смелый. Описывая неимоверные зигзаги, он подвел спасатель почти вплотную и принял буксировочный конец. Связь с ним была устойчивой, и Кирилл с рацией в руках переводил команды капитана спасателя.

Когда буксировочный трос будет натянут, надо быстро выбрать якоря. Если якоря поддаваться не будут — обрезать веревки. Находятся они в критической ситуации, и жалеть о потерянных якорях нечего!

На радость, якоря быстро пошли вверх и вскоре оказались на палубе. Спасатель начал движение. Последние лучи солнца догорали, поигрывая на гребнях высоких волн; пошел дождь, сменившийся градом. От этого стало не по себе.

Кораблик медленно вскарабкивался на гребень, затем летел вниз. От ударов все потрескивало. Взлет, затем падение. Удар, взлет, падение… «Выдержит ли корпус?» — подумал Кирилл. Экипаж спасателя был очень опытен. Увидев, в каком положении находятся корабль и люди, катер начал выписывать сложные кривые и двигаться по касательной к набегающим волнам.

Их удары стали немного слабее, что позволило членам экспедиции расслабиться. К ночи дождь, а затем и град усилились. Никто ранее с такой погодой не сталкивался, а ведь шла только первая неделя июля, самый разгар лета. Все, кто находился на палубе, промокли, но вниз никто не спускался, кроме Кирилла, которому было дано задание находиться на постоянной связи со спасателем. Внизу качка была наиболее ощутима.

Маленькая штурманская, в которой даже вдвоем было тесно, стала для него кошмарным испытанием на силу воли. Он не видел, что происходило вокруг, за бортом, и только слышал удары волн и хлюпанье прибывающей воды под ногами. Было понятно, что от нагрузок и вибраций корпус дал течь.

Он был внутри один, и только радиопередатчик связывал его с внешним миром. Капитан спасателя, понимая положение на борту, часто вызывал его на связь. Вопросы и ответы были просты и одинаковы: «Как люди?» — «Нормально». — «Травмы есть?» — «Нет». — «Вода в корпус попадает?» — «Да, но немного». — «Держитесь, скоро будем в бухте».

Однако это «скоро» длилось четыре часа. А ведь до бухты, в которой расположился маленький городок Сидейра, от пляжа Фруесейро, где они стали на якорь, было всего пять миль.

«Ну что ж, скоро так скоро!» — про себя повторял Кирилл. Его мутило, переносить качку внутри замкнутого пространства было очень тяжело, но уйти наверх он не мог. Если бы он ушел, то вызывающий его спасатель мог бы неправильно истолковать происходящее на корабле.

На пятый час буксировки они наконец-то вошли в бухту. Вокруг было темно. Уже после шторма стало известно, что в городе ураган нарушил электрообеспечение и принес еще немало бед. Было сорвано много торговых палаток, по акватории бухты плавали пластиковые столы, кресла, синие мусорные баки.

Спасатель подвел их к пирсу, где они пришвартовались. Капитан катера взмахнул рукой, и когда Селим попытался с ним переговорить, быстро вернулся в свою рубку и начал уходить. Кирилл понял, что в море кто-то еще терпит бедствие. После они узнали, что той же ночью спасатель завел в Сидейру еще четыре яхты.

Ветер в бухте был еще сильнее. Пробиваясь сквозь его порывы, к ним подбежали испанцы, моряки маленьких катеров и яхт, укрывшихся в бухте еще до начала шторма. В руках у них были бутылки со спиртным и стаканы. Никто из тех, кто был на корабле, не могли даже говорить. Пришедшие не задавали вопросы, они разливали спиртное, делились теплыми вещами, понимая, что пережили люди на борту маленького корабля.

Укрывшись под стенкой мола от порывов ветра, члены экипажа разливали горячительное. Кирилл никогда ранее не видел, чтобы они пили. И Ливан, и Фарид, да и другие были мусульманами — людьми, которым их закон запрещал употреблять алкоголь. Но здесь все было по-другому. Они остались живы, и стресс, выпавший на их долю, требовал то, что помогло бы пережить происшедшее. Алкоголь быст-

ро делал свое дело, отогрев не только тела, но и души.

Селим перешел на арабский, которого Кирилл не понимал, и лишь потом переведя ему, сказал:

— Теперь мы все побратимы! А сегодня у нас у всех второй день рождения!

Они вернулись на корабль и обнаружили, что внутри все вещи намокли. Поэтому ночевать решили под стенкой мола.

К утру ветер стих, их разбудил человек, представившийся директором яхт-клуба. Он сказал, что в клубе приняли решение помочь им и, в первую очередь, организовать горячее питание. Ливан благодарил, но просил, чтобы им помогли починить паруса. Испанец подумал и сказал, что попытается оказать содействие, но в их маленьком городке нет такой мастерской, поэтому он попробует связаться с находящимся рядом крупным портом Ферол.

После шторма прошло два дня, и все несколько успокоились. Хотя Кирилл заметил, точнее, даже почувствовал, что некоторые из участников готовы были прекратить путешествие. Очевидно, об этом они говорили с Ливаном на повышенных тонах, но он не понимал арабского, да и не хотел вмешиваться в чужие дела. Шторм словно подтверждал его слова — плавание и транспортировка грузов в этих местах были делом опасным и велись только из рук в руки, на небольшое расстояние.

Директор яхт-клуба предложил ему и Селиму съездить на северо-западную оконечность Испании, к мысу Стакка-де-Барес, который они прошли в штормовую погоду.

В бухте, лежащей справа от мыса, находился насыпной старинный мол. Этот мол, как считали, был построен в незапамятные времена, возможно, еще финикийцами. Слушая рассказ директора, Кирилл улыбался: маловероятно, чтобы это было так, но разубеждать его не стал.

Дорога заняла не больше часа, и они оказались в узкой, зажатой высокими горами, бухте. О шторме здесь ничего не напоминало. Сверху Кирилл увидел большое насыпное сооружение, вытянувшееся в море и напоминавшее короткую кочергу. Внутри мола могли швартоваться десятка полтора небольших судов и лодок. За его массивной кладкой эти кораблики чувствовали себя в безопасности. Бывали ли здесь финикийцы? Кирилл сегодня мог дать ответ: если бывали, то не часто. Подтвер-

ждало это и то, что об их присутствии на северном побережье Испании ученым практически ничего не известно.

Несмотря на то, что финикийское письмо одно из самых ранних на территории Евразии и употреблялось с XIII века до нашей эры, сами его изобретатели оставили о себе очень мало письменных известий. При раскопках в европейских странах практически не найдено финикийских надписей, а ведь такие античные авторы, как Гомер, Гесиод, Страбон отмечали преобладающую роль финикийцев в открытии берегов и островов Европы, разведки побережья Африки, Аравийского полуострова и Черного моря.

Но Бискай — это не спокойные воды Средиземноморья или Красного моря. В Бискае все по-другому, а главное — изменчивость погоды. Сильные порывистые ветры сменяют штилевую погоду, дожди, град, высокие крутые волны — все говорит о том, что походы на запад — предприятие очень опасное. К тому же северо-западное побережье Испании гористо, прибрежные воды изобилуют подводными скалами и мелями. Срывающийся с гор ветер препятствует каботажному плаванию, что уж говорить о пересечении Биская напрямик.

Погода во время их экспедиции была непостоянной, и только спасатель несколько дней тому назад выручил корабль и экипаж. Так что те, кто не склонен приписывать финикийцам открытие пути на север, имеют под своими доводами серьезную почву.

Многие исследователи, как считал Кирилл и с ним соглашался Селим, уверены, что гегемонии финикийцев в морских походах никогда не было. И никогда те не совершали плаваний к далеким Оловянным островам, а металлы получали благодаря посредничеству государства Тартес. Находки же фрагментов финикийской керамики, обнаруженные на берегах севера Франции и в Ла-Манше, говорят только о том, что попали туда через третьи руки, после многократного обмена.

— Как ты думаешь, Селим, кто построил этот удивительный мыс?

— Я думаю, что построили его те, кто нуждался в защите. А это могли быть ловкие в торговле племена, о которых писал Руфий Фаст Авиена. Я думаю, что такой мол мог служить прекрасным перевалочным пунктом, куда одни привозили свой груз, а другие его оттуда забирали и перевозили дальше.

— Ты знаешь, я согласен с тобой. На побережье много бухт, вспомни предыдущую, да и Аркашон… За два-три дня вдоль берега на небольших лодках, выбрав погоду, можно проходить достаточное расстояние. А за месяц-полтора короткими перебежками от побережья Англии, полуострова Корнуолл, можно добраться до Галисии, туда, где мы находимся сегодня. Здесь, очевидно, и были самые большие перевалочные базы, где перегружали металлы.

Кирилл и Селим спустились на оконечность мыса, удлиненную одним из старейших в мире насыпных молов. Циклопическое сооружение было подобно айсбергу: треть его находилась на поверхности, две трети — под водой. Огромные камни были окатаны за тысячелетия и напоминали ядра гигантской пушки. Длина мола около семидесяти метров. Идя по нему, Кирилл с трудом мог поверить, что кто-то, без помощи современной техники, мог уложить эти глыбы одна на другую. Но факт оставался фактом — мол был рукотворным, и построили его в давние времена. Кто же? Тартесцы, финикийцы, кельты? Ясно было только одно: построили его мореходы, те, кому нужно было укрываться в глубокой бухте от штормов и непогоды, которая была таким частым явлением в этих местах.

Селим, повернувшись к Кириллу, произнес:

— Я почти уверен, что, хотя мол и носит название Финикийского, к самим финикийцам он не имеет никакого отношения. Скорее всего, они так далеко не заплывали.

— Почему ты так думаешь, Селим?

— Ты знаешь, Кирилл, плавание на нашем кораблике — копии финикийского, приводит меня к выводу, что это было невозможно, хотя огромное счастье, что мы приняли участие в этом походе. Отрицательный результат ценен не менее, чем положительный. Сегодня я уверен, что сами финикийцы так далеко на север не плавали.

— А как же быть с тем описанием, которое донесли до нас древние авторы?

— Ты имеешь в виду перипл Гимилькона?

— Да, именно его, в соответствии с которым мы и пустились в это плавание.

— Мне кажется, Кирилл, что оно сохранилось и дошло к нам через тысячелетия именно потому, что это было одиночное плавание, уникальное по своим масштабам, заслужившее своей ценностью того,

чтобы быть высеченным на камне и храниться в Карфагене.

Кирилл задумался, присев на окатанный валун.

— Я думаю, с тобой можно согласиться, Селим. А в чем-то, может быть, и нет. Ясно одно: металлы регулярно поступали в Восточное Средиземноморье, и шли они как из Галисии, где мы находимся, так и из далеких Корнуоллских рудников. Впрочем, торговля из рук в руки — это удобный путь, и если она налажена четко и грузы переходят постоянно от одного племени к другому, то эта необрывающаяся ниточка могла снабжать торговые рынки как Кадиса и Тартеса, так и местных поселений Галисии постоянно.

А металл такой товар, что не портится, его можно было собирать, складировать и ждать удобного момента для отправки.

— Ты знаешь, что я хочу добавить, Селим? Твою правоту и мои предположения подтверждает то, что даже после выхода на мировую арену такого мощного морского государства как Карфаген, даже после того, как карфагеняне захватили Тартес, подчинили себе Кадис, Гадес, — далеко в Бискай они не плавали, довольствуясь побережьем Галисии, о чем свидетельствует множество археологических находок.

Друзья поднялись к машине. Возле огромных валунов, в маленьком кемпинге, резвились дети. Кирилл с восторгом смотрел на них.

— А ведь знаешь, Селим, все едино в этом мире! Тысячелетний мол и двух-трехлетние детишки. Их далекие предки, наверное, сто — сто пятьдесят поколений назад трудились здесь, создавая эту насыпь, а их дети точно так же барахтались в песке… Удивительно, и только Всевышнему подвластно понимание происходящего на земле. Нам, к сожалению, не имеющим машины времени, не узнать, что в точности происходило — нет, не сотни! — всего два-три поколения тому назад.

Вскоре они прибыли к борту судна. Благодаря испанцам, оказавшим кораблю неоценимую помощь, были починены паруса. Экипаж, поставив судно на отмель, во время отлива проконопатил места, где во время шторма и затем буксировки была выбита каболка. Судно подкрасили, оно как бы ожило, а вместе с этим к людям пришла радость и вера в продолжение похода.

— Ну, что ж, пора выходить, погода установилась, задули попутные западные ветра, — сказал повеселевший Ливан, обращаясь к Кириллу. — Ты знаешь, я хоть и не прислушивался к тому, что вы предлагали с Селимом, все же рад, что пытался пройти Бискай напрямую.

— Согласен, это был опыт — очень важный опыт, хотя и неудачный. Жаль, мы потеряли много времени. Будем надеяться, что дальше все пойдет лучше.

— Что ж, пора!

Кирилл пожал Ливану руку, и вскоре, засев за весла, они сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее стали уходить из затерянной в предгорьях Пиренеев маленькой бухточки. С берега им салютовали, прощаясь, добрые люди, оказавшие помощь отважным мореходам.

Ветер был легким, волнение едва доходило до трех баллов. Кораблик покачивался, переваливаясь с волны на волну. Там, в маленькой бухте после шторма произошел психологический перелом, и даже судно стало вести себя совсем по-другому. «Возможно, — подумал Кирилл, — повзрослели и мы. Больше не будет попыток свести поход к обычной авантюре. Мы стали более разумными, многому научились и многое поняли».

На второй день после выхода «Мелькарт» обогнул несколько глубоко врезающихся в океан мысов и вошел в бухту Виго, где поздней ночью их встретил маленький город Кангас. Нужно было пополнить запасы продовольствия и воды.

Слава о продвижении финикийской лодки обгоняла ее, и когда они пришли в Кангас, то мэр городка уже знал о них. Поспособствовал этому оказавший им помощь в Сидейре директор яхт-клуба. Наутро на кораблик пришел представитель мэрии, который оказал содействие в приобретении продуктов для экспедиции со скидкой: он предложил им постоять два дня у причала. За это время жители городка смогли бы ознакомиться с их лодкой, узнать побольше о плавании древних мореходов и экспедиции.

Ливан посовещался со всеми, и было принято общее решение — остаться.

Погода была хорошая, и перспективный прогноз говорил о том, что и через три-четыре дня ветер будет попутный, поэтому Ливан надеялся, что корабль быстро продвинется вдоль западного побережья Испании и Португалии и вскоре они достигнут Кадиса. На радость участников экспедиции, людей на судно каждый день приходило очень много. Два дня пролетели в дружеских встречах, приобретении продовольствия и подготовке к выходу.

На второй день к ним на борт пришли представители мэрии и еще несколько человек. Они принесли с собой большой бутыль, в котором, по их мнению, находилась великолепная «огненная» жидкость. Кирилл раньше читал о том, что в этих местах практикуют с древнейших времен уникальный обряд, называемый сегодня «гемада».

Священнодействующий дон Мартинес налил в глубокую глиняную чашу жидкость, отдающую запахом спирта. Он всыпал туда большое количество сахара, набросал горсть высушенных ягод, цедру лимона. На борту все затаили дыхание, наблюдая за тем, как гость поджег быстро воспламенившуюся жидкость и длинным глиняным половником начал ее помешивать. Поднимая половник, он изливал горящую жидкость обратно в чашу, капли, падавшие на палубу, огненными ручейками растекались по ней. Зрелище завораживало, над кораблем повисла настороженная тишина, а главное лицо священнодействия начал рассказывать о том, что этот древнейший обряд проводили в Галисии еще кельтские мудрецы.

Когда пламя прогорело, он разлил горячий напиток в небольшие глиняные пиалы. Крепость не ощущалась, только вкус трав и лимона. Горячая влага обжигала губы, чувствовалось, как волна тепла распространяется по всему телу, но опьянения не было, только легкий дурман, от которого звезды стали еще больше, а вода за бортом темнее.

— Знаете, когда на территории Испании господствовала инквизиция, здесь, в Галисии, продолжали справлять старинные обряды, и не удивительно, что гротескным символом нашей земли является ведьма на метле, так называемая баруха, — сказал Мартинес.

— Да, — подтвердил Фарик, — мы видели много таких кукол, продающихся везде, но как же инквизиция?

— Инквизиторы боялись галисийцев, это очень свободолюбивый и гордый народ. И посему здесь никогда не пылали костры, здесь не сжигали ни в чем не повинных людей.

— Это интересно, — сказал Кирилл. — А что еще сохранилось у вас от тех древних людей, древних обычаев?

— Немного, к сожалению. Вы, наверное, знаете о том, что кельты были разбросаны по территории всей Европы. Они жили за тысячи километров отсюда, в Карпатах. Ведь и у вас, Кирилл, есть такая провинция, которая называется Галиция? Точнее, была, носила старое название?

— Да, это так, — подтвердил славянин.

— А ведь галлы — это французское название кельтов, поэтому Галисия, Уэльс, Шотландия, ваша Галиция, территория Швейцарии, территория Франции, южная часть Германии — это все и были земли, на которых жили кельты.

Кирилл вспомнил о том, что рассказывала кельтская предсказательница. Здесь, во время священнодействия с огнем и огненной жидкостью, он еще раз убедился в том, что кельты, жившие на просторах Европы, исповедовали общую культуру, умели передавать духовные знания, веру в единых богов, обряды, культы, — и передавать их через болота, реки, топи, горы. По всей вероятности, мудрейшие друиды и вправду умели общаться между собой не только физически, но и как-то по-другому. Может, через то самое информационное поле, о котором ему не раз уже твердили предсказатели и целители. Благодаря неизвестным нам законам единого поля они передавали такую необходимую для их народов информацию.

Священнодействие завершилось. Все заговорили, чуть ли не одновременно, на разных языках. Кто-то жестикулировал, кто-то пытался доказать что-то соседу. Кирилл понял, что гемада не так безобидна, он сам чувствовал сильное головокружение, а его язык так и пытался глаголить без ведома хозяина. Сконцентрировавшись, он отвел Селима на корму «Мелькарта». Тот, как и Кирилл, был сильно возбужден.

— Удивительно красивые места и удивительно интересные. Здесь все как будто пронизано тайной, какими-то сложными, подчас непонятными явлениями.

— Я думал об этом уже не раз, мой друг Кирилл. Мне кажется, что в мире существуют определенные места, где происходят не совсем обычные явления. Как объяснить тебе? Я думаю, что на поверхности всей нашей земли есть как бы входы и выходы энергии, которую мы не можем сегодня физически описать. И вот в этих самых местах, в энергетически возмущенных точках и находятся обычно монастыри, мечети, буддистские храмы. Возможно, в древности на этих местах были капища, там селились колдуны, шаманы, целители, маги. Возможно, это пещеры, в которых энергия, связывающая Землю и космос, проходит, дает возможность посвященному получать информацию, усиливать свое воздействие на других людей, лечить их, а возможно, наносить вред.

Кирилл задумался, возбуждение стало проходить. Он уже не раз думал о том, что говорил Селим, и на эти размышления его натолкнули плавания. Бывая в разных землях, он часто сталкивался с непонятными явлениями.

Знаменитые, известные всему миру католические или мусульманские святыни создавались на тех местах, где прежде были алтари или священные места, куда сходились люди более ранних поколений, чтобы лечиться или прославлять богов.

— Знаешь, Селим, что я хочу тебе сказать? Я думал о том, что ты говоришь. Одним из таких мест являются пирамиды, другим — Афонский полуостров в Греции, там, где расположены сегодня православные монастыри, а в античные и более ранние времена находилось самое знаменитое святилище Зевса. Наверное, таков и Стоунхендж в Англии, мексиканские пирамиды и, конечно же, ваша Мекка. Возможно, что и здесь, где-то совсем рядом находится выход такой энергии.

— А я скажу тебе даже, где! Рядом, совсем недалеко отсюда, по прямой каких-то семьдесят километров, есть одно из самых почитаемых в христианском мире святилищ. Этот городок называется Сантьяго-де-Компастела, и поверье гласит, что именно туда попала лодка, в которой везли убиенного Якова, одного из апостолов Христа.

— Съездить бы в Сантьяго!

— Не знаю, вряд ли это нам удастся, хотя было бы очень интересно.

От разговора их отвлек дон Мартинес, начавший рассказывать о поселениях кельтов. Совсем недалеко от бухты Виго, говорил он, находится небольшой городок Нинье, рядом с которым лежит древний кельтский город.

— Неужели? И что, туда можно попасть? — воскликнул Кирилл.

— Если вы хотите, я завтра с удовольствием отвезу вас в горы, и вы сами посмотрите, как жили кельты, какова была архитектура их зданий, быт, как выглядели святилища.

— Это было бы прекрасно! Помогите нам, дон Мартинес, мы с господином Селимом очень хотели бы увидеть кельтский город, потому что считаем, что именно кельты и племена, жившие на этих местах до них были главными перевозчиками металлов, благодаря чему те попадали в средиземноморские страны.

На небосводе начали меркнуть светившиеся бриллиантами звезды. Попрощались и гости, но дон Мартинес пообещал приехать днем и отвезти их в кельтский город.

Кирилл так и не заснул. Он думал над тем, что говорили в эту ночь Селим и испанец. Возможно, прав турок, и на земле действительно существуют особые зоны, где усиливаются чувства простых людей, а уж у посвященных, таких, к примеру, как Лидия или Талия, с которыми он встречался во Франции и в Карпатских горах Румынии, и подавно. Открываются необъятные возможности познания, возможно, люди прозревают и начинают видеть то, что не подвластно простым смертным.

Как и обещал, дон Мартинес приехал к обеду, и они с Селимом, захватив с собой в дорогу немного провизии, стали наблюдать за прекрасным пейзажем, открывавшимся из окна автомобиля. Дорога шла по изрезанному бухтами побережью. Вскоре они поднялись на современный мост, который пересекал бухту Виго, и миновали крупный промышленный центр, каким был сам город Виго. Проехали небольшой городок Байону и, поднявшись в горы, очутились в зоне плотного густого тумана, из-за которого с трудом разглядели кельтское поселение.

Даже сквозь туман, не выходя из машины, Кирилл не столько рассмотрел, как ощутил круглые громады зданий, прилепившиеся друг к другу на склоне, как соты в улье. Дон Мартинес затормозил и остановился на смотровой площадке. Они с Селимом вышли и отправились к зданиям, сложенным из крупных неотесанных камней. Не было видно следов скрепляющих материалов, но камни были очень точно пригнаны друг к другу необработанными гранями.

Вначале все казалось хаотичным, но потом Кирилл увидел точно выверенный порядок, но не привычный для нас, подразумевающий параллельные и перпендикулярные линии, по которым проходят улицы и квадраты зданий, заполняющие кварталы. Он увидел, что планировка не имеет граней, дома расположены по полуокружностям и кругам, а в целом древний город напоминал несколько знаков интеграла, спускавшихся с вершины вниз. На закругленных линиях таких знаков располагались круглые дома, круглые дворы, круглые загоны для скота. Отсутствие прямых углов в сочетании с густым туманом творило в его сознании хаос. Он взял Селима за руку:

— Взгляни, ведь у этих людей было совершенно другое миро-

восприятие! Они по-другому видели мир, все вокруг себя, возможно, и космос. Я совершенно не удивлюсь, если они мысленно могли проникать через пространство. Посмотри, какая геометрия архитектуры, какая сложность линий при примитивизме материалов? Здесь есть что-то от нелинейной математики.

— Ты говоришь о постулатах, когда кривая может быть короче прямой?

— Да, Селим! Мне пришло на ум сравнить эти «интегралы» с черными дырами в космосе. Есть гипотеза, согласно которой, пройдя через «черные дыры», можно проникать на непостижимые расстояния в считанные доли секунды. Это как в куске сыра, когда ты идешь не по поверхности, а проникаешь через отверстия в нем. Может быть, благодаря такой геометрии зданий и святилищ они и проникали на тысячи километров, общаясь друг с другом. И еще — транс, вспомни вчерашнюю «гемаду».

— Знаешь, о чем я подумал, Кирилл? Стоунхендж и другие святилища, возможно, и есть те самые «черные дыры» на земле. Точки проводимости информации.

— Возможно, Селим, возможно.

На одном из камней они увидели выбитые петроглифы. Рядом была жертвенная площадка. Петроглифы также не имели прямых линий — это были спирали, круги, дуги… В сгустившемся тумане были слабо различимы очертания туристов, двигавшихся по кельтским улочкам. Неожиданно Кирилл попал в плен видения: ему показалось, что в поселении он увидел Джероми. Тот был необычайно худ и заглядывал в окна маленьких зданий…

К нему вышел старик, у которого была длинная окладистая седая борода. Абаджио поклонился ему, старик в ответ приподнял руку. Тот что-то спрашивал, а мудрец (Кирилл скорее почувствовал, чем понял — это был друид, тот самый мудрейший человек, которому племя доверяло все свои знания, чаяния, радости и боль) что-то овечал венецианцу…

Видение рассеялось, Кирилл заметил, как Селим спустился по небольшой лестнице и вошел в круглое здание. Он пошел туда же и увидел, что тот сидит за каменным столом.

— Ты знаешь, Селим, я сейчас видел жреца-друида, и, кажется, Джероми!

— А моего предка, адмирала Рейса, ты здесь не видел? — заулыбавшись, спросил Селим.

— Нет, Рейса я не видел, — серьезно ответил Кирилл.

— Брось, Кирилл. Я же говорил тебе: есть места на планете, где все это усиливается, становится реальным. Ведь ты же видишь своего предка не каждый день и не в любом месте. Ты не можешь вызвать у себя это видение, и не всегда он приходит к тебе во снах. Видения приходят только в определенных местах, пойми это и подумай над этим. Я повторяю еще раз — кельтское поселение имеет какую-то еще неизвестную связь с тем далеким миром прошлого. То же самое происходит и в других местах. Ты, время от времени попадая в такие места, получаешь из огромного поля информации, словно через машину времени, сведения о своем предке. А он, возможно, очень далеко, за много веков отсюда, получает так же информацию о тебе. Вы связаны, связь эту дает то поле, о котором тебе уже не раз говорили. Вспомни — окаменелость в предгорьях Арарата. Ты видел там Джероми?

— Не помню, может, и видел…

— Но там же тебе пришло в голову, точнее, ты укрепился в мысли, что у человечества могла быть единая прародина!

— Да, там.

— Теперь думай, вспоминай. Вспоминай все то, что было с тобой, вспоминай те места, где к тебе приходили откровения или ты познавал то, что в обыденной жизни просто не мог познать.

Кирилл вспомнил Брюгге и кривое зеркало в небольшом кондитерском магазине, потом картину Босха, встречу с Талией, предсказания Лидии…

— Я должен подумать о том, что ты говоришь, Селим. Возможно, ты прав. Возможно, существуют такие места на земле, и если бы я жил и находился только дома, ко мне не приходили бы видения, связанные с Джероми. Просто путешествуя, очень много перемещаясь по всему миру, я время от времени попадаю туда, где как бы открывается возможность получения информации, которую в обычной жизни я бы не имел.

Дон Мартинес позвал их:

— Поедем, друзья, я чувствую, что приближается сильный дождь, а в горах это всегда опасно. Надо поторапливаться.

Кирилл в последний раз обернулся и посмотрел на кельтский город. Ему вновь показалось, что он увидел старика друида. Но Джеромми не было. Он решил оставить свои размышления на то время, когда они будут в океане.

Сейчас же они поспешили вниз и вскоре вновь въехали в небольшой курортный городок Байона.

— Друзья мои, я хотел бы остановиться здесь, внизу, у подножья крепости, а точнее, форта, защищавшего в средние века вход в бухту Виго, и показать вам один небольшой памятник. Вот уж точно — вы не догадаетесь, кого там увидите!

Кирилл и Селим были заинтригованы и незамедлительно согласились. Они подъехали к небольшой площадке, где увидели большой каменный крест и преклоненного перед ним человека и еще несколько фигур, стоящих поодаль, укрытых плащами. Все они были вырезаны из серого, чем-то напоминающего песчаник, камня.

— В честь кого установлен этот памятник, дон Мартинес?

— Это памятник Пинсону, человеку, отправившемуся с Колумбом в плавание, человеку, который оказал ему помощь, снабдив деньгами, дав свои суда; человеку, которого после открытия Америки обуяла гордыня и он решил, оставив экспедицию, прийти первым обратно в Европу и сказать о том, что именно он является первооткрывателем Нового Света.

— А почему же памятник установлен здесь? — спросил Селим.

— Потому что Пинсон, попав в шторм невдалеке от Азорских островов, сбился с курса и первым европейским берегом, который он увидел, был этот. Он пришел сюда, водрузил здесь крест. Отсюда его начали прославлять как первооткрывателя Америки. Только после этого он вернулся в Палос, тот самый городок, откуда начал плавание. Но Колумб был уже там, и Пинсон от горя, а возможно, от раскаяния, заболел и вскоре умер.

Но все равно, как бы там ни было, это был великий мореплаватель. И Колумб должен быть благодарен, а вместе с ним и все мы, что его экспедиция состоялась. Не будь Пинсона и его братьев, я думаю, что открытие отложилось бы еще на какое-то время. И уже точно, не славный генуэзец стал бы первооткрывателем Нового Света.

— Если быть откровенным, — сказал Селим, перебив дона Мартинеса, — Колумб и не был первооткрывателем. Да к тому же, он до

конца жизни так и не понял, что открыл новый континент, веря в то, что приплыл западным морским путем к восточным берегам Азии.

— И то правда. Но мы, испанцы, не забыли Пинсона. Он испанец, наш соотечественник, и потому мы чтим его память. Да, он ошибся, да — гордыня восторжествовала над разумом. Но пусть память о нем и его потомках остается всегда.

Кирилл подумал про себя: «Вот неожиданно я опять вернулся в то далекое время. В то время, когда открывалась Америка, когда христиане в Европе противостояли мусульманам, когда португальцы искали дорогу в Индию, и все произошло за каких-то сто лет! Сто лет…

Если их сравнивать с прошлым, XX столетием, в котором жили уже мы, произошедшее в далеком средневековье можно сравнить только с полетом человека в космос».

Он поднял голову и еще раз внимательно посмотрел на скульптурную группу.

«Возможно, так же где-то преклонял свои колени Джероми, обращаясь за помощью к мудрецам и провидцам. Какая странная связь во времени и пространстве. И как хорошо, что я участвую в этой удивительной экспедиции и увидел то, что увидел…».

Глава 19.

Божественный ветер

По пути в Макао. — Флоты китайских императоров. — Божественный ветер. — Память о евнухе Джен-Хе. — Шелковый занавес.

К концу дня из виду скрылась португальская крепость, державшая под контролем Малакку и пролив. Лацио и Лючия ни разу за день не вышли из каюты. Джероми находился на верхней палубе, возле рулевых. Несколько раз туда поднимался адмирал Реис, но он не обращался к Джероми, и тот старался его не беспокоить, понимая, что адмирал недоволен произошедшим на судоверфи. Лишь к вечеру, когда в лучах догоравшего заката исчезли последние видения португальской крепости, адмирал обратился к Джероми:

— Мощная крепость! Что скажете, Абаджио?

— Да, очень мощная.

— А знаете, она разрослась так всего за последние пять-шесть лет. Португальцы полностью держат в своих руках пролив.

— Это и не удивительно. Ведь через него идут основные грузопотоки с островов пряностей.

— Да, вы правы, баснословные прибыли получает португальская корона. Арабские же купцы несут убытки.

— Послушайте, адмирал! Я знаю, что в Китае сейчас нет португальского поселения — несколько лет тому назад оно было разрушено. Зачем же мы направляемся туда?

Адмирал Реис лукаво улыбнулся:

— Для того, чтобы основать там венецианское…

Джероми внимательно посмотрел на улыбающегося Реиса.

— А вы шутник, адмирал!

— Какие уж тут шутки! Мы и делегацию с письмами отправим к императору, только ждать возвращения ее не будем, вернемся назад.

— И что, на обратном пути опять пойдем через Малаккский пролив?

— Нет, не думаю. У меня есть еще несколько пунктов назначения, в которых необходимо побывать.

— Но сейчас вы не хотите, конечно же, говорить об этом?

— Нет, слишком рано, сеньор Абаджио. Вначале — Маккао. Кстати, вам будет там очень интересно!

— Почему вы так решили?

— Если нам повезет, вы увидите останки огромных флотов, некогда прославивших великую империю.

— Флотов?

— Да, именно их. Это флоты адмирала Джен-Хе.

— Адмирал Джен-Хе? Никогда не слышал о таком. Да и о китайских мореходах я тоже никогда не слышал.

— Поднимите глаза, посмотрите на пролив!

Джероми огляделся. В сумерках были видны десятки, нет, сотни маленьких и больших кораблей, плывущих как в сторону Малакки, так и по направлению к островам пряностей и Китая. Многие из этих судов были похожи друг на друга.

— Ну, что скажете, сеньор Абаджио?

— Я даже не задумывался об этом. Но и правда — как много кораблей! И все они везут грузы?

— Да, все они везут грузы. А Малакка и есть тот самый пункт, где эти грузы обмениваются или перепродаются. Там, далеко на востоке, есть тысячи островов — крупных, средних, малых… Они образуют тысячемильные цепи, которые тянутся длинными дугами от Китая к далеким землям, которых ни вы, ни я еще не знаем.

Я думаю, что именно там на островах, когда-то и появились первые небольшие суда, развившиеся потом в новый тип, который китайцы называют чуань, а мы, моряки, называем джонками. Сюда, на Малайский архипелаг, в Малакку, на остров Суматру, на Борнео приходили тысячи таких джонок. Я думаю, что здесь за много столетий до нас существовала очень успешная и разветвленная торговля. А торговцам нужны были не только маленькие, но и большие суда.

Небольшая, с высоко развитой кормой джонка шла им навстречу. Джероми прервал слова адмирала:

— Посмотрите, адмирал, суда хоть и велики, больше нашего «Возмещения», но как они неуклюжи! Квадратный нос, такая же квадратная корма. Разве такие могут осуществлять дальние плавания?

Адмирал Реис засмеялся.

— Конечно, могут. И осуществляют. Эти суда хоть и имеют малую осадку и высоко поднятые корму и нос, однако их большая ширина позволяет противостоять волнению, а плоское днище дает возможность входить в мелкие реки и подниматься по ним на многие десятки миль.

— А какое странное вооружение парусов у этих судов! Посмотрите, адмирал! Ими, наверное, очень неудобно управлять.

— Вы опять ошибаетесь! Оно хоть и особенное, это парусное вооружение, но очень удобное и позволяет прекрасно лавировать, к тому же паруса, как вы видите, простеганные поперек целым рядом бамбуковых реек, очень крепки. Их тяжело разорвать, что часто происходит как на наших, арабских, так и на ваших, христианских кораблях. На этих судах бывает до пяти мачт.

— Это невозможно, адмирал! Ну — две, ну — три мачты, это предел!

— Нет, не предел. Я вам уже говорил, что если нам повезет, то вы увидите такие корабли, которые даже не можете себе представить. Гораздо раньше, чем у вас, в Европе, китайцы стали строить суда, разделяя их внутри водонепроницаемыми переборками. А также строить не одну, не две, а пять, семь палуб!

Джероми дивился рассказанному Реисом. Возможно ли это?

— Вот вы строили «Возмещение», Джероми. Какова его длина?

— Более тридцати метров.

— А ширина?

— Семь.

— А вот китайцы строят суда, длина которых превосходит сто метров! А ширина — более двадцати.

— Это невозможно!

— Увидите сами.

— Почему же мы в Малакке не видели таких огромных кораблей?

— Просто сейчас не сезон. Такие большие корабли нужны, когда перевозится большое количество грузов. А сейчас не сезон вызревания пряностей. Через месяца два огромные джонки будут стоять под стенами португальской крепости. Если сегодня задать вопрос, кто же является родоначальником этих удивительных и большегрузных ко-

раблей, то вряд ли удастся найти ответ. Я думаю, что китайцы, малайцы, да и жители других стран Востока скажут, что суда эти первыми построили они. Но как бы там ни было, суда эти гораздо больше европейских и арабских.

— Если это так, адмирал, то почему же корабли эти никогда не достигали берегов Европы, почему европейцы нашли дорогу из Европы вокруг Африки в Индию, а затем и сюда, а не наоборот?

— Не было необходимости.

— Что значит — не было необходимости?

— Мы поговорим об этом еще, Джероми. А теперь скажите: как вы думаете, когда наш переводчик, или переводчица — в общем, когда Лючия сможет приступить к своим обязанностям? Вы ведь сказали мне, что она прекрасно владеет языками!

— Сказал, адмирал. Я думаю, что через несколько дней девушка придет в себя от пережитого и тогда сможет оказать вам необходимую помощь. Но мы же в море, что вам нужно?

— У меня есть ряд китайских списков и рукописей. Мне нужно, чтобы она сделала их перевод, если, конечно, сможет. И сделать это нужно еще в море, до нашего прихода в Маккао.

— Что ж, я передам это Лацио.

— Как вы решили вопрос с ее проживанием?

— Я хотел, адмирал, вас просить, чтобы вы разрешили мне занять маленькую комнатку прямо за вашей каютой.

— Что, хотите подсматривать за мной, Джероми?

— Нет, что вы! Просто мне было бы спокойнее. К тому же молодым нужно уединение.

— Я не против, берите свои вещи и переходите туда. Но напоминаю: сеньор Лацио никоим видом не должен показывать, что китайчонок не юноша, а девушка. А уж тем более — что это его жена, — адмирал Реис понизил голос и, не сказав более ни слова, спустился по трапу в свою каюту.

Джероми вернулся к Лацио и Лючии. Они сидели рядом. Девушка была погружена в свои мысли, Лацио нежно гладил ее по руке.

— Я перехожу в маленькое помещение за каютой адмирала Реиса. Если тебе, Лацио, будет что-то нужно, то обязательно зови меня. Адмирал просил, чтобы Лючия не появлялась на палубе. Через не-

сколько дней, когда она придет в себя, он даст ей поручение. Нужно прочесть несколько списков, написанных иероглифами.

Девушка приподняла голову. Абсолютно лысая, с выбритыми бровями, она выглядела не самым лучшим образом. Джероми содрогнулся. Там, на верфи, когда нужно было любой ценой избежать столкновения и увезти ее, все это было необходимо. Но сейчас он с болью думал о том, как переживает юная девушка. «Ничего, — решил Джероми. — Волосы отрастут, все будет нормально».

Лючия прервала его мысли, сказав, что она уже завтра может сделать все, что просит адмирал Реис.

— Вы смелая девушка, Лючия. Я рад, что вы так относитесь к просьбам адмирала. И вы, и мы находимся в его власти. Посему, прошу вас — помогите...

Джероми ушел. Лацио и Лючия остались в своей каюте.

«Возмещение» продвигалось на северо-восток, подгоняемое легкими ветрами. Как и предполагал адмирал Реис, плавание к стенам Маккао продлилось четырнадцать дней. К концу второй недели они увидели стены большого города. Берега были невысокими, и цвет воды говорил о том, что в море впадает большая и полноводная река. Обогнув несколько невысоких мысов, «Возмещение» вошло в бухту, на берегах которой расположился китайский город.

Утром, выйдя из каюты, Джероми увидел адмирала Реиса на верхней палубе. Здесь ему совершенно не нужно было прятаться. Португальцы два года тому назад были изгнаны из Маккао.

Произошло это после того, как они захватили часть земель, принадлежащих маленькой провинции. И хотя португальское поселение, основанное еще в 1511 году, было вооружено пушками, китайцы смогли захватить его, а затем заставили португальцев покинуть Маккао.

Джероми постоянно ломал себе голову: если здесь нет португальских крепостей и португальских гарнизонов, зачем адмирал решил сюда прийти? Ответа не было.

Адмирал смотрел куда-то вниз, за корму судна. Джероми подошел к борту и увидел небольшую лодочку. Неожиданно для Джероми на верхнюю палубу быстро взбежала Лючия, переодетая юношей.

За время плавания она сделала переводы списков и писем для ад-

мирала Реиса. Он часто звал ее к себе, вызывая ревность Лацио.

Адмирал улыбнулся и поклонился Лючии. Его неприязнь к юной девушке прошла после того, как он понял, какого неоценимого и верного помощника приобрел благодаря сумасшедшей влюбленности Лацио де Калье. Джероми замечал, что когда Лючия уходила к адмиралу, Лацио не находил себе места. Адмирал Реис почувствовал неладное и, боясь возникновения конфликта, стал сам приходить в каюту к Лацио и Лючии и приносить бумаги, которые необходимо было переводить.

В лодке находилось трое китайцев, один из них был старшим. Он что-то спрашивал, Лючия переводила адмиралу и затем отвечала. Джероми понял, что им приказано остановиться на рейде и ждать дальнейших распоряжений. Адмирал Реис вручил китайцу ряд бумаг и несколько писем, написанных Лючией китайскими иероглифами. К ним также были приложены венецианские печати со львом.

Когда китайцы удалились, Джероми стал внимательно рассматривать берега. Город был, на удивление, светел. Небольшие, абсолютно безликие здания были выбелены известью, на многих из них он увидел бумажные и матерчатые флаги и круглые шары. Видимо, по вечерам в них зажигали свечи для освещения улиц. Возле причалов ютились маленькие и большие торговые суда.

Неожиданно его внимание привлекли два больших деревянных ящика. Это было больше похоже на огромные дома на воде, чем на корабли. Но затем по очертаниям Джероми понял, что это все же суда. Адмирал Реис увидел, что Джероми внимательно рассматривает два огромных деревянных остова, на которых не было ни мачт, ни рей, ни парусов. Выглядели они очень обветшалыми и, очевидно, внутри этих деревянных гигантов плескалась вода, а сами они прочно засели на мели.

— Что это, адмирал?

— Это те самые джонки, Джероми, о которых я вам рассказывал.

— Неужели это корабли? Это больше похоже на здания на воде, чем на корабли.

— Это все, что осталось от великих флотов адмирала Джен-Хе, о которых я вам уже говорил. Еще там, на выходе их порта Малакки,

я обещал вам рассказать удивительную историю китайских флотов.

Думаю, что стоянка на рейде продлится несколько дней, прежде чем нам разрешат подойти к причалу. А посему приходите втроем сегодня вечером ко мне, и я расскажу вам одну поучительную историю о великой стране, о великих флотах и полководцах и о «Шелковом занавесе», опустившемся на ее границы именно тогда, когда флотоводцы Китая могли открыть берега Европы.

Вечером Джероми, Лацио и Лючия пришли к адмиралу. Он предложил им сесть и начал свой рассказ со слов:

— Вы, Лючия, можете гордиться тем, что принадлежите частью своей крови к китайскому народу. Это великий народ, который себя еще проявит на просторах истории. Но позвал я вас сюда для того, чтобы рассказать следующее.

Когда-то, 250 лет тому назад, в Китае правили императоры-монголы. Одним из самых воинственных среди них был император, которого звали Хубилай-хан. Хан Хубилай был внуком Чингисхана, покорителя Азии. Он расширил границы Китая, захватив новые земли как на юге, так и на севере. В 1276 году он покорил Корею и захотел овладеть островами, которые лежали через пролив от Кореи. Ваш соотечественник Марко Поло, который описал эти земли, называл их островами Сепанг.

— Да, мы знаем об этом. Труд Марко Поло неоднократно переписывался. Одна из копий хранится у моего отца, одна была и в моем доме, в Венеции. Я читал о стране Сепанг, но, по правде сказать, всегда думал, что это выдумка.

— Это не выдумка. Страна Сепанг, или как ее еще называют — Япония, не давала покоя властителю Хубилаю. Он хотел покорить ее. И для того чтобы добиться этого, приказал строить огромный флот, на котором монгольские и китайские войска должны были быть переправлены на острова.

Флот состоял из 900 судов, готовых перевезти 40 тысяч моряков и воинов. Поход, начавшийся успешно, неожиданно был прерван из-за отчаянного сопротивления немногочисленной армии Сепанга. Когда монголы высадились, произошло несколько кровавых столкновений, однако умелое руководство и подготовленные фортификации не позволили китайцам быстро овладеть большим островом Кюсю.

Сопротивление было столь героическим, что завоеватели отступили к своим кораблям. Внезапно начался сильный шторм.

Оставаться в заливе было опасно, и корабли снявшись с якорей, ушли в открытое море. Ветер, налетевший на китайский флот, потопил более двухсот кораблей, погибло 13 тысяч человек. Хан Хубилай был раздосадован, но ему ничего не оставалось, как отступить.

Не один год он мечтал о повторении завоевательной экспедиции. И через семь лет, когда монгольскому императору принадлежала вся Азия, была собрана новая морская армада. Этот флот был и остается самым большим флотом всех времен до наших дней.

Он насчитывал 4400 судов, на борту которых находилось 142 тысячи матросов и воинов. Основной ударной силой были грозные военные джонки, с прочными деревянными корпусами и высоко поднятыми носом и кормой. Именно там располагались лучники, арбалетчики, метатели огня. Таких судов было 1200, в длину они достигали 70 метров, на каждом из них только воинов было более шестисот.

Такие огромные корабли перевозили не только людей, но и лошадей. Каждый из них тянул на буксире еще одно или два небольших судна. В их задачу входило перевозить воинов от больших кораблей к берегу.

История Китая гласит о том, что воины Хубилай-хана, за исключением самих китайцев, были плохими моряками. Каждый из них был вооружен тяжелой саблей, булавой, метательными копьями. Грудь их защищали крепкие металлические и кожаные панцири. Самым грозным оружием у монгол были лук и стрелы. На полном скаку монгольский воин, развернувшись в седле, попадал стрелой с 50 метров в небольшую монету.

— Возможно ли это, адмирал Реис? Мы с Лацио неплохие воины, хорошо умеем держать оружие в руках, умеем стрелять и не только из пистолетов, но и из лука или арбалета. Не думаю, что на скаку можно попасть в монету!

— Так гласит история. Может быть, она что-то и преувеличивает. Создав второй могучий флот, хан Хубилай рассчитывал захватить острова Сепанг очень быстро. Однако и японцы готовились к отражению. За прошедшие семь лет они строили на своих островах

оборонительные сооружения — небольшие крепости, скрытые перед ними рвы и волчьи ямы, в которые должны были попасть монгольские всадники.

Когда корабли Хубилая подошли к островам, их встретила целая сеть небольших крепостей, соединенных стенами, длина которых составляла более двадцати километров. Японцы организовали свою оборону так, чтобы не дать возможность развернуться монгольской коннице. Но все же те высадились и начали наступление.

— И — о, чудо! — произнес адмирал Реис. — Трудно поверить, но как и семь лет до этого, налетел страшный ураган, поднялся шторм. «Камикадзе» (что означает «божественный ветер»)! — воскликнули японцы. Возможно, так оно и было, Господь в этот день был на их стороне. Ветер невероятной силы опрокидывал на бок огромные корабли, паруса превращались в лохмотья, мачты, вырванные из своих гнезд, летели по воздуху.

Перегруженные войсками и лошадьми, корабли наталкивались друг на друга, многие из них тотчас же шли на дно, унося с собой всех, кто был на борту. Тех, кто не ушел в пучину вместе с судном, смывало с палубы громадными накатами волн. Возможно, эти волны были, как та, которую мы с вами сумели преодолеть…

Всего камикадзе потопил четыре тысячи кораблей и стал причиной гибели ста тысяч человек. Понеся огромные потери, монголы больше ни разу не угрожали Японии. Эта страна-крепость, окруженная морем, оставалась непобежденной, и остается таковой и сейчас.

— Надеюсь, адмирал Реис, мы не поплывем туда?

— Нет, Джероми, туда мы не поплывем.

Неожиданно Лацио сказал:

— А жаль!

— Вам что, еще не надоело путешествовать вместе со мной, сеньор де Калье? Вам нужно больше думать о возвращении, у вас ведь теперь семья! — сказал адмирал Реис и взмахом руки показал на Лючию.

— Вы правы, адмирал, но иногда я даже не задумываюсь над этим. Прошло уже больше года, как мы отправились в поход вместе с вами, а мне кажется, что прошла половина жизни. Но, я надеюсь, что

мы вернемся домой. Вы сами говорили сеньору Абаджио, что хотите посетить еще несколько мест в океане.

— Да, вы правы, но это будет на обратном пути, по пути назад, в Египет.

— Ну что ж, скорее бы этот путь начался, — сказал Джероми и собирался уйти, однако адмирал Реис задержал его.

— Не спешите, я еще не окончил свой рассказ. После гибели флота монгольская армия очень быстро пришла в упадок. А после смерти самого Хубилай-хана династия монгольских императоров была сменена династией китайских.

— Послушайте, адмирал! А откуда вы знаете эти подробности, их ведь описал венецианец, Марко Поло?

— Это так. Но, как вы знаете, я сам готовлю лоции и карты — для этого осуществляю дальние походы. И позвал вас сегодня не только для того, чтобы рассказать об истории императора Хубилай-хана, но и показать одну необыкновенную книгу.

Адмирал Реис достал из небольшого сундука фолиант, чьи крышки были вычеканены медным листом. Он передал его в руки Джероми. Открыв книгу, Джероми прочел первую страницу и был совершенно озадачен. Он прочел вслух: «Книга сия писана мною, венецианцем Марко Поло, для будущих поколений».

— Но простите, адмирал, ведь Марко Поло надиктовал свою книгу другому человеку, по имени Рустичано, который находился с ним в тюрьме…

— Да, он надиктовал книгу, и рукописи ее находятся у вас, в Венеции, и в Генуе, и в других странах Европы. А эта книга та, которую Марко Поло сам писал, путешествуя по Китаю и Азии.

— Этого не может быть!

— Может! Джероми, возьмите ее с собой, почитайте, там есть много интересного, много того, чего не было записано Рустичано.

— Раз от разу вы поражаете, адмирал Реис! Я прихожу к убеждению, что вы собрали самые удивительные манускрипты со всего мира.

— Это и так и не так, сеньор Абаджио. Жаль, но самые интересные и удивительные манускрипты хранятся не в Египте, не в Константинополе, и не у вас, в Венеции и Генуе. Самые интересные из них находятся в Ватикане. Туда, куда я не могу проникнуть, и поверьте,

если бы была моя воля, я бы с удовольствием повел флот султана для того, чтобы захватить Рим. Но пока это невозможно.

— А как же ваш друг, кардинал Глиани, который выдал нас?

— Он мне не друг. Кардинал Глиани за деньги сделает все, что возможно. Но даже у него нет доступа к хранилищам Папской библиотеки, где хранятся фолианты, неизвестные до сих пор никому. Возможно, благодаря им генуэзец Колумб узнал о существовании материка напротив Европы и Африки.

А возможно, там есть и другие уникальные сведения о племенах и народах, живших задолго до нас и плававших по всему известному миру. Ведь мы сегодня, сеньоры венецианцы, знаем лишь малую часть всего мира.

— Что вы говорите, адмирал? А как же плавания Васко да Гама, Магеллана? Мы знаем практически все!

— Когда мы будем знать все, сеньоры, и на земле не останется белых пятен, тогда, возможно, и прекратятся войны. Ну, а сейчас я больше не задерживаю вас.

Джероми забрал фолиант и отправился к себе в каюту. Лацио и Лючия уединились у себя.

Прошло четыре дня, прежде чем им разрешили подойти к причалу. За эти дни адмирал несколько раз приглашал к себе Джероми, Лацио и Лючию. Первый раз, когда он рассказал им о божественном ветре, Джероми, под впечатлением от услышанного, так и не спросил его, что за корабли, точнее — останки кораблей, он видел у причалов Маккао. Сейчас же настало время расспросить адмирала об этом.

Шум на причалах, где разгружались большие и маленькие джонки, становился тише. Джероми, Лацио и Лючия вошли в большую каюту адмирала. Тот сидел за столом, и перед ним были разложены бумаги.

— Я думаю, что уже завтра мы сможем пришвартоваться и тогда вы увидите этот интересный город. Он не особенно типичен для китайских городов, здесь много кварталов, которые принадлежат купцам разных стран и народов. А то, что португальцев изгнали отсюда — это очень хорошо. Но я не думаю, что надолго.

Когда я рассказывал вам о камикадзе — божественном ветре, уничтожившем плоты Хубилай-хана, вы, Джероми, подумали,

что там, возле причалов, стоят останки его флота? Это не так. С тех времен прошло больше двухсот лет.

Огромные корабли, которые вы видите, вернее, то, что от них осталось, — это корабли флота великого китайского адмирала Джен-Хе, человека, который создал самый большой по своему тоннажу флот за все существовавшие времена. Но перед тем, как рассказать о Джен-Хе, я хочу спросить, Джероми: вы читали уже рукопись, которую я дал вам?

— Да, адмирал! И, честно говоря, я восхищен тем, что прочел. Когда я ранее читал то, что было написано Рустичано со слов Марко Поло, то мне казалось, что в этих записках чего-то не хватает. Вроде бы все поучительно и интересно, но нет души, нет внутреннего мира того, кто писал об этом. А сейчас я узнал о своем соотечественнике так много! Он и любил, и был одинок, и тосковал по дому… Удивительно, что Господь позволил ему так много, и он совершил плавание, обогнув много лет тому назад Индокитай, Индию, доплыл до Ормуза.

— Вы правы, Джероми. В общем-то, мы повторили путь Марко. Знаете, с того времени прошло много лет, но его книга — это энциклопедия о странах Востока, и она не зря уже много раз переписывалась. Но то, что хранится у меня, — это более того, что записал Рустичано, однако вернемся к истории адмирала Джен-Хе.

Жизнь этого человека удивительна и очень поучительна. Он родился в мусульманской семье в 1371 году. Незадолго до этого была свергнута монгольская династия и стала править китайская династия Мин. Те страшные смутные времена ужасом отразились на всей жизни Джен-Хе. Солдаты армии Мин, отобрав ребенка у родителей, оскопили его и продали в императорский дворец. Евнухи в ту пору очень ценились, и я могу только догадываться о том, как юный евнух поднялся до таких вершин и стал незаменимым помощником императора Чен-Цу. В возрасте 34 лет он был уже командующим огромным флотом, который за два года посетил более тридцати стран.

Адмирал Реис протянул руку и, развернув, подал Джероми и Лацио несколько свитков. Одни были покрыты китайскими иероглифами, другие — арабской вязью.

— Вот что перевела ваша супруга, сеньор Лацио. Вы все равно не прочтете по-арабски, а она сделает вам перевод.

Лючия взяла свиток и стала читать:

— История династии Мин сообщает, что в девятом месяце 1407 года адмирал Джен-Хе и остальные возвратились. Послы от многих стран прибыли с ним и предстали перед императором. Император был очень доволен и наградил всех титулами в соответствии с заслугами.

Лючия положила свиток на стол.

— К этому я могу добавить, — сказал Реис, — что в экспедиции Джен-Хе участвовало 37 тысяч человек. В отдельные годы численность флота адмирала достигала 317 судов. Большие джонки могли перевозить до 800 тонн груза, их длина была более 60 метров, ширина — свыше 15.

История династии Мин также сообщает, что суда Джен-Хе побывали на восточном побережье Африки, в Азии, Персидском заливе, доходили до Красного моря и углублялись очень далеко на юг, открыв доселе не известные китайцам острова и земли.

К 1474 году, к огромному сожалению, флот сократился. Из 400 больших судов осталось 140, и то, что вы видите у причалов, — это последние из тех 140, которые давно используются как дома на воде. На них нет уже ни мачт, ни другого судового имущества.

Случилось это после того, как в 1433 году, более 90 лет тому назад, в зените славы, прославленный адмирал Джен-Хе скончался. После его смерти изменилась политическая ситуация в самом Китае. Его новые императоры решили отгородиться от внешнего мира, и на Китай опустился так называемый «Шелковый занавес».

Могу утверждать, что, если бы Джен-Хе прожил дольше, то его следующим походом был бы поход вокруг Африки. Я уверен, что настал бы день, когда огромные китайские джонки подошли бы к стенам Кадиса, Барселоны или Лиссабона.

— И что бы тогда было, адмирал Реис? — спросил Джероми.

— Войны бы не было. Походы Джен-Хе были всегда миролюбивы. Он заключал выгодные торговые сделки, одаривая великолепными подарками новых союзников Поднебесной. Самые высоковельможные послы Азии и Африки отправлялись на его кораблях в Китай. Оттуда возвращались с верительными грамотами от императора.

Такова история удивительного человека, адмирала Джен-Хе.

Джероми и Лацио задумались. Лючия продолжала перебирать свитки, читая про себя то по-китайски, то по-арабски. Адмирал Реис поднялся и произнес:

— Рекомендую вам осмотреть эти огромные суда, когда мы станем к причалу. Я очень благодарен Лючии за переводы, которые она осуществила, они пригодятся в подготовке описаний городов и стран, в которых мы не сможем побывать.

— Как долго мы будем здесь, адмирал?

— Недолго, Джероми, совсем недолго. Мы отправим делегацию ко дворцу императора, а сами покинем Маккао и поплывем в обратном направлении.

Джероми и Лацио вернулись в свои каюты. Джероми вновь открыл дневник Марко Поло. Он читал о том, как великий путешественник был влюблен в китайскую принцессу, которую ему было поручено препровождать в Тебриз, туда, где она должна была выйти замуж за родственника китайского императора.

Джероми ощутил тоску, которую вложил в описание этого путешествия Марко Поло. Джероми еле слышно прошептал: «А ты ведь был не каменным изваянием, Поло, а человеком, таким ранимым и таким невезучим. Слава требует жертв».

Свеча догорела, он зажег новую, закрыл толстый фолиант, достал из сундука свои записи, перо и чернила и сделал десяток небольших рисунков, в которых отразились причалы Маккао, брошенные корабли флота адмирала Джен-Хе, Лючия, склонившаяся над китайскими рукописями, Марко Поло, под портретом которого он написал: «Чтобы стать великим, надо умереть, чтобы быть любимым, надо возродиться».

Когда и новая свеча оплыла и в последний раз, задрожав, погасла, он положил голову на край стола и задремал. Сквозь сон он увидел своего далекого потомка. Тот как будто перенесся во времени и оказался возле него. Он отчетливо увидел, как они вдвоем ходили по улицам разрушенного города. Фрагменты стен, поваленные колонны, расколотые мраморные плиты…

Проснувшись, он пытался понять, что это за город, в котором они побывали.

Джероми столько видел в своей жизни, но где же находится город, в котором он встретился с таким далеким и в то же время близким ему человеком?

Глава 20.

К берегам нового города

Мертвый штиль. — Фетиш и вера. — Фотография. — Сагреш. — Принц Энрике. — Португальские первопроходцы. — Карты адмирала Реиса. — Древний Гадес. — Столпы Мелькарта. — У берегов Африки.

Всего лишь через день после посещения кельтского города гордый финикийский кораблик вышел в море. И хотя прогноз, взятый в яхт-клубе, свидетельствовал о том, что ветра будут сопутствовать их плаванию вдоль берегов Португалии, на самом деле все оказалось не так. Не успели смолкнуть прощальные пожелания, выкрикиваемые испанскими друзьями, как и до того слабый ветерок сник, а полный штиль и абсолютное безветрие встретили их между островами, носящими название Хио. Эти острова, как стражи, закрывали вход в прекрасную бухту Виго. Проходя между ними, они видели очертания небольшого городка Байона, в котором были совсем недавно.

— Ты знаешь, Селим, я спросил на прощание у дона Мартинеса, что означает «Байона», и он сказал, что — «прекрасная».

— Так вот почему на Атлантическом побережье Франции и Испании несколько Байон! Помнишь, французская Байона? Мы рассматривали ее на карте и решали вопрос, зайти ли туда на отдых?

— Помню, конечно.

— И здесь Байона. Я видел и еще подобные названия. «Прекрасная» — такое красивое имя, у нас так города не называют.

— И у нас тоже. Вообще, испанцы любят все красочное, яркое, пестрое. К этому их, наверное, подталкивает красота природы. Как удивительны эти острова, что мы прошли! Какая растительность, камни, море, все переливается в солнечном свете…

— Но ты же знаешь, что здесь так не всегда, только летом. А зимой — холодные ветра, дующие из середины Атлантики.

Их диалог прервал Ливан, собравший экипаж на палубе.

— Я считаю, — сказал он, — что мы не должны ждать, когда появится ветер. Прогноз говорит, что он будет. Давайте засядем за весла, нам поможет течение, движущееся вдоль берега.

Никто не был против. За те дни, которые они провели в Кангасе,

все отдохнули, отъелись и выглядели довольными и раскрепощенными. Ливан начал отбивать счет: и раз, и раз, и раз… Весла мерно опускались в воду, и кораблик постепенно набирал ход. Сменяясь, они, хоть и не быстро, но продвигались вдоль побережья.

— Да, медленно мы идем. Что скажешь, Ливан? — обратился к нему Фарик.

— Что делать? Опять заходить в какой-то соседний с Кангасом городок и ждать, еще ждать, еще… Посмотри — полтора месяца мы в море, а результат? Нам нужен ветер, чтобы поскорее пройти Столпы Мелькарта, как их называют Кирилл и Селим, а для меня — Гибралтарский пролив. В Средиземном море все будет проще — погода более благоприятствующая, легкие ветра, слабое волнение.

Но ветер не слышал слов Ливана и потому не начинал задувать. Кирилл стал рассказывать о древних поверьях, о том, как вызывали ветра те, кто вынужден был стоять во время штилей посередине океана. Здесь было и обращение к духам, и ворожба колдунов, и высвистывание ветра, и многое-многое другое. Рассказы Кирилла всем нравились, и его внимательно слушали. Фарик спросил:

— Кирилл, а как же это делали кельты, которых ты так любишь и об истории которых так много рассказываешь?

— Я люблю не только кельтов, — сказал Кирилл. — Для меня очень интересна история финикийских мореходов, очень интересно средневековье — вы же знаете, что мой проект связан со средневековыми галерами, ну и, конечно, меня интересует кельтская мифология, кельтские традиции. Ведь сведения о них сохранились разрозненно, маленькими фрагментами. Я знаю лишь то, что это одно из древнейших умений людей пользоваться не только своими силами, но и силами природы.

— Что ты говоришь! Что же ты знаешь об этом?

— Предания доносят сведения о том, что древние мудрецы и кельтские друиды умели как предсказывать и предвещать погоду, так и изменять ее.

— Это невозможно! — воскликнул Ливан. — Не верю!

— В это трудно поверить, но есть свидетельства, которые донесли до нас римские авторы. А римляне ох как боялись кельтов! Боялись и очень часто пользовались их услугами — и жрецов-друидов, и воинов, но страх испытывали всегда. Колдовать кельтам они запрещали, часто совершали набеги на кельтские поселения, чтобы разру-

шить их, а людей — поработить. Но сломить гордый дух этого народа римляне так и не смогли.

Что говорить, и позднее христианские священники побаивались кельтских мудрецов, а многие, особенно в Голландии, Шотландии, на берегах Бретони, откуда мы начали плавание, — пытались перенять, особенно то, что касалось врачевания, изготовления целительных настоев на травах, введения людей в трансовые состояния, когда возможно было лечение, связанное с неосознанным, с тем, что происходит с человеком, когда нарушается его душевное и психическое состояние.

— Это интересно, Кирилл, но возможно ли? Ты уже второй раз упоминаешь о неосознанном, о том, что можно лечить магическими силами, вызыванием духов, еще чем-то… Наша религия, мусульманство, отрицает все это. Есть на все воля Аллаха, только он дает жизнь и смерть, здоровье и болезни, удачу и неудачу.

Кирилл не стал спорить с Фаридом, который высказал свое мнение, но, обратившись ко всем, сказал:

— Ваша религия не самая древняя на этом свете. Были религии и до вас — те же христианство и буддизм, будут религии и в более поздние времена. А посему каждая из них пользуется своими методами. Но ведь вы зачем-то идете в Мекку, к почитаемому вами Черному камню? Идете?

— Идем! — ответили верующие мусульмане вместе.

— Вы совершаете хадж, чтобы очиститься? В том числе и от болезней, это так?

— Да, это так.

— А что такое ваш Черный камень? Это фетиш, самый настоящий фетиш, в который вы верите.

— Это священное место, Кирилл, что ты говоришь?! — довольно резко перебил его Ливан.

— И в других местах, и в других религиях есть подобные фетиши. В христианстве мы получаем помощь не только от живых людей, но, к примеру, от мощей уже усопших святых старцев, излечиваемся при помощи поста и молитвы, как делаете и вы. А вот в более ранние времена, когда не было ни христианской, ни вашей религии, когда были те же самые кельтские племена, расселенные по территории всей Европы, как лечились они?

— Ты же сам говорил, что они лечились благодаря своим мудрецам.

— Да, но не только травами и снадобьями. В первую очередь,

это было влияние на психику больного человека. Если будет оздоровлена психика, то и болезнь быстрее отступит. А древние мудрецы-друиды считали, что болезнь психики, приводящая к нарушениям в физиологии организма, происходит из-за того, что в организм проникают чуждые ему силы. Чтобы избавить человека от них, проводилось лечение. И не везде, не на каждом месте, а только там, где жрец-друид ощущал силу. А ощущал он ее в местах особых, где была повышена энергетика. Ваш знаменитый Черный камень, которому вы поклоняетесь в Мекке, — лежит не просто на алтаре, а алтарь стоит на земле. Он находится на месте выхода и входа мощнейшей энергии, которая связана со всеобъемлющим информационным полем, которое опоясывает Землю.

— Как ты можешь доказать это, Кирилл? Ведь никакими физическими явлениями и математическими расчетами это еще никому не удавалось подтвердить. Мы хоть и мусульмане, но хорошо знаем и историю, и математику, и физику. Знаем и то, что великий Эйнштейн пытался создать единую теорию поля, но не нашел ничего общего между теми физическими явлениями, которые изучены, и явлениями, которые сегодня не подвержены изучению и описанию. А это то, о чем ты говоришь.

— Я могу привести вам множество примеров, доказывающих существование не только физических явлений, но и тех явлений, которые сегодня нами не изучены и не подвластны.

— Как же ты это сделаешь?

Кирилл спустился под палубу, достал папку с бумагами и вынул оттуда фотографии, которые прислали из немецкой полиции. Он поднялся наверх и передал их коллегам по экспедиции.

— Вот смотрите — снимок сделан за снимком, об этом говорит нумерация на обратной стороне. У меня даже поза практически не изменилась. Вот снимок до того, вот снимок после того, вот — в середине. Это делалось автоматическим фотоаппаратом, который снимает покадрово.

На снимках справа и слева Кирилл стоял возле своей разбитой машины. На снимке по центру — он находился в той же самой позе, но его опутывал огненный столб, пронизанный белыми тонкими молниями внутри. С момента получения снимков еще там, в Бретони, он их не доставал. А сейчас и сам взглянул на них другими глазами. В багровом сиянии, охватившем его, он увидел, что белые тонкие мол-

нии похожи на скелет человека. Смотревший рядом с ним фотографии Ливан вздрогнул и отодвинулся.

— Что с тобой, Ливан? — перегнувшись, чтобы рассмотреть снимки, спросил Фарид.

— Что-то мне не по себе от этого снимка, — сказал Ливан. — Я хоть и не верю, что это стопроцентное доказательство, но на снимке есть что-то потустороннее… Это какая-то энергетическая сущность, которая преследовала Кирилла, она идет сиянием от его головы в ноги. Я очень хочу верить в то, что эта сущность ушла в землю, а не вышла из нее.

— Я тоже, Ливан. Я очень хочу верить, что меня покинуло то, что мучило до этого не один месяц, приводя к депрессиям, болезням, неудачам, авариям…

Кирилл спрятал фотографии. На борту судна все замолчали. Их грустный разговор, на счастье, был прерван вновь появившимися возле борта дельфинами. Они резвились, выпрыгивая из воды. Селим подошел ближе к Кириллу, нагнулся и сказал:

— Было бы интересно показать эту фотографию одному из моих знакомых в Стамбуле.

— А кто он?

— Ты будешь смеяться — он колдун.

— У вас, в Турции, стране, где мусульманство является основной религией?

— Что ж такого? В каждой стране и в каждой религии есть свои маги и колдуны.

— Но ты же сам недавно утверждал, что все это ерунда?

— Утверждал и считаю, что все это ерунда, что девяносто девять процентов из того, что мы видим на представлениях шаманов, колдунов, целителей, — это обман, подделка, фальшивка. Но возможно, что существует очень небольшой процент людей, которые могут и вправду творить чудеса…

Ливан вернулся назад, сменил рулевого. Солнце разогрело палубу. Отдохнув, они решили вновь приняться за греблю. Штилевая погода держалась два дня. За это время «Мелькарт» прошел более пятидесяти миль. Наконец-то ветер подул с севера, парус был полностью распущен и за несколько минут кораблик ожил и стал двигаться самостоятельно, не подгоняемый гребцами.

Где-то вдалеке, глубоко в бухте, остался португальский город

Порто. Караваны судов, идущих на север, указывали на то, что они находятся недалеко от столицы Португалии, большого торгового порта на реке Тежу. Они заранее договорились, что времени терять не будут и постараются не заходить ни в Порто, ни в Лиссабон, если только не шторма. Нужно побыстрее обогнуть крайнюю северо-западную точку Европы, мыс Сагреш, и двигаться в сторону Средиземного моря.

Прошло еще два дня. Ветер несильный, но устойчивый, нес кораблик вдоль побережья Португалии. Вскоре должен был открыться мыс Сагреш. Кирилл собрал своих друзей и сказал:

— Я бы хотел, чтобы вы все внимательно рассмотрели это место — оно уникально и наложило свой отпечаток на всю историю человечества.

Этот совершенно безлесый, продуваемый всеми ветрами мыс стал пунктом отправления, откуда уходили корабли вдоль побережья Африки в поисках пути в Индию. На этом мысе великий прагматик, португальский принц Энрике, прозванный Мореплавателем, основал обсерваторию и навигационную школу, в которых готовились заморские экспедиции.

Показавшийся мыс стал быстро увеличиваться. Вскоре стали различимы очертания стен и башен небольшой крепости на самой оконечности мыса Сагреш. Неожиданно внимание экипажа привлек капитан:

— Посмотрите, посмотрите! Что это?

Все повернули головы и увидели, что из-за мыса вышла настоящая каравелла.

— Боже, возможно ли это? Не перенеслись ли мы во времени? — воскликнул Ливан.

— Нет, дорогой Ливан, не перенеслись. В Португалии очень любят морскую историю. Поэтому здесь с десяток реконструкций каравелл, их используют и для экспедиций и, конечно же, для туристов. К 500-летию открытия мыса Доброй Надежды такая экспедиция, посвященная памяти Бартоломео Диаша, прошла вдоль берегов Африки к мысу Доброй Надежды и вернулась назад.

Каравелла под всеми парусами быстро приблизилась к финикийскому кораблю. На ее борту было видно десятка полтора туристов, которые начали фотографировать и снимать на видеокамеру. Туристы что-то выкрикивали и радостно размахивали руками. «Мелькарт» разминулся с каравеллой и обошел выступающий далеко в море мыс Сагреш.

— Ну и место, продуваемое всеми ветрами. Кто это додумался именно здесь расположить обсерваторию и навигационную школу?

— Ты обещал, Кирилл, рассказать нам о событиях, которые происходили здесь в средневековье!

— Я с удовольствием это сделаю, потому что именно отсюда, с этой точки берет свое начало история Великих географических открытий.

Испания и Португалия сложились как государства в условиях жесткого противостояния христианского и мусульманского миров. Их становление связано с реконкистой — борьбой за освобождение земель, захваченных в начале VIII века арабами и берберами. Борьба за независимость велась на протяжении почти восьми столетий.

Особенно ожесточенной она сделалась в XII веке, когда главной движущей силой реконкисты стали крестьяне и ремесленники. В 1139 году, после победы при Орике и провозглашения графа Альфонсо Энрике королем страны, Португалия стала королевством. По мере отвоевания территорий возрастали ее богатства. Накопление средств привело к усилению городов и быстрому развитию ремесел.

Используя удобное расположение на берегу Атлантики, здешние торговцы завязали взаимовыгодный товарообмен с городами Франции, Англии и Бельгии, с итальянскими городами-государствами Генуей, Пизой и Венецией, став посредниками между Северной и Южной Европой. Португальцы зарабатывали несметные богатства, как тогда говорили, «не выходя из дому». Однако купцам этого казалось мало.

К концу XIII столетия реконкиста была завершена, и многочисленное дворянство, входившее в духовно-рыцарские ордена, осталось без дела. Благородные сеньоры считали оскорбительным для себя заниматься чем-либо, кроме войны. Но воевать было уже не с кем, а праздность могла привести к заговорам против королевского дома и внутренним междоусобицам.

Вы знаете, что и в истории мусульманских стран часто происходило то же самое. Знать, кроме войны, ничего не хотела предпринимать. Для того чтобы направить в нужное русло небогатое дворянское сословие, королевская власть предприняла усилия по открытию и завоеванию новых земель. Дальние походы, морская торговля, а иногда и пиратство, требовали наличие боеспособных морских дружин, возглавляемых отважными капитанами и руководителями экспедиций.

Португальские купцы, в свою очередь, были готовы финансировать дальние плавания, а это сулило огромные прибыли. В конце XIII — начале XIV веков король Гомеш Первый пригласил на службу кораблестроителей из Генуи, которые построили для Португалии первый боеспособный флот. В специальном указе король обязал феодалов, владевших землями на востоке страны, высадить десятки тысяч саженцев хвойных пород деревьев. Впоследствии эти посадки дали великолепный мачтовый лес, которым корабелы пользовались не одно столетие.

— Мы знали об этом, Кирилл. Но все же, кто решился создать здесь форпост будущих открытий?

— Это был младший сын короля Португалии. Молодому человеку и повезло, и не повезло. Повезло ему в том, что он был сыном короля, принцем. А не повезло в том, что он был младшим сыном и никогда не мог претендовать на трон. Деятельный, умный, хорошо образованный Энрике мечтал открыть новые земли, веруя, что сила ветров увлечет построенные корабли, а бескрайнее южное небо, усыпанное по ночам огромными звездами, укажет дороги, по которым моряки пойдут навстречу необычайным открытиям.

Еще больше Энрике повезло после того, как в Португалии нашли приют последователи духовного Ордена тамплиеров, который был разгромлен на территории всей Европы. Рыцари укрыли свои богатства в португальском королевстве, основав там Орден Крестовых братьев. В 1420 году принц был избран его главой, и накопленная веками казна тамплиеров позволила ему осуществить самые смелые планы. А возникли эти планы после того, как он двадцатилетним юношей принял участие в войне против арабов, во время которой был осажден и взят приступом морской порт Сеута, лежащий на северо-западном побережье Африки.

В Сеуте Энрике узнал от арабских купцов, что к югу от Атласских гор простирается огромная пустыня, где встречаются населенные оазисы, что через нее идут караваны к большой реке и доставляют оттуда золото и черных рабов.

Арабы знали о существовании Сенегала и Нигера, правда, иногда смешивая их в одну реку, а порой и вообще отождествляя с Нилом. Получив прекрасное по тем временам образование, Энрике разбирался в библейских текстах и полагал, что именно там, за смертоносной пустыней, может находиться легендарная страна Офир, куда моряков

Финикии и Иудеи посылали за сказочными сокровищами. Сам царь Соломон украсил свой храм в Иерусалиме драгоценными каменьями из той далекой земли.

Во что бы то ни стало молодой Энрике решил достичь библейских мест, но не только их. Он справедливо считал, что как бы ни велика была Африка, но ее можно обогнуть и попасть в Индию. Проложить такой маршрут было важно не только из научных соображений.

Плывя новой дорогой, португальцы могли отнять у арабов монополию на торговлю с Востоком и, получив доступ к неведомым ранее странам, обогащаться еще больше. Молодой принц был прагматичен: зная, что на невольничьих рынках африканского Средиземноморья продается множество черных рабов, был уверен, что экспедиции будут доставлять их в большом количестве в Португалию. Рабы станут дешевой рабочей силой, к тому же, португальцы смогут продавать их по всей Европе.

Получив доступ к огромным средствам Ордена Креста, он возглавил созданный королем Жуаном совет, объединивший в своих рядах ученых, кораблестроителей и мореходов. Вскоре была открыта первая обсерватория, которая вела астрономические наблюдения, составляла карты, лоции и отрабатывала возможные направления морских экспедиций.

Ливан прервал рассказ Кирилла:

— Именно здесь она и была, эта обсерватория?

— Да, именно здесь, на мысу, который мы прошли. И не только обсерватория, здесь же разместились большая библиотека, учебные классы, в которых обучали будущих мореходов, и церковь.

Энрике, будучи очень умным человеком, понимал, что для того, чтобы достичь поставленных целей, нужно учиться. В первую очередь он пригласил для сотрудничества знаменитых каталонских картографов-евреев, выходцев с Болеарских островов, перенявших свое умение у арабских ученых.

— А что, арабы знали о мореплавании больше, чем европейцы?

— На тот момент, дорогой Фарик, они знали гораздо больше, чем европейцы. Арабские корабли уже многие века бороздили просторы Индийского океана, они бывали в Китае, плавали к восточным берегам Африки. Благодаря не только Марко Поло, но, в первую очередь, арабским мореходам, в Европе знали о том, что происходило в далеких землях. Но об этом лучше расскажет Селим, он ведь потомок

древнейшего мусульманского рода, его далекий предок не кто иной, как адмирал Реис.

— А чем же славен этот человек? — спросил Фарид.

Селим с гордостью поднял голову и сказал:

— Мой далекий предок был славен тем, что будучи адмиралом Османской империи, он всю свою жизнь провел в море, прожил долгую жизнь и оставил после себя свод карт и лоций о всех известных в те времена землях. Существует несколько фрагментов его карты, на которой изображена Антарктида.

— Не может быть! — прервал его Ливан. — В те времена, еще до того, как Колумб открыл Америку, никто не мог знать об Антарктиде.

— Хочу возразить тебе, Ливан, ряд исследователей считает, что адмирал Реис знал гораздо больше, чем его современники. Неизвестно, где он почерпнул эти знания, вероятно, в Египте, после захвата страны османами, а может, во время своих дальних походов вдоль побережья Индии и в Китай. Может быть, он знал что-то о тех картах, а точнее описаниях, которые сохранились от финикийцев? Но повторяю: ряд исследователей считает, что даже Колумб имел фрагменты карты адмирала Реиса и именно благодаря им достиг нового континента и открыл его.

— Удивительно… Почему же об этом так мало пишут?

— Потому что осталось мало архивов того времени и только небольшая часть карт адмирала. Может быть, когда-то будут открыты новые данные и тогда мы сможем с большей уверенностью сказать, что адмирал Реис знал об окружавшем мире больше других мореходов. Но я хочу, чтобы Кирилл продолжил свой рассказ.

Кирилл откашлялся.

— Как отмечали хроники тех времен, кораблестроительная практика в Средиземноморье, и в особенности в Португалии, была изменена после того, как в Средиземное море прорвались пираты из Байоны.

— Это из какой Байоны, которую мы посетили с тобой? — спросил Селим.

— Нет, это французская Байона. Ее пиратский флот состоял из ганзейских коггов, построенных на севере Европы. Захваченные суда очень заинтересовали каталонцев, венецианцев и генуэзцев. Могущественные средиземноморские города и до того строили большие корабли-нефы, объединяли их во флотилии. Но нефы были плохо управ-

ляемы, неповоротливы и медлительны. Ганзейские же суда сочетали в себе высокую остойчивость с прочностью корпуса, которая позволяла им ходить на океанских просторах.

Получив доступ к опыту северян, средиземноморские корабелы начали улучшать конструкции своих судов, и в первую очередь, это было сделано в Португалии. Благодаря усовершенствованиям родились каравеллы. Эти суда стали главным элементом стратегии, выбранной Энрике Мореплавателем. Хотя они были неказисты, но их скорость и остойчивость привлекали кораблестроителей и моряков.

Годы напряженного труда: тщательный сбор данных об африканском побережье, строительство хорошо оснащенных и вооруженных судов, воспитание отважных капитанов — принесли свои плоды. В 1417 году два португальских дворянина, посланные принцем к берегам Западной Африки, обогнули мыс, считавшийся роковым для мореходов и даже носивший имя Нон, что означало по-латыни «нет». Налетевший шторм отнес их корабль в открытое море. Там они случайно увидели остров, названный ими Порто-Санто.

Позднее двое других португальцев, целенаправленно искавших тот самый Порто-Санто, обнаружили не только его, но и остров, который назвали Мадейра, что обозначает «лесистый». Вскоре были сделаны новые открытия, и постепенно, шаг за шагом экспедиции, отправляемые принцем Энрике, продвигались вдоль берегов Африки. Они везли назад рабов, на которых охотились с выдрессированными собаками.

Жаль, дон Энрике не только одобрял этот позорный промысел, но и требовал для себя пятую часть доходов от него. Он был сыном своего времени. Но не только рабов привозили первооткрыватели. Была здесь слоновая кость, золотой песок и даже небольшое количество пряностей.

В 1445 году Бартоломео Диаш сумел обогнуть Зеленый Мыс, исследовал часть побережья Гвинейского залива. Мы не раз в экспедиции говорили о том, что, помимо маршрута Гимилькона, по которому мы плывем, существует описание плавания другого карфагенского морехода — Ганнона, который шел вдоль западного побережья Африки, основывая там колонии. Так вот, представьте себе, если речь идет о том, что плавание это состоялось в VI-VII веках до нашей эры, то только в XV веке, то есть почти через тысячелетие, португальским мореходам удалось достичь того, чего карфагеняне достигли в те далекие времена.

— Что ты хочешь сказать, Кирилл? Что тысячу лет никто из европейцев не плавал так далеко вдоль побережья Африки?

— Случайно, может быть, такие плавания и были. А вот целенаправленно, осознанно, как это делали финикийцы и карфагеняне, осуществили такие походы только португальцы в середине XV столетия.

Вскоре всякий страх перед путешествиями в Африку исчез. Роковой рубеж, за которым, как полагали раньше европейцы, воздух жжет словно огонь, был пройден. Экспедиция следовала за экспедицией, и каждая прибавляла новое к известному. Главными героями разыгравшегося представления стали двое потомков дворянских родов — это были Бартоломео Диаш и Васко да Гама.

Диашу, потомку дворянского рода, было всего десять лет, когда Генриха не стало. Но то, что Генрих сделал, уже не могло быть никогда остановлено. Бартоломео Диаш, попав в мореходную школу в Сагреше, где боготворили умершего принца, прошел полный курс морской и военной подготовки. Он был исполнителем идей принца Энрике и стал активным продолжателем традиций колониальной политики.

Диаш быстро выдвинулся из среды морских офицеров и первым из средневековых европейских мореплавателей достиг южной оконечности Африки. Плавание было настолько трудным, что большинство членов его экипажа умерло от болезней и тяжелой работы. Однажды его экипаж взбунтовался, и Бартоломео вынужден был повернуть обратно в Португалию. На обратном пути был открыт мыс Доброй Надежды. Несмотря на свой подвиг, по возвращении домой он попал в немилость и его место занял Васко да Гама. Человек жесточайшей воли, он был тем, кто должен был пройти маршрут, предложенный покойным принцем. Диаш не был отстранен от активного мореходства. На него была возложена роль — подготовить экспедицию Васко.

В 1497 году да Гама отплыл в Индию на трех кораблях и сумел достичь не только мыса Доброй Надежды, но и обогнуть Африканский континент, придя на остров Мадагаскар, где был взят арабский лоцман. Благодаря ему португальцы пересекли Индийский океан и пришли к берегам Индии, став на якоря в бухте Калькутты. Да Гама стал первым европейцем, который прибыл в эти края не по суше, а по морю и установил торговые отношения с правительством Калькутты в обход арабов.

Однако португальцы в этом первом плавании не добились результатов, на которые рассчитывали. Им не удалось организовать там свою факторию. Этому, в первую очередь, противодействовали ара-

бы, а уж под их воздействием — и правители города. Да Гама, имея в своем распоряжении только три корабля, отправился обратно и вскоре вернулся в Лиссабон. Плавание было настолько опасным, что из 168 человек экипажа в живых осталось только 55. Отважные моряки отдали свои жизни, чтобы два океана отныне не разобщали, а объединяли разделенные тысячами миль Европу и Индию.

Чтобы закрепить достигнутые позиции, португальцами было организовано новое плавание к индийским берегам. На этот раз в экспедиции участвовало двадцать судов, они везли вымуштрованную пехоту и артиллерию. Возглавляя армаду, произведенный в чин адмирала Васко да Гама весной 1502 года без особых препятствий добрался до берегов Индии. Не вступая ни в какие переговоры, он начал военную операцию, в результате которой Калькутта и ряд других городов на побережье были разрушены. Адмирал сумел навязать индийским правителям свои условия: были построены крепости по всему побережью Индии. Корабли вернулись в Португалию через полтора года после отправки с большим грузом пряностей.

Такова история, мои друзья. Она гласит о том, что португальцы проложили себе дорогу к Индии огнем и мечом. Но я не хотел бы, чтобы вы думали, что только мы, христиане, столь кровожадны. Арабы, ваши предки, вели свои торговые операции очень часто так же, основываясь на силе, а не на уважении торговых принципов.

Кирилл окончил свой рассказ. Кок пригласил всех на ужин, который прошел под аккомпанемент усиливающегося ветра.

К вечеру мыс Сагреш скрылся из виду, их путь лежал вдоль побережья. Впереди открывался большой залив, который так же, как и город, носил название Кадис. Где-то в его глубине лежал небольшой городок Палос, откуда больше полтысячелетия тому назад взяла старт экспедиция Колумба.

Погода начала портиться. Кирилл почувствовал это, потому что его куртка быстро намокла. Он спустился вниз, в рубку, и сказал об этом обеспокоившемуся Ливану.

— Я сам вижу, Кирилл, что погода портится. Завтра, надеюсь, мы будем в Кадисе, теперь даже не знаю, заходить в него или пытаться идти напрямую в Гибралтарский пролив?

— Скажи мне, Ливан, каков смысл захода в Кадис? Город лежит в глубокой бухте, которую от океана отделяет узкий длинный мыс. Такие входы, помнишь, как в Аркашоне, достаточно опасны.

— Я очень хотел прийти в Кадис — ведь это же город, основанный Мелькартом! Древний Гадес, Гадиры…

— Я понимаю тебя и сам хотел бы побывать там, но вот вопрос: что это нам даст? От Финикии в нем ничего не осталось.

— Ну как не осталось? Ведь есть описание того, что именно здесь, в Гадесе, хранились ворота, на которых были изображены сцены из жизни покровителя мореплавания Мелькарта, который боролся, как и Геракл, с различными чудовищами и освобождал людей.

— Я знаю совершенно точно, Ливан, что от этих ворот ничего не осталось. Впрочем, как и вообще в Кадисе ничего не осталось с той далекой поры. Поэтому, если мы не зайдем в него, то ничего страшного не произойдет. Давай будем смотреть по погоде. Нам самое главное — быстро пройти пролив и выйти в Средиземное море.

К утру погода улучшилась, и Ливан все же уговорил своих друзей сделать остановку в древнем финикийском городе. Кадис встретил их холодным моросящим дождем и пустынным причалом. Как ни странно, к ним не проявили никакого интереса, хотя в самом городе существовал музей финикийской культуры. Но кораблик не был замечен ни прессой, ни туристами.

— Странно, Селим, скажи? — обратился Ливан к турку. — Мы на родине финикийской истории, колонизации, в таком удивительном месте, а к нам никакого интереса. А там, у берегов Испании, Португалии, да и ранее, во Франции — сколько людей приходило!

— Не знаю, Ливан, но думаю, что просто сегодня Кадис — это промышленный город, порт и он занят своими делами. К тому же, чтобы иметь хорошую прессу, знакомых, друзей, — нужно было оповестить о нашем приходе заранее. Помнишь, как тогда, когда мы шли из городка в городок? Там о нас знали и ждали. А здесь… пока придет пресса, пока напечатают в газетах, а завтра надо уходить. Погоды могут совсем испортиться. Июль в своей третьей декаде…

Ливан, согласившись, качнул головой. К вечеру о них все же узнали. К кораблю подъехала небольшая машина, из которой вышел оператор местного телевидения и журналист. Они расспрашивали об экспедиции и, узнав, что завтра с утра те уйдут в море, обещали показать сюжет сегодня вечером, в последних новостях.

Очевидно, это произошло, потому что ночью к ним на борт приходило несколько десятков людей, которые с интересом расспрашивали об их походе.

Восход застал участников экспедиции за подготовкой к выходу в море. Ветер крепчал, и нужно было спешить. Гребцы налегли на весла, корабль стал удаляться от берега.

Не очень гостеприимно встретила их финикийская колония, но ничего и плохого в этом нет, они все же побывали здесь. Отсюда, с этих земель, велись торговые операции по всему Средиземноморью. Вот здесь, можно с точностью сказать, финикийцы плавали, осуществляя торговые операции. Здесь, за Столпами Мелькарта, или Гибралтарским проливом, находилось наиболее удаленное финикийское поселение на Европейском континенте.

День прошел быстро. Они видели, как сходились в одной точке Европа и Африка. На африканском побережье высились Атласские горы. Сквозь облака они как будто нависали над проливом. В проливе двигалось много судов. Одни уходили из Средиземного моря, другие спешили к нему.

«Мелькарт» лег на удобный курс, ветер сопутствовал его движению. И даже противотечение, которое движется из Средиземки в Атлантику, не мешало быстро преодолеть пролив. Все были зачарованы удивительным зрелищем, но Ливан волновался — опасной была встреча с современными судами. Если вдруг ночью какой-нибудь железный гигант не заметит их, беды не миновать. Кирилл посоветовал ему двигаться ближе к африканскому побережью. Это было связано с тем, что там была наименьшая опасность такой встречи.

Четыре, четыре с половиной, пять, пять с половиной, шесть узлов — с такой скоростью они преодолели за ночь вход в Средиземное море.

— Где же те знаменитые Столпы Мелькарта, как ты думаешь, Кирилл? — спросил его Фарик.

— Я думаю, что их давно нет. Да и были ли они? Мне кажется, что это образ, возможно, несколько скал с одной и с другой стороны. Я вообще считаю, что Столпами Мелькарта называли не скалы и не горы. А те две колонии, которые основали финикийцы на африканском и европейском берегах.

— А что, на африканском берегу тоже была колония? — спросил его ливанец.

— Да, ее основали еще до того, как был основан Гадес.

— Неужели? Зачем?

— Есть много версий. Но я предпочитаю может быть, несколько фантастическую, но любопытную. Вы все знаете о пурпурной тка-

ни, которую научились окрашивать финикийцы. Чтобы добыть секрет моллюска для изготовления краски, нужны были тысячи, нет — миллионы раковин. Когда Александр Македонский захватил Тир, то там в красильнях были найдены сотни метров пурпурной ткани. Об этом сохранилось описание. Ученые подсчитали — чтобы окрасить такое количество ткани, не хватило бы всех моллюсков, которые можно найти у побережья Малой Азии.

— Так чем же окрашивали ткань? — спросил Селим.

— Существует еще один вид, уже не фауны, а флоры. Дело в том, что на Канарских островах произрастал лишайник, название которого орсель. Именно он при специальной обработке дает краситель, похожий на пурпурную краску.

— Что, такой же стойкий?

— Да, такой же стойкий. Так вот, в средневековье арабские торговцы имели на Канарах свои колонии, именно там, где собирался этот лишайник и где изготавливалась пурпурная краска, которой они затем торговали в Европе, Африке, Азии.

— Так что же ты считаешь — что колония на африканском берегу была построена, чтобы торговать с Канарами?

— Мне кажется, что это вполне вероятно. Финикийцы построили на африканском берегу колонию, названную Ликс, которая стала перевалочной базой для торговцев красителем, которые и доставляли его в центр Средиземноморья. Уже позже, зная о том богатстве, которое давали рудники Галисии и английского Корнуолла, они построили еще одну колонию — тот самый Кадес, в котором мы были вчера. И вот вам два столпа, две пяты, закрывавшие вход в Гибралтар — Ликс и Кадис. А дальше колонии на африканском побережье развивались вплоть до Гвинейского залива. А на европейской стороне это мог быть Тартес, возможно, небольшие поселения на реках Тежу и Минье, там, где мы были с вами совсем недавно.

— Удивительная история — не только Финикии, а всех народов-мореплавателей. Мы так мало знаем о них, так мало знаем о берегах, которых им удавалось достичь.

На радость мореходов, ночь прошла спокойно, и утром Кирилл заметил, что Селим с Ливаном, уединившись в штурманской, долго о чем-то разговаривали. После разговора Селим подошел к нему и сказал:

— Дорогой Кирилл, я надеюсь, что очень скоро мы будем у стен Карфагена. Если это произойдет, то я должен буду побыстрее выбираться из Туниса домой, в Стамбул. Если же ветра будут противоборствовать нам, то я просил Ливана, чтобы мы зашли в любой из марокканских портов, откуда я также смогу уехать.

— Что ж, я очень рад, что мы провели эти месяцы вместе. Надеюсь, что скоро ты будешь в Стамбуле и потом напишешь мне. Я тоже вряд ли смогу быть до конца экспедиции, так как, чтобы пройти все Средиземное море, потребуется месяц времени, а может, и больше. Поэтому из того же Карфагена я улечу в Венецию.

— Ливан не против твоего отъезда?

— Нет, как и моего.

— Тогда я уверен, что все будет в порядке.

«Мелькарт» легко скользил по волнам вдоль жаркого побережья Африки. Все в Средиземноморье было иным, чем в океане — и ветра, и волнение, и даже цвет неба.

Казалось, что кораблик стал легче и ход его увеличился. Кирилл не раз задумывался над тем, что происходило с ними в океане. Время от времени он думал и о Джероми. Бывал ли тот так далеко от берегов Италии? Наверное, бывал…

Глава 21.

Карта

Незнакомец. — Встреча адмирала Реиса. — Карты неведомых земель. — По пути капитана Элькано. — На острове птицы Рух.

«Возмещение», пришвартовавшееся у причала, затерялось среди небольших китайских джонок, подвозивших товары как со стороны реки, так и со стороны моря. Город шумел рынками.

Основным промыслом местных жителей было размещение и перепродажа огромного количества всякой всячины. Джероми, Лацио и Лючия, переодетая юношей, не раз бывали в шумных кварталах, где носильщики разносили на своих плечах и спинах ткани в рулонах, специи в больших мешках, металлические изделия, под уздцы вели лошадей, мулов, коров. Однажды Джероми видел верблюдов.

На небольших площадях выступали актеры, разыгрывая спектакли, где, несмотря на чужой язык, было понятно, кто добрый, а кто — злой. Петушиные и кулачные бои привлекали бездельников отсутствием правил. Лючия наблюдала происходящее и часто пряталась за спину Лацио. Не желая скрываться и не имея в этом нужды, неоднократно в город отправлялся и адмирал Реис.

Он готовил делегацию, которая должна была отбыть к императорскому дворцу. Джероми не понимал, зачем нужно было под личиной венецианских купцов отправлять к императорскому дворцу лазутчиков Османской империи. Однажды, вернувшись на корабль, он решил спросить об этом Реиса. Когда он подошел к его каюте, то услышал, что адмирал с кем-то разговаривает. Он прошел к себе и прислушался к тому, о чем говорили в комнате адмирала.

За то время, что Джероми и Лацио находились на корабле, Джероми выучил достаточно много арабских слов. И когда разговор шел медленно, то понимал очень многое. Адмирал Реис благодарил кого-то за карты, которые ему принесли. Очевидно, он вознаградил также пришедшего приличной суммой денег.

Вскоре незнакомец простился, и Джероми услышал, как адмирал стал провожать его к трапу. Выйдя на палубу, он увидел, что по трапу спускается тридцатилетний китаец, который, ни разу не огля-

нувшись, прошел через пристань и исчез в узких улочках города. Адмирал стоял на палубе, глядя вслед уходящему.

Затем он повернулся и, увидев Джероми, сказал:

— Я думаю, вас заинтересовал незнакомец? Я слышал, что вы вернулись в свою каюту.

— От вас ничего не скроешь, адмирал.

— А зачем от меня что-либо скрывать? Этот человек уже неоднократно оказывал мне большую помощь в изучении побережья этой страны. Благодаря ему я знаю гораздо больше, чем все капитаны, плавающие в этих морях.

— Вы так много лет знаете этого человека? Ведь он так молод…

— Джероми, я знаю его больше тридцати лет.

— Что вы говорите, адмирал? Как вы можете знать его более тридцати лет, когда ему на вид всего тридцать?

— Да, мой друг, вы правы — на вид ему всего тридцать. А сколько же мне?

— Вам, адмирал? Я думаю, около пятидесяти.

— Вы ошибаетесь, Джероми. Мне уже шестьдесят шесть.

— Сколько?!

— Шестьдесят шесть.

— Не может быть, вы смеетесь надо мной, адмирал! В этом возрасте люди не выглядят так, как вы.

— А разве люди выглядят в возрасте семидесяти лет так, как этот китаец?

— Сколько ему лет?

— Семьдесят.

— Это невозможно, это просто невозможно! Зачем вы смеетесь надо мной?

— Я не смеюсь над вами, Джероми. Этому человеку и вправду очень много лет. А выглядит он так потому, что в этой стране, в горных монастырях, найдены средства, позволяющие человеку, который их принимает, сохранять молодость долгие годы. Эти «тайные» лекарства очень просты.

— И вы также пользуетесь этими лекарствами, адмирал?

— Частично. Поэтому я не могу похвастаться таким же видом, как этот приходящий сюда молодой человек.

— Что же это за лекарства?

— Вы хотите узнать об этом поподробнее?

— Я нахожусь в замешательстве, адмирал Реис.

— Здесь нет ничего сложного, в этих рецептах. Это специальные методы гимнастики.

— Гимнастики?

— Да. Я научился много лет тому назад дышать по специальной системе, Джероми.

— Что это означает — дышать по специальной системе?

— Я не дышу так, как вы. Каждое утро и каждый вечер я делаю специальные дыхательные упражнения, которые позволяют мне входить в определенное состояние. Это состояние часто называют состоянием возвышенности.

— Я не понимаю, адмирал.

— В этом состоянии, Джероми, я не ощущаю окружающий меня мир физически, я осязаю его духовно. Все мое внутреннее состояние наполняется силой и здоровьем космоса. Вы помните тех людей в Индии, на площади?

— Вы имеете в виду человека, который летал над землей?

— Да, его и других.

— Да, но это же фокусы, обман. Реально это невозможно.

— Возможно! Просто эти люди достигли высоты совершенства.

— И что, благодаря гимнастике, которую они делают?

— Гимнастика это один из компонентов, есть другие. Я же говорил вам: я использую только некоторые из них. В первую очередь, это умение правильно дышать. Второе — это правильный рацион. Вы когда-нибудь видели, чтобы я ел мясо, Джероми?

— Нет, никогда…

— Зато я ем очень большое количество чеснока, он всегда присутствует в моем рационе. Я никогда не пью молоко и ем только растительную пищу. Она не засоряет мой организм — это еще один компонент. Есть и третий, и четвертый… Есть еще и специальные составы, которые я употребляю.

— Что это за составы?

— Они тоже разработаны в этой стране, но я не знаю, что в них входит. Я получаю их от этого китайца тогда, когда попадаю сюда или через других людей, которые привозят их мне от него. Составов, которые я беру, хватает на пять-семь лет. Хотите посмотреть, что это? — адмирал Реис вынул из кармана глиняную бутылочку. Он открыл крышку и высыпал на ладонь небольшие кристаллики. Они были по-

хожи на соль, и Джероми спросил его, что это.

— Я не знаю, что это, но каждое утро вместе с водой я выпиваю один такой кристаллик. Что в нем, я не знаю, я спрашивал не один раз моего друга. Он отвечал, что это зерна богов. Я думаю, Джероми, что это какие-то вытяжки их растений, может, из яда змей или морских животных, раковин.

Что туда добавлено еще, я не знаю. Я пробовал раскусить эту гранулу, но она без вкуса. Как она действует на мой организм, повторяю, не знаю. Помимо этого, китаец применяет еще и другие методы.

В первую очередь, это специальные массажи, благодаря которым его кожа на лице, руках, ногах остается упругой. А еще — иглоукалывания, медитации и многое другое. Я же не могу позволить себе все это. Поэтому могу применить только то, что позволяет временно приостановить старение моего организма. Но как бы там ни было, Джероми, не проживу жизнь дольше, чем кто-либо другой, а проживу ее, меньше болея и тем самым меньше старея.

Джероми был шокирован услышанным. Он не раз замечал, что утром, выходя на палубу, адмирал по-особенному двигает руками и ногами как паук, перемещаясь по палубе, приседая, наклоняясь то вправо, то влево, затем замирает и долго находится в одной позе. Но он думал, что это причуды — причуды человека, которому пришлось путешествовать много лет, который видел десятки стран, которому приходилось сталкиваться со множеством культур в Индии и Китае. Джероми задумался, потом сказал:

— Знаете, адмирал, вы раз за разом удивляете. Я думаю, что вы самый интересный человек из тех, с кем мне приходилось сталкиваться.

— Благодарю вас, Абаджио. Но вы пришли на корабль раньше своих друзей — вы хотели что-то узнать?

— Да, адмирал. Я хочу спросить вас, зачем вы готовите посольство, которое возглавит Али-паша. В последние дни я редко вижу его и думал будто он вообще покинул судно.

— Нет, вы ошибаетесь, Джероми.

— Знаете, адмирал, я и ранее замечал, что он исчезает обычно после захода в португальские крепости…

— Вы наблюдательны. И хотя я заставляю своих матросов носить одинаковую одежду, брить волосы и лица, вы все же заметили, что кто-то из матросов исчезает, а кто-то появляется! Да, вы правы, очень странно — прятать лазутчиков Османской империи

под личиной венецианских купцов. Но таков уж план, Джероми.

Делегация никогда не прибудет ко дворцу императора Китая. Люди, которых я посылаю, вскоре разбредутся по разным городам этой великой страны, в первую очередь, конечно же, по тем, которые находятся у моря. У каждого из них есть свое задание, и они выполнят его.

— А если вы никогда сюда не вернетесь, адмирал Реис?

— Это и необязательно. Они будут жить здесь, среди местного населения, женятся на китаянках, заведут свои собственные дела, будут торговать, а через многие годы соберут и доставят, пусть не сами, через посредников, необходимую информацию о том, что происходит в этой стране: кто приходит торговать первым, какие купцы поставляют товары, кто торгует — вплоть до берегов Персидского залива.

— А вы думаете, адмирал Реис, когда-нибудь и самому сюда вернуться?

— Все возможно. Ведь побывал же я вновь благодаря вам в португальских крепостях!

— Я, кажется, понял! В каждой крепости кто-то из матросов, давайте будем называть их правильно — ваших лазутчиков, оставался, а кто-то, кто ранее жил там, появлялся на судне. Просто из-за их одинаковой одежды и из-за своей невнимательности я не сразу смог это заметить?

— Вы же, Джероми, все время поглощены другим: я видел то, что вы рисуете, и должен сказать, что очень заинтересовался вашими способностями — прекрасные наброски. Из вас получится великолепный картограф, а возможно, и составитель лоций. Меня заинтересовало то, что вы делаете, и я бы хотел на обратном пути почитать, что вы написали. Это возможно?

— Там нет ничего тайного.

— А знаете, мне известно, что ведя свои записи, вы зарисовываете не только то, что видите, но и то, что приходит к вам во снах, в видениях. Я несколько раз слышал по ночам, как вы говорили во сне, звали какого-то человека с очень странным именем — Кири…, Кири…

— Это Кирилл, адмирал. Очевидно, это мой потомок. Он часто приходит ко мне в видениях.

— Поверьте, вы не одиноки. Я тоже видел в своих снах молодого человека в прекрасном красивом городе. Я вижу его сидящим за фамильными бумагами, хотя одет он совсем не по-современному. Он

откуда-то издалека, а вот бумаги перед ним, бумаги эти…

— Что вы хотите сказать, адмирал?

— Бумаги эти очень похожи на то, что вы рисуете, и очень похожи на карты, которые вычерчивал я…

— Возможно ли это?

— Не знаю, может быть, возможно, а может, и нет. Я хотел бы показать вам кое-что, Джероми. Вы умеете хранить тайны, и я думаю, вам это будет очень интересно. Заходите ко мне в каюту.

Джероми вошел. Адмирал приподнял шторы на окнах. Свет проник в каюту. На столе, свернутый, лежал большой пергамент. Адмирал развернул его, и Джероми стал разглядывать нарисованное на нем.

— Скажите, это то, что принес вам ваш китайский друг?

— Да. Он готовил это для меня почти семь лет. Ну что, узнаете?

Джероми увидел очень четкие и точные очертания материков, которые он видел ранее на картах в навигацкой школе в Венеции, затем в Генуе, видел он такие карты и в Константинополе. Только здесь он увидел не только те земли, которые знал, но и то, о чем не мог даже предполагать.

— Ну, что ж, смотрите. Что вы узнаете?

— Европа, Италия, Египет, владения Османской империи, Индия, Малакка, Индокитай… Китай, вот и Маккао! А это, очевидно, те острова Сепанго, о которых вы нам рассказывали… Но что это? Океан огромен, а вниз, на юг, в этом огромном океане сотни, нет — тысячи малых и больших островов! И материк... Что это за земля?

— Это Южная земля, ни один араб еще там не был. А европейцам я об этом не говорил. Возможно, это выдумка, а может, и нет.

— Посмотрите, что в самом низу карты?

— Джероми, это еще одна большая земля.

— Еще одна земля? Возможно ли это? Сегодня день открытий! Вы ранее знали об этом, адмирал?

— Говорю вам: я собираю по крупицам информацию из разных источников. Мне казалось, что я догадываюсь о том, что там, на юге, существуют земли.

— Но почему же их не нашли португальцы, обогнув Африку?

— Потому что они стремились в Индию и не стали плыть туда, чтобы открывать новые земли. Их интересовали, в первую очередь, уже открытые земли, те, где можно было получить пряности, драго-

ценные камни, золото, прекрасные кожи, ткани. А об этих землях никто не знает, никто не догадывается, что они там есть.

— Откуда же об этом знает этот китаец?

— Джероми, этот человек — лазутчик. Этот человек знает очень многое, он многие десятилетия собирает информацию в разных городах побережья. Он встречался с тысячами моряков из разных стран. Возможно, это легенды, а возможно, является и правдой. Слишком уж точны очертания — выгнутость линий, берега, бухты, впадающие реки. Посмотрите, как точно все изображено! Я думаю, что это настоящие земли, самые настоящие, к которым просто еще никто не плавал.

Джероми внимательно рассматривал карту, пытаясь запомнить каждый ее изгиб. Он был поражен и удивлен.

— Послушайте, но для кого собирает информацию этот лазутчик? Не думаю, что только для вас!

— Нет, что вы, Джероми! Этот человек служит императору.

— Как же он служит, если отдает, вернее, продает такую информацию вам? Ведь вы чужестранец, зачем же он делает это?

— Это очень сложный вопрос. Когда я познакомился с этим человеком, его должны были казнить. Я спас его. Спас, рискуя своей жизнью и жизнью людей, которые были со мной.

После этого он стал моим должником. Я не требую от него предавать императора и его народ. Я прошу его только об одном: рассказывать о землях, которые не известны. Во время своих странствий он прислушивается к разговорам моряков, собирает информацию, делает пометки, вычерчивает и записывает, затем все это он отдает в императорский дворец. Но что-то оставляет для меня — в благодарность. Наши интересы с великой империей не пересекаются, поэтому он не предает свой народ, он лишь делится со мной той информацией, которую собирает.

— А для чего она вам, адмирал? Неужели вы планируете плавание к этим берегам?

— Не знаю, Джероми. Политика меняется. Я рассказывал вам о походах адмирала Джен-Хе, как грандиозны были его замыслы, о том, как «Шелковый занавес» опустился на эту великую страну и закрыл ее от остального мира. В последние годы султан Селим Великолепный требует от меня, чтобы мы собрали все знания об известном мире, составили карты и описания берегов и народов, проживающих там.

Может быть, завтра он или его потомки забудут об этих желани-

ях и экспедиции не будут осуществлены, а может быть, султан найдет общий язык с христианскими королями и, возможно, эта информация пригодится Португалии и Испании.

— Но вы же сами были против португальского влияния в Индийском океане?

— Конечно. Но, повторяю, никто не знает, какова будет политика через пять, десять, сто или двести лет.

— А если португальцы узнают или купят эти знания у таких же лазутчиков, как ваши? И они первыми попадут в далекие страны, откроют дорогу к ним? Они ведь и так уже обогнули весь земной шар. Экспедиция Магеллана доказала, что Земля круглая.

— То, что Земля круглая, не надо было доказывать. Это только ваши глупые священники могли придумать то, что Земля плоская. Она, естественно, круглая. Это было известно еще с древнейших времен. Я не хочу сейчас возвращаться к вопросу о том, сколько ущерба знаниям принесли христиане.

Вы ведь всегда были замкнуты мирком Средиземного и Черного морей, не знали океанов, боялись плавать в Атлантике, да и в Индийском океане никогда не появлялись. Португальцам сто лет понадобилось, чтобы обогнуть Африку и прийти в Индию.

Я думаю, что им понадобится еще сто лет, а может быть, и больше, чтобы добраться до тех земель, которые изображены на этой карте. Да им сейчас это и не нужно. Они и так с трудом справляются с теми колониями, которые у них есть. Так что, эта карта для Европы преждевременна, а вот для нас — не знаю…

Если Селим Великолепный продолжит на море экспансивную политику, может, будет оснащен крупный флот, который, в первую очередь, уничтожит португальские колонии, закроет европейцам путь вокруг Африки, и после этого будут осуществлены экспедиции к Новым землям. А нужно ли это Османской империи или нет, решать не мне. В мою задачу входит только сбор информации.

— Да и не только в вашу, адмирал. Заложниками ваших задач и имперских интересов оказались мы — я и сеньор Лацио. А теперь уже и Лючия.

— Это правда. И до сегодняшнего дня вы выполняли все беспрекословно. И поверьте мне, я сумею вас отблагодарить. Ну что, вы насладились картой, Джероми?

— Спасибо, адмирал.

— У вас хорошая память, я это понимаю. Вы попытаетесь когда-нибудь ее воспроизвести. Не делайте этого, вас обвинят в ереси… Вспомните, что было с теми книгами, которые оставил после себя Марко Поло! Вспомните, сколько лет считалось, что все это ложь и вымысел.

И умер он не богатым человеком. У вас странный мир… Вы никогда не славите своих праведников. Вы начинаете их прославлять только после смерти, а при жизни это не нужно. Посему не забивайте себе голову теми землями, которые еще не открыты. Возможно, они есть. А, возможно, их и нет…

Адмирал взмахнул рукой, прося Джероми, чтобы тот его покинул. Джероми вышел на палубу. Он долго стоял и смотрел на океан. Неужели там, за тысячи миль, живут непохожие на них люди? Невероятно!

Он так и оставался на палубе до тех пор, пока не увидел, как к борту подошли Лацио и Лючия. Джероми решил ни о чем им не рассказывать. Достаточно было того, что в его душе адмирал Реис посеял сомнение.

Он помог Лючии подняться, потом вошел вместе с друзьями в каюту. Лацио пригласил его за стол. Он развернул несколько свертков, где Джероми увидел засахаренные, покрытые глазурью и медом пряники в виде маленьких человечков. Лацио поднял одного из них и показал Джероми.

— Посмотри, какая прелесть! Китайцы их едят, а мы с Лючией решили сохранить. Тесто высохнет и станет твердым как камень. Они их разрисовывают. По их календарю скоро Новый год.

— Да, Лацио. А по нашему календарю скоро два года, как мы не были дома… Адмирал готовит делегацию ко двору императора, она скоро покинет нас, и тогда «Возмещение» возьмет курс в море.

— Ты говорил с ним? Почему он хочет, чтобы это было от лица Венецианской Республики?

— Ты знаешь, здесь так все запутано, что, честно говоря, я сам иногда не понимаю, кто я — генуэзец, венецианец или араб, а может быть, уже китаец. Давай дождемся выхода в море. Адмирал сказал, что не пройдет и недели, как «Возмещение» покинет эти берега…

Дни в Маккао пролетели очень быстро, и однажды вечером адмирал позвал их к себе. Когда они вошли, то увидели, что в каюте адмирала находится Али-паша.

— Али хочет попрощаться с вами, сеньоры.

Али, одетый в европейскую одежду, поклонился.

— Мы желаем вам удачи на новой земле. Конечно, нам трудно

простить вам наше пленение, но почти два года совместных странствий, строительства судна и плавания на нем примирили нас. Мы хотим также поблагодарить вас за то, что вы сделали там, в Малакке, когда Лацио оберегал супругу.

— Я также рад, что познакомился с вами, сеньоры де Калье и Абаджио! Я думаю, что вы вынесли хорошие уроки из нашего совместного похода и больше никогда не попадете в плен.

— Вы тоже не попадитесь! Вы ведь теперь венецианец, а кем станете завтра, адмирал Реис уже сказал вам? — с сарказмом спросил Лацио.

— Скоро я стану купцом, одним из тех, кого любят и почитают.

— Купцом ли? Или же лазутчиком?

Адмирал Реис поднял руку:

— Прекратите этот разговор, прощайтесь.

Лацио и Джероми поклонились, поклонился им и турок. Когда они вышли, Джероми увидел, что внизу возле борта стоит несколько повозок. Вместе с турком уходило десять человек. Их сопровождало пять китайцев, которые должны были провести делегацию через огромную страну ко дворцу императора.

Наутро «Возмещение» покинуло гостеприимную гавань и вышло в море. Адмирал был занят делами и редко появлялся на палубе. Корабль вели попеременно Джероми и Лацио, он легко слушался руля. Направление и сила ветра были таковы, что «Возмещение» быстро удалилось от китайских берегов. На четвертый день адмирал Реис дал новые ориентиры.

— Но ведь так, адмирал, мы не попадем в Малаккский пролив!

— Мы и не пойдем в него — зачем нам лишние проблемы? Вы и так устроили чуть ли не побоище, сеньоры. Или вы хотите, чтобы в португальской крепости узнали о том, что вы натворили, украв Лючию? По любым законам мы будем захвачены и затем оштрафованы...

А я этого не хочу. Мы пойдем вокруг острова Суматра через другой пролив. Через тот пролив, который семь лет тому назад исследовал и прошел капитан Элькано, помощник Магеллана. Вы слышали о таком?

— Конечно. Магеллан — опытнейший капитан, прошедший вокруг всего земного шара.

— Вы не совсем точны, Джероми. Магеллан не обогнул земной шар, он был убит на островах. Полностью же обогнул земной шар капитан Элькано. А Магеллан, который был младше меня, достиг великой

славы. Еще двадцать лет тому назад он впервые побывал в Индии, где принимал участие в военных действиях. Затем он с поручениями короля Португалии был в Малакке, на Малайских островах, Суматре и Яве.

Его заслуги отмечены португальским королевским двором.

— Откуда вы знаете обо этом?

— Я встречался с Магелланом в Индии.

— Вы, адмирал Реис, встречались с ним?!

— Да. Это был волевой и очень умный человек. Когда я узнал о том, что он был так нелепо убит, то очень сожалел.

— Но он же ваш враг, португалец! Почему же вы сожалели о нем?

— Это была величайшая личность, великий человек, такой же, как и Васко да Гама. Кстати, я знаю о том, что вице-король Индии умер.

— Откуда вы можете знать? Ведь когда мы еще были в португальской крепости в Малакке, это было неизвестно!

— Если я говорю, то знаю! А для Магеллана кругосветное плавание было такой же лебединой песней, как и плавание Васко к берегам Индии. Он осуществил его на пяти кораблях. Экспедиция была снаряжена в короткий срок. Это произошло шесть лет тому назад, когда 265 человек вышли в море. Капитанами на судах флотилии были испанцы. В экипажи входили португальцы, итальянцы, французы.

— Мы знаем об этом, там были и генуэзцы.

— А почему вы, Джероми и Лацио, не приняли участие в тех экспедициях?

— Мы всегда сторонились этого, мы ведь не искатели приключений. Нашей задачей была борьба с пиратами в Средиземном море, снаряжение новых кораблей, обучение молодых моряков.

— А вы знаете, что выпало на долю Магеллана и его экспедиции?

— Знаем: потеря кораблей, смерть членов экипажей. Это была тяжелая экспедиция.

— Вы правы! Карта, которую я вам показывал, Джероми, представляет, как огромен океан, который Магеллан назвал Южным морем. Потом его переименовали в Тихий океан, потому что плавание сопровождали штили и длилось оно более четырех месяцев.

— А вы плавали там, ходили в те далекие земли, где был Магеллан?

— Нет, это никогда не входило в мои задачи. Но я точно знаю, какие невзгоды, боль и ужас выпали на долю спутников Магеллана.

Адмирал Реис достал из бокового ящика стола и протянул Дже-

роми небольшой сверток пергаментов. Джероми увидел знакомую азбуку и быстро прочел: «Продуктов больше нет, вода загнила, пить ее нельзя. Мы умираем один за одним. Чтобы что-то есть, мы стругаем опилки с деревянных бортов, размачиваем их и едим. Не осталось больше крыс и мышей. Боже, помоги нам!».

— Вы знаете, кто это писал?

— Нет.

— Это писал летописец экспедиции Магеллана Пигафетта.

— Пигафетта? Я никогда не слышал о таком.

— Он итальянец, ему удалось пережить всю экспедицию, но вот удалось ли ему вернуться в Италию, я не знаю. Возможно, он до сих пор живет в Испании. Жаль, что Магеллан погиб, но он был сам виноват. Сколько я не участвовал в экспедициях и не плавал в разных морях, я старался никогда не сталкиваться с местными племенами. Это всегда опасно, так как они бывают враждебны. А вот Магеллан вмешался — вмешался в распри между двумя племенами и, подстрекаемый одним из них, пал от воинов другого.

Произошло это четыре года тому назад, в 1521 году. Поэтому я сказал вам, что мы пойдем не по маршруту Магеллана, а капитана Элькано. Именно ему было поручено идти на запад после гибели Магеллана. «Виктория» пересекла Индийский океан и обогнула Африканский континент и прибыла в испанский порт Сан-Лукар. Путешествие длилось восемнадцать месяцев, на «Виктории» на родину вернулись только восемнадцать человек.

— Слушаю я вас, адмирал, и в который раз преклоняюсь перед тем, как вы умеете организовать экспедиции. За те полтора года, что мы вели строительство, а затем плавание, на нашем судне погибло только шесть человек. И не от болезни, не от цинги, а от сильного потрясения при встрече с волной-убийцей. У нас всегда всего вдоволь — и воды, и продуктов. Люди выглядят прекрасно, они крепки, будто только вчера отправились в плавание.

— Я провел сорок лет на воде, побывал более чем в тридцати битвах, вел двадцать экспедиций. Я всегда заботился о тех людях, которые были рядом со мной. Для того чтобы готовить дальние плавания, нужно обладать знаниями. И не только знать течения, ветра, определять в море положение по звездам, уметь измерить скорость судна, правильно выбрать паруса…

Нужно, чтобы люди, которые окружают тебя, ни в чем не нуж-

дались, знали, за что они идут с тобой, что им предстоит, знали, что их семьи, которые они оставили, не будут забыты.

— Наверное, вы правы. Нужно знать, на кого ты надеешься, но когда у тебя один-два друга и ты уверен, что они помогут тебе, — это один вопрос. Когда же это экипаж 50-60 человек малознакомых людей, это совсем другое. Как тогда поступать, как управлять ими?

— Всему можно научиться. Но для вас обоих не является секретом, что сильные волевые личности всегда ведут за собой. Они знают, как влиять на людей. Вы ведь тоже это умеете.

— Наверное, умеем, но никогда не задумывались над этим. С молодых лет нам всегда казалось, что к нам прислушиваются, потому что мы многое знаем и постоянно учимся.

— И не только поэтому. А потому, что в вас есть божья искра, и она дана вам, чтобы вы повелевали другими людьми. И повелевали не только потому, что так хочется вам, а потому, что через вас так хочется Богу. Ему угодно, чтобы происходили те или иные события. Я говорил вам и повторяю: если Господь захочет, то человек может свободно летать. А если не захочет, то человек не сможет рукой пошевелить. Все на теле человека Господом посчитано. Каждый волос его, каждое дыхание его, каждый шаг его.

— Но это же говорит только ваша религия?

— Это говорит любая религия. Если человек верует, то он знает, что Бог его защитит.

...Плавание на «Возмещении» через Индийский океан к берегам Африки длилось более месяца. Ветра сопутствовали им. Они несколько раз встречались во время плавания с португальскими кораблями. Но те, завидев христианские флаги, проходили мимо.

Плавание, во время которого Джероми продолжал вести записи, а Лацио при любой возможности уединялся с Лючией, длилось спокойно и безмятежно.

Подошел день, когда на горизонте появились берега большого острова. Это был остров легендарной птицы Рух. Тот самый остров, на котором удивительная природа позволила жить многим поколениям островитян, ни в чем не нуждаясь.

На восточном побережье располагалось два небольших португальских форта. «Возмещение», не вызывая подозрений, поочередно ошвартовалось в них, экипаж запасся водой и направился дальше вдоль восточного берега Африки. Судя по количеству эки-

пажа на судне, адмирал Реис оставил на острове двоих своих помощников…

— Ну, что ж, господа, здесь, на острове, я даже не просил вас ни о чем, — обратился он к венецианцам.

— Мы благодарны вам за это, нам не хотелось шпионить.

— Я думаю, что о нас давным-давно известно во всех португальских фортах и посему мы больше не вызываем ни у кого никаких подозрений. За столько месяцев мы осуществили длительное плавание. Вскоре наступит его кульминация.

— Что это означает, адмирал?

— Это означает, что нам нужно пройти мимо острова Сокотра и войти, обогнув Африканский рог, в Красное море, чтобы прибыть к берегам Египта.

— Но как же мы это сделаем под венецианскими парусами?

— В том-то и дело, что через день-два мы должны будем все то, что связано с Венецией, уничтожить и вернуться к вашим великолепным декорациям, Джероми. Они ведь сохранились у нас в трюмах.

Джероми не ожидал этого.

— Вы что же хотите, адмирал, чтобы мы опять стали арабами?

— Безусловно! Торговым арабским кораблем, который должен проникнуть в Красное море, не вызвав ни у кого подозрения. Вы же видели, что в Китае я запасся большим количеством товара. Теперь ваша очередь, сеньоры, прятаться в трюмах. А моя очередь, как арабского торговца, предъявить пряности португальцам и заплатить необходимую пошлину, чтобы отправиться в Египет.

— А если нас разоблачат?

— Если нас разоблачат, то мы будем иметь большие неприятности. Но я думаю, что этого не произойдет. Если нас не разоблачили тогда…

— А если патрулирующим окажется тот же самый португальский капитан или матросы, та же каравелла? И узнают вас в лицо?

— Они не знают никого в лицо. Они знают только вас. А вам, сеньоры, придется на это время спрятаться подальше в трюме, как прятался я, когда мы приходили в португальские крепости.

Корабль стал удаляться от берега. Адмирал Реис и его спутники вышли на палубу. Неожиданно садящееся за горизонт солнце закрыла тень. Все обернулись и увидели низко летящую над водой огромную птицу.

— Боже правый! Что это, адмирал?

— Это птица Рух, та самая птица, о которой я вам давно хочу рассказать.

— Но вы говорили, что она так велика, что может унести в своих когтях слона?

— Так гласит местная легенда. На самом же деле это огромный гриф, и он не один. Смотрите, вот летит еще один.

Мерно размахивая крыльями, птицы удалились в сторону острова.

— Вообще, острова Птицы Рух и острова Занзибар — это сказочные места.

— А вы бывали здесь ранее, адмирал?

— Бывал. Об этих местах ходят легенды, и не только о птице Рух. Считается, что здесь живут самые большие кабаны и что только их зубы могут весить по несколько килограммов. Есть здесь и другие животные, которых нет в известном нам мире.

— Странно, не правда ли?

— Что ж тут странного, сеньор Джероми? Эта земля находится так далеко от цивилизованного мира. Может быть, там, где живете вы и где сегодня царствует человек, тоже жили диковинные животные. Но люди их истребили для того, чтобы занять жизненное пространство.

Здесь же на островах людей не так много, вы же видели сами. Да и португальские поселения тоже очень малолюдны. Отсюда нечего вывозить и нечего ввозить. Поэтому служат они только как контрольно-перевалочные пункты, а местное население делает все, чтобы обслуживать португальцев. Здесь могли сохраниться древние животные.

— Не совсем согласны с вами, адмирал. Мы видели на островах много китайцев, индусов, арабов…

— Это более позднее население, появившееся за последние пятьдесят-шестьдесят лет.

Адмирал остался на палубе, Джероми вернулся в свою тесную каюту. Он достал из сундука записи и стал делать зарисовки. На них появились птица Рух, маленькие люди, жившие вокруг португальской колонии, заходящее солнце.

Сколько событий промелькнуло за неполные два года! Это огромное путешествие. Пожалуй, его можно было бы считать таким же кругосветным, как и плавание Магеллана.

Чем ближе было завершение, тем тревожнее становилось на душе Абаджио. Удастся ли им спастись? Что ждет их в Египте?..

Глава 22.

Кархадашт

На площади исчезнувшего города. — Карфаген должен быть разрушен. — Махдийские ценности. — Возможное путешествие через тысячелетие.

Прошла неделя. Попутные ветра позволили «Мелькарту» продвинуться в глубину Средиземного моря. Они старались не уходить далеко от берегов, ловя ранним утром и по вечерам легкие, но достаточно устойчивые бризы, которые ускоряли продвижение. Воды было достаточно, и продовольствия тоже.

В отличие от океана, Средиземноморье казалось спокойным и не несло никаких угроз. За те дни, что они проходили мимо побережья Марокко, волнение не превышало трех баллов. Корабль легко покачивался на волнах, парус и днем и ночью ловил не сильные, но устойчивые ветра.

Жизнь на судне замерла. Рулевые сменялись; больше всех работы было у повара, который готовил трижды в день горячую пищу.

Селим вел дневник, Ливан часто беседовал с коллегами на корме. Кирилл же был задумчив, он часто вспоминал события в океане. И раз за разом приходил к убеждению, что плавание вдоль Атлантического побережья Европы, как и плавание вдоль Атлантического побережья Африки, для древних мореходов было делом непростым.

На десятый день они подошли к территориальным водам Туниса — небольшой африканской страны, на территории которой разместился древний Карфаген. При входе в Тунисский залив, на берегах которого финикийская царевна Элиса выторговала у берберского царя клочок земли размером с бычью шкуру, к ним подошел патрульный катер.

Ливан быстро договорился о стоянке, никаких проблем с документами не было. За то время, что они шли вдоль африканского побережья, к ним приближались морские пограничники Марокко, Алжира, Туниса, да и просто рыбаки, у Ливана и его друзей-арабов не возникало никаких проблем. Было удивительно, с каким добродушием и уважением встречали представители властей сам корабль и его экипаж.

Кирилл вспоминал события, произошедшие с ними у берегов Албании, когда «Джинестра» была арестована. Он и ранее сталкивался с

негостеприимностью властей европейских стран и не впервые подумал про себя: христианский мир более жесткий, чем мусульманский…

Несколько раз они говорили об этом с Селимом.

— Знаешь, Кирилл, в исламе есть несколько радикальных течений, вахабизм, к примеру. Но радикалов не так уж много. Сама же религия мусульманства — это религия добра. Вы, христиане, не хотите в это верить, но это так.

— Мы не хотим в это верить, Селим, потому что сталкивались только с жестокими радикальными элементами и террором. Террористы год за годом взрывают людей в Израиле, они осуществили акции возмездия по всему миру — вспомни хотя бы небоскребы в Нью-Йорке или взрывы возле посольств в Индонезии, Турции, теракты в Испании, Москве, других странах!

— Согласен, но повторяю — мусульмане мирные люди. Это — дело рук радикалов. У вас в христианстве тоже существуют радикальные группировки. Сейчас, конечно, их очень мало. Но в далеком средневековье христиане вели очень жесткую политику.

— Знаешь, Селим, если бы христиане не вели эту политику, то сегодня, возможно, вся Европа была бы не христианской, а мусульманской.

— Возможно, а возможно и нет…

«Мелькарт» причалил к маленькому пирсу. Селим, переговорив с Ливаном, остановил такси и уехал в аэропорт за билетами. Фарик, Фарид, Ливан и другие члены экспедиции разбрелись по набережной. Многие из них уже бывали в этих местах, поэтому сам Карфаген не вызывал у них интереса.

— Послушай, Ливан, — обратился перед уходом к нему Кирилл. — Я бы хотел попасть на то место, где находился город.

— Это не сложно. Идя по этой улице, ты придешь на станцию. Там есть расписание, я точно не помню, но, по-моему, каждые двадцать минут идет электричка, состоящая из пяти вагонов, которая будет проезжать шесть станций.

Первая из них называется «Саламбо», последующие ты увидишь сам. Там все названия — на европейских и арабских языках. Выходи, где хочешь, гуляй и смотри. Не знаю, правда, что ты увидишь. Карфаген дважды был стерт с лица земли! Единственный красивый вид — это вид залива, в который мы пришли, и озер, на месте которых

раньше было море. Но если тебе так хочется, то отправляйся.

Кирилл поблагодарил и пошел вверх по улице. Белоснежные красивые дома, а точнее, не дома, а целые виллы украшали мощенную крепким тысячелетним булыжником улицу. Людей не было видно. Лето в самом разгаре, и чувствовалась иссушающая жара. Однако за время плавания Кирилл настолько привык к перепадам температур, к холоду у берегов Франции, потом к жаре у берегов Испании и Португалии, что практически не обращал на температуру внимания.

Он знал, что похудел, кожа стала грубой и обветренной, но это не пугало. «Загар пройдет и вес наберется», — подумал он.

Пройдя более трехсот метров, Кирилл вышел к станции. Здание было увито вьющимися цветущими растениями. Цветы были раскрыты, однако аромата не чувствовалось. Внутри, возле самого перрона, росло несколько маслин.

Все было ярким, и Кирилл обрадовался, что под ногами твердая почва. По правде сказать, он уже достаточно устал от скитаний в море и ему хотелось побыстрее отправиться в Венецию, к своему любимому судну. В душе он уже немножко завидовал Селиму, который улетает в Стамбул. Но как бы там ни было, он решил продолжить путешествие, чтобы помочь ливанцам.

Менее чем через полчаса к перрону подошла небольшая электричка, из которой вышли, а затем вошли молодые и среднего возраста люди. Многие из них улыбались, постоянно переговариваясь между собой. Приятные люди, отметил про себя Кирилл.

Электричка пересекла по насыпной дамбе Тунисское озеро, отделенное от залива. Когда-то море имело более высокий уровень и залив заходил гораздо глубже в сушу.

Кирилл расположился на удобном сидении и с удовольствием рассматривал местные пейзажи. Яркое солнце освещало переливающуюся всеми красками радуги воду в озере. Ничто не напоминало о величии и мощи государства, которое когда-то располагалось на этой земле.

Сам Карфаген был разрушен в 145 году до нашей эры. Римляне, которые вели с карфагенянами войну не на жизнь, а на смерть, долгие месяцы осаждали город и захватили его. Масштаб катастрофы был очевиден. В те времена в Карфагене проживало более 700 тысяч человек, а площадь города составляла 20 квадратных километров. Многие

жители погибли, многие были обращены в рабство.

Карфаген, к которому сейчас приближалась электричка, был когда-то полностью разрушен, земля, на которой он стоял, распахана и засыпана солью. Так закончилась третья Пуническая война, после которой Рим стал единственным властителем во всем Средиземном море. Более ста лет город, а точнее, распаханная земля, были пустынны. Однако удобный залив на севере Африки был слишком выгодным местом, и в 29 году до нашей эры Юлий Цезарь повелел на месте Карфагена построить колониальный город, для которого был разработан новый архитектурный проект.

Новый город был разбит на районы ровными прямыми улицами, построены были амфитеатр, форум, несколько театров. Он уже ничем не напоминал Карфаген, основанный финикийцами. И просуществовал он так же недолго. Уже в V веке вандалы, разбив римские войска, захватили Карфаген, который на время стал столицей их государства.

Через сто лет он перешел к византийцам, а еще через полтора века арабы, пришедшие в эти земли, вновь разрушили город, на сей раз безвозвратно. Всего Карфаген просуществовал более тысячелетия. Основанный в VIII веке до нашей эры, в VII веке нашей он перестал существовать.

Поезд подошел к небольшой станции, название которой было Саламбо. Как понял Кирилл, местные власти назвали станцию, отдав дань писателю Густаву Флоберу, написавшему о жизни, хотя и вымышленной, но уж очень красивой, которая текла на площадях и улицах давно исчезнувшего города.

Кирилл сошел с электрички и вышел на широкую улицу. Сама улица, как и тротуары, стены домов, была покрыта тонким слоем желтоватой пыли. Эта пыль была принесена вместе с песком из Сахары и лежала на всем, как лежит снег, выпавший на улицах далеких северных городов.

Дома вокруг были выстроены из песчаника. Камень был рыхлый, и проходившему мимо стен зданий и оград Кириллу чудилось, что на него внимательно смотрят мифические существа. Иногда одноглазые, а иногда имевшие несколько ртов и с десяток ушей.

Пройдя длинную улицу, он поднялся на холм, где некогда процветал центр Карфагена. Оглядевшись, Кирилл засмотрелся на пустынную землю вокруг. Она имела нереальный желтоватый оттенок.

Что привлекло сюда финикийскую царевну? Подумав, он вспомнил, что в те далекие времена климат был не настолько жарким, как сейчас, и пустыня не столь активно влияла на погоду побережья.

Здесь было жарко, но не засушливо. А возможно, Элиса знала, что в этих местах хорошо растут маслины и финиковые пальмы. А финиковая пальма дает вино, пиво, еду, прекрасный древесный материал. Возможно, величие Карфагена, зиждившееся на умении его жителей хорошо обрабатывать землю, выращивать скот, изготавливать ремесленные изделия, пользовавшиеся славой по всему Средиземноморью, и привело к тому, что город, основанный на бычьей шкуре здесь, на песчанике, где Кирилл сейчас стоит, стал центром всего известного тогда мира.

По указателям над узкой тропинкой он прошел к месту, где находилось святилище самой почитаемой в Карфагене богини — Тинит. Место это было окружено старыми платанами и эвкалиптами, кроны которых скрывали вход в подземелье. В его сумраке некогда проходили тайные обряды и посвящения одной из богинь древности. И хотя ее часто сравнивают с сирийскими, финикийскими и даже с шумерскими богинями плодородия и возрождения, на самом же деле ее путь более сложен и многообразен. Богиню Тинит изображали в виде женщины с львиной головой. Кирилл и ранее видел эти изображения, чем-то пугающие, а чем-то притягивающие к себе.

Очень часто богиню окружали монстры в виде крылатых быков, летающих слонов и бегемотов, рыб с человеческими головами, змей о многих ногах. Возможно, именно в обликах спутников богини великий Босх, а за ним и наш современник Дали нашли первооснову для создания своих ни с чем не схожих образов.

Кирилл недолго стоял в подземелье. Ему было не по себе. Удивительным было то, что сейчас, летом, здесь, в святилище Тинит и вообще по всему Карфагену, не бродят тысячи туристов, как это принято во всех древних и античных городах мира.

Странно, очень странно, но, может, и прав Ливан — туристов мало привлекает пустыня, оставшаяся от великого города, хотя и эта пустыня может очень многое рассказать посвященному. А ведь именно отсюда, от стен великого Карфагена, в свои дальние плавания уходил Гимилькон, маршрутом которого они прошли от далеких берегов Бретони. Отсюда в дальние походы уходили и другие мореплаватели:

Ганнон, Гаструбалл, Гимелькарт. Видел Карфаген и великих полководцев, ораторов, жрецов, магов.

Неожиданно для себя Кирилл почувствовал, что видит этот город, его двух- и трехэтажные здания, прекрасные сады, мощеные широкие улицы и тротуары, видит храмы и жертвенники… Карфагеняне были сильным народом, может быть, именно об их силе и говорит тот факт, что они приносили в жертву младенцев. Этот страшный обычай был распространен по всему древнему миру. Но именно здесь, в Карфагене, он принял те жуткие формы, которые пугают современных людей. А тогда принести в жертву своего первенца считалось богоугодным и почетным делом.

Как думали карфагеняне, их верховный бог Ваал, принимая эти жертвы, поможет им решить вопросы жизни и смерти всего народа. И жертвы эти приносились. Возможно, не так кроваво, как описывал Флобер в своем романе, но все же приносились. Десятки, иногда сотни детей погибали от рук жрецов, а затем сжигались... Страшно… Кирилл вздрогнул, видение исчезло.

Спустившись, он подошел к длинной стене, за которой стояли десятки, сотни, нет, тысячи каменных столбиков. Некоторые из них были увенчаны квадратными и прямоугольными камнями. Это были жертвенные столбики. Именно они посвящались тем жертвам, которые приносил карфагенский народ, отдавая самое ценное, что у него было, — детей — на волю беспощадных богов.

Кирилл осмотрел раскопки. Они велись здесь уже более ста лет, но, к сожалению, слишком мало ученым удалось открыть за это время.

На какое-то время Кириллу показалось, что он находится не на месте великого города, а на огромном кладбище, смешавшем прах сотен народов. Финикийцы, римляне, берберы, нумидийцы, вандалы, византийцы, арабы, норманны, крестоносцы, турки, французы, итальянцы… Кто еще? Сколько людей владело этими землями? Сколько их похоронено здесь?

«Земля, политая кровью, — прошептал про себя Кирилл. — Земля, пропитанная кровью…».

Разум с трудом может постигнуть, сколько труда нужно было затратить, чтобы несколько раз возрождать и строить Карфаген.

И какие затраты нужно было произвести, чтобы этот город раз

за разом уничтожать, разрушать, а затем и раскапывать землю над ним! Карфаген единственный в истории человечества город, который не единожды стирался с лица земли, а затем поднимался вновь.

На плоской вершине холма Кирилл увидел собор, превращенный в музей. Он обошел его вокруг, осмотрел фрагменты камней, которые лежали вокруг собора. Чего здесь только не было! Камни с арабской вязью, куски мрамора, в которых были специальные отверстия для свинцовых штырей, фрагменты каменных сосудов, водостоков. Он подошел к специальной стене, построенной совсем недавно. Она была выше человеческого роста, состояла из бетона, в который были вмонтированы тысячи фрагментов археологических находок.

На самом верху — осколок большой амфоры. Кириллу показалось, что он находится перед входом в царство Аида. Возможно, так и должен выглядеть вход в подземное царство, потому что каждый уходящий с просторов этой земли уносил с собой фрагмент той цивилизации, в которой жил. Неожиданно ему показалось, что он увидел Джероми. Видение как пришло внезапно, так и быстро исчезло. Но Кирилл увидел того, с кем столкнулся впервые несколько лет тому назад. Неужели ты и здесь бывал, Абаджио? Но видение мгновенно растворилось.

Кирилл начал спускаться с холма. Впечатлений было предостаточно. Возможно, кто-то и не увидит тут ничего, кроме фрагментов песчаника и камней. Он же увидел далекий мир, не похожий на тот, в котором они живут. Мир жестокий, но, возможно, более справедливый.

Кирилл вернулся на судно. В электричке он думал об удивительных событиях, которые произошли за несколько тысячелетий. Его воображение связывало великий Карфаген с той далекой родиной людей-мореходов, которые оказали существенное влияние на развитие всех древнейших цивилизаций.

Свои размышления Кирилл связывал с тем, что народ мореходов передал знания и умения строить прекрасные высокобортные суда нескольким цивилизациям, а те, в свою очередь, поделились знаниями с финикийцами. Финикийцы же, основав бесчисленное множество малых и больших городов по всему Средиземноморью, удостоились права стать основателями великого государства — соперника Рима, просуществовавшего не одно столетие, — Карфагена, из которого в даль-

ние плавания уходили тысячи кораблей, перевозя товары, людей и самое ценное — технологии обработки металлов, изготовления стекла, окрашивания тканей и многое другое.

История взаимоотношений Карфагена и Рима была таковой, что римляне многому научились у карфагенян.

История хранит сведения о том, что корабли первого римского флота были больше похожи на ящики и при первом же шторме затонули. И только когда римляне познакомились с секретами искусства создания кораблей карфагенянами, они сумели построить боеспособные флоты.

«Длинная цепь событий», — подумал Кирилл. Его догадки о прародине человечества в районе островов Сокотра, наряду со знаниями о древнейших цивилизациях на берегах Евфрата, Тигра, Нила, Инда, говорили о том, что и Финикия, а вслед за нею — Карфаген, могли получить тысячелетние знания, которые позволили открыть новые земли.

Таковым было плавание Ганнона, который достиг Гвинейского залива, а вслед за ним — плавание Гимилькона, дошедшего до Оловянных островов.

«Что удалось им доказать повторением плавания древних мореходов? —размышлял Кирилл. — Только лишь то, что плавания эти были очень сложными и, возможно, поэтому поход Гимилькона стал притчей во языцех у многих поколений мореходов. А поход Ганнона и выведение колоний на западное побережье Африки вообще считались беспримерным подвигом всех времен до создания принцем Португалии Генрихом Мореплавателем морской школы в Сагреше и планомерных плаваний и открытий, приведших к тому, что португальцам удалось обогнуть Африку и прийти к берегам Индии».

Но как велика пропасть между плаваниями Ганнона, Гимилькона и других античных мореходов и плаваниями учеников Генриха Мореплавателя! Между ними более тысячи лет!

Тысяча лет или сорок-пятьдесят поколений…

Цивилизация познавала удивительные времена взлетов и забвений. И вот в том месте, где он находится сегодня, даже не на руинах, а на пустоте, оставшейся от великого Карфагена, Кирилл еще раз задумался: могла ли существовать нить, которую он протягивает сквозь столетия?

Если да, то как начать поиски места, откуда протянулась эта нить? Может быть, это возможно только эзотерически? Возможно, какой-нибудь чародей сможет выловить из тайн сознания одного из миллиардов людей знания, которые сокрыты от всех? Может быть, когда-нибудь информационное поле, окружающее нас, откроет эту тайну?

Он обязательно поговорит об этом с сеньором Монтезимолло. Возможно, гипнотизер подскажет ему что-то важное? Но, скорее всего, нужен другой путь — путь скрупулезного изучения ветров, течений, поднятий и опусканий поверхности Мирового океана, космические наблюдения в районе, который, как надеялся Кирилл, мог стать прародиной всего человечества. И, возможно, тогда под водой будут найдены останки городов. Может, появятся новые окаменелости в виде Ноева ковчега.

Кто знает, если не ему, то кому-то другому повезет больше, и в одной из экспедиций в Индийском океане будет найдено нечто, что подтвердит его гипотезу. Скорее же всего, тайна будет за семью печатями еще для многих поколений людей...

Кирилл не сомневался, что только высшая сила способна открыть знания или, наоборот, продолжать их хранить.

Что нужно ему, простому смертному, зачем он хочет постичь глубину этих знаний? Не нанесет ли это человечеству вред? Странное дело — искать прародину человечества, и не просто умозрительно, а попытаться найти материальные факты существования такой прародины.

Электричка бесшумно затормозила. Кирилл увидел знакомую станцию. Он вышел и в задумчивости пошел к судну. Еще издалека он увидел, что возле «Мелькарта» оживление: на борту и вокруг стоит много людей. Они по-восточному громко говорят, жестикулируют и улыбаются друг другу. Кирилл подошел ближе. Навстречу ему из группы, окружившей судно, вышел Селим. Веселый, он подошел к нему и сказал:

— Ну, вот и все, мой друг Кирилл! Я улетаю завтра утром. Это наши новые друзья, они учатся в университете, им интересно все узнать о «Мелькарте». Взамен они покажут экипажу город и музеи.

Не рано ли ты ездил в старый город? Может быть, экскурсия с нашими друзьями будет более поучительна?

— Может быть. Но мне хотелось побыть одному, я так давно об

этом мечтал. На судне не укроешься. А есть сокровенные мысли.

— О неудавшейся любви?

Кирилл вздрогнул. Зря Селим напомнил ему об этом. Он уже очень давно не вспоминал события, связывавшие его с домом, женщину, что принесла ему боль и страдание.

— Нет, Селим. Я как раз думал о другом: о твоем проекте — «Ноев ковчег», о том, откуда и как он мог попасть в предгорья Арарата, о прародине человечества, и о том, как морская культура распространилась по всему миру…

— Понятно. Рад, что ты думал о Великой истории. Я тоже часто думал об этом во время похода. В университете поговорю о твоей теме, и может быть, удастся найти финансирование для визуального исследования побережья Сокотры...

Но быстро найти деньги не получится. Я добивался финансирования проекта «Ноев ковчег» более пяти лет, а он находится на территории Турции. А тут абсолютно новая гипотеза, ничем не подкрепленная.

— Ты намекаешь на то, что я чужак, Селим?

— Прости, но это так. Ты не мусульманин и не турок, а Сокотра и Йемен сегодня — арабские страны, там живут арабы-мусульмане. Очень верующие мусульмане...

Пустят ли они к себе, разрешат ли делать аэрофотосъемку и нырять на малых глубинах? Не знаю. Честно говоря, я в это не верю — слишком ортодоксальны эти люди. Да, если быть откровенным, их совершенно не интересует прошлое...

Какая разница, жили здесь предки шумеров или египтян, были ли они как-то связаны со Средиземноморьем и Финикией, являются ли они потомками карфагенян? Зачем им это? Они люди другого времени. Они пришли в эти места, когда от упомянутых народов и следа не осталось. Они заселили эти земли, у них своя культура, свои обычаи. Поэтому не знаю, смогу ли я тебе помочь. Но попытаюсь. Твоя гипотеза заслуживает внимания.

Пойду собираться, у меня еще дела в городе. Нужно купить подарки друзьям. В Тунисе замечательные, прекрасные базары. Ремесленники ткут лучшие ковры. Ты убедишься в этом сам, молодые наши друзья, тунисцы, предлагают для тебя и еще нескольких человек поездку в небольшой поселок Махдия, где расположен небольшой му-

зей. В этом музее есть находки, сделанные аквалангистами почти сто лет тому назад. Тогда было найдено затонувшее античное судно. Ты когда-нибудь слышал об этом?

— По правде сказать, нет.

— Тогда тебе будет интересно. Фарид и Ливан составят тебе компанию. А я рассчитываю раздобыть хорошего пива, чтобы вечером мы отметили расставание.

— Может быть, пойти с тобой, Селим?

— Нет, спасибо, иди отдыхай. Ты выглядишь усталым.

Кирилл спустился в чрево корабля и, хотя на палубе раздавались шаги и слышалась речь, быстро уснул. Вечером его разбудил Селим, но даже после сна Кирилл чувствовал себя уставшим. Ему было жалко, что Селим улетает. Он сдружился с турком и не скрывал, что ему интересно проводить время с этим образованным и интеллигентным человеком. Но ничего не поделаешь, нужно было расставаться.

Экипаж собрался на палубе. Было приготовлено вкусное блюдо из баранины с рисом, на столе появилось хорошее вино и пиво. Тунис со времен Карфагена славился своими оливами, виноградниками, финиками. Готовить здесь умели, и делали это с большой любовью.

Вечер прошел на славу. Кирилл познакомился с тунисцами, но ему было грустно оттого, что Селим уезжает. По завершении вечера они еще долго бродили по пирсу, вспоминая проведенные в океане дни. Спать легли далеко за полночь. Селим никого не хотел поднимать утром и, с вечера собрав свой небольшой рюкзак, покинул судно беззвучно, не желая будить своих друзей.

Кирилл поднялся поздно. Он не хотел завтракать и с радостью пошел к машине, когда узнал от Ливана, что один из местных друзей готов отвезти их в поселок Махдия.

По правде сказать, музей, куда их привезли, был не совсем музеем. Небольшие комнаты, в которых расположились, в основном, копии, не могли передать трагизма события, произошедшего у этих берегов много лет тому назад.

Со сноровкой заправского гида молодой студент университета рассказывал им, что в 1908 году на расстоянии 2,5 мили от побережья грек, охотившийся за морскими губками, на глубине почти сорока метров обнаружил останки римского торгового судна. Его длина состав-

ляла около сорока метров, ширина — почти десять. Останки судна были сильно деформированы, но было очевидно, корабль имел две большие палубы, на нижней лежало, как потом выяснилось, шестьдесят пять гранитных колонн, составлявших семь рядов площадью шестьдесят квадратных метров. На верхней же палубе были сложены бронзовые и мраморные скульптуры.

Как только о находке узнали в близлежащих городах Сус и Сфакс, охотников за добычей нашлось большое множество. Местные жители, желавшие подзаработать, делали попытки достать ценные предметы с найденного судна и продать на черном рынке. К счастью, пиратство было быстро пресечено и за работу взялся молодой, но опытный директор Тунисского музея древностей Альфред Мерлин.

Узнав, что тайком продаются настоящие произведения греческого искусства, он обратился в полицию и та, арестовав продавцов, быстро установила, откуда к ним попали сокровища. Происходило все это в далеком 1907 году. А уже через год были найдены средства для организации научной экспедиции во главе с профессиональными водолазами. Им удалось поднять на поверхность основную часть ценностей затонувшего судна.

Молодой тунисец, артистично подняв руку, прочитал слова, написанные по-арабски на стенде, где были видны несколько выцветших от времени фотографий примитивных водолазных приборов, возле которых расположились люди. Один из них, Соломон Рейнак, который возглавлял погружение, и был процитирован тунисцем: «После Геркуланума и Помпеи ничто подобное не открывалось перед человеческим взором». Возможно, Рейнак и был прав.

«Но были и другие находки, — подумал про себя Кирилл.— Разве две ладьи, найденные в прошлом веке возле пирамиды Хеопса, не столь же уникальны? А сами пирамиды? А Ноев ковчег, на котором они работали вместе с Селимом? Но Рейнак-то об этом не знал», — поправил сам себя Кирилл. И вновь прислушался к тому, что рассказывал их добровольный помощник.

Буквально все бронзовые скульптуры сохранились великолепно, в очень хорошем состоянии было и большинство мраморных статуй. Все это — присыпанное песком и покрытое илом: благодаря такому защитному слою мрамор и бронза были спасены от въедания в них морских моллюсков.

Пять лет работали аквалангисты, подняв из морской пучины большое количество предметов. Самыми ценными из них были 23 мраморные и 22 бронзовые скульптуры, а также большое количество мраморных ваз, бронзовых канделябров и целых мраморных столов. После проведения датировок было установлено, что все предметы искусства принадлежали разным периодам греческой истории.

Исходя из этого, ученые пришли к выводу, что груз корабля был ни чем иным, как награбленными ценностями, которые римляне вывозили из поверженной Греции. Есть предположение, что судно принадлежало эскадре римского военачальника Суллы, которая с ценным грузом была отправлена после взятия Афин в 86 году до нашей эры. Однако груз до Рима не дошел.

Находок было столько, что они не могли вместиться в залы музея в Тунисе. Часть их хранилась в заказниках. Но во время Первой и Второй мировых войн из залов дворца Эль-Алаури большая часть находок махдийского судна пропала и оказалась в Европе и Америке.

Гид на мгновение замолчал. Кирилл достаточно бесцеремонно перебил его, спросив, что было с самим судном, подняты ли его останки? Его как кораблестроителя и историка это интересовало больше самих ценных предметов. Молодой тунисец ничего об этом не знал. Он обратился к служителю музея, и тот провел их в очень маленький зал, в котором стояло всего два шкафа.

Внутри лежала бронзовая и керамическая посуда, десятка два гвоздей, несколько обрывков медного листа. На полу виднелись свинцовые детали якоря. Служитель говорил на арабском, а гид перевел им следующее: «Это то немногое, что удалось поднять. Все это принадлежало корпусу судна и его экипажу. К большому сожалению, никто исследований судна не проводил, всех интересовал только груз. Каким же был парусник, сказать достаточно трудно.

Работавшие под водой ныряльщики не были археологами, поэтому они не делали топосъемку, не снимали напластования грунта слоями, не фиксировали находки, расположение судовых обломков, не проводили и фотосъемку. Нужно помнить, что это было начало двадцатого века».

Позже, как рассказал служитель музея, делались попытки реконструкции корабля, но, в общем, они выглядят недостаточно убеди-

тельными. Считается, что это был большой парусник с достаточно высоким носом и кормой. Управлялось судно двумя большими рулевыми веслами, а построено оно было из дуба и сосны. Осадка такого большого судна достигала двух метров, а его водоизмещение — 400 тонн.

«Большой корабль, — подумал Кирилл. — Если взять в объемном отношении, то он раз в 15 больше «Мелькарта». Очевидно, махдийское судно было не простым римским кораблем. Да и кто бы на простой парусник погрузил ценности?».

Судно для своего времени было достаточно совершенным. Что же произошло, как могло оно на столько миль отклониться от проложенного курса и затонуть у берегов Африки? Кирилл задал этот вопрос, гид перевел. Служитель лишь пожал плечами: «Этого не знает никто, есть предположение, что судно захватили сами матросы и, возможно, пытались сбежать. Потом шторм и гибель…».

Кирилл поблагодарил за ответ и рассказ гида и одним из первых вышел из маленького музея. Их поход в Атлантике и здесь, в Средиземноморье, говорил о том, что такое большое судно, как махдийское, могло проходить за день более 120 миль, а за три-четыре дня не было никаких проблем прийти из Греции к берегам Туниса.

Нет, не экипаж захватил судно, у экипажей римских судов была военная выправка, и навряд ли бы они сбились с пути во время шторма — таким большим судам, как это, шторма Средиземного моря были не опасны. Пираты? Скорее всего, пираты. Они могли ночью напасть на судно, экипаж сдался, а может быть, был убит…

А дальше — попытка бежать к берегам Африки, там, скрывясь в бухтах, продать награбленное. Кирилл подумал, что это — самый что ни на есть детектив: большое судно ограбили за 500-600 миль от места назначения, у берегов Туниса. А может, вмешалось Провидение, благодаря которому мы узнали столько нового — о великих мастерах-греках, создавших такое большое количество произведений искусства…

Ливан и Фарид поблагодарили гида, который остался рад, что лекция удалась. Перед тем как отвезти их на корабль, он угостил своих новых друзей сытным и очень вкусным обедом.

Кирилл мысленно вернулся к махдийской находке. Жаль, что не

было Селима, ему было бы тоже интересно. Но он так стремится поскорее домой, к своему проекту, который, возможно откроет множество тайн, какие столетие назад открыло махдийское судно.

Вернувшись на судно, Кирилл уединился в капитанской каюте вместе с Ливаном. Его просьба была такой: после перехода на Крит он улетит в Венецию. Ливан был не против.

— Кирилл, ты так много сделал для нашего похода, я не буду возражать. От Крита наш путь не сложен, и оставшихся вполне хватит, чтобы осуществить переход в Ливан. Тем более, что на Крит придут две яхты сопровождать «Мелькарт». Думаю, что самое сложное в этой экспедиции уже позади. Пройден такой маршрут! Шторма, изменения ветров, штили…

Ливан приподнял руку и Кирилл крепко пожал ее.

— Спасибо тебе, спасибо! Ты и Селим стали душой экипажа.

— Спасибо и тебе, Ливан. Это одно из лучших приключений, выпавших на мою долю. Я ни минуты не сожалею, что провел лето с вами, а не на «Джинестре». В этой тяжелейшей экспедиции была жизнь — настоящая жизнь. Но не современная, Ливан, а та, далекая, тысячелетней давности, которой жили древние мореходы. Меня это многому научило.

Это первое плавание на маленьком корабле. На античной диере все было по-другому: большой экипаж, много весел, мы редко пользовались парусом. «Мелькарт» же — легкий поплавок, крепкий, как орех, прошел через такое грозное и опасное море! Спасибо тебе! Как думаешь, Ливан, когда выйдем в море?

— Скоро, Кирилл. Я думаю, что завтра или послезавтра нужно будет продолжить экспедицию. Запасемся водой, наши новые друзья обещают закупить хорошую провизию. Отсюда до берегов Крита с попутными ветрами ходу три-четыре дня. Пройдем недалеко от Мальты, финикийцы называли эту колонию Мелита.

— Заходить не будем? — с некоторым беспокойством спросил Кирилл.

— Не будем, не волнуйся — не будем!

— Знаешь, Ливан, я волнуюсь потому, что лето на исходе. Уже несколько раз я звонил итальянским друзьям, и они просят, чтобы я хоть на несколько дней приехал увидеть, какой популярностью

пользуется «Джинестра». К концу августа должны приехать и немецкие партнеры. Видишь, какой клубок! Я непременно должен быть на «Джинестре»…

— Все будет в порядке, не волнуйся. Будешь вовремя. Я обещаю, что сразу же по приходу на Крит ты улетишь. Если хочешь — езжай сейчас.

— Нет, Ливан. Вас и так немного, каждая пара рук нужна. Я буду с вами до Крита. А там, как ты говоришь, придут яхты сопровождения и не будет проблемы достичь берегов Ливана.

— Спасибо, что ты остаешься.

Неожиданно за бортом они услышали громкую арабскую речь. Кирилл вынырнул из люка первым и увидел араба, торгующегося с Фариком.

— Что он хочет? — спросил Кирилл по-английски.

— Он говорит, что у него есть небольшая деревянная лодка, и он хочет ее предложить нам.

— А зачем нам деревянная лодка? — спросил Ливан.

— Не знаю, он почему-то решил, что она нам нужна.

Неожиданно что-то заставило Кирилла обратиться к Ливану:

— Послушай, Ливан. Давай возьмем эту лодку, я заплачу за нее из своих денег.

— Но зачем, что мы будем с ней делать?

— Мы столько прошли, а у нас практически нет фотографий судна со стороны! В море мы были все время на палубе, нас редко кто сопровождал, всего лишь несколько снимков. А с лодки мы сможем сделать прекрасные фотографии.

Ливан задумался.

— Возможно, ты и прав. У нас ведь действительно нет никакой информации о том, как выглядит «Мелькарт» в открытом море.

Кирилл попросил Фарика перевести.

— Скажи, что я куплю лодку, только пусть вначале покажет ее.

После перевода араб замахал руками, призывая всех идти за ним. Они молча повиновались и, пройдя буквально сотню шагов, обнаружили между двумя пирсами на песке небольшую деревянную лодку.

— Смотри, Фарик, чтоб он нас не надурил. Давай столкнем ее в воду, а то вдруг она как решето — и сразу затонет?

Втроем они легко столкнули лодку в воду, и она плавно закачалась в набегающих волнах. Она не текла, хотя была старая, но крепкая, и хорошо проконопаченная. Два небольших весла были ее движителем, а маленький рундук позволял хранить в нем необходимый груз для плавания вдоль берега или рыбной ловли.

— Ну что, возьмем?

— А почему бы и нет? Спроси, сколько он хочет?

Араб стал размахивать руками и назвал стоимость лодки. Фарик перевел, и Кирилл, не торгуясь, решил заплатить. Когда лодку привели и привязали к борту «Мелькарта», араб получил свои деньги и быстро ушел. Но через некоторое время вернулся.

Он принес несколько глиняных моделей, которые изображали, хотя и очень примитивно, традиционные местные лодки. Одну такую глиняную лодочку, очень похожую на ту, что они у него купили, он подарил Кириллу. Другие же предложил на продажу. На судне все отказались, но бойкий араб остался доволен проданной лодкой. Он, уходя, еще несколько раз помахал Кириллу, поклонился и исчез в узких улочках спускавшегося к заливу города.

Кирилл внимательно осмотрел приобретение и, не отдавая себе отчета, с радостью вернулся в общество своих ливанских друзей. После того как лодка появилась у борта «Мелькарта», у него поднялось настроение. Он уже не так грустил об уехавшем Селиме, настроился выдержать тяготы плавания еще неделю и с радостью отправиться в Венецию…

Странно было только то, что лодка, привязанная к борту «Мелькарта», время от времени привлекала его внимание. Он дважды спускался в нее, отходил от борта, греб, сам не понимая, что его так радует, много фотографировал.

Следующий день пробежал в хозяйственных заботах. Они загрузили воду, привезенное продовольствие и с рассветом вышли в залив, попрощавшись с берегом, на котором некогда лежал один из самых величественных городов — Карфаген.

Глава 23.

Освобождение

Окончание плавания. — Перевоплощение в Александрии. — Двойник адмирала. — Приказание султана. — Вознаграждение.

Две недели плавания вдоль восточного побережья Африки привели «Возмещение» к островам Сокотра. Несколько раз на горизонте Джероми видел португальские и арабские суда, но те проходили далеко, не обращая на них внимания. В одну из ночей адмирал приказал готовиться к «переодеванию». В каютах были собраны вещи, которые могли бы напомнить о том, что корабль был венецианским и ходил под венецианским флагом.

Все это было загружено в большие холщовые мешки, после чего к ним привязали балластные камни и выбросили в море. В воду ушел и гордый венецианский флаг с красной перевязью, которая символизировала соратникам адмирала Реиса о том, что к ним прибыл необычный корабль с необычной миссией.

Заранее заготовленные, из специальных хранилищ доставались арабские восточные костюмы, более простые были выданы матросам, а те, что побогаче, — офицерам. Адмирал Реис приказал также переодеться Джероми, Лацио и Лючии. Но самым главным из предстоящего «переодевания» была работа по замене парусов и такелажа, превративших венецианский корабль с прямыми парусами в арабское судно, ведомое треугольными полотнищами. Из глубоких трюмов доставались ширмы, пролежавшие длительное время без надобности.

Матросы быстро устанавливали их на места, за счет чего «Возмещение» перестало быть похожим на венецианское судно, оно как бы удлинилось и уменьшилось, все более и более походя на арабское.

Дело было сделано, и адмирал Реис повел судно в пролив, который разделял Африку и Аравийский полуостров. В дне пути от острова Сокотра к ним приблизилась португальская каравелла. Офицер, вышедший на палубу, недолго беседовал с восточным купцом, под личиной которого скрывался сам адмирал, и оставшись удовлетворенным увиденным (а в трюмах хранились пряности и другие восточные товары), потребовал за проход плату. Адмирал Реис охотно согласил-

ся и, довольный полученными золотыми, офицер удалился. Происходило это вечером, и ни ему, ни тем, кто находился на каравелле совсем недалеко от «Возмещения», не удалось раскрыть мистификацию.

Вскоре они прошли восточную оконечность Африканского материка и стали приближаться к проливу, где у португальцев также была крепость, закрывавшая выход из Красного моря в Индийский океан.

Миновали они ее беспрепятственно и, подгоняемые легкими ветрами, вошли в Красное море. Джероми видел, как был доволен адмирал Реис. Его план удался, корабль-призрак находился всего в каких-то двух днях плавания от Египта, принадлежавшего Османской империи. Адмирал несколько раз вызывал Джероми к себе и просил принести с собой записи и зарисовки, которые тот делал во время экспедиции. Он внимательно изучал их, что-то переносил в свои дневники, часто просил Лючию делать переводы китайских свитков и записей Джероми.

Абаджио видел, что собранные адмиралом материалы составили почти десяток томов, в которых было более чем по 250 листов тончайшего пергамента. Когда адмирал прикасался к книгам, его пальцы дрожали. Джероми понял, что является самым важным в жизни этого дьявольски хитрого и очень проницательного человека. Адмирал наиболее всего ценил в жизни собранную информацию. Он был уверен, что придет час и потомки оценят свершенное им, а значит, его имя останется в веках так же, как осталось имя итальянского путешественника Марко Поло.

— Я, кажется, понял вас, адмирал!

— О чем вы, Джероми?

— Я знаю, что самое главное для вас в жизни.

— Интересно, что же?

— Я думаю, что самым важным для вас является желание войти в вечность…

Адмирал вздрогнул и повернулся к Джероми лицом.

— Что ж, вы, наверное, правы. У вас, у христиан, это называется гордыней? Да, это один из грехов, которые преследует ваш Господь. А вот у нас это не грех. Я и вправду тружусь и рискую своей жизнью для того, чтобы создать монументальный труд, в котором будет описано все то, что известно современным людям об окружающем их мире. И я уверен, что еще сотни лет после моей смерти он будет пользоваться успе-

хом. А мое имя будет известно будущим поколениям.

— Ну что ж, поздравляю вас, адмирал! Я уверен, что делаете вы это хоть и корыстно, но целеустремленно. Скоро мы будем в Египте, и я хотел бы знать о нашей судьбе. Вы обещали по возвращении, если таковое сбудется, отпустить нас, оставив живыми.

— Я сдержу свое обещание, Джероми. Но на все воля Аллаха…

Разговор остался незаконченным. Адмирала вызвали на палубу.

Небольшие рыбацкие поселения одно за другим сменяли друг друга, как скалы сменялись мелями. Ход «Возмещения» был невелик, но все же судно продвигалось все дальше на север вдоль берегов Красного моря.

Джероми волновался, и его волнение передалось Лацио и Лючии. Они понимали, что вскоре решится их судьба.

Адмирал Реис привел корабль в небольшую гавань. Джероми не знал, как назывался этот поселок. Впрочем, они и не видели в нем простых рыбаков либо селян.

Скорее, небольшие глинобитные здания напоминали казармы, над которыми возвышался четырехугольный форт. На самом берегу на якорях стояло с десяток небольших, но хорошо вооруженных османских судов. На них были видны мелкие пищали и крупные орудия. «Возмещение» стало на якорь, и адмирал переправился на лодке к стенам форта. О том, что у него неограниченные полномочия, Джероми понял, когда по определенному знаку офицер османской армии, вышедший встречать их, низко склонился перед адмиралом, а затем и встал на колени.

Через несколько мгновений в воротах показался чиновник более высокого ранга, но и тот, увидев предъявляемый адмиралом жетон, низко склонился перед ним. Офицер и чиновник вслед за адмиралом проследовали в форт. Больше Джероми их не видел.

Реис вернулся через несколько часов. Он вызвал к себе Джероми и сообщил, чтобы они побыстрее собирались.

— К вечеру из форта уходит караван. Вместе с ним отправимся и мы. Никаких вещей с собой не берите, только самое необходимое и ваши записи, все остальное оставьте на судне.

Джероми, Лацио и Лючия быстро собрались. Они спустились по трапу, и Джероми оглянулся на корабль, бывший им домом долгое время. Тот медленно покачивался, матросы снимали с его боковин де-

кoративные переборки. Из арабского торгового парусника «Возмещение» постепенно вновь превратилось в венецианский корабль.

— Что будет с матросами, адмирал Реис? — спросил он подошедшего адмирала.

— Эти люди, прошедшие длительную экспедицию, получат вознаграждение от султана. Каждому из них будет дарован небольшой участок земли, и они, может быть, навсегда, а может быть, на годы станут простыми землепашцами, женятся, родят детей. В первую очередь, они будут свободными людьми.

— Их поселят всех вместе?

— Нет, что вы! Они никогда больше не увидят друг друга, хотя это может случиться, если они вновь понадобятся.

— А если они начнут рассказывать о том, что видели?

— Они будут жить в столь отдаленных уголках Османской империи и так далеко друг от друга, что в их сказки никто не поверит. Я думаю, что они и сами будут молчать, потому что, получив свободу такой ценой, они не захотят потерять ее. А вы, Джероми? Вы захотите отказаться от свободы только лишь за то, чтобы рассказывать первым встречным о том, что вы увидели и где бывали?

Джероми качнул головой:

— Нет, конечно. Скажите, адмирал, а что будет с судном?

— Этого я не знаю, все будет зависеть от того, какое решение примет султан. Я понимаю, что вы расстроены, — этот корабль стал частью вашей жизни, но такова судьба всех кораблей — прощаться со своими экипажами. Готовьтесь, вечером мы отправляемся в путь. Через два дня караван будет в Каире, а позже и в Александрии. Там и решится, что будет с вами.

— Но вы же сказали, что нас отпустят?

— Я приложу к этому все усилия, но, Джероми, есть еще и воля султана, помните об этом!..

Джероми склонил голову. Он вернулся к Лацио и рассказал обо всем, что услышал.

Караван, состоящий из ста верблюдов, нагруженных грузами, привезенными «Возмещением», двинулся в путь. На удивление, передвижение по пустынной местности не вызывали у Джероми никаких эмоций. Лацио был поглощен общением с Лючией, и он только время от времени подъезжал к ним, чтобы обмолвиться несколькими словами.

Пустыня была вся растрескавшаяся, солнце нещадно палило, приходилось часто открывать бурдюк, чтобы утолить жажду. Уже в Красном море они почувствовали удушающую жару. Ничего удивительного — здесь не было таких легких и приятных муссонных ветров, как в океане.

Адмирал провел караван по окраине Каира и, не останавливаясь, двинулся дальше, в Александрию. Там они остановились на большом постоялом дворе недалеко от шумящего порта. Когда грузы были соскладированы, а люди адмирала, сопровождавшие их, заняли свои комнаты на первом этаже, адмирал показал место, где будут ждать решения султана Джероми, Лацио и Лючия. Это были небольшие комнаты с узкими окнами, зарешеченными крепкими коваными решетками.

— Адмирал, но это же заточение!

— Не совсем, сеньоры. Вы сможете спокойно перемещаться по дому и внутреннему двору, там прекрасный фонтан — вы видели его? Это в ваших интересах, поймите! Если кто-либо узнает, что вы иноверцы, вам грозит смерть.

Джероми кивнул головой.

— Мы доверяемся вам и верим в вашу порядочность и честность. Мы не подвели вас за время участия в экспедиции. Но и вы, адмирал, сдержите свое слово!

Несколько дней прошли в ожидании. Джероми знал, что Реис направил письмо султану в Константинополь на одном из ушедших судов. Нужно было ждать, и время от времени Джероми перебирал свои пергаменты, стараясь запомнить все то, что написал. Он понимал: вероятность того, что ему разрешат забрать записи с собой, невелика. Очевидно, придется все это оставить. Джероми внимательно записывал и зарисовывал все то, что видел в последнее время. Иногда он засыпал возле стола, и ему чудились видения далекого будущего.

Во снах к нему приходил Кирилл, который был сильно озабочен. Джероми виделось, что его далекий потомок часто открывал небольшую тетрадь и вписывал какие-то цифры или отдельные фразы. Абаджио, просыпаясь, не мог понять, что тот делал, он лишь понимал, что Кирилл пытается решить какую-то сложную задачу, и шепчет: «Сокотра, Сокотра…».

Джероми подумал: «Неужели это те острова, которые мы проходили дважды во время своего путешествия? Та ли эта Сокотра, где колдун предсказал Лацио скорую женитьбу.

Сокотра, Сокотра… Что ищет мой потомок на этом острове? Что такого бесценного может там находиться?».

Когда Джероми отрывался от своих мыслей, видения исчезали, и он вновь перебирал бумаги, стараясь запомнить все то, что с ними произошло за минувшее время.

Прошло несколько недель. В один из дней Абаджио услышал шум на улице и выглянул в зарешеченное окно. К дому подошла кавалькада всадников. Двое слуг вели под уздцы крупного верблюда, между горбами которого на небольшом сидении возвышался человек в парчовом кафтане и высоком тюрбане. Джероми чуть не вскрикнул — на верблюде сидел не кто иной, как адмирал Реис! «Но я же всего несколько минут тому видел адмирала внизу, во внутреннем дворе!» — подумал он.

Чтобы не шуметь, Джероми прикрыл створку окна и подкрался к двери. Он старался не пропустить ничего из того, что происходило внутри дома. Раздался стук. Слуга спросил: «Кто там?». Ответом было: «К вашему хозяину — великий адмирал Реис!».

Слуга открыл двери, и по шуму в прихожей Джероми понял, что пришедший человек требовал аудиенции у торговца Али-бея. Так вот кто ты теперь, адмирал Реис! Торговец восточными товарами Али-бей… Спаси и сохрани, великий Господь, сколько же имен поменял этот человек за прошедшие два года? А за всю жизнь? И кем он только не был…

Неожиданно он услышал голос адмирала:

— Низко кланяюсь вам, Реис! Проходите, проходите. Я, Али-бей, — слащаво гнусавил адмирал, — рад встретить великого гостя, флотоводца и полководца в своем торговом доме!

Джероми понял, что они прошли в одну из нижних комнат. Он тихонько приоткрыл дверь, прошел по коридору, спустился во внутренний двор и, прокравшись между фонтаном и цветущими кустами роз, приблизился к комнате, в которой находился адмирал Реис и его гость. Джероми прислушался, и наградой ему за настойчивость был услышанный разговор:

— Ну, как добрался, мой дорогой двойник?

— Прекрасно, адмирал. Честно говоря, я уже никогда не думал, что мне удастся избавиться от твоего титула и должности.

— Неужели так тяжела служба у султана, дорогой мой брат?

— Тяжела, Реис, и непривычна мне, человеку вольному как пти-

ца. А ты два года заставил меня командовать солдатами, строить фортификации, исправно собирать дань, бывать на приемах. А теперь — совершить путешествие из Кафы, через Стамбул, в Александрию.

— Быстро же до тебя долетела весть о моем прибытии!

— Я счастлив, что это произошло так быстро. Почта, голубиная почта, мой дорогой брат. О том, что ты здесь, султан узнал через три дня после прибытия в Александрию, а я — еще через два. Добавь к этому три недели плавания, и я здесь! И повторяю тебе: с радостью и счастьем хочу передать побыстрее всю полноту власти.

— Как ты думаешь, настоящий мой брат Али-бей, кто-нибудь догадывался за это время, что ты — это не тот самый великий адмирал Реис?

— Не думаю, я хорошо выполнял свою роль. А вот ты бы никогда не смог хорошо выполнить мою.

— Почему же?

— Ты воин, тебе никогда не стать поэтом. А поэт может стать воином.

— Очевидно, ты это и доказал во время моего отсутствия.

— Доказал или нет, не мне судить, но вот мечты мои о воле и покое — не покидали меня каждый день. Я так соскучился за своим домом в Измире, да и не только за своим, ведь это и твой родовой дом, Реис! А сколько лет ты там уже не бывал?

— Много, очень много…

Джероми услышал, как зашуршали одежды. Он понял, что настоящее имя прибывшего человека было Али-бей, и этим самым именем прикрылся адмирал, именем своего собственного брата, того самого двойника, которого он видел перед отправлением в Трабзон. Джероми понял, что Али-бей снимает с себя адмиральские одежды и передает настоящему адмиралу Реису спрятанные на теле свитки, пергаменты, возможно, и деньги.

— Когда ты снял всю эту золоченую мишуру, то стал похож на себя, мой Али-бей!

— Знаешь, Реис, когда ты сейчас всю эту мишуру наденешь, ты наконец-то станешь похожим на адмирала…

Они засмеялись. Джероми понял, что братья любят друг друга. «Но вот возраст, — промелькнуло у него в голове. — Чтобы быть так похожими, младший брат должен быть лет на пятнадцать моложе Ре-

иса, он-то уж точно не омолаживается с помощью китайской медицины. А впрочем… Странная семейка. Хитрецы!».

Абаджио вновь прислушался.

— Что ж, теперь я свободен. Ты знаешь, когда я плыл сюда, то был настолько счастлив и рад, что покидаю место властителя, что даже Муза вернулась ко мне и я вновь со счастьем написал несколько сур! Хочешь услышать одну из них?

— Я люблю твои стихи, брат. Прочти, и будем прощаться.

Али-бей тихим гортанным голосом прочел небольшой стих, который врезался в память Джероми на всю жизнь:

Потянулся восход, и запел муэдзин.
Ночь прошла, сладкий сон победив.
Не горюй и не плачь, молодой Аладдин,
Это муза ушла, ты остался один…

День минет, вместе с ним — суета,
Вновь на небе взойдет роковая звезда.
И вернется она, новой песней маня,
Твоя муза — любовница, мать и сестра.

Джероми догадался, что братья обнялись. Реис проговорил:

— У каждого из нас своя муза. Ты великий певец чувств, а я великий певец действий. Я не говорю тебе, мой дорогой Али-бей, «прощай». Я говорю тебе «до свидания». Если дела позволят, то еще в этом году я бы очень хотел побывать в нашем доме.

Иди через боковой выход — там тебя ждет маленький ослик. На нем ты доберешься до порта и передашь небольшую записку на старую шебеку, которая должна быть у соляного причала. Она отвезет тебя в Измир. Деньги же, которые назначены султаном за твою службу, будут направлены тебе из казны.

— Это меня не особенно волнует. Я так соскучился за своим домом, своим садом, своими слугами…

— Добавляй, добавляй, мой брат, — и своим гаремом!

— И своим гаремом, Реис! Так, что готов плыть и бежать туда без остановки без всяких денег. Прощай! А может быть, и до свидания…

Джероми понял, что Али-бей ушел. Он поднялся с колен, незамеченным проскользнул на второй этаж и закрылся в своей комнате.

«Это просто дьявольски таинственный человек, адмирал Реис. Когда я видел двойника в Кафе, я никогда не мог подумать, что это может быть его брат. Удивительно! Все удивительно, что он делает. И это страшит меня, сильно страшит», — вслух сказал Джероми.

Он услышал шорох за дверью. Подошел к ней и приоткрыл. На пороге стоял одетый в золоченый костюм адмирал.

— Ну, что ж, сеньор Абаджио, вот, я вновь адмирал, вновь Реис. Я думаю, вы слышали, что происходило на улице, и наверняка поняли, что прибыл мой двойник?

Неожиданно Джероми, того не ожидая, сказал:

— Простите меня, адмирал, но я слышал даже часть вашего разговора с этим человеком. Это ваш брат. Вы что, близнецы?

— Раз вы узнали, то ничего страшного в этом нет. Я могу ответить вам. Мы не близнецы, между нами разница в шестнадцать лет.

— Но вы же так похожи.

— Моему брату 50, а сколько мне, вы знаете. Но вы же помните, я много раз говорил вам: специальная гимнастика и китайские снадобья…

— По правде сказать, я не особенно верил вам, но теперь, когда увидел все своими глазами, — это поразительно!

— Зовите сеньора Лацио и Лючию, нам нужно серьезно поговорить. Кроме того, что брат прибыл и передал мне дела и я вновь стал адмиралом, помимо этого он привез от султана несколько писем, одно из которых касается непосредственно вас. Я могу сказать только, что письмо не сулит ничего хорошего.

— Что случилось? Что-то с моим отцом?

— О нет, нет, Джероми. Ваш отец жив и здоров, с ним все в порядке. Это письмо касается лично вас и сеньора де Калье...

Когда Лацио, Лючия и Джероми вошли в комнату адмирала Реиса, то на столе они увидели разложенные карты.

— Идите поближе, Джероми. Все те недели, что мы находимся здесь, я много работал. Вот посмотрите: здесь, на этих картах, изображены земли, в которых мы бывали, и наш маршрут, который мы прошли. И те земли, которые стали известны благодаря моему китайскому другу.

Джероми посмотрел на карту. Она была совсем другой, чем знали и видели ее европейцы, чем та, которой он пользовался, обу-

чая генуэзских навигаторов в морской школе.

— Смотрите, смотрите, Джероми, не стесняйтесь. Запоминайте — земля, какова она есть, известна только мне, вам, Лацио и Лючии. По приказу султана все материалы, собранные в этой экспедиции, должны быть отданы в имперский архив. И эти, и те, которые лежат у вас в комнате.

Вы не сможете их взять с собой, не сможете воспользоваться ими. Хотя я прекрасно понимаю, что у вас хорошая память, вы многое помните и сможете воспроизвести. Видимо, опасаясь этого больше всего, султан вот этим письмом… — он протянул Лючии написанный по-арабски свиток, — прочтите сами, Лючия, — приказывает…

Реис замолчал.

Лючия прочла письмо и дрожащим голосом перевела то, что было в нем написано:

— Султан требует, чтобы вы были препровождены в Стамбул и там помещены в специальной тюрьме.

— Вот это благодарность! — вскричал Лацио. — Это в благодарность за все, что мы сделали?

— Что поделаешь, сеньор де Калье. Султан Селим Великолепный опасается, что вы слишком многое знаете и слишком о многом можете рассказать в Генуе. Оттуда эти сведения пойдут дальше по Европе. Я понимаю его и на его месте поступил бы точно так же.

— И что же, поступите? — воскликнул Джероми.

— Нет, я дал слово. А слово адмирала Реиса — это великое слово. Я не поступлю так.

— Что же делать? Если вы ослушаетесь приказа султана, то попадете в опалу, адмирал!

— Я не ослушаюсь приказа султана.

— Но где же выход, где?..

— Выход есть! Султан в письме приказывает мне оставаться в Египте, а вам быть доставленными на судне, которое привезло мнимого адмирала Реиса. Корабль этот принадлежит внуку султана, а командир на нем мой бывший помощник, человек, который обязан мне жизнью. Он сделает то, что я попрошу.

— Что же он может сделать для нас, адмирал?

— Он поведет корабль очень близко от берегов острова Крит. Остров, который зовется еще Морея, принадлежит Венеции. Ночью,

проходя мимо его берегов, если, конечно, вы хотите спастись и получить освобождение, вам придется покинуть судно.

— Как, как вы представляете себе это?

— Каюта будет не заперта, Лючия, как и раньше, должна выглядеть юношей. Вам придется просто броситься в воду и плыть к берегу.

— А если шторм?

— Если шторм, то вам придется выбирать: пленение или свобода. Больше я сделать ничего не могу.

Джероми и Лацио задумались. Лючия прижалась к Лацио и дрожала. Адмирал подошел к большому, окованному медью сундуку и открыл его. Он достал оттуда три простых кожаных пояса.

— Это каждому из вас. Наденьте их на тело, и только потом — рубахи, шаровары, камзолы и куртки.

— Что это, адмирал?

— Это вознаграждение за труд и верность, которую вы проявили, пройдя со мною тяжелый путь.

Джероми взял один из поясов. Адмирал потянул потайной шнурок, пояс раскрылся, и на стол высыпалась горстка крупных камней. Джероми сделал шаг назад.

— Адмирал, но каждый из этих камней — целое состояние!

— Да, цена их велика. Но кто же знает, останетесь вы живы или нет? А за услуги надо платить.

Джероми собрал камни, сложил их в пояс и вновь зашнуровал.

— Когда мы отправляемся?

— Сегодня ночью вас доставят на корабль.

— Вы уверены, адмирал, что капитан пройдет вблизи от берега?

— Я уверен в этом. Это настоящий моряк и сделает то, о чем я его попрошу.

— Но тогда он навлечет на себя гнев султана, если узнают, что он оказал нам помощь в побеге?

— Капитан не знает, что вы пленники. Одеты вы будете по-восточному, и посему ваше исчезновение нельзя будет списать на то, что он знал, будто вы христиане, и помог бежать. А то, что бежали от него торговцы, — так он в этом не виноват. Султан не требовал пленить вас в Египте, он просто требовал отправить вас в Константинополь. То, что вы бежали, это плохо, возможно, какое-то время он будет разгневан, но я знаю и абсолютно уверен, что ни я, ни мой друг не пострадаем.

У меня есть еще одно условие, сеньор Абаджио. Это касается вас в большей степени, чем сеньора де Калье и Лючии. Я требую, чтобы только после моей смерти, когда об этом станет известно, вы вновь по памяти начертили карту, которая лежит сейчас на столе перед вами, и записали вновь все то, что видели. Даете ли вы слово поступить так, как я прошу?

Джероми задумался. Адмирал выполнял свое слово, хотя мог отказаться от него и тогда они были бы уже в заточении. Жизнь их завершилась бы в какой-то башне, далеко от стен родного дома.

— Я даю вам слово, адмирал Реис, что только после вашей кончины я вновь запишу все то, что видел, и составлю подробно карту, которую узнал благодаря этому путешествию.

Адмирал поклонился. Затем он подошел к Джероми, хлопнул по плечу и сказал:

— Если мне вновь понадобятся спутники в рискованном деле, какую придумать уловку, чтобы выманить вас из Генуи?

— Не нужно, адмирал. Мы бы хотели быть подальше от подобных путешествий. По правде сказать, я столько натерпелся страха! — сказал Лацио, опередив Джероми.

— Ну, что ж, как хотите, — усмехнулся Реис. Он пожал руку Лацио, а затем передал пояс, полный драгоценностей, Лючии.

— Только после того, как вы бежали с верфи и начали помогать мне, я понял, какое сокровище получил без выкупа сеньор де Калье.

— Ну, как же, адмирал! Выкуп был — я же дал этому малайцу деньги, которые, как вы сказали, вычтете из нашего вознаграждения.

Адмирал Реис снова улыбнулся.

— Жаль, что я забыл об этом, когда наполнял ваши пояса драгоценными камнями! Идите же, не заставляйте меня смущаться, я воин, и мне это не к лицу.

Джероми первый развернулся и вышел из комнаты. За ним последовала Лючия, вслед за ней — Лацио. На пороге он повернулся к адмиралу Реису и сказал:

— Адмирал, что бы ни случилось, помните: мы всегда были вам больше друзьями, чем врагами, хотя между нами пропасть, в которой лежат и религия, и вера, и культура.

В своей комнате Джероми с грустью в последний раз осмотрел записи, затем сложил все в большую коробку и вновь спустился в комнату к

адмиралу. Когда он вошел, тот писал записку для капитана корабля.

— Вот, адмирал, возьмите, пользуйтесь, хотя вы и так все знаете, ничего нового в этих записях нет, я все вам показывал.

— Благодарю вас, Джероми. Берегите себя. Я знаю, что впереди у вас опасное плавание, но другого выхода нет. Я верю и надеюсь, что в море будет хорошая погода. Будьте осторожны и помогите девушке.

— Все в руках Господа, адмирал Реис. Если мы останемся живы, то когда-нибудь об этом будет знать мой отец. Если будет знать он, то узнаете и вы.

— Ну, что ж, я буду счастлив, если вы доберетесь до Генуи. Мой вам совет: не особенно быстро тратьте те ценности, которые я вам дал. Пусть об этом поменьше знают. Идите, впереди вас ждет нелегкая дорога.

В сумерках слуга проводил их в порт. Большой военный корабль стоял возле причала. На оклик слуги офицер позвал капитана. Тот прочел записку, переданную ему Джероми и сказал что-то по-арабски. Ответила ему Лючия. Он пригласил их по трапу наверх и провел в небольшую боковую каюту. Матросы начали поднимать паруса и отдавать швартовы. Джероми подошел к борту. Среди суетившихся в сумерках грузчиков он увидел адмирала. Одетый в простую одежду, тот стоял на берегу совсем рядом от борта корабля и смотрел на Джероми. Джероми кивнул головой, адмирал Реис ответил таким же еле уловимым кивком, потом повернулся и исчез за камышовыми постройками.

Вернувшись в каюту, Абаджио стал истово молиться. Впереди ждала неизвестность. Жизнь или смерть? В который раз за прошедшие годы, он думал об этом: «Жизнь или смерть? Нужно выжить. Господи, помоги нам. Мы должны выжить!».

Почему-то ему вспомнились слова, услышанные из уст Али-бея:

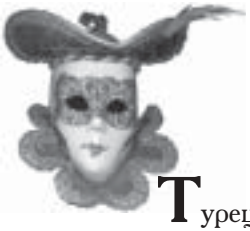
День минет, вместе с ним — суета,
Вновь на небе взойдет роковая звезда.
И вернется она, новой песней маня,
Твоя муза — любовница, мать и сестра...

«Господи!, — произнес вслух Джероми. — Помоги нам, защити и сохрани. Развязка близка. Помоги нам выжить!».

Глава 24.

Встреча

Скалы Мореи. — Лодка из небытия. — Рыбаки. — Догадка Джероми Абаджио. — Болезнь Кирилла. — Наваждение. — В бухте. — Венеция. — Письмо Селима.



Турецкое судно набрало ход. Лацио и Лючия укрылись в небольшой каюте, Джероми остался на палубе. Ветра сопутствовали тому, чтобы корабль быстро ушел от берега, но море было неспокойным. Джероми все время думал, как им удастся преодолеть расстояние от проходящего судна до берега.

Он несколько раз бывал на Крите, который принадлежал Венеции. Со всех сторон остров окружали скалистые берега, изрезанные небольшими бухтами. Если будет шторм, как им удастся выбраться на скалы? Хорошо, он и Лацио, возможно, смогут это сделать, а что будет с Лючией? Джероми ломал над этим голову, но решение не приходило.

Время шло. Быстро пролетела ночь, тучи, бегущие в сторону Европы, укрывали корабль, не давая ни рулевому, ни капитану, ни стоящему на палубе Джероми увидеть звезды. Под утро, когда на палубе, кроме рулевого, никого не осталось, к нему из-за спины неожиданно приблизился командир корабля.

— Завтра к ночи, — на плохом итальянском языке произнес он, — мы будем совсем рядом с островом. Если вы захотите, то там можете покинуть борт корабля. Для этой цели в вашей каюте заготовлена длинная витая веревка с завязанными узлами. К вечеру я дам команду часть парусов убрать, чтобы замедлить ход. Дальше все зависит от вас. Я и так выполняю это только потому, что являюсь должником адмирала. Если кто-то узнает, что я помог вам бежать, — мне не сносить головы. Единственное, что меня спасает, — это то, что у меня нет приказа пленить вас. По указанию султана вы должны прибыть в Стамбул добровольно.

Так же бесшумно, как и подошел, капитан удалился. Что ж, теперь нужно решать ему, Лацио и Лючии. Джероми пришел в каюту, где застал молодых людей сидящими друг против друга. Лацио с любовью смотрел на юную девушку. Джероми понимал, какие тревоги

мучают его сердце. Он подошел поближе и сказал:

— Завтра вечером, а точнее, к ночи, мы будем возле Мореи. Туда частенько заходят христианские суда других стран. Невдалеке от берега мы должны будем попытаться бежать. Решай, Лацио: может, вам с Лючией лучше остаться? Предприятие слишком опасное, может произойти всякое. А самое страшное, если мы не доплывем до берега. Я же буду бежать любой ценой. Решайте!

Вместо Лацио ответила Лючия:

— Мы все решили. Мы бежим вместе с тобой. Я уже была несколько лет в рабстве как служанка и не хочу быть больше рабой. Я иду с вами, и будь, что будет. Если Господь даст силы, мы выживем и выстоим. Если нет — то погибнем.

Джероми обернулся к Лацио.

— Послушай, я хочу, чтобы ты привязал небольшую веревку на талию Лючии. Попеременно мы будем помогать ей плыть. Что бы ни случилось, мы будем поддерживать ее на воде. Если волны попытаются унести ее, то Лючия будет привязана к нам. Ты понимаешь меня?

— Да, — угрюмо ответил Лацио.

— И нужно будет сбросить все вещи, чтобы легче было плыть.

— А как же наши пояса с подарками адмирала Реиса?

— Их мы тоже выбросим в море, если этого потребуют обстоятельства.

Весь день они не выходили на палубу. Ветер крепчал, и Джероми видел, как корабль все резче и резче зарывается в высокие водяные валы.

В сумерках стали отчетливо видны высокие берега скалистого острова. Как и обещал адмирал Реис, корабль проходил совсем рядом, и Джероми стало не по себе от удали турецкого капитана. Изменись ветер или смени свое направление огромные водяные валы, и корабль как щепку может бросить на выступающие из бурной пены утесы.

Джероми открыл небольшое окно в каюте, куда сразу же ворвался сильный ветер и шум прибоя. День догорал, и вода, покрытая пенными барашками, выглядела уже не темно-синей, а черной. На небе взошла луна. На их счастье, ночь была светлой. Задувший с берегов Африки южный ветер разогнал облака и тучи. Джероми размотал длинный канат толщиной в руку. На конце его был привязан большой ка-

мень. Аккуратно, стараясь, чтобы канат с грузом не ударялся о борт, он стал опускать его вниз. От окна их каюты до воды было не более трех метров. Судно то и дело заваливалось на один из бортов, и когда это происходило, казалось, что до воды можно достать рукой. Джероми стал спускаться первым. На нем были лишь тонкие рейтузы, подпоясанные двумя поясами, и простая холщовая рубаха. Камзол и остальные вещи он оставил в каюте.

Судно легло на бок, он почувствовал, как его ноги, а затем и он весь оказался в воде. Ныряя раз за разом, Джероми не выпускал канат из рук, удерживая его на необходимой высоте. Выныривая, он слышал, как собирали паруса. Вслед за ним в воду спустилась Лючия, которая оказалась у него на плечах. Джероми выпустил канат из рук и, схватив девушку за талию, увлек за собой. Они глубоко нырнули, но вскоре оказались на поверхности. Джероми обмотал на запястье канат, который был привязан к талии Лючии. Вынырнув, он увидел в нескольких метрах от себя корму уходящего корабля.

Луна осветила вынырнувший из морской пены борт, и Джероми стало ясно, что Лацио тоже в воде. Судно исчезло в ночи, и тогда он крикнул несколько раз, стараясь перекрыть шум ветра и волн. В ответ он услышал зычный крик Лацио и, подталкивая вперед Лючию, поплыл на этот крик.

Девушка держалась очень стойко и оказалась неплохим пловцом. Хотя волны и отбрасывали их, но через несколько минут, благодаря общим усилиям молодых мужчин, они объединились. Лацио стал подталкивать Лючию ближе к берегу. Скалы, нависшие над ними, были высоки. Джероми видел, что до них недалеко, но нужно приложить все силы, чтобы доплыть до них и взобраться на камни.

Вода была теплой, Джероми ощущал ее ласковое прикосновение. Но волны были гораздо больше, чем казались из каюты корабля. Раз за разом, поднимаясь на гребни, он надеялся, что они вот-вот достигнут скал. Но в следующее мгновение волна отбрасывала их назад. Борьба со стихией длилась долго, и Джероми почувствовал, что устает. Каково же было Лацио, который изо всех сил старался помочь Лючии?

Джероми подплыл ближе к нему и предложил помочь. Лючия сама хорошо держалась на воде, но сил перебороть высокие волны у нее не было. Они замешкались всего на несколько минут и, подняв-

шись на гребне волны, увидели, что находятся от берега дальше, чем были.

Новые усилия, предпринятые пловцами, не привели ни к чему. Джероми чувствовал, что устает все сильнее и сильнее, хотя пловцом был отменным. Время от времени у него возникал вопрос: «Что делать? Что будет с нами?». Ответа не было. Он высоко взмахивал руками, напрягал все тело, выталкивая его на поверхность сильными взмахами ног. Но берег не становился ближе. В лунном свете Джероми видел — их начинает сносить к тому месту, где не так давно прошел турецкий корабль. Вновь возник вопрос: «Что делать?». Он услышал приглушенный крик Лацио и поплыл к нему. Увидев, что Лацио поддерживает рукой совсем обессилевшую Лючию, Джероми понял, что бороться с волнами и течением они уже не смогут.

Что же делать? Оставить друзей и пытаться добраться до берега самому? Но тогда он не сможет им помочь. Лацио, перекрывая шум волн, с трудом удерживая дыхание, прокричал:

— Плыви, Джероми, плыви! Нам не выбраться.

Джероми не слушал его. Он обогнул Лацио и Лючию с наветренной стороны, обвил девушку за талию своей крепкой рукой и стал изо всех сил работать ногами, помогая Лацио удерживать ее на плаву. Усилия двух сильных мужчин не привели к успеху. Волны, отражаясь от скал, и сильное течение отталкивали их все дальше и дальше в открытое море. Джероми понял, что им не добраться до берега. Понял это и Лацио. Он уже несколько раз подныривал под Лючию и выталкивал ее на поверхность, заставляя дышать.

— Прощай, Джероми! — воскликнул он. — Прощай, мой друг!

— Держись, — прокричал Джероми, — мы должны бороться!

— Нет, Джероми, все кончено. Лючия без сознания, я не оставлю ее. Плыви, плыви! Может, тебе удастся спастись!

Джероми не слушал его. Он уже не греб в сторону берега, а только пытался поддерживать свое тело в воде так, чтобы можно было дышать. Отвернув голову от Лючии, он посмотрел на лунную дорожку, серебрившуюся тонкой полоской вдоль берега. Вот и все… Жаль, так и не увижу Изабеллу, подумал он. Кто поможет ей, кто поможет отцу?

Неожиданно совсем рядом с ними лунную дорожку пересекла тень. Джероми оставил Лючию и, взмахнув руками, вынырнул из воды.

Он увидел небольшую деревянную лодку, легко покачивающуюся на волнах.

«Это призрак, мираж», — подумал Джероми. Но лодка не исчезала, она как будто была привязана к лунной дорожке. Он взмахнул руками и поплыл к ней. Всего несколько гребков — и Джероми ухватился за мокрый, но реальный борт деревянного суденышка. Надо помочь Лацио, ему не доплыть сюда…

Он заставил лодку развернуться и, напрягаясь, поплыл к бесчувственной Лючии и терявшему последние силы де Калье.

Захлебываясь, Джероми кричал: «Сюда, Лацио, сюда! Разверн ись, разверн ись!».

Лацио услышал его голос и повернулся.

— Скорее, я помогу тебе, скорее! — вода попала ему в рот, забулькала и забила дыхание. Но Джероми продолжал плыть и вскоре, подхватив Лючию, потянул ее за собой. Лацио изо всех сил поддерживал девушку на воде. Лодка была рядом. Взмах, еще взмах — и, о чудо! Ему удалось ухватиться за непонятно откуда взявшуюся спасительную шлюпку…

Джероми совсем обессилел, Лацио с трудом удерживал Лючию — одной рукой за талию, другой держась за борт. Волны поднимали их и опускали. Остров удалялся все дальше и дальше.

Сколько времени они отдыхали, Джероми не знал. Время словно остановилось. Когда, наконец, он почувствовал прилив сил, то постарался привести в чувство Лючию.

Девушка приоткрыла глаза и застонала.

— Лацио, Лацио, она жива! Напрягись, прошу тебя, сейчас нужно напрячься!

Джероми поднырнул под нее и стал подсаживать наверх. Лацио помогал ему как мог, и вскоре им удалось перевалить Лючию через борт. Вслед за ней, полностью обессилевшие, в шлюпку забрались Лацио и Джероми. Внутри лодки было много воды, но она была на плаву. Два коротких нешироких весла лежали на банках. Лодка была старая, и казалось чудом, что она не утонула в таких волнах. «Слишком много чудес, — подумал про себя Джероми. — Как могло случиться, что здесь, у этого берега оказалась пустая, никому не нужная лодка?».

Но времени для размышлений у них было слишком мало. Дже-

роми вставил весла в уключины и начал грести. Он понимал, что к тому месту, куда они пытались доплыть, на лодке им не подойти. И поэтому стал грести вдоль берега, уже с трудом просматривающегося в лунном свете. Самое главное — дождаться утра.

— Как Лючия, Лацио?

— Она истощена и без сознания.

— Думаю, с ней будет все в порядке.

— Джероми, когда ты устанешь, я сменю тебя.

Остаток ночи прошел в борьбе с волнами. Им казалось, что берег становится то ближе, то дальше. Рассвет застал Джероми, Лацио и Лючию в полумиле от берега. Джероми сразу определил, что к югу, за невысокими скалами, находится бухта. Но хватит ли у них сил догрести туда? Этого он не знал. Сейчас нужно было отдохнуть. Волнение стало уменьшаться, и Джероми задремал.

Неожиданно его разбудил голос Лацио, который, с трудом поднимая весла, удерживал лодку в нужном направлении.

— Джероми, Джероми, очнись! Посмотри, парус! Совсем рядом — парус!

Джероми приподнялся и увидел, что к ним двигалась большая деревянная фелука под серым, заплатанным во многих местах парусом.

— Это спасение, Лацио! Это спасение…

Джероми закричал и замахал руками. Вскоре фелука подошла к ним. Пожилой грек со своими сыновьями, увидев их, подал длинную веревку и, переставив парус, стал приближаться к берегу. Войдя в бухту, фелука уткнулась носом в песок. Джероми, уже пришедший в себя, прыгнул в воду и потянул лодку, нос которой вскоре заскрежетал по прибрежной гальке.

Грек говорил невнятно, но Джероми понял, что он спрашивал, кто они и как приплыли сюда. Он стал объяснять ему, что они генуэзцы, показывая кресты на шеях. Грек закивал головой, повторяя все время: «Буря, буря, была сильная буря!». Джероми вторил ему: «Корабль утонул, наш корабль утонул!».

Они пробыли в небольшой рыбацкой хижине два дня. Из деревни, находившейся вглубине острова, рыбак привез одежду и привел повозку, запряженную двумя волами. Джероми и его друзья были настолько обессилены, что даже двухдневный отдых не прибавил им сил настолько, чтобы самостоятельно дойти до деревни. Их перевезли на

небольшой подводе. Греки встретили их хорошо и вскоре помогли добраться до небольшого порта, в котором командовал венецианский офицер. Это был молодой юноша, которому Джероми, Лацио и Лючия назвали свои вымышленные имена и рассказали небылицу о небольшом генуэзском судне, следовавшем из Генуи на Мальту, сбившемся с курса и оказавшемся в середине Эгейского моря.

Венецианец, хотя и сомневался в рассказанной истории, но поделать ничего не мог — уж слишком все это было похоже на правду.

— Я вижу, что вы не лазутчики.

— Нет, конечно, сеньор офицер. Я торговец, а мой друг с женой следовали на Мальту. Мы просим помочь нам с первым же проходящим кораблем вернуться в Италию. Попав домой, мы найдем возможность отблагодарить вас за великодушие, — сказал Джероми.

— Время от времени сюда заходят небольшие генуэзские суда. Что ж, я постараюсь помочь, но пока вы будете находиться здесь, не должны покидать форт. К вам будет приставлена охрана, а генуэзский капитан должен будет подтвердить, что вы — его соотечественники. Ежели нет, то я буду считать, что вы либо пираты, либо состоите на службе у Османской империи.

Прошла неделя. Джероми, Лацио и Лючия восстановили силы. Однажды они увидели на горизонте белые паруса, увенчанные красными крестами. Это было генуэзское судно, зашедшее на остров для того, чтобы пополнить запасы провизии и воды. Офицер встретил генуэзцев на причале. В то время Генуя и Венеция не состояли в военных действиях, и посему посещение судов одной стороны было разрешено так же, как и посещение другой.

Через окно небольшой комнаты, в которой они находились всю эту неделю, Джероми увидел, что венецианец, жестикулируя, рассказывает о людях, которые находятся у него на попечении, показывая в их сторону. Генуэзец кивал головой, и когда они подошли поближе, Джероми узнал в нем одного из своих учеников из навигацкой школы, который за то время, что Джероми находился в плавании, успел стать капитаном.

— Что сейчас будет, как ты думаешь, Лацио? Если этот молодой генуэзец назовет венецианцам наши настоящие имена, тогда беды не миновать! О нас ведь ходят легенды, мы и сейчас находимся в розыске Венецианской Республики…

В дверь постучали, она открылась — вошел командир форта и генуэзец. Было видно, что он сразу же узнал и Джероми, и Лацио, хотя лица их были обожжены и обветрены, оба они исхудали.

— Ну что, сеньор капитан, вы знаете этих людей? Вы можете подтвердить, что они генуэзцы? Они называют себя торговцами, эта вот супружеская чета якобы следовала на Мальту, а этот господин вез туда же, на Мальту, большой груз. Знаете ли вы их? Мне нужно будет, чтобы вы подтвердили это письменно.

— Да, я знаю этих людей. Они говорят вам правду. Всего три недели назад из Генуи ушло торговое судно, на котором эти люди отправились по своим делам. Видимо, судно утонуло…

Джероми начал подыгрывать молодому капитану:

— Сеньор офицер, мы не обманывали вас, нас знают все в Генуе. Мы славные торговцы, и сейчас нас заботят не только наши жизни, но и пропавший груз. Мы должны скорее добраться на родину, чтобы привести в порядок пришедшие в упадок дела!

Офицер, приподняв руку, перебил Джероми:

— Хорошо, но я хочу, чтобы вы подтвердили письменно, что знаете этих людей, и после этого я разрешу им отправиться с вами.

Офицер и капитан удалились. Джероми протянул руку и крепко сжал запястье Лацио. Лацио, высвободившись, нежно обнял Лючию. Они были спасены.

***

Джероми посмотрел на свои руки, покрытые старческими морщинами. Сегодня утром он закончил диктовать писарю все то, что произошло с ними во времена, когда они были пленены и путешествовали с адмиралом Реисом по морям и океанам. Почему он не записывал все это раньше, Джероми объяснить себе не мог.

Первое время, до того как он узнал о кончине адмирала (а умер тот в глубокой старости, достигнув 96-летнего возраста), он сдерживал слово, данное ему. Потом заботы и труды не давали времени.

За долгие годы, что он жил на свете, произошло множество открытий, в том числе была открыта Австралия — Южная земля, которую он видел у адмирала Реиса на картах, принесенных странным китайцем.

«Жизнь минула, — подумал Джероми. — Удивительно, как все быстро пролетело. Но та ночь, та странная ночь… Как все же оказа-

лась там эта лодка? Как мы выжили? Ведь это было провидение Господне. Только Господь мог послать ее тогда. Господи! Благодарю тебя!» — взмолился Джероми. Его молитву перебил стук в дверь.

Слуга открыл, и он услышал старческий голос своего друга:

— Джероми, выйди!

Джероми приподнялся, прихрамывая, вышел из своей комнаты. На пороге стоял Лацио, держа за руку маленького мальчика. Джероми посмотрел на мальчишку, и на глаза его навернулись слезы.

— Я знаю, почему ты никогда с ним не расстаешься. Сейчас я это окончательно понял. Ведь твой правнук лицом так похож на Лючию, твою верную жену, царство ей небесное и слава на небесах…

Лацио затрясся, слезы покатились по его щекам.

— Нет моей бедной Лючии, нет ее больше!

— Но у тебя есть внук, друг мой Лацио, а Лючия видит все с небес. Она подарила тебе столько детей, а они — внуков, а теперь и правнука. Будь счастлив, мой друг!

Он подошел к Лацио и обнял его. Мальчик протянул руку и стал теребить Джероми за камзол.

Так они и застыли в немой позе — старость и юность, прошлое и будущее Венецианской Республики.

Джероми зашептал:

Где же истина — на оружье точеном
Иль под сенью церков, устремившихся ввысь?
Полумесяц взойдет над империей новой
Иль восславит победу праведный крест…

***

Маленькая лодочка, словно послушный щенок на привязи, двигалась за уходящим все дальше и дальше от берегов Туниса кораблем. Наблюдая за ней, Кирилл получал удовольствие. Несколько раз в течение дня он притягивал лодку близко к борту, затем, попросив подстраховать его, спускался вниз.

Когда канат отпускали, лодка отходила далеко от корабля, и он раз за разом делал снимки движущегося под парусом судна. Зрелище было красивым. Гордая, высоко поднятая голова вела вперед, к неизведанным берегам.

Когда Кирилл в очередной раз забрался на борт, Ливан приблизился к нему и сказал:

— Я давно не видел тебя таким веселым. Что приводит тебя в такую радость? Неужели эта маленькая деревянная лодка?

— Ты знаешь, как это ни странно, именно она! Я радуюсь тому, что раз за разом мне удается видеть прекрасные обводы «Мелькарта». Как раньше мы не подумали о том, чтобы иметь такую помощницу в съемках судна?

— Я над этим никогда не задумывался. Мне казалось, что вполне достаточно тех двух-трех десятков снимков, что были сделаны раньше. Но раз ты так увлечен, то фотографируй. Только будь осторожен, ты же знаешь, какое сильное течение в кильватерной струе! Ведь мы идем 4-5 узлов, а это скорость достаточно большая. Вспоминаешь, как несколько раз мы пытались нырять у берегов Африки? А там ведь парус был почти присобран, и то — очень тяжело удавалось удержаться на поверхности, чтобы канат не затянул глубоко в воду…

— Да, помню. Я тогда с трудом поднялся на борт — хорошо, что мне помог Селим, руки совсем обессилели, такая усталость!

Корабль плыл вдоль берегов, скрывавшихся в дымке. Это были берега острова Мальта. Того самого острова, который стал для финикийцев форпостом колонизации Западного Средиземноморья. Затем его удобным положением пользовались карфагеняне, потом римляне. Во все века существования в Средиземноморье морских цивилизаций — Мальта, впрочем, как и Кипр, и Крит, была одним из тех мест, владение которым позволяло контролировать морские просторы.

Пройдя Мальту, «Мелькарт» лег на курс, благодаря которому через несколько дней должен был подойти к острову Крит. Первоначальный план, которого придерживался Ливан, — зайти в Египет — был невыполним. Ветра в этот период года дули с постоянной и ровной силой с берегов Африки в сторону Европы. Поэтому было сложно идти в полветра кораблю без киля и надлежащей осадки. Плавание от берегов Туниса к берегам Крита было более обоснованным. После него, в чем Ливан был абсолютно уверен, им удастся с такими же ветрами подойти к Кипру, а оттуда и в родной порт, в многоликий и многоязычный Бейрут, на берегу которого и был построен этот прекрасный парусник, выдержавший испытания как в океане, так и в Средиземном море.

Погода устойчивая, устойчивым был ветер и направление дви-

жения волн. Плавание доставляло радость всем, кто находился на борту судна.

На второй день к вечеру Кирилл почувствовал себя не очень хорошо. У него разболелась голова, и он понял, что начинается простуда.

— Что с тобой, Кирилл? — спросил его Фарид.

— Знаешь, Фарид, мне кажется, я простудился сегодня днем.

— Но ты же столько раз отправлялся на лодку и назад, столько раз нырял, снимал судно из воды…

Ничего удивительного. Ведь мы идем с достаточно большой скоростью, жарко, но ветер крепкий — вот тебя и просквозило!

Фарид позаботился о том, чтобы ему подали из аптечки лекарства, на которых все было написано арабской вязью.

— Что это, скажи мне?

— Не бойся, это не отрава. Это то же самое лекарство, что вы называете у себя аспирином. Ты прогреешься, и болезнь уйдет.

Ночью, под мерное покачивание судна на волнах, Кирилл чувствовал, как лекарства разгоняют кровь. Он сильно пропотел, но утром оказалось, что температура не нормализовалась. Фарид дал ему еще несколько таблеток. Кирилл принял их, но чувствовал себя неважно и не поднимался на палубу.

К вечеру четвертого дня они подошли к южной стороне острова Крит. Высокие берега, скалистые и опасные, были негостеприимны. На карте Ливан обнаружил удобную бухту, но вечером заходить в нее побоялся.

В глубине бухты лежало небольшое греческое поселение. В лоции было написано, что поселение это соединено с близлежащим городом хорошей, удобной дорогой. Здесь Ливан решил высадить Кирилла, чтобы тот мог добраться до Лимасола и оттуда улететь самолетом в Венецию. Как они и договаривались, плавание для него было завершено. В его дальнейшем присутствии экипаж больше не нуждался.

Кирилл сделал для судна очень много, впрочем, как и Селим, и вся команда была ему за это благодарна. А он был признателен своим новым друзьям за невероятно интересную экспедицию, в которой принял участие. Единственное, что расстраивало Кирилла, — не спадавшая уже несколько дней температура. Лекарства, которые давал ему Фарид, только временно оказывали свое действие.

Вечером Кирилл поднялся на палубу и попросил у Ливана раз-

решения последнюю ночь провести наверху, на воздухе. Внизу, в трюме, ему было душно — сказывались повышенная температура и отсутствие внутри судна хорошей вентиляции.

Кирилл устроился на носу, подложив себе небольшой поролоновый мат, и укрылся одеялом. На палубе, кроме него, никто не остался. Небо оставалось чистым, хотя волны возле берега были высоки. Видно, где-то в море прошел шторм и волна докатилась сюда. «Мелькарт» поднимался и опускался, но два якоря крепко удерживали его на месте.

Кирилл лег, вспоминая дни, проведенные на судне. Мысленно прощаясь с кораблем и экипажем, он не почувствовал, как задремал. Во сне он перенесся во времени и пространстве. Ему показалось, что вблизи берега он увидел в волнах барахтающегося Джероми, его друга Лацио и еще какую-то женщину. Мужчины поддерживали ее и, выбиваясь из последних сил, пытались приблизиться к скалистому берегу. Но волны раз за разом отбрасывали их назад. Кирилл видел, как несколько раз женщина уходила под воду, но нырявший за ней Джероми выталкивал ее на поверхность. Он видел, что борьба безуспешна и вскоре произойдет трагическая развязка.

Кирилл приподнялся, подошел к борту, стал кричать и жестикулировать, привлекая внимание своего далекого предка. Тот не слышал его. Тогда Кирилл отвязал маленькую лодочку, которая находилась вблизи корабля, и пустил ее по течению, продолжая призывать криком терпящих бедствие...

Неожиданно он очнулся. Над собой он увидел лица Ливана, Фарида и Фарика. Один из них держал его за руку, другой гладил по лицу. Кирилл почувствовал озноб, по лицу струился пот. Он видел, что солнце уже взошло, и через несколько минут пришел в себя.

— Что со мной произошло? Что случилось? — несколько раз переспрашивал он, обращаясь к ливанцам.

— Мы сами не знаем, Кирилл. Тебе ночью, видимо, было плохо, потому что ты метался по палубе, мы с трудом уложили тебя. К тому же ты отвязал и отпустил маленькую лодочку, которую купил в Тунисе.

— Где лодка, где она?

— Не знаем, ее унесло в море.

— Послушайте, мне снился странный сон. Мне снилось, что люди

терпели бедствие и я им помог, отпустив лодку. Не знаю, нагнали они ее или нет, спаслись ли они?

— Это болезнь, Кирилл. Ты бредил во сне, у тебя была высокая температура, жар. Как ты чувствуешь себя сейчас?

Ливан протянул ему градусник. Измерили температуру — она оказалась нормальной… Фарик и Фарид решили не давать ему больше таблеток. Они напоили его крепким чаем, и Кирилл почувствовал себя гораздо лучше.

Только сейчас он стал осознавать, что после того, как хитрый тунисец продал ему лодку, он чувствовал себя не в своей тарелке, все время нервничал, лодка постоянно притягивала его внимание… И вообще, как он сейчас понимал, он не совсем контролировал свое поведение все эти дни. И эта странная болезнь, вдруг взявшаяся ниоткуда… И это ночное приключение…

Пока Кирилл приходил в себя, члены экипажа сели на весла, развернули нос судна в сторону бухты. Ливан на руле, отбивая ровный ритм, очень скоро привел кораблик в красивую бухту, на берегу которой стояло несколько рыбацких домиков. На песке лежали вытащенные из воды лодки.

Когда «Мелькарт» ткнулся носом в песок и они хорошо привязали швартовые, Кирилл обратил внимание на то, что совсем недалеко от них, на песке, лежит та самая лодка, которую продал ему тунисец.

— Ливан, посмотри, вот лодка! Посмотри! Как она оказалась здесь?

— Не знаю, трудно понять…

К борту корабля подошел старый рыбак, много повидавший на своем веку. Они поздоровались, и Ливан попросил, чтобы члены экипажа не говорили между собой на арабском. Отношение на Крите, как и на соседнем Кипре, к туркам, да и вообще к арабам, — было не очень хорошим. Отношения греков и турков складывались непросто за последние столетия. Ливан, знавший неплохо греческий, переговорил с рыбаком и узнал, что раз в день в город уходит автобус. Грек также сказал, что им нужно позвонить в полицию, чтобы страж порядка засвидетельствовал их приход, посмотрел паспорта, уточнил цель визита.

Неожиданно грек что-то спросил Ливана, и тот перевел Кириллу:

— Он спрашивает, не наша ли это лодка? — грек показывал

пальцем на лодочку, принадлежащую Кириллу. — Он сказал, что сегодня утром обнаружил ее в море на рассвете и решил забрать с собой.

— Скажи ему, что это наша лодка, она отвязалась ночью, и мы будем благодарны ему, если он решит ее возвратить. А если не хочет, то пусть оставит ее себе, — ответил Кирилл и махнул рукой.

Вскоре прибыл полицейский. Он засвидетельствовал их приход, объяснил Кириллу, как ему добраться до центра города. Вежливо со своего мобильного телефона перезвонил в аэропорт и узнал, когда с Кипра летит самолет на Афины. Из Афин Кирилл сможет быстро улететь в Венецию.

Вечер прошел радушно. Был приготовлен вкусный ужин, и Кирилл, обнявшись с каждым из друзей, попрощался. После этого подошел к судну и нежно поцеловал его борт: «Это прекрасная экспедиция, слава Господу, что я участвовал в ней!» — прошептал он.

Его небольшой скарб был собран в один заплечный мешок, и рано утром Кирилл, дойдя до местной деревушки, сел в автобус и отбыл в Лимасол.

Перелет занял меньше часа, и, оказавшись в Афинах, он созвонился со своим старым другом Петрасом, так много сделавшим для проекта «Джинестра». Вскоре тот приехал в аэропорт. Прежде всего, грек порадовался, что Кирилл так здорово провел время, участвуя в сложной, но очень интересной экспедиции. У него было всего несколько часов, но за это время Кирилл успел позвонить в Венецию и попросил сеньора Монтезимолло встретить его. Успел он также поговорить и со своими немецкими друзьями, рассказал о том, что закончил экспедицию и возвращается на «Джинестру». Друзья были рады тому, что все прошло благополучно.

Пожав на прощание руку, Петрас пожелал ему удачи:

— Приезжай, я буду рад видеть тебя!

— Я бы с удовольствием, но видишь, как получалось за последние два года: переезды, перелеты, экспедиции… Все зависело не от меня. Может, так и должно быть. А может?.. — Кирилл замолчал.

— Ты всегда был фаталистом, Кирилл. Веришь в фатум — судьбу. Веришь в то, что должно произойти по воле высших сил. А я думаю, что за всем этим ничего нет, просто ты искатель приключений, авантюрист. Тебя каждый раз тянет в новые приключения. Долго ли

это продлится, не знаю, но желаю тебе счастья, и помни: здесь, в Греции, у тебя есть хорошие друзья...

Кирилл прошел регистрацию, самолет взлетел. Прошло немногим больше полутора часа, и в аэропорту Венеции его встретил сеньор Монтезимолло. Они обнялись. Пока Кирилл ждал свои вещи, он подробно рассказывал сеньору Монтезимолло о том, что произошло после их расставания в Венеции.

Кирилл говорил, но время от времени прерывал свой рассказ и расспрашивал итальянца о «Джинестре» и друзьях. Тот отвечал исключительно в восклицательной форме:

— Галера прекрасна, Кирилл! Тысячи, десятки тысяч людей побывали на ней. У тебя очень хороший экипаж, очень хорошие друзья. Они толерантны, добры! С радостью принимают на борту людей. Судно чистое, экипаж всегда в прекрасной форме! Мы очень рады, нет, счастливы, что ты принял решение и галера побывала в Венеции этим летом. Будь моя воля, то я бы предложил ей программу и на следующий год. Об этом говорил и мэр Венеции, и другие высокопоставленные особы, которые побывали на ее борту.

— Будет видно, сеньор Монтезимолло. Я не могу сейчас принять никакого решения, вы же знаете, что у меня еще обязательства перед немецкими друзьями.

— Знаю, но не спешите с ответом. Кирилл, подумайте. Финансовые вопросы решены, экипаж получает хорошую зарплату. Еще раз говорю: мы очень рады тому, что корабль стоит в Венецианском заливе.

Вскоре они приехали на автостоянку возле старенького железнодорожного вокзала, и дальше Кирилл и сеньор Монтезимолло пошли пешком. Когда они вышли на площадь Святого Марка, то еще не доходя набережной увидели расцвеченную флагами, стоящую на двух якорях галеру. На борту было много людей. Небольшие катерки подходили к судну и отходили от него, перевозя туристов. Кирилл сразу же увидел на палубе Олега и Виктора. Он замахал им руками, те заметили его и стали отвечать. Сеньор Монтезимолло договорился, и их перевезли на борт галеры. Объятия, приветствия, радость встречи…

Два дня, прошедшие после этого, были посвящены рассказам о путешествии Кирилла и о том, как галеру «Джинестра» принимали в Венеции. Кирилл был доволен. Он встретился с сеньором Данио, побывал в мэрии, где был тепло принят руководителем города. Настро-

ение у него было приподнятое. Он не вспоминал невзгоды, которые выпали на его долю год тому назад.

Не вспоминал он и Жанну. В прошлое канула автомобильная авария, только изредка боль в шее напоминала о ней. Во время экспедиции он не чувствовал ее, хотя там каждый день, каждый час, каждую минуту все тело было напряжено. Здесь, на отдыхе, он расслабился и почувствовал, что боль начинает беспокоить его все чаще. Кирилл рассказал об этом сеньору Монтезимолло, и тот пообещал связаться со специалистом, который осмотрит его позвонок, сделав предварительно несколько снимков.

— Знаете, Кирилл, что я хочу вам сказать? — проговорил сеньор Монтезимолло, сидя в небольшой каюте, которую друзья оставили Кириллу. — Ничего в этой жизни не проходит бесследно. Наверное, вы уже это поняли. Боль — это расплата за прошлое.

— Вы считаете, что в жизни все взаимосвязано, сеньор Монтезимолло? Вслед за хорошим обязательно должно следовать плохое?

— Нет, это не совсем так, но вполне вероятно. И уж совершенно точно, что за все необходимо платить, и за хорошее, и за плохое.

А сейчас расслабьтесь, присядьте поудобнее. — Сеньор Монтезимолло провел перед его лицом рукой. Он услышал счет... и уснул...

Когда Кирилл проснулся, в каюте никого не было.

Он зажег настольную лампу и удобно расположился в кресле. Боль прошла, и он мысленно поблагодарил сеньора Монтезимолло: «Все-таки он великолепный врач — и психотерапевт, и гипнотизер, он умеет влиять на людей...».

Дверь в каюту открылась. Вошел Виктор и молча протянул конверт. Кирилл посмотрел на обратный адрес. Письмо пришло из Стамбула.

Он вскрыл его и вынул десятка два страниц. На первой из них он прочитал письмо Селима:

«Как я писал тебе ранее, завершились успехом поиски архива моего далекого предка, адмирала Реиса. Было найдено более двадцати страниц его дневников и архивных записей. Интересно и то, что часть из них написана на арабском языке, а часть — на латыни. Написано все это на прекрасном пергаменте, я снял для тебя копии. Честно говоря, на тех листах, которые я посылаю, самым интересным, на мой взгляд, являются не сами записи, а рисунки. Посмотри — если они

тебя шокируют, не пугайся. Я уже который день после их получения нахожусь в стрессовом состоянии. И совершенно не знаю, что об этом думать…».

Кирилл резко отбросил письмо и развернул страницы копий. На первой же он увидел свой портрет. Вздрогнув, а затем и вскрикнув, Кирилл машинально прикрыл рот рукой.

Перевернув лист, увидел конскую голову — точно такую, какая была на их «Мелькарте»… Боже, что это? Он переворачивал один лист за другим и еще в одном месте увидел свой профиль.

«Как это может быть? Как могло произойти так, что мой далекий, далекий предок сумел нарисовать меня? Или же это он сам? Неужели мы так похожи?». На других листах были другие рисунки и подписанный автопортрет Джероми Абаджио. У них и правда было сходство, но Джероми имел нос с большой горбинкой, у Кирилла же, как в жизни, так и на этих изображениях, нос был ровный.

Он вновь вздрогнул и чуть было не потерял сознание, как тогда, когда обнаружил портрет адмирала Абаджио в музее Венеции. Но заставил себя собраться и вновь просмотреть присланные Селимом рисунки. Вот она, встреча, новая встреча, которая произошла здесь, в Венеции…

На одном из листов он обнаружил написанное латинской вязью четверостишие, которое прочел, с трудом перевел для себя, а затем произнес вслух:

Вновь багряный закат расплескал капли крови,
Насмерть бьются клинок и кривой ятаган.
Лик усталый Христа призывает к любови,
Нет, твердит Магомет, верен только Коран.

Содержание

Глава 1. Откровение 4
Глава 2. Сеанс гипноза 20
Глава 3. Секретное поручение 38
Глава 4. Ноев ковчег. Часть первая. 58
Глава 5. Город Константина 74
Глава 6. Ноев ковчег. Часть вторая. 90
Глава 7. План адмирала Реиса 104
Глава 8. Финикийский конек 124
Глава 9. «Возмещение» 140
Глава 10. Телефонное признание 164
Глава 11. На островах колдунов 184
Глава 12. По дороге в Брест 202
Глава 13. Адмирал Васко да Гама 218
Глава 14. Дорога за оловом. Часть первая. 236
Глава 15. Волна-убийца 256
Глава 16. Дорога за оловом. Часть вторая. 280
Глава 17. Лючия 294
Глава 18. Дорога за оловом. Часть третья. 318
Глава 19. Божественный ветер 338
Глава 20. К берегам нового города 354
Глава 21. Карта 372
Глава 22. Кархадашт 388
Глава 23. Освобождение 406
Глава 24. Встреча 420

ББК 84(4Укр-40де-20д 63-444)
УДК 821.161.2'06(470-311.3)
И $\frac{4702640201}{2004}$

ISBN 966-389-042-8

Компьютерный дизайн и верстка А.В.Втюрин
Художник Т.Н.Терновая
Технический редактор В.В.Котов
Корректор Н.И.Бессараб

Подписано в печать с готового оригинал-макета 08.02.2006 г.
Формат 60x84/8. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Условных печатных листов — 55.
Тираж 1000 экз. Заказ №33.

Без объявления

Издательско-полиграфическое предприятие «Печатный дом»
Свидетельство ДК №1732 от 29.03.2004
г.Одесса, Итальянский бульвар, 1
Тел. 32-82-04